

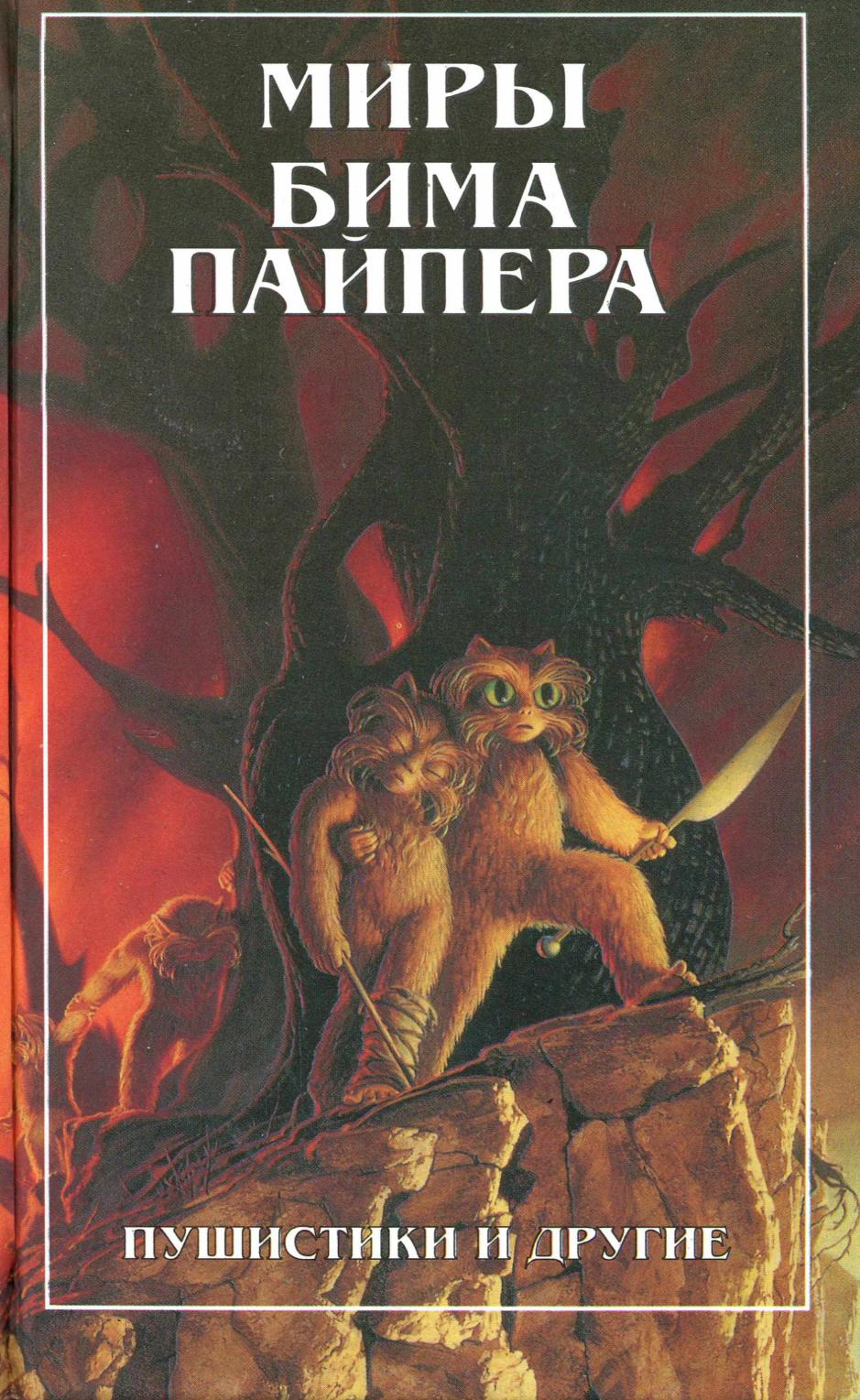
МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

• ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ

БИМ ПАЙПЕР

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ

КОСМИЧЕСКИЙ

ВИКИНГ

ИМПЕРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРНС»

1997

Миры Бима Пайпера. Пушистики и другие /
Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 383 с.

В эту книгу вошел заключительный роман трилогии об очаровательных инопланетянах-пушистиках «Пушистики и другие», а также авантюрно-приключенческий роман «Космический викинг» и рассказы из цикла «Империя».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчиков. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрация на обложку печатается с разрешения художника и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского, Россия

Fuzzies and Other People
Copyright © 1964 by H. Beam Piper

The Space Viking
Copyright © 1963 by H. Beam Piper

A Slave Is a Slave
Copyright © 1962 by H. Beam Piper

Ministry of Disturbance
Copyright © 1958 by H. Beam Piper

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, составление,
название серии, 1997

ISBN 5-88132-336-X

ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ

Глава 1

Официально на всех пятистах с лишним населенных людьми планетах Терранской Федерации было четырнадцатое сентября 654 года атомной эры. Но на Заратушtre был первый день нулевого года эры пущистиков.

Это не был день, когда пущистики были открыты. То случилось в начале июня, когда старый Джек Холлоуэй обнаружил незнакомое маленькое существо, притаившееся в душевой кабинке у него в лагере в долине Холодноструйки на континенте Бета. Он подружился с незваным гостем и назвал его Маленький Пущистик. Через неделю в гости к Джеку заявились еще четыре взрослых пущистика с младенцем, и их увидел Беннет Рейнсфорд, бывший тогда полевым исследователем института ксенологии. Для него эти существа тоже оказались совершенной новостью. Он назвал этот отряд «холлоуэевыми», в честь их первооткрывателя, род — пущистиковые, вид — пущистик Холлоуэя: пущистик пущистиковый из отряда холлоуэевых.

Пущистики оказались двуногими прямоходящими, ростом около двух футов, весом от пятнадцати до двадцати фунтов; тела их были покрыты мягким золотистым мехом, руки — пятипалые с противостоящим большим пальцем, большие глаза, поставленные достаточно близко, обеспечивали стереоскопическое зрение, а черты лица отчасти напоминали гуманоидные. Они, похоже, не имели понятия об огне и, насколько могли судить Холлоуэй и Рейнсфорд, не владели членораздельной речью. Тогда еще не было известно, что они разговаривают в ультразвуковом диапазоне. Однако пущистики делали кое-какие орудия, и их разумность изумила обоих людей. Едва увидев их, Рейнсфорд настоял на том, чтобы Джек составил подробный отчет о своем открытии.

Через двадцать четыре часа это сообщение услышали многие. Одним из них был Виктор Грего, главный менеджер лицензиированной компании «Заратуштра». Если эти пущистики и в самом деле были разумными существами (что казалось вполне вероятным), Заратуштра автоматически переходила в разряд обитаемых планет четвертого класса. Соответственно, полученное Компанией

монопольное право на разработку Заратуштры, необитаемой планеты третьего класса, столь же автоматически аннулировалось.

Первым побуждением Грего было бороться, а он был находчивым, решительным и безжалостным противником. Он не был глуп — в отличие от некоторых своих подчиненных: через неделю о пущистиках узнала вся планета, потому что сотрудник Компании по имени Леонард Келлог был привлечен к суду по делу об убийстве (которое определяется как неоправданное лишение жизни разумного существа какой бы то ни было расы) за то, что убил пинком пущистика по имени Златовласка. Одновременно с этим был привлечен к суду Джек Холлоуэй: он пристрелил охранника Компании, который пытался помешать ему набить Келлогу морду. Исход обоих дел, неразрывно связанных друг с другом, зависел от того, будут ли пущистики признаны разумными существами или просто милыми зверюшками. Официально дело называлось «Народ колонии Заратуштра против Келлога и Холлоуэя», но с легкой руки адвоката Холлоуэя, Гаса Браннарда, все стали называть его «Друзья маленьского пущистика против лицензированной компании».

Пущистик и его друзья выиграли дело, и когда четырнадцатого сентября председатель суда Фредерик Пендарвис стукнул молотком и объявил приговор, который должен был войти в анналы юридической истории Федерации под названием «Решения Пендарвиса», Заратуштра стала обитаемой планетой четвертого класса. Космофлот должен был обеспечивать порядок, пока не будет сформировано колониальное правительство, и Беннет Рейнсфорд был назначен генерал-губернатором. Лицензия Компании заняла место рядом с законами Хаммурапи.

А «пушистик пущистиковый Холлоуэй» сделался «пушистиком разумным заратуштрианским».

Глава 2

Он не знал, что его зовут пущистиком. Он и его сородичи называли себя «гашта» — «Народ», если вообще как-то называли.

Разумеется, есть еще всякие звери, но они не Народ. Они не умеют разговаривать, с ними нельзя дружить. Некоторые из них большие и опасные, как трехрогие хеш-назза, или «визгуны», что охотятся по ночам, или годза, что летают на больших крыльях и бросаются на добычу сверху — самые страшные из всех. А другие, наоборот, маленькие и съедобные. Самые вкусные — это затку, многоногие существа, которые прячутся в траве. У них крепкий панцирь, а в панцире — сладкое белое мясо. Ты охотишься и убиваешь, чтобы есть, и стараешься, чтобы тебя не убили и не съели, и чтобы жизнь была как можно приятнее.

Приятно охотиться, если есть добыча и если ты не очень голоден. Приятно перехитрить какого-нибудь зверя, который охотится за тобой, и убежать от него. Приятно играть и гоняться друг за другом по лесу и находить что-нибудь новое и неизвест-

ное. Приятно устроить удобное логово, сбиться в кучку и болтать, пока не уснешь. А потом, когда солнце снова выберется из своего логова, будет новый день, и снова случится что-нибудь новое и интересное.

Так было всегда, с тех пор, как он себя помнил. А помнил он себя очень давно. Он уже не мог сосчитать, сколько раз на его памяти листья желтели и краснели, а потом высыхали и опадали с деревьев. Все те, кто был в их стае, когда он был маленьким, давно уже умерли, погибли или куда-нибудь ушли. Зато в стае появились другие. И теперь его зовут Тоши-Соско — Мудрый-Тот-Кто-Лучше-Знает, — и делают все, как он скажет. Так стало с тех пор, как Старая «сделалась мертвой». Маленькая, которая идет сейчас рядом с ним, — дочь Старой, одна из немногих детей гашта, которые рождаются живыми и выживают.

Маленькая увидела куст красных ягод еще раньше его и с удивлением вскричала:

— Смотрите, красные ягоды! Они еще не кончились, и их можно съесть!

Для красных ягод было поздновато: они по большей части уже потемнели и сделались твердыми и невкусными. И новые теперь появятся нескоро, только когда на деревьях снова распустятся листья и птицы начнут вить гнезда. А пока есть другие съедобные вещи: на деревьях, которые они все знали, скоро поспеют большие коричневые орехи, мягкие и вкусные внутри. Он очень любит орехи. Но все-таки почему все вкусные вещи не могут быть одновременно? Вот было бы замечательно... Но так было всегда.

Они толпились у куста, стараясь не уколоться об острые шипы, обрывали ягоды, набивали рты, выплевывали семечки, смеялись и говорили о том, какие вкусные эти ягоды и как им повезло, что они нашли их так поздно. Кое-кто из молодежи на радостях даже забыл об осторожности.

— Следить, все время следить, смотреть, слушать! — упрекнул их Мудрый. — Вы не следите — кто-нибудь придет и съест вас.

На самом деле сейчас им ничто не угрожало. Поблизости не было зверей, которых стоит бояться, и никто из них не мог услышать голоса Народа. Однако об осторожности забывать не следует. Забудешь — тут-то тебя и сделают мертвым.

Быть Мудрым совсем не приятно. Другие все время ждут, что он будет думать за них. Это нехорошо. А вот предположим, его сделают мертвым — и кто будет думать за них тогда? Они съели все ягоды и стояли, ожидая, пока он скажет им, что делать дальше.

— Что делать теперь? — спросил он. — Куда идти?

Они все смотрели на него и не знали, что сказать. Наконец Другая, присоединившаяся к стае между временем птичьих гнезд и земляных ягод, перед последним листопадом, сказала:

— Охотиться на затку. Быть может, найти затку для каждого.

Она имела в виду, что каждому достанется по целому затку. Но ведь так не бывает. Затку не бывает так много. Позавчера они нашли двух, и каждому досталось всего по несколько кусочков. К тому же здесь, среди скал, они затку не найдут. Затку сейчас откладывают яйца и ищут мягкую землю, чтобы вырыть норы. Но здесь можно найти хатта-зосса. Он видел молодые деревца с обгрызенной корой. Хатта-зосса вкусные. Если им удастся убить двух-трех, им хватит мяса и никто не останется голодным.

К тому же убивать хатта-зосса приятно. Они почти такие же большие, как Народ, у них сильные челюсти и острые зубы, и они отчаянно защищаются, если загнать их в угол. Он предложил охотиться на хатта-зосса, и все тут же согласились.

— Хатта-зосса живут среди скал, — сказал молодой самец, которого звали Собирателем. — Скал больше на вершине холма.

— Найти течь-вода, — предложила Большая. — И идти вдоль нее туда, где она выходит из земли.

— Смотреть, где хатта-зосса объест кору.

Это сказал Хромой. На самом деле он хромым не был, но однажды он повредил ногу и некоторое время хромал, и с тех пор все звали его Хромым, потому что не могли придумать, как звать иначе.

Они пошли вперед, растянувшись в линию, так, чтобы видеть своих соседей. На ходу они охотились — наполовину играючи, потому что они только что наелись ягод, а когда они найдут хатта-зосса, мяса хватит на всех. Один раз Мудрый остановился у полусгнившего бревна, ткнул в него заостренным концом своей дубинки и нашел вкусных белых личинок. Пару раз он слышал, как кто-то охотится на мелких желтых ящерок. Наконец они вышли к ручейку, остановились и по очереди напились, не переставая смотреть по сторонам. Потом они прошли по ручью вверх до источника.

Здесь хорошо будет спрятаться, если за ними кто-нибудь погонится. Над источником смыкались кроны деревьев с острыми сучьями; годз сквозь них не проберутся. Мудрый сказал об этом, и прочие согласились. А наверху, за деревьями, виднелся желтый утес. Хатта-зосса любят такие места. Прочие держались позади, предоставляя ему вести стаю, и следовали за ним, растянувшись цепочкой. Временами кто-нибудь указывал на деревья, объеденные хатта-зосса. Потом они вышли к тому месту, где кустарник кончался, к лужайке у подножия утеса.

Там было семь хатта-зосса, серых зверей высотой в холке по пояс гашта. Все они объедали кору деревьев. Всех перебить не получится, но, если удастся убить хотя бы трех-четырех, мяса хватит всем, чтобы наесться до отвала. К этому времени все уже набрали камней и теперь несли их на сгибе локтя. Мудрый коснулся Хромого концом своей дубинки.

— Ты, — сказал он. — Камнелом. Другая. Идите назад в кусты, обойдите с другой стороны. Мы ждем тут. Вы гоните хатта-зосса на нас, убиваете сколько сможете.

Хромой кивнул. Он и его спутники бесшумно растворились в кустах. Мудрый и прочие долго ждали, но наконец они услышали крик Хромого, который хатта-зосса слышать не могли:

— Готовьтесь! Мы идем!

Мудрый держал наготове камень. Хромой, Камнелом и Другая выскочили из кустов, швыряя камнями в хатта-зосса. Другая сбила с ног камнем одного из хатта-зосса и раздробила ему голову дубинкой. Сам Мудрый оглушил камнем другого; он швырнулся второй камень, промахнулся и бросился вперед, размахивая дубинкой. Вокруг слышались крики и мелькали пушистые фигуры. А потом все было кончено; они убили четырех, еще трое убежали. Охотники хотели погнаться за ними.

— Нет, — сказал Мудрый. — У нас есть мясо, мы едим. Потом мы уходим, хатта-зосса приходят назад. В следующее светлое время, после темноты, мы вернемся и убьем еще.

Другие не загадывали так далеко вперед. Вот почему они охотно разрешали Мудрому думать за них. Они стали оглядываться в поисках камней, которые можно было бы разбить и осколками разделать хатта-зосса, но все камни здесь были мягкие. Придется обойтись зубами и руками. Они помогали друг другу: один становился на шею хатта-зосса, а двое других раздирали его за задние ноги; камнями разбивали кости, как молотками.

Поначалу они ели жадно и молча, потому что в последний раз им довелось отведать свежего мяса вчера, в то время, когда солнце выше всего. Потом, заморив червячка, они принялись есть помедленнее, беседуя об охоте и похваляясь своими подвигами. Мудрый нашел плоскую коричневую штуку, очень вкусную; половину съел сам, половину отдал Маленькой. Прочие тоже находили лакомые кусочки и делились ими с другими.

Вот тут-то он и услышал страшные звуки — не столько даже настоящий шум, сколько некую дрожь в мозгу. Прочие тоже услышали их и перестали есть.

— Годза летят, — сказал он. — Два годза.

Все поспешили взглянуть наверх и принялись отдирать куски и набивать рты мясом. Им недолго осталось пировать. Мудрый поднял руку, чтобы защитить глаза от солнца, и увидел приближающегося годза: узкое тело меж широких заостренных крыльев, заостренная голова, длинный хвост. Годза был ближе, чем хотелось бы, и Мудрый был уверен, что зверь заметил их. За ним летел другой, а еще дальше — третий. Это плохо.

Гашта подхватили свои дубинки и мясистые задние ноги хатта-зосса, которые они оставили на потом, на случай, если придется удирать. Первый годза уже разворачивался, чтобы спикировать на них, и они собирались нырнуть под деревья, когда случилось нечто ужасное.

С вершины утеса над ними раздался звук, оглушительный, словно гром, но более короткий и резкий — Мудрый никогда еще не слышал такого звука. Ближайший годза судорожно взмахнул крыльями и камнем рухнул вниз. Раздался еще один звук, похожий на первый, но более высокий и не такой громкий; следующий годза тоже упал, упал на дерево, ломая ветки. Третий звук, точно такой же, как первый — и третий годза упал куда-то в лес. Потом наступила тишина.

— Годза сделался мертвый! — воскликнул кто-то. — Что это сделало?

— Шум-гром убил годза; может быть, убьет потом нас?

— Плохое место! — вопил Хромой. — Бежать, быстро!

И они бросились бежать обратно к источнику, унося с собой столько мяса, сколько могли захватить. Теперь все было тихо, только птицы верещали, напуганные этим грохотом. Но наконец и птицы умолкли. Теперь слышалось лишь журчание насекомых. Гашта принялись есть. Через некоторое время раздался новый звук, пронзительный, но не сказать чтобы неприятный. Некоторое время он перемещался где-то рядом, потом начал удаляться и затих. Птицы снова принялись тихо чирикать.

Народ ел и обсуждал случившееся. Никто из них не знал, что на самом деле случилось, и большинству хотелось убраться отсюда как можно дальше. Быть может, они были правы; но Мудрому хотелось разузнать, что же все-таки произошло.

— Появилось новое, — говорил он своим сородичам. — Никто никогда не говорил о таком. Это новое убило годза. Если оно будет убивать только годза, оно хорошее. Если оно будет убивать Народ тоже, оно плохое. Мы не знаем. Лучше узнать сейчас, тогда мы остережемся. — Он закончил обрызгать большую кость, отшвырнул ее, вымыл руки, вытер их о траву и взял свою дубинку. — Пошли. Возвращаемся. Может, узнаем что-нибудь.

Прочим было страшно, но так сказал Мудрый-Тот-Кто-Лучше-Знает. Если он думает, что надо вернуться, значит, надо вернуться. Все-таки иногда хорошо, когда один думает за всех. Не приходится тратить времени на споры.

Первый годза лежал на лужайке у подножия утеса, и птицы фики уже начали его клевать. Это хорошо: птицы фики не клюют того, что еще подает признаки жизни. Когда Мудрый и остальные подошли ближе, фики разлетелись с недовольными криками.

Под крылом годза была маленькая кровавая ранка, словно туда втыкали острой палкой. Только где же ты возьмешь такую палку, чтобы она проткнула эту чешуйчатую шкуру! Потом Мудрый заглянул с другой стороны и издал изумленный вопль, на который сбежались остальные. Та штука, которая проткнула годза, прошла насквозь, оставив большую зияющую рану! Наверно, годза действительно убил гром, хотя небо было чистое: Мудрому случалось видеть, что бывает, когда молния попадает в дерево.

Он осмотрел другого годза, того, что упал на дерево. У этого была дырка под подбородком и вся верхняя половина черепа снесена начисто. Он думал пойти посмотреть на третьего годза, который упал в лес, но потом решил, что не стоит возиться. Прочие в изумлении обсуждали случившееся. Никто никогда не слышал, чтобы кого-то убивали таким образом.

Поначалу Мудрому не удалось никого убедить подняться на вершину утеса, и потому он полез туда один. Но не успел он подняться наверх, как к нему присоединились все остальные: им стало стыдно сидеть внизу. На вершине деревьев не было, только отдельные кусты, редкая травка и песок. Все было тихо и обыкновенно — до тех пор, пока он не увидел следы.

Им никогда прежде не доводилось видеть существа, которое оставляло бы такие следы. Отчасти они напоминали следы Народа. Существо, оставившее их, передвигалось на двух ногах. Но здесь не было отпечатков пальцев: сплошная плоская подошва, расширяющаяся посередине и сужающаяся с одного конца, и еще след пятки, похожий на вывернутое задом наперед копыто. Следы были огромные, раза в три больше следов Народа. И то существо, что оставило их, перемещалось огромными шагами — больше роста гашта! Здесь ходили два существа, но их следы почти не отличались по форме и размеру.

А быть может, эти следы оставили существа, принадлежащие к какому-нибудь огромному Народу? Нет, этого не может быть. Народ есть Народ, другого Народа быть не может. По крайней мере, Мудрый никогда не слышал о другом Народе. Хотя ведь он никогда не слышал и о штуке, которая убивает годза на лету звуками, похожими на гром...

На вершине утеса недавно лежало что-то огромное и тяжелое: оно поломало кусты, примяло траву и даже раздавило несколько камней. Вокруг того места, где оно лежало, все было истоптано странными следами. Наверно, эти существа принесли эту большую и тяжелую штуку с собой, а потом снова унесли обратно. Значит, они и в самом деле очень сильные.

И это значит, что они действительно некий Народ. Только Народ носит вещи с собой. Один из самцов, которого все звали Пыряло, потому что он предпочитал пользоваться острым концом дубинки, тоже подумал об этом.

— Принесли сюда большую штуку, потом унесли. Надо искать следы, куда они ушли. Тогда мы пойдем в другую сторону.

Пыряло не стал ждать, когда Мудрый все обдумает и скажет, что делать. Мудрый это запомнит. Он научит его всему, что знает сам. Тогда Пыряло сможет водить стаю, если он, Мудрый, умрет. Гашта принялись искать следы, ведущие от того места, где лежала тяжелая штука, к краю утеса. И там-то Маленькая нашла первую блестячку.

Она вскрикнула, подняла ее и показала всем. Зря она это сделала: неизвестно, что такое эта находка. Но блестячка не

причинила ей вреда, и Мудрый взял ее у Маленькой, чтобы разглядеть получше. Она была неживая и, похоже, никогда не была живой, хотя в этом Мудрый уверен не был. Есть вещи живые, которые движутся, например Народ и звери; есть живые вещи, которые «делают мертвыми». Есть вещи растущие: деревья, травы, плоды, цветы. И есть вещи земляные: камни, скалы, песок и все такое. Обычно про любую вещь можно сразу сказать, какая она; но не про эту штуку.

Она была желтая, яркая и блестела на солнце. Длинная, круглая, чуть длиннее его ладони, с одного конца открытая, с другого закрытая. Ближе к открытому концу она резко сужалась, и снова шла прямо. Вокруг закрытого конца шла бороздка, а посередине была ямка, не желтая, а белесая, словно здесь воткнулось что-то острое и твердое. Вокруг вмятины были странные отметины. Мудрый понюхал открытый конец. Резкий горьковатый запах, совершенно ему незнакомый.

Вскоре Камнелом нашел еще одну блестячку, чуть поменьше и более суженную к концу. Потом Мудрый нашел третью, точно такую же, как та, что нашла Маленькая.

Три удара грома, один чуть тише остальных. Три блестячки, одна чуть меньше двух других. Два вида блестячек — два вида больших следов. Возможно, это что-то значит. Это надо обдумать. Следы были повсюду вокруг, они вели к краю утеса и от него, но никаких следов в сторону не обнаружилось.

— Может, они летают? — предположил Пыряло. — Как птица, как годза.

— И носят большую тяжелую штуку? — недоверчиво переспросила Большая.

— А как еще? — настаивал Пыряло. — Они пришли, они ушли. Нет следов на земле — летают по воздуху.

Вдалеке кружил годза. Мудрый указал на него. Скоро сюда слетится много годза, чтобы есть тех, которых убили. Годза едят своих мертвых — это еще одна причина, почему Народ ненавидит годза. Лучше уйти сейчас. Скоро годза подлетят совсем близко и смогут их увидеть. Он уже слышал слабое хлопанье их крыльев.

Хлопанье крыльев! Так вот что они слышали тогда у родника — этот пронзительныйibriующий звук был, должно быть, хлопаньем крыльев летающих великанов.

— Да, — сказал он. — Они летают. Мы их слышали.

Он снова взглянул на блестячку, которую держал в руке, сравнивая ее с двумя другими. Маленькая сказала:

— Блестячки красивые. Оставим себе?

— Да, — ответил ей Мудрый. — Оставим.

Мудрый осмотрел отметины на закрытом конце блестячки, которую держал в руке. Отметины бывают на всяких вещах: на плодах, на камнях, на крыльях насекомых, на панцирях затку. Интересно найти штуку с незнакомыми отметинами и погово-

рить о том, на что они похожи. Таких отметин еще никто не видел: «ЛКЗ 9,7 мм».

Он не стал думать о том, что значат эти отметины. Отметины ничего не значат. Они просто есть, и все.

Глава 3

Джек Холлоуэй подписал документ — приказ о производстве патрульного Феликса Краевски, Заратуштрианские силы охраны аборигенов, в капралы — и бросил его в ящик исходящей документации. Прилетевший через открытые двери панельного бара-ка легкий прохладный ветерок принес с собой шум стройки, смешавшийся с журжанием и пощелкиванием клавиш компьютеров и роботов-клерков, доносившимися из-за перегородки, где находился главный офис. Джек положил ручку, пригладил усы, достал трубку и раскурил ее, после чего взял из ящика входящей документации еще одну бумагу.

Разрешение на уплату пятисот пятидесяти солов, компенсация за ущерб, нанесенный урожаю пущистиками; факт нанесения ущерба проверен и подтвержден майором ЗСОА Джорджем Лантом. Холлоуэй вспомнил об этом инциденте: племя лесных пущистиков как-то проскользнуло сквозь цепь постов Джорджа в южную часть Пьедмонта, забралось на сахарную плантацию и вволю попировало. Пущистики уничтожили максимум десятую часть тех саженцев сахарного тростника, которые все равно сожрали бы сухопутные креветки, за которыми эти пущистики охотились. Но правительство не несло ответственности за сухопутных креветок, а вот за пущистиков — несло, и если какой-нибудь фермер не выколотит из правительства компенсацию за все свои убытки, из него стоит набить чучело и поместить в музей как совершенно редкостный образец. Холлоуэй вздохнул и взял следующий документ.

Этот документ состоял из множества скрепленных вместе листов. Холлоуэй снял скрепку. Сопроводительное письмо генерал-губернатора Беннета Рейнсфорда специальному уполномоченному по делам туземцев. Сам же документ — на бланке лимитированной компании «Заратуштра», подписанном ее председателем Виктором Грего. Холлоуэй усмехнулся. Грого ухитрился изменить название, сохранив прежнюю аббревиатуру — марку фирмы. И клеймо. Любой, кто пытался поставить новое клеймо на взрослого вельдбизона, мог убедиться в преимуществе этого.

Расписка на восемнадцать солнечников, общим весом 93,6 карата, вывезенных из Каньона Желтого Песка для изучения, предшествующего разрешению на аренду. Копия расписки в получении, подписанная Грого и его главным геологом и заверенная Гердом ван Рибеком, председателем научного отдела Заратуштрианской комиссии по делам природы, и лейтенантом Хирохито Бьюрнсеном, ЗСОА. Цветные фотографии каждого из восемнадцати камней: они были прекрасны, но фотография не

передавала всей красоты солнечника, сияющего мягким светом. Холлоуэй внимательно рассмотрел фотографии. Он сам работал старателем, искал солнечники, и знал, как они выглядят на самом деле. Сто семьдесят тысяч слов на рынке драгоценных камней Терры; 42 120 слов отчисляется правительству в пользу пущистиков. И это было даже не начало, лишь первые образцы. Через год в это же время...

Холлоуэй завизировал письмо Бена Рейнсфорда, сколол листы вместе и положил их к делам, идущим в архив. В это время раздался звонок вызова. Джек развернулся вместе со стулом и включил экран. На нем возник точно такой же барак, только находящийся в полутора тысячах миль к северу от резервации пущистиков. На Джека смотрел светловолосый молодой человек с обветренным лицом. На нем была походная одежда, а нагрудные клапаны на куртке были набиты винтовочными патронами.

— Привет, Герд. Что нового?

Герд ван Рибек пожал плечами:

— Продолжаю сидеть на куче солнечников стоимостью в миллиард слов. Ты слыхал — здесь появлялся Виктор Грего?

— Слыхал. Я только что смотрел фотографии этих камней. Сколько кремня ему пришлось расколотить, чтобы извлечь их?

— Около семидесяти пяти тонн. Он брал породу в пяти разных местах, по обе стороны каньона. Провозился часов восемь, после того как удалил песчаник.

— Очень неплохой результат. Я считал, что мне попалась богатая порода, если получал один хороший камень с шести тонн кремня. Теперь мы можем сказать пущистикам, что они получили богатство.

— Они захотят узнать, можно ли его съесть, — сказал Герд.

Это уж наверняка. Холлоуэй спросил у Герда, много ли он видел пущистиков.

— К югу от Границы довольно много, несколько небольших групп. Движутся в основном на юг или на юго-запад. На плёнку мы засняли гораздо больше, чем видели сами. А к северу от Границы почти никого. Да, кстати, помнишь группу, которую мы видели в тот день, когда нашли породу, содержащую солнечники? Ну, тех, которые убили глупышей и сидели ели их?

Холлоуэй засмеялся, вспомнив, как пущистики оцепенели при появлении гарпий и как попадали на землю, когда они с Гердом открыли огонь из винтовок.

— «Шум-гром убил гозда; может быть, убьет потом нас, — процитировал он. — Плохое место! Бежать, быстро!» Ох, ну и перетрусили же они!

— Они недолго продолжали бояться, — сказал Герд. — Вскоре после того как мы оттуда убрались, они вернулись. Сегодня утром я возвращался тем же путем, узнал место и приземлился, чтобы осмотреться. Дохлые гарпии уже были изрядно обглоданы другими гарпиями и прочими тварями, вокруг валялось только

несколько костей. Я забрался на вершину, где мы стояли в первый раз. Прошло уже три недели, и за это время несколько раз шел дождь, так что следов не осталось. Я сле нашел место, где мы сажали автолет. Но я знаю, что пущистики побывали там, потому что кое-чего я не нашел.

Герд сделал паузу и ухмыльнулся, в надежде, что Холлоуэй спросит, чего же он не нашел.

— Пустые гильзы, две от моего девятого калибра и одна от твоего «стеберга», — сказал Холлоуэй. — Наверняка. Красивые штучки, — он снова засмеялся. — Если встретишь пущистиков, которые таскают с собой гильзы, то знай, что это те самые.

— Да нет, пущистики не станут их хранить. Наверняка гильзы давно им надоели, и пущистики их выкинули.

Они потрепались еще немного, и в конце концов Герд прервал связь, возможно, для того, чтобы позвонить Рут. Холлоуэй вернулся к ожидающим его документам. Рабочий день близился к концу; Холлоуэй понемногу управлялся с навалившимся на него грудой бумаг, встал и потянулся. Это чертово сидение за столом целыми днями на пользу не идет. Джек набил трубку табаком, раскурил ее, взял шляпу, недоуменно посмотрел, куда деляся пистолет, который должен был висеть под шляпой, потом вспомнил, что сам же решил не морочить себе голову и не таскаться с пистолетом, когда не выходит из лагеря. Потом Холлоуэй осмотрелся еще раз, чтобы убедиться, что не оставил ничего такого, чему не следовало попадать в руки пущистикам, и вышел.

Они уже достроили стены постоянного здания офиса, которое должно было заменить этот барак, и принялись за крышу. Казармы и штаб ЗСОА были закончены; перед ними стояло множество антигравов, и патрульных, и боевых. Большая часть патрульных машин были новыми, ярко-зелеными с желтой эмблемой ЗСОА. А большая часть боевых машин были оливково-зелеными; их вместе с водителями взяли взаймы у космической морской пехоты. На другом берегу небольшого ручья старый лагерь Холлоуэя уже не был виден за зданиями, выросшими за последние два с половиной месяца; поселок, отмеченный на карте крохотной точкой и называвшийся Лагерем Холлоуэя, изменился до неузнаваемости.

Возможно, название тоже стоило изменить на имя, которое ему дали пущистики — Хоксу-Митто, Удивительное Место. Да, это действительно было удивительное место для пущистиков, лишь недавно пришедших из лесов; и даже те, кто отправился в Мэллори-порт, место еще более удивительное, чтобы жить там в семьях у людей, продолжали называть его именно так и вспоминали старый лагерь с ностальгической любовью, как свою альма-матер. Надо поговорить с Беном Рейнсфордом об официальной перемене названия.

У мостика играли полдюжины пущистиков; они увидели Холлоуэя и с радостным визгом побежали к нему. У каждого

пушистика была застегивающаяся на «молнию» заплечная сумка с притороченными к ней ножом в ножнах и маленькой лопаткой и серебряный идентификационный диск на шее. И еще пушистики носили оружие, сменившее их деревянные дубинки, с которыми они охотились на сухопутных креветок, — шестидюймовое стальное лезвие на двенадцатидюймовом стальном же древке. Эти пушистики были из недавно пришедших и еще недостаточно развили свои голосовые связки. Холлоуэй надел наушник и включил слуховой аппарат, которым ему теперь приходилось пользоваться все реже и реже. Пушистики тем временем продолжали верещать:

— Папа Джек! Эй, Папа Джек! Ты поигнешь с на-ами?

Они пробыли здесь уже достаточно долго, чтобы узнать: Холлоуэй был Папой Джеком для каждого пушистика в городе, которых по последнему подсчету было триста шестьдесят два, — и всем им хотелось поиграть с ним. Холлоуэй присел на корточки и посмотрел на их диски. На всех дисках стояли цифры двенадцать—двадцать: это означало, что эти пушистики пришли в город позавчера.

— Почему малыши не в школе? — спросил Холлоуэй и перехватил одного, который уже начал забавляться с «молнией» на его рубашке.

— Школа? Что такое школа?

— Школа, — сказал Холлоуэй, — это такое место, где пушистики узнают новые вещи. Учатся разговаривать, как Большие, и тогда Большим не надо совать в ухо эти штуки. Учатся делать вещи, играют. Учатся обращаться с вещами Больших, чтобы они не причинили пушистикам вреда.

Холлоуэй указал на длинное здание из рифленого железа, стоящее ниже по течению ручья:

— Школа там. Пойдем. Я покажу.

Холлоуэй знал, как все произошло. Эта компания встретилась в лесу с какими-то пушистиками, которые рассказали им об Хоксу-Митто. Кто-нибудь — Маленький Пушистик, или Ко-Ко, или один из пушистиков Джорджа Ланта, Герда или Рут взяли их на буксир, привели в штаб ЗСОА. Там у них сняли отпечатки пальцев и выдали диски и снаряжение, а потом велели идти гулять. Джек двинулся через мостик. Пушистики побежали рядом, а некоторые даже помчались вперед.

Внутри длинного здания царили прохлада и полумрак, но отнюдь не тишина. Там находилось около двух сотен пушистиков, и все они говорили одновременно. Когда Холлоуэй выключил аппарат, большая часть голосов оказалась на пределе слышимости. Два пушистика из семьи Джорджа Ланта, которых звали Диллинджер и Нед Келли, рассказывали своим ученикам — большая часть которых уже научилась понижать голоса до пределов восприимчивости человеческого слуха, — как делаются луки и стрелы. Если учесть, что Диллинджер и Нед Келли сами

стали мастерами всего лишь месяц назад, то можно было сказать, что они делают очень хорошие луки, и класс перенимал их науку быстро и с энтузиазмом. Пушистики Холлоуэя, Майк и Мицци, вели урок добывания огня — терли куском твердого дерева о мягкий чурбачок. Вокруг них собралось десятка два пушистиков, и все они разразились возбужденными воплями, когда древесная труха задымилась. Еще одна компания собралась вокруг капрала из ЗСОА, который при помощи складного ножа снимал шкурку с небольшого животного, которое земляне называли «заразац». Как любой хороший полицейский, капрал не забывал следить за всем, что происходило вокруг него. Он поднял глаза на вновь пришедших.

— Привет, Джек. Как только эта компания добудет огонь, я им покажу, как можно зажарить тушку на вертеле. Потом покажу, как при помощи мозга выделать шкурку — так делали древние индейцы на Терре, — и как сделать тетиву из кишок.

А потом, когда они этому научатся, они отправятся в Мэллори-порт, будут приняты в какую-нибудь человеческую семью, и все это им никогда не пригодится. А может быть, и нет. Пушистиков было много — тысяч десять, а может, двенадцать. Вопреки тому, что рассказывал всем Маленький Пушистик насчет того, будто у каждого пушистика будет свой Большой, такого не могло получиться. Людей, готовых принять в свой дом пушистиков, было недостаточно. Так что, возможно, эта группа пройдет через посты ЗСОА на юг или двинется вдоль Большого Черноводья на запад и будет учить других пушистиков, которые, в свою очередь, передадут знания дальше. Луки и стрелы, огонь, жареное мясо, выделанные шкуры. Корзины и глиняные горшки. Глядя на тех, кто собрался здесь, трудно было поверить, насколько же примитивный образ жизни ведут лесные пушистики. Они даже не научились делать какие-нибудь заплечные сумки для вещей, хотя им приходилось все время двигаться, занимаясь охотой и собирательством.

«Пушистик разумный заратуштрианский» — Холлоуэй был рад, что они избавились от «пушистика пушистикового Холлоуэя». Люди уже было начали называть его самого Пушистиком Пушистиковым. Пушистики и так уже совершили неимоверный культурный прыжок с того вечера, как Холлоуэй услышал, что в его душевой кабинке кто-то пищит.

Маленький Пушистик увидел Холлоуэя с другого конца барака и помахал ему. Холлоуэй помахал в ответ. Маленький Пушистик тоже вел занятия — о том, как вести себя среди Больших. Некоторое время Холлоуэй разговаривал с капралом Карстайрсом и его учениками. Группа пушистиков, пришедших с Холлоуэем, захотела остаться здесь. Джек ухитрился удрать от них и пробраться туда, где его пушистики Ко-Ко и Золушка и пушистики ван Рибека Синдром и Суперэго вели уроки произношения.

Именно ребята из Космофлота, которые временно приютили его семью на Ксерксе, пока рассматривалось судебное дело о пущистиках, обнаружили, что пущистики разговаривают в ультракоротком диапазоне, а потом сделали слуховые аппараты, позволяющие слышать их. После судебного разбирательства, когда Виктор Грего, до того — злой враг маленьких созданий, поселил у себя пущистика и вообще стал одним из их лучших друзей, они с инженером Генри Стенсоном спроектировали маленький прибор, переводящий голоса пущистиков в диапазон, доступный человеческому уху. Потом Грего обнаружил, что его пущистик Алмаз разговаривает вполне слышно, хотя батарейки в его пущистикофоне сели — он научился подражать звукам, которые слышал вокруг себя. Алмаз сумел научить этой хитрости некоторых пущистиков, а они теперь учили других.

В этом классе было несколько пущистикофонов работы Стенсона и Грего, приборов со сделанной под размер руки пущистика рукояткой наподобие пистолетной и с несколькими переключателями. Пущистики разговаривали при их помощи, а потом выключали прибор и пытались воспроизвести какие-нибудь звуки самостоятельно. Кажется, здесь за обучение отвечал Ко-Ко.

— Нет, нет! — говорил он. — Не так. Говойи задней частью го'ла, вот так вот.

Кто-то вопросительно пискнул.

— Нет. Возьми об'атно штуку-которую-держат-в-'уке. Тепей дейжи покъепче. А теперь говойи.

Похоже, Синдром ван Рибека не был ничем особо занят. Холлоуэй заговорил с ним:

— Ты умеешь так разговаривать. Покажи им, как это делать. — Он обернулся к пришедшему с ним пущистикам: — Вы оставайтесь здесь. Делайте то, что вам скажут. Скоро вы тоже сможете разговаривать, как Большие. Потом вы придете к Папе Джеку и поговорите с ним. Папа Джек даст вам что-нибудь хорошее.

Холлоуэй оставил новоприбывших с Синдромом, а сам пошел туда, где на ящике восседал Маленький Пущистик, покуривая трубку, как сам Папа Джек. Некоторые из собравшихся вокруг него пущистиков — это был один из классов, продвинувшихся дальше других, — тоже курили.

— Среди Больших, — Маленький Пущистик говорил на смешанном пущистиково-земном языке, — все чье-нибудь. Каждый место чье-нибудь. Никто не ходит в место, которое не его, и не берет вещи, которые не его.

— Нет *всех* места, как лес? — спросил один.

— Нет, есть. Некоторые места. У Больших есть *пьявиство*, оно заботится о *всех* местах. Это место, Хоксу-Митто, *пьявиствое* место. Раньше было место Папы Джека. Папа Джек отдал его пьявиству для *всех*, для Больших и для пущистиков.

— А что такое пьявиство?

— Придумка Больших. Все Большие говорят вместе, все собираются и заботятся о всем. Пьяниство не разрешает никому брать чьи-нибудь вещи, не разрешает никому никого делать мертвым, не разрешает делать никому ничего плохого. Сейчас пьяниство говорит, чтобы никто не делал плохо пущистикам, никто не делал пущистиков мертвыми, не брал у пущистиков вещи. Делает это в Большой Комнате для Говорения. Я видел. Плохой Большой сделал Златовласку мертвой, другие Большие прогнали плохого Большого, сделали его мертвым. Потом все сказали: никто больше не должен делать пущистикам плохо. Папа Джек заставил.

На самом деле все было не совсем так. Например, Леонард Келлог сам перерезал себе горло, находясь в тюрьме, но пущистикам было невозможно объяснить, что такое самоубийство, вызванное умственным расстройством. Пускай уж все идет как идет. Холлоуэй прошел туда, где пущистики из семьи Джорджа Ланта — Доктор Криппен, Лиззи Борден и Катастрофа Джейн — учили других плотницкому делу. Джек некоторое время постоял там, наблюдая, как пущистики пользуются уменьшенными пилами, сверлами, стамесками и рубанками. Эта компания была очень увлечена своим занятием. Через некоторое время они ходят поесть, потом вернутся и будут работать до вечера. Они сооружали ручную тележку — у нее даже были колеса. Рядом стоял горн — сейчас холодный, — и наковальня: там пущистики занимались кузнецким делом.

В конце концов Холлоуэй добрался до конца барака, где находились Рут ван Рибек и Панчо Айбарра, флотский психолог на постоянной службе у колониального правительства. Рут сидела на сваленной на полу груде подушек, а Панчо — на краю стола. Вокруг них собрался десяток пущистиков.

— Привет, Джек, — поздоровалась Рут. — Когда там мой супруг собирается обратно?

— Как только подпишет соглашение и примет дела от ЛКЗ. А чем тут заняты малыши?

— О, Папа Джек, мы тут уже не малыши, — сказал Айбарра. — Мы уже сильно подросли. Мы уже выпускники, а со следующей недели будем преподавателями.

Холлоуэй уселся на подушки рядом с Рут, и пущистики тут же столпились вокруг него. Им хотелось покурить его трубку, рассказать, чему они научились и что учат сейчас. Потом они разошлись, парами или небольшими группками. Наступил общий перерыв. Класс произношения разделился. Синдром вместе со своей группой отправился на улицу. Если она сможет завтра собрать их обратно... Чего этой школе не хватало, так это дежурного, который приструнил бы прогульщиков. Класс, занимавшийся добыванием огня, развел костер прямо на земляном полу, а класс, который занимался разделкой туши, присоединился к

нему. Ученники лучников уже ушли. У плотников работа была в самом разгаре.

— Знаешь, — сказала Рут, — эта учебная программа кажется довольно удачной.

— Она думает, что это учебная программа, — засмеялся Айбарра. — Это пока что стадия проб и ошибок — причем ошибки преобладают. Вот после, когда мы узнаем, чему надо учить и как это надо делать, можно будет говорить об учебной программе. — Панчо посерезнел. — Джек, я начинаю сомневаться в том, стоит ли учить пущистиков добывать огонь трением, делать кремневые наконечники для стрел и костяные иглы. Я знаю, что не все они будут приняты в человеческие семьи и большая часть пущистиков вернется к жизни в лесах или в пограничных землях рядом с поселениями людей, но ведь они же будут поддерживать связь с нами и смогут получать у людей все инструменты и оружие, которое им будет нужно.

— Я не хочу этого, Панчо. Я не хочу, чтобы они зависели от нас. Я не хочу, чтобы они жили на подачки людей. Ты же бывал на Локи? Ты знаешь, что случилось с тамошними жителями. Они превратились в бездельников самого худшего толка, живущих на содержании комиссии по деламaborигенов. Я не хочу, чтобы с пущистиками произошло то же самое.

— Это не совсем то же самое, Джек, — сказал Айбарра. — Пущистики действительно зависят от нас, из-за хокфусина. Они не могут сами обеспечить себя им полностью.

Конечно, это было правдой. В ходе эволюции у предков пущистиков развилась эндокринная железа, вырабатывающая гормон, не встречающийся больше ни у одного из заратуштрианских млекопитающих. Никто точно не знал, почему это произошло. Существовало предположение, что этот гормон служил длянейтрализации какого-то природного яда, наличествовавшего в пище, которую они употребляли в отдаленном прошлом. После того как пару месяцев назад этот гормон был открыт, он получил многослойное биохимическое название, сокращенное до НФМп.

Но в те времена когда на Земле возникли цивилизации в долинах Нила и Евфрата, для пущистиков окружающая среда коренным образом изменилась. Необходимость в НФМп исчезла, и он, став ненужным, сделался разрушительным. Он приводил к преждевременным родам и к рождению недоношенных, нежизнеспособных детей. Пущистики как раса начали вымирать. Сегодня в северных лесах континента Бета жили лишь жалкие остатки этой расы.

Единственное, что спасло пущистиков от полного вымирания, — другое сложное длинномолекулярное соединение, содержащее, среди всего прочего, несколько атомов титана, который пущистики получали, поедая затку — так они называли сухопутных креветок. А начиная с первого контакта с людьми, пущистики

получали его еще и из рыжего месива, официально именуемого полевым рационом Вооруженных Сил Терранской Федерации для внеземного употребления, тип три: «ПР-3». Солдаты и космонавты, которым он выдавался, не питали к нему особой любви, как к большей части синтетических пайков, а пущистики полюбили до безумия с первого же укуса. Они называли эти пайки хоксу-фуссо, «удивительная еда». Вещество, содержащееся в этом пайке и в сухопутных креветках, тут же окрестили хокфусином.

— Он нейтрализует НФМп и ослабляет функцию вырабатываемой этот гормон железы, — сказал Айбарра. — Но мы не можем сделать так, чтобы пущистики получали его из окружающей среды, мы можем лишь поддерживать каждого малыша по отдельности, и самцов, и самочек. Жизнеспособное потомство будет рождаться только тогда, когда оба родителя еще до зачатия ребенка получат достаточно хокфусина.

Пущистики, которые жили среди людей, могли получать его достаточно, но те, которые оставались бродить в лесах, хокфусина не получали. Именно то, чего хотел избежать Холлоуэй — зависимость пущистиков от людей, — становилось фактором генетического отбора, так же как им было мясо сухопутных креветок. Вот уже тысячу поколений для расы пущистиков был запущен обратный счет: десять новорожденных пущистиков, девять новорожденных пущистиков, восемь, семь... Холлоуэй не знал, через сколько поколений новорожденные пущистики перестали бы рождаться вообще, если бы на Заратушtre не появились люди.

— Не беспокойся о будущих поколениях, Джек, — сказала Рут. — Радуйся, что хотя бы следующее все же появится.

Глава 4

Лесли Кумбс положил сигарету в пепельницу, взял стакан с коктейлем и сделал маленький глоток. При этом Кумбс невольно бросил боязливый взгляд на большой глобус планеты, парящий над полом в антигравитационном поле и медленно вращающийся. С одной стороны глобус освещала лампа, изображающая солнце, а вокруг глобуса вращались два спутника, Ксеркс и Дарий. Дарий и сейчас полностью принадлежал Компании, даже после Решения Пендарвиса. Ксеркс же никогда не был собственностью ЛКЗ — Федерация использовала его под базу для флота, еще когда Компания была монопольной. Линия ночи только что коснулась восточного берега континента Альфа и приближалась к точке, изображавшей Мэллори-порт.

Виктор Грего невольно перехватил этот взгляд и рассмеялся:

— Все еще беспокоишься, Лесли? Зубы гадины уже вырвали.

Да, лишь после того, как стало слишком поздно, после судебного разбирательства по делу пущистиков они узнали, что каждое слово, произнесенное в личном кабинете Грего, становится

известно разведке и что Генри Стенсон, руководивший строительством, был тайным агентом Федерации. В помещении был спрятан микрофон и крохотный радиопередатчик. Стенсон встроил такой же передатчик в робота-бармена в Резиденции, из-за чего ее прежний хозяин Ник Эммерт находился сейчас на борту корабля, летящего к Земле, где его ждало обвинение в должностном преступлении. Кумбсу очень хотелось знать, сколько же таких штучек Стенсон понатыкал по Мэллори-порту; он едва не разобрал свой кабинет на части в поисках подслушивающих устройств, но до сих пор не был уверен, что их там действительно нет.

— Так или иначе, это уже не имеет значения, — продолжал Грего. — Теперь мы все — друзья. Правда, Алмаз?

Пушистик, забравшийся на ручку кресла, чтобы быть поближе к Грого, да так там и прикорнувший, обрадовался возможности принять участие в разговоре Больших.

— Это так, все д'узья. Папа Вик, Папа Джек, Дядя Лесси, Дядя Гас, Папа Бен, Флоя, Фаун... — и Алмаз принялся перечислять имена всех людей и пушистиков, которые были друзьями. Это был поразительный список. Всего несколько месяцев назад только во сне могло присниться, что кто-нибудь назовет Джека Холлоуэя, Беннета Рейнсфорда и Гаса Браннарда друзьями Лесли Кумбса и Виктора Грего. — Теперь все д'узья. Все хёшо.

— Все хорошо, — согласился Кумбс. — По крайней мере пока. Виктор, у тебя сейчас весь пиджак будет в шерсти пушистика.

— Ну и что? Это мой пиджак и мой пушистик, и к тому же я не думаю, что Алмаз сейчас линяет.

— И все плохие Большие пошли в тюйма-место, — сказал Алмаз. — Не делают неп'иятности больше. А что такое тюйма-место? Это как то темное гъязное место, где плохие Большие дежжат пушистиков?

— Что-то вроде этого, — ответил Грего.

Однако беда была в том, что не всех плохих Больших удалось отправить в тюрьму. Не удалось найти никаких доказательств против Хьюго Ингерманна, и Кумбсу до сих пор было не по себе. И это напомнило ему кое о чем.

— Ты нашел остальные солнечники, Виктор?

Грего покачал головой:

— Нет. Сперва я думал, что пушистики потеряли их где-нибудь в вентиляционной системе, но мы прогнали роботов-ищеек через все трубы и ничего не нашли. Потом Гарри Стифер подумал, что камни прикарманил кто-то из его копов, но мы допросили всех с детектором лжи, и никто ничего не знает. Понятия не имею, в какой Ниффльхейм они провалились.

— Но ведь четверть миллиона слов — не пустяк, Виктор.

— Можно считать, что пустяк! Подожди, вот будет у нас в Каньоне Желтого Песка достаточно людей и оборудования — мы

будем каждый день добывать в два раза больше. О Господи, Лесли! Ты должен увидеть то место! Это фантастика.

— Все, что я там увижу, — груду камней. Мне хватит и твоих описаний.

— Там проходит жила, содержащая солнечники, в среднем двести футов в ширину. Она тянется вдоль всей Границы на восемь с половиной миль на запад от каньона и больше чем на десять миль на восток; и на протяжении еще четырех миль жила постепенно сужается и сходит на нет. Конечно, над этим еще лежит пара сотен футов песчаника, который надо убрать, но мы просто спихнем его на дно каньона. На самом деле с этим будет куда меньше возни, чем было с осушением Большого Черноводья. Документы готовы на подпись?

— Готовы. Основное соглашение обязывает Компанию продолжать выполнять все те обязанности, которые выполняла старая торговая компания. Взамен правительство соглашается оставить нам незаселенные земли, которые по Решению Пендарвиса объявлены собственностью государства, кроме района к северу от Малого Черноводья и северного притока Змейки, где находится резервация пушистиков. Специальное соглашение дает нам право на аренду земель вокруг Каньона Желтого Песка; мы платим сорок пять солов с каждого карата общего веса добытых нами солнечников, а деньги через правительство будут идти пушистикам. Оба соглашения рассчитаны на срок девятьсот девяносто девять лет.

— Или до тех пор, пока суд не признает их неправомочными.

— Да, конечно. Это я понатыкал, куда только мог. Единственное, что меня сейчас беспокоит, так это много ли неприятностей нам смогут причинить земляне — акционеры покойной лицензированной компании «Заратуштра».

— Ну, они получат часть имущества, оставшегося после удовлетворения претензий кредиторов, как это и оговаривалось, — сказал Грего. — Но лицензированной компании просто больше не существует.

— Я не уверен. Лицензированная компания «Локи» была распущена по решению суда за нарушение законов Федерации. Акционеры не получили ничего. Лицензированная компания «Уллер» была национализирована правительством после восстания в 526-м. Правительство просто назначило генерала фон Шлихтена генерал-губернатором и расплатилось с акционерами по номинальной стоимости. А когда лицензированная компания «Фенрис» обанкротилась, планета перешла во владение кого-то из колонистов, и акционерам заплатили, насколько я понимаю, по два с половиной центисола на сол. Но это всего лишь precedents, и ни один из них не применим здесь. — Кумбс отпил еще немного из своего стакана. — Я должен отправиться на Землю сам, чтобы представлять новую лимитированную компанию «Заратуштра».

— Мне страшно не хочется, чтобы ты уезжал.

— Спасибо, Виктор. Я и сам этому не радуюсь. — Шесть месяцев на борту корабля немногим лучше тюремного заключения. Потом не меньше года на Земле, выправлять документы, отыскивать юридическую фирму в Капстадте или Йоханнесбурге, которая возьмется вести длительные судебные процессы, которые наверняка последуют. — Надеюсь вернуться через пару лет. Сомневаюсь, что мне доставит большое удовольствие заново приспособливаться к обычаям нашей дорогой родной планеты. — Кумбс допил коктейль и поставил стакан. — Можно мне еще один?

— Почему бы нет? — Грего допил свой стакан. — Алмаз, ты, пожалуйста, дай Дяде Лесси коктейль-пить. И принеси коктейль-пить Папе Вику тоже.

— О'кей.

Алмаз спрыгнул с подлокотника кресла и побежал за шейкером. Кумбс наклонился и подставил стакан, чтобы Алмаз мог дотянуться до него. Пушистик наполнил стакан до краев, не пролив ни капли.

— Спасибо, Алмаз.

— На здо'овье, Дядя Лесси, — вежливо ответил Алмаз и понес шейкер, чтобы наполнить стакан Папы Вика.

Себе Алмаз наливать не стал. Он однажды попробовал спиртное и никогда не мог забыть последовавшего за этим похмелья; Алмазу не хотелось еще раз испытать что-нибудь подобное. Возможно, это была одна из тех вещей, которые имел в виду Эрнст Маллин, когда говорил, что пушистики разумнее людей.

Густав Адольф Браннард довольно попыхивал сигарой. Позади него в ветвях дерева щебетала пара существ, более или менее напоминающих птиц. Перед ним возвышались здания Мэллорипорта, чернеющие на фоне прекрасного заката — всех оттенков красного, желтого и золотого. С лужайки долетали голоса увлеченных игрой пушистиков — Флоры и Fauna Рейнсфорда и пары их гостей. Бен Рейнсфорд, невысокий лысый мужчина с торчащей во все стороны рыжей бородой, сгорбившись, сидел в кресле и смотрел в свой стакан с виски с содовой, который он скимал обеими руками.

— Но, Гас, — попытался возразить он, — ты уверен, что Виктору Грего стоит доверять?

Для Бена это был слишком резкий поворот. Пару месяцев назад он был убежден, что не существует такой подлости, на которую Грего не был бы способен.

— Да, уверен, — Гас переложил сигару в левую руку и отхлебнул из старомодного бокала, наполненного чистым виски. — Просто присматривай за ним немного, только и всего, — несколько капель виски стекло у него по подбородку. Гас вытер их

тыльной стороной руки и вернул сигару обратно в рот. — А почему, собственно, нет?

— Ну, все эти «до тех пор, пока суд не признает это недействительным», которыми пестрит текст соглашения. Ты не думаешь, что он готовит нам ловушку?

— Нет. Я знаю, что он делает. Он морочит голову жителям Терры — акционерам старой торговой компании. Заставляет их думать, что, если они не поддержат его, он расторгнет соглашения и заключит другие. Он хочет сам контролировать новую компанию.

— Ну, тут я на его стороне! — энергично сказал Бен. — Монополия там или не монополия, но я хочу, чтобы Компания работала на Заратушту и приносила ей пользу. Но почему ты тогда хочешь отложить подписание соглашений?

— Да просто жду выборов, Бен. Мы же хотим, чтобы наши делегаты были избраны и чтобы конституция нашей колонии была утверждена. Как только это будет сделано, мы без всяких проблем сможем принимать любое законодательство, которое захотим. Но это дело с общественными землями вызовет сопротивление. Множество народа надеялись застолбить богатые участки на землях, которые по Решению Пендарвиса перешли в собственность государства, а теперь оказывается, что эти земли сдаются в аренду ЛКЗ на тысячу лет. А люди вряд ли захотят ждать так долго.

— Гас, множество людей, в том числе влиятельных, обрадуется, что правительству не придется вводить налоги, — ответил Рейнсфорд.

Бен был по-своему прав. На Заратуште не существовало никаких налогов; Компания платила за всех. И теперь получается, что они не понадобятся и в будущем, даже для того, чтобы сдержать новую комиссию по делам аборигенов. Все расходы на пущистиков будут покрываться за счет арендной платы за добычу солнечников.

— К тому же эти претенденты на землю неорганизованы, в отличие от нас, — продолжал Рейнсфорд. — Единственной оппозицией, с которой нам когда-либо приходилось сталкиваться, была Партия благополучия планеты Хьюго Ингерманна, а Ингерманн теперь стоит не больше дохлой утки.

Это был уже сверхоптимизм, хотя обычно Бен не страдал таким пороком.

— Бен, каждый раз, как ты подумаешь, будто Ингерманн сдох, тебе тут же придется стрелять в него снова. Он только прикидывается дохлым.

— Хотелось бы мне, чтобы у нас была возможность пристрелить его на самом деле вместе с остальными.

— Ну, в отличие от остальных, против него у нас нет доказательств, потому мы не можем этого сделать. Хотя, возможно, то дело единственное, в чем он действительно не был виноват: он

даже ничего о нем не знал, пока его не схватили и не начали допрашивать. Ниффльхейм, мы не можем даже лишить его звания адвоката!

Они с Лесли Кумбсом потратили на это уйму сил, но Ассоциация адвокатов состояла из юристов, а юристы привыкли мыслить прецедентами. Большинство из них сами защищали интересы нечестных клиентов и неплохо на этом наживались. Они не хотели, чтобы лишение Ингерманна адвокатской практики послужило прецедентом против них самих.

— А теперь он защищает Такстера, Ивинсов и Новиса, — сказал Рейнсфорд. — Он и их вытащит, если ты за этим не проследишь.

— Не вытащит, пока я главный прокурор!

Гас снова вынул сигару изо рта и глотнул виски. Хотелось бы ему на самом деле чувствовать себя так уверенно, как он говорил.

Помощник судебного исполнителя открыл дверь и посторонился, пропуская Хьюго Ингерманна вперед и глядя на него так, словно перед ним какое-то мерзкое насекомое. Теперь все в Верховном суде смотрели на него именно так. Ингерманн мило улыбнулся.

— Благодарю вас, помощник, — сказал он.

— Не беспокойтесь, мне за это платят, — сказал облаченный в форму помощник. — Очень надеюсь, что жребий выпадет на меня, когда ваших клиентов поставят к стенке. Очень жаль, что вас не поставят вместе с ними. Я бы заплатил за привилегию расстрелять вас.

А если он пожалуется главному судебному исполнителю колонии, Макс Фейн скажет:

— Черт побери, я бы тоже за это заплатил.

Комната с металлическими стенами была маленькой и пустой. Единственной мебелью были приваренный к полу стол и полдюжины стоящих в ряд стульев. В комнате пахло дезинфекцией, как и во всей тюрьме. Ингерманн вытащил пачку сигарет, достал одну и закурил, потом положил пачку и зажигалку на стол и быстро огляделся. Конечно, он не мог увидеть скрытых камер — может, их тут и не было, — но был уверен, что микрофон где-то обязательно есть. Он все еще осматривался, когда дверь открылась снова.

Вошли трое мужчин и женщина. На них были сандалии и длинные балахоны, а больше, возможно, ничего. Их переодели, прежде чем привести сюда, и переоденут — после обыска — снова, прежде чем развести по камерам. С ними был другой помощник судебного исполнителя. Он сказал:

— Два часа максимум. Если захотите выйти раньше, воспользуйтесь звонком.

Потом дверь открылась и снова закрылась.

— Не говорите ничего, — предостерег Ингерманн. — Возможно, в комнате есть «жучки». Садитесь, курите.

Сам Ингерманн остался стоять, глядя на них: Конрад Ивинс, низкорослый, необыкновенно подвижный и аккуратный, теперь держался напряженно и выглядел изможденным. Он был главным покупателем драгоценностей у Компании; грабеж был его идеей — его и его жены. Роза Ивинс зажгла сигарету и теперь сидела, глядя на нее и положив руки на стол. Эта женщина уже была мертва и примирилась со своей судьбой; на ее лице застыло спокойствие безнадежности. Лео Такстер, мускулистый черноволосый мужчина, со щеками, синеватыми от плохого бритья, и с отвисшей нижней губой, был ее братом. Он был главой ростовщического рэкета и банкиром геневского Мэллори-порта; и именно благодаря ему у Ингерманна появилась значительная недвижимость к северу от города. Как раз в одном из этих зданий, в пустующем складе, содержались пятеро пущистиков, пойманных на континенте Бета; там их обучали проползать через вентиляционные люки в подземные хранилища драгоценностей Компании и заменять настоящие солнечники поддельными. Фил Новис, самый молодой из четырех, трясясь от страха, но стараясь не выказывать этого. Это он со своим партнером Мозесом Херцкердом, бывшим топографом-разведчиком Компании, поймал пущистиков и доставил их в город. Херцкерд здесь не присутствовал: ему досталось слишком много пуль в ночь неудачной попытки грабежа.

— Ну что ж, — начал Ингерманн, когда ему удалось привлечь внимание своих клиентов, — у них есть ваше признание в мошенничестве, краже со взломом и в преступном словоре. Никто, и даже я, не может взять ваши признания обратно. Это тянет на срок от десяти до двадцати лет, и на минимальный рассчитывать трудно. Они постараются намотать вам сроки на полную катушку. Однако я не думаю, что вас признают виновными в двух самых серьезных преступлениях, которые вам вменяются, — в обращении в рабство и совращении. С вашей стороны было бы разумно признать свое участие в грабеже и преступном словоре, если обвинение согласится снять последние два пункта.

Все четверо переглянулись. Ингерманн закурил новую сигарету от окурка прежней, бросил окурок на пол и придавил его каблуком.

— Двадцать лет — это дьявольски долгий срок, — сказал Такстер. — Однако покойником все равно пробудешь значительно дольше. Ну ладно, если вы можете что-нибудь с этим сделать, так действуйте.

— И что же вы, по вашему мнению, можете сделать? — требовательно спросил Конрад Ивинс. — Вы говорите, что они на верняка осудят нас по делу о солнечнике. Почему же они на этом должны успокоиться и снять обвинение по делу о пущистиках? Ведь на самом деле они хотят пришить нам именно это.

— Да, хотят. Но я не верю, что им это удастся, и я думаю, что Гасу Браннарду это тоже не удастся. Порабощение — это низведение разумного существа до уровня движимой собственности, покупка или продажа разумного существа как имущества и/или принудительный труд. Ну что ж, мы будем утверждать, что эти пущистики были не рабами, а соучастниками.

— Вряд ли пущистики это подтвердят, — безразлично сказала Роза Ивинс.

— На суде пущистики вообще ничего не станут говорить, — сказал Ингерманн. — Они не будут допущены в суд в качестве свидетелей. Даю вам слово, что пущистиков там не будет.

— Ну что ж, это хорошая новость, — недоверчиво проворчал Такстер. — Если, конечно, это правда. А как насчет обвинения в совращении?

Ингерманн затянулся, выпустил струйку дыма в сторону светильника и присел на край стола.

— Совращение, — начал он, — состоит в подстрекательстве несовершеннолетних к совершению преступных и/или аморальных действий и/или в принуждении несовершеннолетних к участию в подобных действиях, и/или в получении прибыли от выполнения несовершеннолетними подобных действий. Согласно Решению Пендарвиса, пущистики официально приравниваются к человеческим детям моложе двенадцати лет. Так что, согласно Решению Пендарвиса, когда вы обучали этих пущистиков ползать по вентиляционным трубам и заменять солнечники, вы совершили совращение; то же самое относится к ситуации, когда вы брали пущистиков в небоскреб Компании и заставляли их выносить настоящие камни. Согласно закону, наказанием за это является смертная казнь через расстрел — вопрос решается однозначно и на усмотрение суда не отдается.

Ну а я оспорю этот официальный вымысел, приравнивающий взрослых пущистиков к несовершеннолетним. Никто в этой оси правительство—Компания не захочет защищать в суде статус пущистиков как несовершеннолетних. Вот поэтому они удовольствуются вашим признанием по делу о солнечниках и снимут обвинение по делу о пущистиках. Как вы заметили, Лео, двадцать лет — это дьявольски долгий срок, но покойником вы будете значительно дольше.

В глазах Розы вспыхнуло недоверие, граничащее с надеждой, но тут же погасло. Она не хотела отказываться от покоя смириения ради мучений надежды.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Признайте нашу вину по первым трем пунктам обвинения. Все равно это не имеет никакого значения.

Муж Розы согласился с ней. Новис согласился с ними, просто кивнув. Такстер скривился, и его нижняя губа отвисла еще сильнее.

— Вы уж постараитесь, — сказал он. — Ингерманн, если вы признаете нашу вину по пунктам о солнечниках, а потом нас расстреляют за порабощение или...

— Заткнитесь! — рявкнул Ингерманн. Он был испуган, поскольку знал, что Такстер собирается сказать дальше. — Вы, придурок чертов, я же предупреждал, что эта комната прослушивается!

Глава 5

Мудрый проснулся зябким утром; Маленькая, Большая, Хромой и Собиратель свернулись в клубок и грели его, а он грел их. Хромой пошевелился, просыпаясь. Под шип-кустами все еще было темно, но небо наверху уже начинало сереть. Солнце тоже зашевелилось в своем логове и скоро выйдет, чтобы делать светло и тепло. Остальные — Камнелом, Собиратель и Другая — тоже проснулись. Это было хорошее логово, безопасное и удобное. Было бы приятно лежать здесь долго, но скоро все захотят облегчиться и выкопают ямки. И еще хотелось есть. Мудрый так и сказал, и остальные с ним согласились.

Маленькая пробормотала:

— Не нужно оставлять красивые блестячки. Нужно взять с собой.

Они собрали блестячки, и, как обычно, их понесла Маленькая. Позже другие начали называть ее Та-Которая-Носит-Блестячки. Но подержать их хотели все. Блестячки были красивые и странные, и им никогда не надоело смотреть на них, говорить о них и играть с ними. Однажды пущистики потеряли большую блестячку, и тогда они вернулись обратно и искали ее с того времени, когда солнце стоит выше всего, очень долго, пока не нашли. После этого они сломали три палочки и насадили каждую блестячку на палочку, так что теперь их стало легче нести и труднее потерять.

Дневной свет стал ярче. Радостно защебетали птицы. Пущистики нашли мягкую землю и выкопали ямки. Они всегда так делали — закапывали плохие запахи, даже если сами уходили с этого места. Потом они нашли ручеек, напились, поплескались в нем, потом перешли его вброд, растянулись в линию и начали охотиться. Небо стало ярко-синим и покрылось пятнышками золотых облаков. Мудрый снова задумался о том, где логово солнца и почему солнце всегда уходит на одну сторону неба, а выходит с другой. Народ спорил об этом все время, сколько Мудрый себя помнил, но на самом деле никто не смог узнать, почему солнце так делает.

Они нашли дерево с крутymi плодами. Эти плоды лучше всего, когда они белые. Сейчас плоды уже покрылись коричневыми пятнами и были не очень хорошие, но пущистики были голодны. Они стали кидать палки, чтобы сбить плоды, и съели их. Еще они нашли и съели ящериц и личинок. А потом они нашли затку.

Затку — существа длиной в руку, с твердым панцирем, множеством ног и с четырьмя суставчатыми руками, которые заканчиваются клешнями. Затку могут ими делать плохо. Это затку сделал плохо ноге Хромого. Камнелом ткнул одного затку острым концом своей бей-дубинки, и тот тут же вцепился в дубинку всеми четырьмя клешнями. Другая ударила затку своей дубинкой по голове, а потом стукнула еще раз — для надежности. Потом все отошли, пока Мудрый разбивал и срывал панцирь и отрывал одну из клешней, чтобы выковыривать ею мясо. Они доверяли Мудрому следить, чтобы каждый получал свою долю. Затку хватило, чтобы каждый получил даже по второму маленькому кусочку.

Они охотились долго и нашли еще затку. Это было хорошо; прошло много времени с тех пор, как они находили двух затку за один день. После того как они съели второго затку, они охотились почти до тех пор, пока солнце не встало выше всего, но больше затку не нашли.

Впрочем, они нашли другую еду. Они нашли мягкие розовые растения, похожие на руки с множеством пальцев — это было вкусно. Они убили одно из маленьких толстых животных с коричневым мехом — оно убежало от одного пушистика, но другие его убили. Камнелом бросил свою дубинку и сбил низко летевшую птицу; все его за это похвалили. Все время пока они охотились, они взбирались по склону холма. К тому времени когда они добрались до вершины, каждый уже наелся.

Вершина холма была хорошим местом. Там было несколько деревьев и невысокие кусты, и полянки с травой, и оттуда было далеко видно. Там, где встает солнце, между деревьями блестела большая река, а вокруг были горы. Приятно было лежать на мягкой траве и греться на солнце, под ветерком, который ерошил мех и приятно щекотал.

В небе летал годза, но слишком далеко, чтобы заметить их. Пушистики сели и стали следить за годза; тот резко развернулся, задрав одно крыло, пошел вниз и скрылся из виду.

— Годза что-то увидел, — сказал Камнелом. — Пошел вниз, будет есть.

— Хорошо, если не Народ, — сказала Большая.

— Здесь мало Народа, — сказал Мудрый. — Мы давно не видели других из Народа.

Это было много-много дней назад, далеко отсюда по правую руку от солнца, когда они последний раз разговаривали с другими из Народа, с группой из двух самцов и трех самочек. Они разговаривали долго и вместе сделали логово, а на следующий день расстались и разошлись охотиться. С тех пор они не видели других из Народа. Теперь они стали разговаривать об этом.

— Когда увидим снова, покажем блестячки, — сказал Хромой. — Никто раньше не видел такой блестячки.

Годза появился снова, и теперь они услышали шум его крыльев. Годза начал описывать широкие круги, постепенно приближаясь.

— Ел недолго, — сказал Пыряло. — Что-то маленькое. Еще голодный.

Возможно, теперь для них было бы лучше оставить это место и спуститься вниз, где деревья были гуще. Мудрый собрался сказать об этом, когда услышал резкий, но не неприятный звук, который они слыхали у ручья после того, как шум-гром убил троих годза. Мудрый узнал этот звук, и другие тоже узнали.

— Прячьтесь в кусты, — приказал Мудрый. — Лежите тихо.

Это было крохотное пятнышко в небе, далеко по левую руку от солнца, но оно очень быстро увеличивалось, и звук делался громче. Мудрый заметил, что звук идет за этим пятном, и удивился, почему это так. Потом они спрятались в кусты и стали лежать очень тихо.

Эта штука, которая летела, была очень странной. У нее не было крыльев. Она была плоской, закругленной спереди и заостренной сзади, как семечко дыни, и ярко блестела. Но там не было никаких летящих Больших, которые несли бы эту штукку. Она летела сама по себе.

Штука направилась к годза и прошла почти прямо над ними. Годза повернулся и попытался спастись бегством, но летающая штука быстро догнала его. Потом раздался звук — не резкий треск, как при шум-громе, а такой, словно что-то порвалось. Может быть, так звучит шум-гром, если слышать его поближе. Этот звук длился два удара сердца, а потом годза распался на кусочки, и эти кусочки попадали вниз. Странная летающая штука немного спустилась, медленно развернулась и полетела обратно.

— Хорошая штука, убила годза, — сказал Пыряло. — Может, увидела нас и убила годза, чтобы годза не убил нас.

— Может, убила годза для забавы, — сказала Большая. — Может, потом убьет нас для забавы.

Теперь летающая штука двигалась прямо к ним, ниже и медленнее, чем тогда, когда гналась за годза. Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель захотели убежать. Мудрый крикнул на них, чтобы они лежали тихо. Никто не может убежать от такой штуки. Правда, Мудруму тоже хотелось убежать и пришлоось очень постараться, чтобы заставить себя лежать неподвижно.

Передняя часть летучей штуки была открытой. Теперь Мудрый по крайней мере мог заглянуть в нее, хотя там еще было что-то странное и блестящее. Потом Мудрый ахнул от удивления. В летучей штуке сидели двое больших из Народа! Не из такого Народа, как они сами, но все же из Народа. У них были лица, как у Народа, с двумя глазами впереди, а не по одному с каждой стороны, как у зверей. У них были руки, как у Народа, но их плечи были покрыты не мехом, а чем-то странным.

Значит, это и есть летающие Большие. У них не было крыльев; когда они хотели лететь, они входили в эту штуку вроде семечка, и она летела для них, а когда они хотели сойти на землю, они спускались и выходили. Теперь Мудрый знал, какая это большая тяжелая вещь сломала кусты и раздавила камни. Это могла быть какая-нибудь живая штука, которая делает то, чего от нее хотят Большие. Нужно будет об этом подумать. Но Большие оказались просто большим Народом.

Летучая штука прошла над ними и улетела дальше; резкий дрожащий звук сделался слабым, и штука исчезла. Большие в штуке видели их и не стали бросаться шум-громом. Может, Большие знали, что они — тоже Народ. Никто из Народа не убивает других из Народа для забавы. Народ дружит с Народом и помогает друг другу.

Мудрый встал. Другие тоже встали вместе с ним, но все еще продолжали бояться. Мудрый тоже боялся, но он не должен был показывать это остальным. Мудрый не должен бояться. Пыряло боялся меньше, чем остальные; он сказал:

— Большие видели нас и не убили. Убили годза. Большие хорошие.

— Ты не знаешь, — заспорила Большая. — Никто не знает о Больших, которые летают сверху.

— Большие убили годза, помогли нам, — сказал Мудрый. — Большие друзья.

— Большие могут делать шум-гром, делать нас мертвыми, как годза, — настаивал Камнелом. — Может, Большие придут обратно. Нам сейчас нужно идти далеко-далеко, тогда они нас не найдут.

Теперь все принялись кричать, кроме Пыряла. Большая и Камнелом кричали громче остальных. Они не знают про Больших; никто никогда не говорил про Больших; никто ничего про них не знает. Они боялись Больших больше, чем годза. С ними сейчас было без толку спорить. Мудрый осмотрел все пространство, видное с вершины холма. Большая течь-вода в стороне, где встает солнце, была слишком широкой, чтобы через нее перейти — Мудрый это видел. Там были маленькие течь-вода, впадающие в большую, но они могли пройти до того места, где течь-вода станет маленькой и ее можно будет перейти.

— Мы пойдем, — сказал Мудрый. — Может, найдем затку.

Через бронированное лобовое стекло аэрокара Герд ван Рибек видел накренившуюся вершину холма и закружившееся небо, испещренное облаками. Он отпустил кнопку кинокамеры и потянулся за сигаретами, лежавшими на приборной доске.

— Пройдемся над ними еще раз, а, док? — спросил полицейский из ЗСОА, сидевший за пультом управления.

Герд покачал головой:

— Нет, не надо. Мы их и так перепугали до чертиков, не стоит усугублять. — Герд закурил. — Полагаю, нам стоит спуститься к реке и сделать круг над обоими берегами. Тогда мы сможем увидеть еще пущистиков.

Герд не слишком на это надеялся. Севернее Границы пущистиков было немного. Здесь мало сухопутных креветок. Нет затку, нет и хокфусина; нет хокфусина, нет и жизнеспособных детей. Это и так было генетическим чудом, что пущистики вообще еще сохранились. И даже если бы в лесу было полно пущистиков, они, с их чувствительностью к ультразвуковому диапазону, должны были слышать вибрацию антигравитационного поля аэрокара и прятались прежде, чем их можно было заметить.

— Мы можем поискать еще гарпий, — прежде чем поступить в ЗСОА, полицейский Арт Парнаби пас вельдбизонов на континенте Дельта, так что его не нужно было учить недолюбливать гарпий. — Слыши, парень, а ты неплохо разнес ее на куски!

Здесь гарпии попадались редко. На континенте Бета их вообще почти повывели. Они совсем исчезли в тех районах юга, где разводили крупный рогатый скот. Компания прогнала или перестреляла их вдоль Большого Черноводья, а теперь на территории резервации за них взялись ЗСОА. Герд полагал, что он, как натуралист, должен сожалеть о вымирании любого вида живых существ, но он не мог представить себе вид, более заслуживающий вымирания, чем «псевдоптеродактиль гарпия заратуштрианская». Наверно, у гарпий было свое место в общей экологической цепочке — свое место есть у всех. Например, они могли быть уборщиками падали, хотя предпочитали только что убитую добычу. Возможно, они могли уничтожать слабых или больных животных других видов, хотя пастухи — хотя бы тот же Арт Парнаби — утверждали, что нет такой гарпии, которая станет возиться с большой коровой, если у нее есть возможность ухватить здорового упитанного теленка.

— Интересно, это не та же самая компания, которую видели вы с Джеком в тот раз, когда нашли солнечники? — сказал Парнаби.

— Может, и та. В той группе было восемь пущистиков, и в этой, похоже, столько же. Правда, это было в двух сотнях миль к северу отсюда, но с тех пор уже прошло три недели.

Аэрокар спустился ниже. Над Желтой рекой они шли на высоте двухсот футов. Здесь река была широкой и медлительной, с отмелями и песчаными берегами. Герд увидел несколько кустов с наполовину увядшей листвой; Грего со своей компанией подыгрывал их в каньоне неделю назад, и их все еще несло по течению. С обеих сторон в реку впадали притоки. Некоторые из них были достаточно велики, чтобы стать преградой для пущистиков. Пущистики плавают довольно хорошо — Герд сам видел, как они переправляются через речку, держась за какую-нибудь

плавучую деревяшку, — но не любят этого занятия и непускаются вплавь без крайней необходимости. Обычно они идут вдоль ручья до тех пор, пока он не станет достаточно узким, чтобы его можно было перейти вброд.

Они видели множество животных — изящных существ, похожих на трехрогих оленей. Их существовало около дюжины видов, но всех их без разбора называли заразайцами. Пушистики называли всех этих животных такку. Однажды Герд видел крупную трехрогую чертову скотину, которую пушистики называют хешназза. Он успел отснять несколько кадров, прежде чем зверь заметил аэрокар и сбежал. Это было несчастное создание; первоначально оно было травоядным, потом приобрело вкус к мясу, но не могло добывать достаточно пищи, чтобы ее хватало для поддержания этой огромной туши, и ему приходилось добирать необходимое за счет молодой листвы и побегов. И вообще зоология этой планеты была чокнутой. За это Герд и любил Заратуштру.

Они добрались до того места, где Озерная река впадала в Желтую. Устье было гораздо шире, чем сам его поток. Озерная река текла почти точно с юга, в то время как Желтая река текла с востока. Между ними не было никаких отмелей. Поток был стремительным, и вода пенилась вокруг голых скал. На горизонте виднелась стена Границы. Под конец патрульные уже могли разглядеть утесы каньона. Впереди виднелась кружавшая в небе точка, но то была не гарпия. Это был один из топографических аэрокаров ЛКЗ, который занимался аэрофотосъемками, радиарными промерами и сканированием. Герд посмотрел на часы. Почти 17.00. Скоро время пить коктейль. Герду хотелось узнать, сколько пушистиков встретил лейтенант Бьюрнсен к югу от Границы и сколько гарпий он подстрелил.

Глава 6

Всю дорогу из Хоксу-Митто пушистики были возбуждены: Папа Джек взял их с собой в Место Больших Домов. К тому времени как на горизонте появился Мэллори-порт, высокие здания, темнеющие на фоне леса, все пушистики уже визжали от восторга, а некоторые даже позабыли, что должны разговаривать как Большие. Они прошли над городом на высоте пять тысяч футов, и машина заскользила вниз. Маленький Пушистик узнал здание Компании.

— Смотрите! Место Алмаза! Папа Джек, мы пойдем туда, увидим Алмаза и Папу Вика?

— Нет, мы пойдем в место Папы Бена, — ответил Холлоуэй. — Папа Вик и Алмаз придут туда. Будет большая вечеринка, туда придут все: Папа Бен, Флора, Фаун, Папа Вик, Алмаз... — Все пушистики принялись наперебой добавлять имена друзей, которых они ожидали увидеть. — Смотрите, — Холлоуэй показал направо, на здание Верховного суда. — Вы знаете это место?

Они знали. Это было Большая Комната Говорить-Место. Они там немало позабавились, по третьему кругу проходя судебное испытание. Холлоузэй до сих пор смеялся, вспоминая об этом. Автолет сделал круг над Домом Правительства. В отличие от остальных официальных зданий Мэллори-порта, оно раскинулось вширь, а не тянулось ввысь. Крыша Дома Правительства была сделана в форме террасы, а вокруг виднелся парк. Толпа пущистиков и людей рассыпалась по северной лужайке в непринужденной обстановке вечеринки на свежем воздухе. Потом автолет приземлился, и пущистики стали выпрыгивать наружу, как только было убрано антигравитационное поле.

Одна из групп собралась у подножия северного эскалатора. Большинство из них принадлежали к маленькому народцу с золотистым мехом — Флора и Faун Бена Рейнсфорда, Алмаз Виктора Грего, Пьеро и Коломбина мистера Пендарвиса и еще пять пущистиков, которых звали Аллан Пинкертон, Арсен Люпен, Шерлок Холмс, Ирен Адлер и Мата Хари. Они были членами детективного бюро Компании, и они же были исправившимися преступниками. По крайней мере, все они были арестованы при попытке обчистить сокровищницу Компании и стали живым доказательством преступной деятельности шайки людей, сделавших из них грабителей.

Среди пущистиков стояли высокая девушка с медно-рыжими волосами и смуглокожий мужчина, чей изящный фрак слегка оттопырился слева под мышкой. Это был Ахмед Хадра, детектив-капитан из отдела расследований Сил по охране аборигенов. Девушка была Сандря Гленн, ухаживавшая за пущистиками Виктора Грего. Похоже, Грего скоро придется уступить ее Хадре — если, конечно, солнечник на левой руке девушки что-то значит.

Пущистики Холлоузэя понеслись по эскалатору, торопясь приветствовать остальных. Холлоузэй ухитрился пробраться через толпу к Ахмеду и Сандре и перекинуться с ними несколькими словами, прежде чем на них обрушились пущистики. Алмаз, Флора, Faун и другие принялись дергать Холлоузэя за штаны, желая, чтобы он обратил на них внимание, а пущистики Холлоузэя стали теребить Дядю Ахмеда и Тетю Сандрю. Холлоузэй присел на корточки и принял здороваться с пущистиками и гладить их. Беби проворно вскарабкался на плечо Ахмеду. По крайней мере, его уже удалось научить не усаживаться людям на голову, как раньше иногда бывало. Посреди болтающих пущистиков, которые все поголовно желали, чтобы с ними разговаривали, Холлоузэй все же ухитрился продолжить разговор с Ахмедом и Сандрой — в основном о Клубе пущистиков, которым Сандра заведовала.

— Это будет просто одна большая непрерывная вечеринка пущистиков, — сказала Сандря. — Надеюсь, нам не слишком это надоест.

Идея принадлежала Виктору Грего. Он выделил деньги и отдал под это дело нижний этаж одного из зданий Компании и прилегающий к нему парк. Люди, принявшие пущистиков в семью, не могли заниматься только ими одними, да и самим пущистикам, живущим в человеческих семьях, хотелось поболтать и поиграть с себе подобными. Клуб пущистиков должен был стать тем местом, где они могли собираться, и при этом за ними можно было присматривать, чтобы они не озорничали и не причиняли никакого вреда.

— Когда торжественное открытие? Я обязательно на него приду.

— О, через несколько недель. После того, как мы с Ахмедом поженимся. Нам все еще очень многое нужно организовать, и я хочу, чтобы девушка, которая займет мое место при Алмазе, получше познакомилась с ним, а он с ней, прежде чем я уйду, и ей придется справляться с Алмазом в одиночку.

— С тобой трудно справиться? — спросил Холлоуэй у Алмаза, взъерошил его мех, а потом снова пригладил.

— На самом деле нет. Он очень хороший. Просто нужно, чтобы эта девушка побольше о нем узнала, вот и все. Алмаз очень помогает нам с Клубом пущистиков, дает всяческие советы, иногда просто блестящие.

Алмаз разговаривал с Маленьkim Пущистиком и с другими об этом новом месте для пущистиков. Пять бывших похитителей драгоценностей сняли Беби с Хадры и устроили вокруг него великую суматоху, к гордости и удовольствию Мамули. Ко-Ко, Золушка, Майк и Мицци отправились на прогулку с Пьеро и Коломбиной. Маленький Пущистик дергал Холлоуэя за штаны.

— Папа Джек! Можно Маленькому Пущистику пойти с Фло'ой и Фауном? — спросил он.

— Ну конечно. Беги и играй. Папа Джек пойдет поговорит с другими Большинами, — Холлоуэй повернулся к Сандре и Ахмеду: — Ваше семейство не хочет коктейль-пить?

— Мы уже, — сказал Ахмед.

— Нам надо будет скоро позаботиться об обеде для пущистиков, — добавила Сандра.

Холлоуэй сказал, что в таком случае пойдет посмотрит, что тут делается, и, набивая трубку, неспешно двинулся через толпу, окружающую робота-бармена. Алмаз составил ему компанию. Правда, пущистик большей частью забегал вперед и ждал, пока Холлоуэй его догонит. И почему это Большие всегда еле тащатся? Вокруг творился форменный кавардак. В поле зрения Холлоуэя появились три пущистика, дующие в рога. За ними гуськом двигались три тачки. Каждую из них толкал один пущистик, еще по одному сидело в каждой тачке, а остальные бегали вокруг.

— Смотри, Папа Джек! Тачки! — воскликнул Алмаз. — Папа Бен дал. Игушки. Дядя Ахмед, Тетя Санд'а, у них будут тачки в новом месте для пущистиков.

Процессия продвинулась на сотню ярдов, остановилась и смешалась в кучу. Пущистики вытряхнули тех, кто катался, посадили новых, сменili тех, кто толкал тачки, и кавалькада двинулась дальше.

— Правильные ребята, — произнес кто-то рядом с Холлоузем. — Катаются по очереди.

Эти слова принадлежали Иву Джаниверу, помощнику судьи, мужчине с седыми волосами и бросающимися в глаза черными усами. Он сейчас возглавлял Суд по делам аборигенов. Одним из его спутников был рослый краснощекий Клайд Гэррик, главный кассир мэллорипортского банка. Второй, пожилой, худощавый, с челкой светлых волос, выбивающихся из-под черного берета, был Генри Стенсон, изобретатель. Холлоузэй поздоровался с ними и пожал им руки.

— Те трое, что только что спрыгнули, были мои, — сказал Стенсон.

Он позаимствовал их в Бюро опекунства, чтобы провести испытания преобразователей голоса, которые они изобрели вместе с Грего. Потом пущистики отказались возвращаться, и Стенсону пришлось их принять, а уж они его приняли сразу. Его пущистиков звали Микровольт, Рентген и Ангстрем. Ну и странные же имена некоторые люди дают пущистикам! Холлоузэй спросил, как они добрались.

— О, они прекрасно провели время, мистер Холлоузэй, — рассмеялся Стенсон. — Я отвлек их, поручив каждому какую-нибудь работу, чтобы они не лезли мне под руку. Каждый хотел помочь другому выполнить его работу. Я никогда не видел никого, кто так же любил бы помогать, как пущистики. Знаете, — добавил Стенсон, — они таки действительно мне помогают. У них зрение, как у микроскопа, и очень ловкие руки. — В устах Генри Стенсона эти слова были высшей оценкой. — Они ведь маленький народец и живут в меньших масштабах, чем мы. Если бы только их интереса хватало на более долгий срок! Когда они берутся за что-то, не стоит ожидать, что они непременно доведут дело до конца.

— Конечно, нет, если им надоело. К тому же они не понимают, чего от них хотят и почему.

— Да, не понимают, — согласился Стенсон. — Объяснить пущистику, что такое детектор масс или счетчик радиации... — Он ненадолго задумался. — Я, наверно, начну учить их ювелирному делу. Им нравятся красивые вещи, и из них могут получиться отменные ювелиры.

Это была неплохая идея. Где-нибудь через год можно будет провести выставку искусства и ремесел пущистиков. Нужно будет

обсудить это с Гердом и с Рут. Ну, и с Маленьким Пушистиком и Доктором Криппеном тоже, конечно.

Мимо пронесся десяток пушистиков — пятерка детективов, Мамуля, за которой несся Беби, и еще несколько других, которых Холлоуэй вроде должен был знать, но не мог вспомнить. В этом водовороте кружился большой красно-желтый мяч. Алмаз увязался за ними.

— Почему бы вам не научить их каким-нибудь играм с мячом, Джек? — спросил Клайд Гэррик. Он был спортсменом-любителем. — Например, футболу. Пушистики, играющие в футбол, — на это стоит посмотреть. — Пушистик, на которого катился мяч, перепрыгнул через него и упал на того, кто пнул мяч. — Или баскетбол — видели, как он только что прыгнул? Хотелось бы мне собрать команду из человеческих детей, которые могли бы так прыгать.

Холлоуэй покачал головой:

— Некоторые морские пехотинцы в Хоксу-Митто пытались научить пушистиков играть в футбол, — сказал он. — Из этого ничего не вышло. Они не видят смысла в правилах и не понимают, почему нельзя играть за обе команды одновременно. Если пушистик видит, что кто-то что-то делает, ему тут же хочется начать помогать.

Гэррик был шокирован. Он считал, что людей, не имеющих духа соперничества, вообще вряд ли можно называть людьми. Стенсон кивнул.

— Вот про это я и говорю. Они хотят помочь всем. Их может заинтересовать только такой вид спорта, в котором одинчка соревнуется сам с собой. Если вы научите пушистика чему-нибудь новому, он не успокоится, пока не сумеет сделать то же самое, но лучше.

— Стрельба из винтовки, — неохотно проворчал Гэррик. Он не считал стрельбу спортом. По крайней мере, не атлетическим спортом. — Я знаю стрелков, которые заявляют, что стрельба в одиночку привлекает их не меньше соревнований.

— Не знаю, не знаю. Пушистiku понадобится очень маленькое ружье и очень маленькие заряды. Ну подумайте, они же сами весят пятнадцать—двадцать фунтов. Отдача калибра 0,22 будет для пушистика такой же увесистой, как для меня от моего 12,7. Но насчет стрельбы — это хорошая мысль. Мы учим их делать луки и стрелы и стрелять. Вы, наверное, удивитесь: большинство пушистиков способны натянуть двадцатифунтовый лук — для них это то же самое, что стофунтовый лук для человека.

— Ого! — Гэррик посмотрел на водоворот золотистых тел вокруг разноцветного мяча. Существо, которое весит так мало и при этом способно натянуть двадцатифунтовый лук, заслуживает уважения, вне зависимости от наличия или отсутствия у него командного духа. — Вот что я вам еще скажу, Джек. Я объявлю розыгрыш кубков при региональных соревнованиях стрелков и

при отборочных соревнованиях мирового чемпионата, и можно будет начинать проводить турниры и организовывать команды. А через год мы сможем провести соревнование на звание чемпиона мира.

А что любой пущистик сделает с выигранным кубком!

— Но что мне на самом деле хотелось бы увидеть, — продолжал Гэррик, — так это настоящую, живую футбольную лигу пущистиков. Как вы думаете, не могли бы вы их заинтересовать?

Нет. И это чертовски хорошо. Если устроить футбол для пущистиков, вокруг тотчас организуется тотализатор. А насколько Джек знает Народ, любой из них способен проиграть игру ради кусочка ПР-З. И любой в обеих командах согласится сделать то, о чём попросит какой-нибудь Большой, просто затем, чтобы помочь. Нет, не надо нам такого футбола.

Во время разговора Холлоуэй продолжал пробираться через толпу поближе к роботу-бармену. Ив Джанивер, стакан которого был пуст, оказывал Джеку активное содействие в этом. Как только они приблизились на достаточное расстояние, Холлоуэй с судьей потребовали выпивки. Джек как раз запасался питьем, когда с ним поздоровалась Клодетт Пендарвис и спросила, давно ли он прибыл.

— Да только что. Я видел ваших пущистиков — они унеслись куда-то вместе с некоторыми из моих, — сказал Холлоуэй. — А судья еще здесь?

Нет, судьи здесь уже не было. Клодетт спросила у Джанивер, не знает ли он, где сейчас находится верховный судья. В зале, на совещании — он, Гас Браннард и еще некоторые юристы. Пендарвис и Браннард должны появиться немногого попозже. Мистер Пендарвис хотел бы знать, может ли он посетить Бюро опекунства, пока он находится в городе.

— Конечно, миссис Пендарвис. Завтра утром вас устроит?

Завтрашнее утро их вполне устраивало. Холлоуэй спросил, как идут дела. Клодетт сказала, что желающих взять пущистиков в семью стало меньше. Пожалуй, Холлоуэй этого и ожидал.

— Но зато больница хочет взять побольше пущистиков, чтобы они развлекали пациентов. У них уже есть несколько пущистиков, но они хотят побольше. Доктор Маллин говорит, что они очень хорошо влияют на некоторых психических больных.

— Ну и в школах мы можем использовать их более широко, — присоединившаяся к разговору женщина была миссис Хоквуд, заведующая детским садом и начальной школой. — У нас уже есть пара пущистиков в подготовительных классах. Вы знаете, что пущистики действительно учатся вместе с детьми?

Эти дети должны быть в возрасте от четырех до шести лет. Да, Холлоуэй вполне мог в это поверить.

— А почему только в подготовительных классах, миссис Хоквуд? — спросил Холлоуэй. — Переведите их в класс, который учит буквы, и увидите, как быстро пущистики их выучат. Могу

поспорить, что они выучат их быстрее, чем шестилетние дети людей.

— То есть вы предлагаете научить пущистиков читать?

Эта идея никогда прежде не приходила Холлоузю в голову и теперь показалась ему весьма любопытной. Очевидно, миссис Хоквуд она тоже не приходила, и теперь Холлоуз мог наблюдать за ходом ее размышлений, отражавшимся у нее на лице. Научить пущистиков читать? Но это нелепо, читать могут только люди. Но пущистики тоже люди — их официально признали разумными существами. Но все же они — пущистики, они не такие. Но тогда...

В этот момент появился Бен Рейнсфорд, извинился за то, что не поздоровался с ним раньше, и спросил, прибыло ли его семейство вместе с ним. Разговаривая с Рейнсфордом, Холлоуз увидел приближающихся Гаса Браннарда и верховного судью Пендарвиса. Верховный судья взял бокал вина для себя и коктейль для жены; они отошли вместе. Браннард — большой, бородатый, представительный и одетый, несмотря на дотошный судейский протокол, в охотничий костюм, взял стакан с неразбавленным виски. Подошли и включились в разговор Виктор Грего и Лесли Кумбс. Потом кто-то утащил Рейнсфорда в сторону, чтобы поговорить с ним.

Вот в чем проблема подобных вечеринок — всех видишь и ни с кем не можешь поговорить. Теперь и в Хоксу-Митто по вечерам творилось почти такое же безобразие. Краем глаза Холлоуз заметил, что миссис Хоквуд направляется к Эрнсту Маллину. Маллин был большим авторитетом в области психологии пущистиков; если Маллин скажет, что пущистиков можно научить читать, миссис Хоквуд в это поверит. Холлоуз и самому хотелось поговорить с Эрнстом — и об этом, и о многих других вещах, но не посреди такого балагана.

Мимо прошествовал парад тачек, помедленнее и не так шумно. Чуть позже компания, гонявшая мяч, отправилась толкать тачки. Беби запрыгнул в одну и перевернулся. У пущистиков начался обеденный перерыв, и они оттащили все игрушки туда, откуда взяли. Холлоузу понравилась идея о присутствии пущистиков в школах для человеческих детей — это может оказать на них цивилизующее влияние. Через некоторое время пущистики вернулись обратно, болтая о еде.

Для Больших тоже наступило время перекусить. Их пришлось собирать вместе дольше, чем пущистиков, и потом они, разумеется, застяли на верхней террасе, где Сандра Гленн, Ахмед Хадра и персонал Дома Правительства организовали для пущистиков шведский стол. Еда стояла на большом вращающемся столе. Пущистики сочли это очень забавным. Смотревшие на них люди тоже. Наконец люди отправились в обеденный зал. Поскольку не все гости явились с дамами, разбить присутствующих попарно, подобно пассажирам ковчега, не представлялось

возможным. Джека Холлоуэя посадили между Беном Рейнсфордом и Лесли Кумбсом, напротив Виктора Грего и Гаса Браннарда.

К тому времени как роботы-официанты убрали пустые тарелки из-под десерта и принесли кофе и ликеры, пущистики начали просачиваться в зал. Они уже давным-давно управились со своим обедом. Начало темнеть, и пущистики хотели находиться там же, где и Большие. Винить их за это было трудно — ведь это была их вечеринка, не так ли? Они вошли робко, словно благовоспитанные дети, следя, чтобы ни к чему не прикасаться, и поздоровались с людьми.

Алмаз подошел к Грего. Грего погладил пущистика и посадил его на край стола. Рейнсфорд отодвинул свой стул назад, и Флора с Фауном вскарабкались ему на колени. На Гаса Браннарда карабкалось сразу четверо или пятеро. Маленький Пущистик тоже захотел сесть на стол, после чего проворно расстегнул сумку, вытащил свою маленькую трубку и закурил. Несколько пущистиков подошли к Лесли Кумбсу с просьбой: «Дядя Лесси, пожалуйста, дай заку́ть», — и Кумбс зажег для них сигареты. Кумбсу нравились пущистики, и он обращался с ними так же серьезно и вежливо, как со своими друзьями-людьми, но не любил, чтобы пущистики забирались ему на руки, и те об этом знали.

— Бен, давай подпишем эти соглашения, — сказал Грего. — Потом мы сможем уделить малышам побольше внимания.

— И где же мы будем их подписывать — в твоем офисе? — спросил у Рейнсфорда Холлоуэй.

— Нет, подпишем их прямо здесь, на столе, чтобы все могли видеть. Ведь вечеринка проводится именно по этому поводу, разве не так? — сказал Рейнсфорд.

Они очистили место на столе для генерал-губернатора, ссадив пущистиков на пол или передав их тем, кто сидел по другую сторону. Были принесены бумаги, по три копии каждого соглашения. Рейнсфорд передал бумаги одному из своих секретарей, чтобы тот зачитал их вслух. Первым было общее соглашение, по которому колониальное правительство соглашалось передать в аренду сроком на девятьсот девять лет лимитированной компании «Заратуштра» все незаселенные государственные земли, кроме района на континенте Бета, отведенного под резервацию пущистиков. В обмен на это лимитированная компания «Заратуштра» согласна продолжать выполнять все те невыгодные общественные работы, которые прежде выполняла лицензионная Компания «Заратуштра», и, в дополнение к этому, основать научный центр, который будет заниматься исследованием расы, известной как «пущистик разумный заратуштрианский», ради благосостояния этой расы. Кроме северной части континента Бета, новая Компания получала обратно как арендатор все, что по Решению Пендарвиса потеряла как собственник.

Сперва документ был подписан Рейнсфордом и Грего, потом — Гасом Браннардом и Лесли Кумбсом как соотечественниками, потом несколькими свидетелями, выбранными наугад из числа присутствующих. После этого соглашение о Каньоне Желтого Песка могло считаться вступившим в силу. Холлоуэй как специальный уполномоченный по делам аборигенов имел к этому делу большой интерес. Компания получала в аренду — также на девятьсот девяносто девять лет — участок площадью в пятьдесят квадратных миль вокруг Каньона Желтого Песка, с правом добычи полезных ископаемых, строительства зданий и вывоза с этого участка добытых солнечников и других минералов. Правительство соглашалось передать Компании в аренду и другие участки земли, при условии, что это разрешит комиссия по делам аборигенов, и обязалось не сдавать в аренду земель из резервации пущистиков без согласия Компании. Компания обязалась платить проценты с дохода от продажи всех добытых солнечников в размере четырехсот пятидесяти солов с каждого карата, причем оговаривалось, что эти деньги должны поступать колониальному правительству и употребляться на нужды пущистиков; деньги полагались класть в банк, а проценты должны были идти правительству на административные расходы. Ну что ж, это соглашение давало правительству немалую прибыль, делало пущистиков богатыми, а лимитированная компания «Заратуштра» получала куда больше, чем потеряла компания лицензированная. Так что это было выгодно всем.

Рейнсфорд, Грего, Гас и Лесли Кумбс подписали соглашение, потом свою подпись поставил Джек Холлоуэй как специальный уполномоченный по делам аборигенов, а потом — полдюжины свидетелей.

— А как насчет того, чтобы кто-нибудь из пущистиков тоже поставил подпись? — спросил Грего, осматривая толпу пущистиков, которые взбрались на стол, чтобы получше видеть, что это там делают Большие. — Это их резервация и их солнечники.

— Но, Виктор, — попытался возразить Кумбс, — они не могут это подписать. Они — аборигены, они ничего в этом не смыслят и по закону приравниваются к несовершеннолетним. И, кроме того, они не умеют писать. По крайней мере, пока не умеют.

— Они могут поставить отпечатки пальцев рядом со своими именами, как это делают неграмотные люди, — сказал Гас Браннард. — И они могут поставить подписи в качестве дополнительных свидетелей. Ни в качестве аборигенов, ни в качестве несовершеннолетних они не лишены права свидетельствовать о вещах, касающихся их личного опыта или наблюдений. Я собираюсь приговорить Лео Такстера, Ивинсов и Фила Новиса к расстрелу на основании показаний пущистиков.

— Генеральный судья Пендарвис, выскажите, пожалуйста, свое мнение по этому поводу, — сказал Лесли Кумбс. — Я не

против, чтобы несколько пущистиков поставили свои подписи под соглашением, если это не лишит документ законной силы.

— Ни в коем случае, мистер Кумбс, — произнес Пендарвис. — По крайней мере, я полагаю, что это не причинит никакого вреда. А вы как считаете, судья Джанивер?

— Конечно, они могут быть свидетелями, — согласился Джанивер. — Пущистики присутствуют здесь и могут засвидетельствовать то, что сами видели.

— Я думаю, — сказал Пендарвис, — что нужно объяснить пущистикам, для чего ставятся эти подписи.

— Мистер Браннард, не хотите ли попытаться? — спросил Кумбс. — Вы можете объяснить теорию земельной собственности, права на пользование земельными недрами и договорные обязательства в терминах, доступных пониманию пущистиков?

— Джек, попробуй лучше ты. Ты больше меня знаешь о пущистиках, — сказал Браннард.

— Ну ладно, я могу попробовать.

Холлоуэй повернулся к Алмазу, Маленькому Пущистику, Мамуле и еще нескольким, сидящим поближе к нему.

— Большие делают имена-знаки на бумаге, — сказал он. — Это значит, что Большие пойдут в лес — в то место, откуда пришли пущистики, — копать ямы, доставать камни, продавать их другим Большим. Потом они получат хорошие вещи, отдадут их пущистикам. Сделают имена-знаки на бумаге для пущистиков, пущистики сделают пальцы-знаки.

— Зачем делать пальцы-знаки? — спросил Маленький Пущистик. — Чтобы получить диски? — он прикоснулся к серебряному диску, висевшему у него на шее.

— Нет, просто делать пальцы-знаки. Потом, если кто-то спросит, пущистики скажут: да, мы видели, как Большие делали имена-знаки.

— Но зачем? — Алмазу хотелось все понять. — Большие дают пущистикам хоёшие вещи уже сейчас.

— Это такая игра у Больших, — сказала Флора. — Папа Бен играет в это все время, делает имена-знаки на бумаге.

— Совершенно верно, — сказал Браннард. — Большие так играют. Очень большая игра. Большие называть ее Закон. А теперь смотрите, что будет делать Дядя Гас.

Глава 7

— Ну что ж, я был не прав, — сказал Гас Браннард. — Я очень рад признать свою ошибку. Я получил несколько докладов из разных мест, и мнение издателей одинаково благоприятное.

Лесли Кумбс на экране кивнул. Он находился у себя в квартире, в библиотеке. На столе перед ним располагалась чашка с кофе, груда бумаг и листы с распечатками.

— Конечно, мнение издателей еще не означает выигранных выборов, но доклады, поступающие из низов, тоже благоприятны.

Все идет так же, как всегда, а это именно то, чего желает большинство людей. Новости должны принести нам дополнительные голоса, вместо того чтобы лишить их. Ведь люди Хьюго Ингерманна распускали слухи, будто все будут разорены налогами, для того, чтобы пущистики жили в роскоши, например... А теперь оказалось, что пущистиков будет содержать правительство.

— Виктор еще в городе?

— Нет. Он отправился в Каньон Желтого Песка еще до рассвета. Он всю последнюю неделю занят тем, что перебрасывает в каньон людей и оборудование с Большого Черноводья. Возможно, в данный момент они уже начали долбить породу, чтобы добраться до солнечников.

Браннард засмеялся. Ну точно тебе мальчишка, которому подарили новое ружье — не терпится его испытать.

— А Алмаза он тоже взял с собой, я полагаю?

Грего никогда не расставался со своим пущистиком.

— Ну что ж, почему бы вам не зайти в Дом Правительства на коктейль? Джек сейчас в городе. Мы сможем наконец спокойно поговорить, чтобы нас не перебивали все кому не лень, и люди, и прочие разумные, как вчера вечером.

Кумбс ответил, что будет очень рад. Они поговорили еще несколько минут, потом сеанс связи закончился, но тут же снова зазвучал зуммер. Когда Браннард нажал на кнопку приема, на экране появилось лицо его секретарши, причем выражение лица было таким, словно девушка обнаружила у себя на столе сдохшую неделю назад змею.

— Достопочтенный — технически, конечно, — Хьюго Ингерманн, — сказала секретарша. — Он уже десять минут пытается добраться до вас.

— Ладно, раз уж это мой долг, попытаюсь с ним разобраться, — ответил Браннард. — Соедините меня с ним, — и Гас включил записывающее устройство.

Экран замигал, потом очистился, и на нем появилось полное, ухоженное лицо, дружелюбное и искреннее, с невинно распахнутыми голубыми глазами. Лицо человека, которому доверился бы любой — если не был знаком с его обладателем поближе.

— Доброе утро, мистер Браннард.

— Утро действительно доброе, мистер Ингерманн. Чем могу быть вам полезен? Кроме отмены смертного приговора, конечно.

— О, я полагаю, что это я могу быть вам полезен, мистер Браннард, — Ингерманн сиял, как директор сиротского приюта рождественским утром. — Как вы посмотрите на признание своей вины со стороны Лео Такстера, Конрада и Розы Ивинсов и Фила Новиса?

— Я не могу принимать это во внимание. Вы знаете, что признание вины по основному обвинению недопустимо.

Несколько мгновений Ингерманн смотрел на Браннарда в притворном изумлении, потом рассмеялся:

— По этим нелепым обвинениям? Нет, мои клиенты признают свою вину по приличному и законному обвинению первой степени в грабеже, хищении и преступном сговоре. Это, конечно, в том случае, если правительство согласится снять свои смехотворные обвинения в совращении и порабощении.

Браннард сдержал искреннее желание спросить у Ингерманна, в своем ли он уме. Хьюго Ингерманн был кем угодно, но не сумасшедшим. Вместо этого Гас поинтересовался:

— Вы считаете меня слабоумным, мистер Ингерманн?

— Я надеюсь, что вы достаточно разумны, чтобы увидеть выгоду моего предложения, — ответил Ингерманн.

— Ну что ж, как ни жаль, но я ее не вижу. Выгоду для ваших клиентов — да; для них это разница между двадцатью годами заключения и пулей десятого калибра в затылок. Но боюсь, что выгода для колонии куда менее очевидна.

— Ничуть не менее. Вы не сможете доказать эти обвинения, и вы об этом знаете. Я даю вам возможность сорваться с крючка.

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Ингерманн. Но боюсь, что я не могу принять данного предложения, продиктованного вашей исключительной добротой. Вам придется опровергать эти обвинения в суде.

— Вы думаете, я не смогу их опровергнуть? — Телерь Ингерманн всем своим видом выражал презрение. — Вы предъявляете моим клиентам обвинение в совращении, если я правильно понял? Вы отлично знаете, что, когда мы имеем дело со взрослыми, о совращении речи идти не может. А вам не хуже меня известно, что пушкистики являются взрослыми.

— С юридической точки зрения они приравнены к детям.

— Они приравнены к детям по постановлению суда. Это постановление не только противоречит физическому факту, но также является вопиющей узурпацией законодательной власти судом и, следовательно, неконституционно. И потому я намерен его оспорить.

Но ведь это дохлое дело! Правительство может допустить, чтобы это постановление было оспорено. Ведь в этом случае... А! Видимо, на это он и рассчитывает. Браннард пожал плечами:

— Мы можем и не настаивать на том, что ваши клиенты повинны в совращении. Вполне довольно доказанного обвинения в порабощении. В этом хорошая сторона смертной казни — никого не нужно расстреливать больше одного раза.

Ингерманн презрительно рассмеялся:

— Вы думаете, что можете погубить моих клиентов ложным обвинением в порабощении? Эти пушкистики были не рабами, а сообщниками.

— Их напоили допьяна, в этом состоянии вывезли из места обитания, лишили их свободы перемещения, вынуждали выполнять определенную работу, а за неудачу наказывали заключением в карцер, голодом и пытками электрошоком. Если это не

соответствует классическому описанию условий порабощения, то мне хотелось бы услышать, как это еще можно назвать.

— И что, пущистики обвиняют моих клиентов в этих преступлениях? — спросил Ингерманн. — И проверка на детекторе лжи показала разницу между правдивыми и лживыми заявлениями пущистиков?

Нет, пущистики не выдвигали обвинений, и в этом заключалась только половина проблемы. Вторая же половина состояла в том, чего Браннард все время боялся.

— Можете не отвечать, я сам вам все скажу, — продолжал Ингерманн. — Они не выдвигали обвинений по той простой причине, что пущистиков невозможно подвергнуть проверке на детекторе лжи. Я получил эти сведения от доктора Эрнста Маллина, главного пущистиколога Виктора Грего. Полиэнцефалографический детектор лжи просто не реагирует на пущистиков. А теперь можете выставлять этих пущистиков против моих клиентов, и посмотрим, что из этого получится.

Это было правдой. Маллин, с его убежденностью в том, что всякая научная информация должна быть опубликована, заявил, что, сколько он ни работал с пущистиками, синий цвет на детекторе ни разу не сменился красным, свидетельствующим о лжи. Кроме того, Маллин заявил, что во время его опытов ни один пущистик ни разу не сказал ни слова лжи, ни под детектором, ни просто так. Но с этим Ингерманн решил не считаться.

— А что касается обвинения в совращении, если вы действительно верите, что пущистики по умственному развитию соответствуют несовершеннолетним, то почему вы сочли нужным, чтобы десяток пущистиков поставили отпечатки пальцев под соглашением об аренде Каньона Желтого Песка? Несовершеннолетние не подписывают подобные документы.

Браннард засмеялся.

— Ну это как раз была просто забава для пущистиков, — сказал он. — Они хотели делать то же самое, что делают Большие.

— Мистер Браннард! — Ингерманн произнес это тоном отца, которому его пятилетний сын только что сообщил, что банда разбойников в черных масках пришла и украла коробку с печеньем. — Вы полагаете, что я действительно в это поверю?

— Меня ни в малейшей степени не волнует, поверите вы в это или нет, мистер Ингерманн. Хотите ли вы сообщить мне еще что-либо?

— А что, этого недостаточно? — поинтересовался Ингерманн.

— До суда остается меньше месяца. Если за это время вы измените свое мнение, и если в вас восторжествует благоразумие, — позвоните мне. А пока прощайте.

Обычно пилот автолета Виктора Грего не был безумным... но разве что только в то время, когда он брался за рычаги управ-

ления. Каньон Желтого Песка находился на расстоянии трех часовых поясов к востоку от Мэллори-порта, и когда они прилетели на место, солнце стояло гораздо выше, чем тогда, когда они вылетали. Алмаз тоже это заметил и не преминул высказать-ся по этому поводу.

На посадочной площадке, расположенной на крыше здания Дома Правительства, их встретил сержант морской пехоты.

— Мистер Грего! Мистер Кумбс и мистер Браннард сейчас находятся у губернатора, в его кабинете.

— Никто не явится сюда, чтобы попытаться арестовать моего пущистика? — спросил Грего.

Сержант улыбнулся:

— Нет, сэр. Хоть он и обвиняется во всем, кроме космического пиратства, государственной измены и убийства, как и остальные, но начальник полиции Фейн сказал, что не станет арестовывать никого из них, если они завтра явятся в Апелляционный суд.

— Благодарю вас, сержант. Ну что ж, тогда это мне здесь не нужно. — Грего отстегнул пистолет, обмотал ремень вокруг кобуры и бросил пистолет на заднее сиденье автолета, потом поднял Алмаза и посадил его себе на плечо. — Найдите себе занятие на пару часов, — сказал он пилоту. — Но не уходите далеко, чтобы мне не пришлось долго вас искать.

У эскалатора Грего сказал то же самое Алмазу, посмотрел, как тот несется вниз и мчится по саду в поисках Флоры, Фауна и остальных своих друзей. Потом Виктор вошел в здание и нашел Лесли Кумбса и Гаса Браннарда. Они вместе с Беном Рейнсфордом сидели за овальным столом в малом зале для совещаний. Они обменялись приветствиями, и Грего тоже присел за стол.

— Что за чертовщина здесь творится с этими арестами пущистиков? — сердито спросил Грего. — В чем они обвиняются?

— Они пока что ни в чем не обвиняются, — ответил Браннард. — Хьюго Ингерманн подал начальнику полиции колонии заявление против шестерых пущистиков. Он обвиняет Аллана Пинкертонса, Арсена Люпена, Шерлока Холмса, Ирен Адлер и Мату Хари в преступлении первой степени тяжести — в грабеже, в хищении в особо крупных размерах и в преступном говоре, а Алмаза — в укрывательстве и в соучастии. Но они не считаются обвиняемыми до завтрашнего дня, пока обвинение не будет зачитано в Апелляционном суде.

Апелляционный суд был чем-то наподобие древнего института жюри присяжных — он решал, следует ли начинать по данному делу судебное разбирательство. До тех пор пока обвинение рассматривалось Апелляционным судом, оно еще не являлось обвинением как таковым.

— Ну ладно, но вы же не допустите, чтобы суд принял это обвинение?

Прежде чем Браннард ответил, в зал вошли Джек Холлоуэй и Эрнст Маллин. Холлоуэй был вне себя, кончики его усов закрутились, а в глазах сверкала дикая ярость. Наверное, именно так он выглядел, когда избил Келлога и застрелил Борха. Эрнст Маллин выглядел потрясенным: он уже был вовлечен в одно судебное дело, связанное с пущистиками, и ему этого хватило по горло. Следом за ними вошли Ахмед Хадар и Фиц Мортлейк, капитан полиции Компании, опекун пяти обвиняемых пущистиков. После взаимных приветствий все расселились вокруг стола.

— Что вы собираетесь делать с этой дрянью? — начал Холлоуэй, едва коснувшись стула. — Вы собираетесь позволить этому кухрину сыну выступить с подобным обвинением?

— Если вы имеете в виду это дело с пущистиками, то нет, черт побери, — ответил Браннард. — Они не виноваты ни в чем, и все, включая Ингерманна, об этом знают. Он просто блефует, пытаясь заставить меня снять обвинение в совращении и порабощении, что позволит его клиентам отделаться обвинением в грабеже и хищении. Он думает, что я боюсь выдвигать эти обвинения — в совращении и порабощении. Он прав — я действительно боюсь. Но я все равно их выдвину.

— Но Боже ж ты мой!.. — взорвался Холлоуэй.

— А что там не в порядке с этими пунктами обвинения?

— Ну, что касается совращения, — начал Браннард. — Этот пункт базируется на том положении, что пущистики приравниваются к человеческим детям, не достигшим десяти—двенадцатилетнего возраста, а это является обратимым мнением суда, а не положением закона. Ингерман считает, что мы скорее снимем обвинение, чем позволим поставить под сомнение статус пущистиков как несовершеннолетних, поскольку на этом основывается вся политика правительства в отношении пущистиков.

— И вы этого боитесь?

— Конечно, боится, — сказал Кумбс. — И я боюсь, и вы тоже должны этого бояться. Возьмите хотя бы соглашение о Каньоне Желтого Песка. Если для закона пущистики являются несовершеннолетними, то они не могут самостоятельно решать, что делать со своим имуществом. Властью в этом вопросе располагает правительство как опекун всей расы пущистиков, включая право на сдачу в аренду земель для добычи полезных ископаемых. Но предположим, что пущистики признаны взрослыми аборигенами. Даже аборигены, относящиеся к четвертому классу, имеют право распоряжаться своей собственностью, и, согласно законам Федерации, земляне не могут селиться в землях, «издавна являющихся местом обитания аборигенов четвертого класса», или добывать там полезные ископаемые, в каковые земли входит часть континента Бета севернее Змейки и Малого Черноводья, — включая и Каньон Желтого Песка, — без согласия аборигенов.

Согласие, по законам Федерации, должно быть выражено путем голосования полномочного совета племени или позволения признанного вождя племени.

— Но, Господи Иисусе! — Холлоуэй уже почти кричал. — Откуда тут возьмется вся эта чертовщина?! У пущистиков нет племен, только маленькие семейные группы, по полдесятка в каждой. И кто хоть раз слыхал о вождях пущистиков?

— Ну, тогда все нормально, — сказал Грего. — Закон не может требовать исполнения того, что невозможно.

— Это только полдела, Виктор, — сказал Кумбс. — Закон, например, не может требовать, чтобы слепой человек проходил испытания, связанные со зрением. Закон, однако, может сделать и делает прохождение подобных испытаний необходимым условием для позволения управлять антигравитационной машиной. Слепой не может на законных основаниях управлять автолетом. Так что, если мы не получим позволения несуществующего племенного совета пущистиков, мы не сможем добывать солнечники в Каньоне Желтого Песка, ни на основании аренды, ни на каком другом основании.

— Ну что ж, придется вытянуть все, что можно, пока аренду еще не отменили. — Грего уже перебросил людей и оборудование с Большого Черноводья в каньон и соображал теперь, кого еще можно ограбить, чтобы ускорить разработки в Желтых Песках. — У нас еще есть месяц до суда.

— Я заинтересован в этом не меньше вашего, Виктор, — сказал Гас Браннард, — но это еще не все. Дело еще в Бюро опекунства. Если пущистики не являются несовершеннолетними, то их порабощение — или принудительный труд, по крайней мере, — не касается опекунов. И программы образования и здравоохранения. И хокфусин — раньше или позже какой-нибудь чертов доброжелатель начнет верещать о принудительном лечении. Здесь есть еще одна тонкость. По законам колонии, никто не может быть обвинен в убийстве, если убитый погиб в момент совершения преступления. В качестве несовершеннолетних пущистики не могут быть признаны виновными в совершении преступления. Но если они будут по закону признаны взрослыми...

— Так что ж, выходит, — буквально взывал Холлоуэй, — кто угодно может в любой момент застрелить пущистика, если увидит, что тот куда-то забрался или...

— Ну предположим, мы снимем обвинение в совращении, — предложил Фиц Мортлейк. — Но второй-то ствол по-прежнему заряжен. Их можно приговорить к расстрелу за порабощение с таким же успехом, как за порабощение и совращение.

— Заряжен, говорите? — переспросил Гас. — Я могу подвергнуть эту шайку допросу — благодарение всем богам и тому человеку, который изобрел детектор лжи, закона, запрещающего свидетельствовать против себя, не существует, — но я не могу заставить их говорить. Вы не можете проделывать на открытом

судебном заседании то, что можете себе позволить в глухой комнатае полицейского участка. Я готов пытаться добиться осуждения обвиняемых без показаний пущистиков, но я не могу этого гарантировать. Объясните им, доктор Маллин.

— Ну, — Эрнст Маллин откашлялся. — Ну, — повторил он еще раз, — вы все понимаете принцип работы полизэнцефалографического детектора лжи. Вся деятельность мозга сопровождается электромагнитной активностью, проявляющейся в соответствующих колебаниях. Детектор лжи настроен так, что выделяет из волновой структуры только те волны, которые соответствуют подавлению правдивых утверждений и подстановке на их место ложных утверждений, в каковом случае синий цвет шара сменяется красным. Я использовал детектор лжи в ходе психологических экспериментов, проводившихся над некоторыми пущистиками. Я ни разу не видел, чтобы синий цвет сменился красным.

Маллин не стал вдаваться в юридические аспекты данного факта — это уже входило не в его компетенцию, а в компетенцию Гаса Браннарда.

— Все свидетельства в суде, без всякого исключения, должны даваться под детектором лжи, причем первоначально оператор должен проверить свидетеля, заставив его произнести ряд истинных и ложных утверждений. Если пущистики не могут быть проверены на детекторе лжи, то они и не могут быть свидетелями — точно так же, как слепой не может водить автолет.

— Да, и потому наше дело дрянь, — сказал Ахмед Хадра. — Как же мы сможем преследовать кого-нибудь в судебном порядке за дурное обращение с пущистиком, если пущистик не может свидетельствовать против него?

— Или если кто-нибудь заявит, что принятие пущистика в семью на самом деле является порабощением, — сказал Бен Рейнсфорд. — Например, скажут это насчет Алмаза, или насчет моих Флоры и Фауна. Как мы сможем доказать, что наши пущистики счастливы с нами и не хотят жить в другом месте, если их нельзя проверить на детекторе лжи?

— Погодите минутку. Я, конечно, не специалист, — сказал Грего, — но даже я знаю, что любому обвиняемому дается право защищаться тоже под детектором лжи. А благодаря Хьюго Ингерманну пущистики стали обвиняемыми.

Браннард засмеялся.

— Ингерманн надеется подловить нас на этом, — сказал он. — Он полагает, что Лесли, защищая пущистиков, подвергнет их допросу в Апелляционном суде, так что я оспорю возможность проверки пущистиков на детекторе лжи и воздержусь от использования их свидетельств против его клиентов. Но мы не должны так действовать. Лесли просто будет отрицать их виновность, хотя и признает их дееспособными, и откажется от слушания.

— Но тогда все эти пущистики предстанут перед судом, — возразил Грего.

— Конечно, предстанут, — и генеральный прокурор от души расхохотался. — Помните, что произошло в прошлый раз, когда группа пущистиков получила доступ в суд? Мы просто позволим им действовать так, как это им свойственно, и посмотрим, что останется от утверждения Ингерманна о том, что пущистики являются отвечающими за свои действия взрослыми существами.

— Доктор Маллин, — неожиданно произнес Кумбс. — Вы сказали, что ни разу не видели, чтобы на детекторе лжи зажегся красный свет, когда на нем проверяли пущистиков. А слышали ли вы хоть раз, чтобы пущистик, которого проверяют на детекторе лжи, сделал ложное заявление?

— Насколько мне известно, мистер Кумбс, я никогда не слышал о пущистике, который при каких бы то ни было обстоятельствах сделал ложное заявление.

— Ага. А в ходе слушания дела «Народ против Келлога и Холлоуэя» вы давали показания, в которых говорилось, что вы провели большую работу по исследованию электроэнцефалографической структуры мозга пущистиков. Так их умственная деятельность сопровождается электромагнитным излучением?

Пожалуй, было бы неплохо, если бы на каждой научной дискуссии присутствовал юрист, просто для того, чтобы ставить все по своим местам. Маллин слегка усмехнулся:

— Совершенно точно, мистер Кумбс. У пущистиков существует точно такая же система излучения мозга, как и у людей и у всех прочих известных разумных рас. Но все волны замещения и подавления вызывают изменение цвета в детекторе. Никакой измеряющий инструмент не может работать при отсутствии явлений, наличие которых требуется определить. Пущистики просто не подавляют истинных высказываний и не заменяют их ложными. Попросту говоря, они не умеют врать.

— Это будет дьявольски трудно доказывать, — сказал Гас Браннард. — Фиц, ты допрашивал пущистиков на детекторе лжи после того, как они лазили в хранилище драгоценностей, так?

— Так. Ахмед и мисс Гленн были переводчиками, а Алмаз им помогал. Детектор лжи был проверен; мы пользовались соответственно уменьшенными электродами и шлемом, изготовленным в ремонтной мастерской Компании. Ни разу ни у одного из них не зажегся красный свет, только синий. Мы приняли эти ответы.

— И я тоже их принял, — сказал Браннард. — Но на суде нам придется продемонстрировать, что детектор изменит цвет, если кто-нибудь из них попытается солгать.

— Нам нужен пущистик, который сумеет сорвать при проверке свидетеля, — сказал Кумбс. — Если они не умеют врать, нам придется кого-то из них научить. Мне кажется, что это задача для доктора Маллина. Я буду ему помочь. Джентльмены, никто из вас не коллекционирует парадоксы? Это просто перл — для того чтобы доказать, что пущистики говорят правду, мы должны

сперва доказать, что они лгут. Вот за что я люблю юриспруденцию!

Все, кроме Джека Холлоуэя, рассмеялись. Джек сидел, мрачно глядя на крышку стола.

— Получается, что теперь, вдобавок ко всему, нам придется сделать одного из них лжецом, — сказал он. — Хотелось бы мне знать, что мы сделаем из них в конце концов.

Глава 8

Впереди был резко обрывающийся склон оврага. Его другая сторона поднималась еще выше и нависала над маленькой течь-водой. Деревьев там было немного, но много больших камней. Пушистики проскальзывали между некоторыми из них и забирались на другие, двигаясь гуськом. Иногда впереди шел Мудрый, а иногда остальные обгоняли его, и Собиратель, и Хромой, и Большая, и Другая, и Пыряло, и Несущая-Блестячки, и Камнелом. Они не охотились — здесь не было ничего, что можно было съесть, — но Мудрый видел впереди синее небо над деревьями и слышал журчание другой течь-воды, впадающей в эту.

Мудрый надеялся, что другая течь-вода окажется не слишком глубокой и не слишком быстрой и ее можно будет перейти. В здешних местах, между холмами и горами, было много течь-воды. Место, в котором много течь-воды, — хорошее место, потому что всегда можно напиться, если захочется, и потому, что растений, которые они едят, и животных, на которых они охотятся, всегда больше около воды. Но через течь-воду часто бывает трудно перейти, и если пойти вдоль одной течь-воды, можно дойти до места, где она впадает в другую, которая может оказаться еще больше. Мудрый знал, что эта течь-вода течет влево от солнца — земля понижалась в ту сторону. Течь-вода всегда течет вниз и никогда — вверх, и меньшая течь-вода впадает в большую. Это разумелось само собой.

А потом овраг внезапно кончился, и они оказались посреди высоких деревьев, и на другой стороне тоже росли деревья, и течь-вода была маленькой, и ее легко было перейти. На другом берегу земля плавно понижалась, а дальше возвышался крутой горный склон. Это наверняка хорошее место, и в нем должно быть много еды. Громко шлепая по воде, они прошли по мелкому перекату и со смехом и криками выбрались на берег, потом растянулись в линию для охоты и пошли между большими деревьями в сторону горы. Здесь росли деревья с коричневыми орехами. Они набрали палок и камней и стали кидать их, чтобы сбить орехи с веток, и Большая закричала:

— Смотрите, орехи уже попадали с дерева. Много-много на земле.

Это действительно было так. Все побежали собирать орехи. Потом собранные орехи клали на большие камни и били сверху маленьким камнем, чтобы разбить скорлупу и добраться до бе-

лого ядрышка. Орехи были вкусные, и их хватило на всех; они ели так быстро, как только успевали раскалывать скорлупу. Тем не менее все были настороже и не забывали смотреть и слушать — в таких местах всегда много опасностей. Звери могут не слышать их голосов — это тоже само собой разумелось, и они в это верили — но они шумели, раскалывая орехи, а звери, которые охотятся на Народ, могли услышать этот шум и понять, что он означает.

Потому они держали дубинки под рукой, чтобы их можно было сразу схватить, если вдруг придется быстро убегать, а Та-Что-Носит-Блестячки положила вместе со своей дубинкой три палочки, на которые были надеты блестячки. Мудрый подумал, что им не стоит оставаться здесь надолго. Можно остаться на столько времени, чтобы вдоволь наесться орехов, но не дольше. Он начал думать, куда им пойти — вниз по течению или вверх по склону горы. Вниз по течению они могут найти много вкусной еды, но солнце уже давно прошло самую высокую часть пути, а место для логова лучше искать на склоне горы. С другой стороны, эта течь-вода текла в левую сторону от солнца, а Мудрый именно туда и хотел идти.

Они вот уже много дней неуклонно двигались влево от солнца. Это также само собой разумелось перед временем смены листьев — когда листья становятся бурыми и опадают, по правую сторону от солнца холоднее, по левую — теплее; а Народу больше нравится там, где тепло. Говорят, что далеко по правую сторону от солнца, дальше, чем Мудрый когда-нибудь бывал, становится так холодно, что у маленьких луж стоять-воды от холода делаются твердые края. Сам Мудрый никогда этого не видел, но слышал рассказы других из Народа. Так и получилось, что с того самого дня, когда они увидели годза, убитого шум-громом, и нашли блестячки, они постоянно шли влево от солнца.

Но у самого Мудрого была и другая причина, чтобы идти в эту сторону, и даже более важная. С того момента как он увидел двух Больших внутри леталки, он решил непременно найти Место Больших.

Мудрый не стал говорить об этом другим. Они привыкли идти туда, куда их ведет Мудрый, но, если бы он сказал им, что у него на уме, они подняли бы крик, стали бы возражать, и тогда ничего нельзя было бы сделать. Остальные все еще боялись летающих Больших, особенно Большая, Собиратель и Камнелом. Мудрый мог это понять. Всегда было хорошо немного бояться того, чего не знаешь, а странный Народ, который передвигался на леталках, делал шум-гром и убивал годза в воздухе, мог быть очень опасным. Но Мудрый был уверен, что это друзья.

Большие убили троих годза, которые угрожали ему и остальным на утесе, где они ели хатта-зосса; Большие смотрели на них сверху и ничего им не сделали; когда же появились годза, они выпустили шум-гром, а потом ушли, оставив три блестячки.

А после того как Большие догнали другого годза в своей леталке и убили его, они пролетели прямо над Мудрым и другими пушистиками и должны были их видеть, но не сделали им ничего плохого. Вот после этого Мудрый и решил найти Место Больших и подружиться с ними. Но когда он заговорил об этом со своими спутниками, они все перепугались. Все, кроме Пыряля — он тоже хотел подружиться с Большиими, но, когда остальные испугались, он не стал больше говорить об этом.

Это было две руки светлого времени и темного времени назад. С тех пор они четыре раза видели леталки, и всегда они прилетали с левой стороны от солнца. Мудрый ничего не знал о местах, лежащих в той стороне, но никто никогда не рассказывал, чтобы такие леталки видали в местах по правую руку от солнца. Потому Мудрый был уверен, что если он хочет найти Место Больших, то ему нужно идти влево. Он решил не говорить об этом остальным, а сказал только, что по левую руку от солнца должно быть теплее и что они могут найти там много затку.

Из кустов со стороны воды донесся громкий треск, как будто там быстро бежал большой зверь. Если это правда было так, значит, за ним гнался кто-то еще больший. Мудрый вскочил, схватив в одну руку дубинку, а в другую — камень, которым он разбивал орехи. Остальные тоже повскакивали и были готовы пуститься наутек, и тут прямо на них из кустов выскочил такку.

Такку не были опасны — они ели только растения. Тем не менее Народ не охотился на такку, потому что те были слишком большими и слишком быстроногими, чтобы их можно было поймать. Но следом за такку должен был бежать кто-то еще, который шумел еще сильнее, и этот кто-то мог быть опасным. Мудрый бросил камень перед такку, чтобы зверь свернул и побежал в другую сторону, а не к ним. К удивлению Мудрого, камень ударили такку в бок.

— Бросайте камни! — крикнул Мудрый. — Гоните такку прочь!

Остальные поняли его; они похватали камни и принялись швырять их в такку. Один камень ударил зверя в шею. Животное свернуло в сторону, споткнулось, попыталось восстановить равновесие, но тут из кустов выскочил хеш-назза и схватил такку.

Хеш-назза были самыми большими зверями в лесу. У них было по три рога — один, растущий из середины лба, и два, загнутых назад, на нижней челюсти. Народ никакого зверя не боялся сильнее, чем хеш-назза, — разве что годза, который нападает сверху; но даже годза никогда не нападает на хеш-назза. Настигнув такку, хеш-назза ударил его своим передним рогом в плечо. Такку заблеял от боли; хеш-назза ударил его передними ногами, высвободил рог и боднул еще раз.

Гашта не стали задерживаться, чтобы увидеть, что произойдет дальше. Такку все еще блеял, когда они помчались по склону горы. Когда они вскарабкались на склон, блеяние смолкло, а потом раздался громкий рев хеш-назза — он всегда ревет после

того, как кого-нибудь убивает. После этого хеш-назза принялся своими нижними рогами вырывать куски мяса такку и поедать его. Мудрый был очень рад, что придумал бросать камни и велел другим тоже их кидать; если бы не это, такку пробежал бы рядом с гашта, а за ним и хеш-назза, и это было бы плохо. Теперь уже не было никакой опасности, но они продолжали лезть вверх по склону, пока не добрались до вершины. Потом все остановились, чтобы перевести дыхание.

— Лучше пусть хеш-назза ест такку, чем нас, — сказал Хромой.

— Большой такку, — заметил Пыряло. — Хеш-назза будет есть долго. Потом спать. На следующее солнечное время будет голодный, будет охотиться опять.

— Хеш-назза не пойдет вверх, — сказала Та-Что-Носит-Блестячки. — Останется у течь-воды, в низком месте.

Она была права: хеш-назза не любили взбираться на крутые склоны. Они оставались у течь-воды и охотились, тихо лежа и поджиная зверей или Народ. Мудрый был рад, что он вместе с остальными не перешел течь-воду выше по течению.

Дневное время все еще продолжалось, но солнце было уже достаточно низко, чтобы можно было начинать думать о поисках хорошего логова. Вершина горы была большой, и Мудрый не видел ничего, кроме леса — большие деревья, а некоторые из них — ореховые. Это должно быть хорошее место для сна, и после того как солнце выйдет из своего логова, они смогут спуститься по другому склону.

— Пойдем вниз тем путем, которым поднимались, — возразила Большая. В последнее время Большая все время ему возражала. — Хорошее место; ореховые деревья.

— Плохое место; там хеш-назза, — сказал ей Пыряло. — Хеш-назза немного пройдет вниз по течению и будет ждать. Мы пойдем туда и попадем в живот хеш-назза. Лучше сделать, как сказал Мудрый; Мудрый лучше знает.

— Сперва нужно найти логово на вершине, — сказал Мудрый. — Теперь мы будем охотиться и все должны искать хорошее место для сна.

Остальные согласились. Они увидели, что ореховые деревья растут и здесь; а где ореховые деревья, там и мелкие животные, которые грызут орехи и которых хорошо есть. Гашта могут найти и съесть нескольких. Орехи — это хорошо, но мясо лучше. Там могли быть даже затку.

Они разошлись в разные стороны, окликая друг друга и следя, чтобы их ноги не шумели, ступая по опавшим листьям. Мудрый думал о такку. Он и еще некоторые ударили его камнями. Можно было бросить камень, достаточно тяжелый для того, чтобы убить хатта-зосса, но такку их камни только напугали. Мудрому хотелось придумать какой-нибудь способ, чтобы Народ мог убить такку. Одного такку хватило бы всем на весь день, и еще можно

было бы взять с собой мяса на следующее утро; а из костей такку должны получаться хорошие дубинки.

Мудрому хотелось знать, как Большие делают гром-смерть. То, что может убить годза в воздухе, может убить и такку. И даже хеш-назза! Наверное, Большие не боятся никаких зверей.

Прошла неделя, прежде чем Джек Холлоуэй смог покинуть Мэллори-порт и вернуться в Хоксу-Митто, и за это время новое, постоянное здание офиса было достроено и обставлено. Холлоуэй получил хороший большой кабинет на первом этаже, который, конечно же, уже был завален грудой бумаг, накопившихся за время его отсутствия. Старый барак разобрали, перетащили на другой берег и поставили рядом со зданием школы как дополнительное жилье для пущистиков, которых уже стало четыре сотни. Для пущистиков это было чертовски много.

— И содержать их ужасно дорого, — сказал Джордж Лант. Джордж и Герд ван Рибек, которые вернулись из Каньона Желтого Песка через день после подписания соглашения об аренде, и с ними Панчо Айбарра на следующий день после возвращения зашли к Холлоуэю в его новый офис. — А у нас еще штук сто-сто пятьдесят на выселках, и к тому же надо снабжать хокфусином и ПР-3 семьи, живущие на фермах и на плантациях.

Джордж мог и не говорить ему об этом. Большая часть бумаг, скопившихся на столе у Холлоуэя, относилась к закупке припасов или к их заказам. Еще платежная ведомость комиссии по делам аборигенов: двести пятьдесят солдат и офицеров ЗСОА, исследователи Ахмеда Хадры, техники и строители, канцелярские работники, работники научного бюро Герда ван Рибека, Линн Эндрюс и ее штат медиков...

— Если соглашение относительно Каньона Желтого Песка взлетит на воздух, — подал голос Герд ван Рибек, — у нас будет до черта предназначенных к оплате счетов и никаких денег, чтобы по ним заплатить.

С этим никто не спорил.

— Это на территории резервации пущистиков, — сказал Панчо Айбарра. — Разве не колониальное правительство ею управляет?

— Управляет, но не так, как нам это потребуется, если пущистики не будут считаться несовершеннолетними. Контроль правительства над резервацией происходит согласно закону. Это значит, что, если пущистики будут признаны взрослыми, никто не сможет вести добычу солнечников на территории резервации без разрешения пущистиков.

— А отпечатки пальцев под соглашением? — поинтересовался Джордж Лант. — Я знаю, что пущистики были всего лишь дополнительными свидетелями, но разве они не подписали его добровольно? Нельзя ли рассматривать эти подписи как выражение согласия?

Эта мысль уже приходила в голову Гасу Браннарду пару дней назад. Возможно, суд даже признал бы эти подписи таковым согласием. Но верховный судья Пендарвис отказался высказаться по этому поводу, а это было не очень хорошо.

— Ну ладно, давайте получим их согласие, — сказал Герд. — У нас здесь четыреста пущистиков — самое большое их скопление на всей планете. Давайте проведем выборы среди пущистиков. Выберем Маленького Пущистика верховным вождем, выберем еще дюжину вождей помельче, создадим племенной совет и пусть он разрешит отдать Каньон Желтого Песка в аренду Компании. Вы должны были видеть подобные племенные советы на Иттразиле; наш, по крайней мере, будет спокойным и здравомыслящим.

— Или на Гимли. Я останавливался там, когда добирался на Заратушту, — сказал Лант. — Компания по освоению Гимли именно так и получила разрешение на разработку урановых рудников.

— Это не пройдет. Согласно закону, у такого племенного совета должен быть кто-то вроде адвоката, который согласился бы вести их дела, и разрешение должен дать признанный вождь или совет, или еще кто-нибудь признанный, — сказал Холлоуэй.

Воцарилось тягостное молчание. Четверо посмотрели друг на друга. Лант сказал:

— В дело замешаны огромные деньги — так неужели пара хороших законников вроде Гаса Браннарда и Лесли Кумбса не сумеют найти способ как-нибудь обойти этот закон?

— Я не хочу обходить закон, — сказал Холлоуэй. — Если мы обойдем закон, чтобы помочь пущистикам, кто-нибудь сделает то же самое, чтобы причинить им вред. — Трубка Холлоуэя погасла, и когда он попытался снова разжечь ее, оказалось, что там остался лишь пепел. Холлоуэй вытряхнул его и заново набил трубку табаком. — Это же будет не на неделю и не на год. Пущистикам и людям предстоит вместе жить на этой планете на протяжении тысячелетий, а мы хотим начать взаимоотношения пущистиков и людей с нарушения закона. Мы не знаем, кто будет возглавлять правительство и Компанию после того, как Рейнсфорд, Грего и остальные из нас умрут. Они будут управлять, опираясь на прецеденты, которые мы сейчас создаем.

Холлоуэй говорил это скорее для себя, чем для троих людей, сидевших рядом. Он выпустил струю дыма и продолжил:

— Вот почему я хочу, чтобы Лео Такстера, Ивинса, его жену и Фила Новиса расстреляли за то, что они сделали с пущистиками. Я не кровожаден. Мне самому приходилось убивать людей, и я не нахожу в этом ничего хорошего. Я просто хочу, чтобы закон ясно и недвусмысленно предоставлял пущистикам такое же право на защиту, как и человеческим детям, и я хочу, чтобы этот прецедент служил предостережением каждому, кто попытается дурно обращаться с пущистиками.

— Я вполне с тобой согласен, — сказал Панчо Айбарра. — С моей точки зрения как специалиста — и я буду отстаивать эту точку зрения и в суде — пущистики — это невинные и доверчивые дети, такие же беспомощные и уязвимые в человеческом обществе, как человеческие дети в обществе взрослых. И банда, которая поработила и мучила пущистиков, чтобы сделать из них воров, должна быть расстреляна, не столько за то, что они сделали, сколько чтобы послужить предостережением подобным людям.

— А что вы думаете по поводу допроса на детекторе лжи? — спросил Лант. — Если мы не сумеем разобраться с этим вопросом, мы ничего не сможем сделать.

— Ну так ведь если при ответах пущистиков не загорается красный огонек, так это значит, что пущистики не лгут, — сказал Герд. — Вы знаете хотя бы одного пущистика, который умеет врать? Я лично не знаю ни одного, и Рут тоже.

— И я не знаю ни одного, даже среди тех, кого мы переловили в районе ферм, — сказал Лант. — Каждый человек из Сил охраны может это засвидетельствовать.

— Ну а что там у Маллина? — спросил Герд. — Он не пришел к мысли, что надо попросить Генри Стенсона изобрести какой-нибудь прибор, который будет определять, говорит ли пущистик правду?

— Нет. Он пришел к мысли, что нужно научить нескольких пущистиков врать, чтобы на детекторе зажегся красный свет и чтобы все поверили, что он все-таки работает.

— Эй, за это можно и расстрел огrestи! — воскликнул Лант. — Ложь — безнравственное деяние. Это совращение!

Пущистик по имени Крафт сидел на полу, скрестив ноги, и покуривал трубку. Второго пущистика звали Эббинг; она сидела в специально уменьшенном кресле детектора, и на голове у нее был хромированный шлем. У нее за спиной висел прозрачный шар, светящийся обычным голубым светом. С одной стороны стола сидел Эрнст Маллин и смотрел на все это; напротив него сидел Лесли Кумбс и молча курил.

— Эббинг, ты хочешь помочь Дяде Эрнstu и Дяде Лесси? — в бесконечный раз спросил Маллин.

— Конечно, — безмятежно согласилась Эббинг. — Что Эббинг надо сделать?

— Твое имя — Эббинг. Ты понимаешь, что такое имя?

— Конечно. Имя — это то, как кто-нибудь называет кого-нибудь другого. Большие дали имя каждому пущистику, записали имя на лич-диски, — она прикоснулась к серебряному диску, висевшему у нее на шее. — Мое имя здесь. Эббинг.

— Она это знает? — спросил Кумбс.

— Да. Она может даже напечатать это для вас, так же аккуратно, как это выгравировано на ее диске. А теперь, Эббинг,

Дядя Лесси спросит, как твое имя, а ты скажи, что твое имя Крафт.

— Но это не так. Мое имя Эббинг. Кьяфт — это его имя, — и она указала на Крафта.

— Я знаю. Дядя Лесси тоже это знает. Но надо, чтобы ты ответила Дяде Лесси, что тебя зовут Крафт. А потом он спросит Крафта, а Крафт скажет, что его зовут Эббинг.

— Это Большие так играют, — вставил замечание Кумбс. — Мы называем эту игру «обознаташки». Очень забавно.

— Мистер Кумбс, ради Бога! Ну так что, Эббинг, ты скажешь Дяде Лесси, что тебя зовут Крафт?

— То есть поменяться с Кьяфтом? А лич-дисками тоже меняться?

— Нет. Твое настоящее имя так и будет Эббинг. Тебе нужно просто сказать, что тебя зовут Крафт.

Сияющий синим шар замерцал, оттенки цвета закружились водоворотом, изменяясь от темно-индигового до светло-синего. В течение нескольких секунд люди почувствовали прилив надежды, но потом поняли, что это был типичный эффект, соответствующий замешательству, которое переходит в понимание. Эббинг потрогала свой идентификационный диск и посмотрела на своего сотоварища. Переливы сменились ровным синим цветом.

— Кьяфт, — твердо сказала она.

— Повелитель всех чертей Вельзевул! — простонал Кумбс. Маллин сам готов был застонать.

— А мне дадут новый лич-диск? — спросила Эббинг.

— Она думает, что теперь ее имя — Крафт. Она говорит чистейшую правду — так, как она ее понимает. — Маллин встал, подошел к Эббинг и снял с нее шлем и электроды. — Хватит на сегодня, — сказал он. — Идите играть. Скажите Тете Анни, чтобы она дала вам пиэ́тьи.

Пушистики бросились к выходу, но потом вспомнили о хороших манерах и остановились у двери, чтобы сказать:

— Спасибо, Дядя Э'нст. До свиданья, Дядя Лесси, Дядя Э'нст, — после чего выскочили за дверь.

— Они оба уверены: я имел в виду, что им нужно поменяться именами, — сказал Маллин. — Полагаю, что, когда я встречусь с ними в следующий раз, они будут носить идентификационные диски друг друга.

— Они вообще не знают, что ложь возможна, — сказал Кумбс. — Им не свойственно лгать. Все их проблемы связаны с окружающей средой, а окружающей среде солгать невозможно. Если вы попытаетесь ей солгать, она просто вас убьет. Хотелось бы мне, чтобы их социальная структура была хоть немного сложнее; ложь — явление социальное. Как бы мне хотелось, чтобы они изобрели политику!

Глава 9

Мудрый был рад, когда они наконец достигли того места, где гора «делала конец» и уходила далеко вниз. Гора — нехорошее место. Правда, там росли ореховые деревья, и пушкистики ели орехи. Еще они убили несколько мелких зверюшек, которые едят орехи, но немного, потому что ловить их было трудно. На вершине горы не было течь-воды, им удалось найти только мелкие лужицы, оставшиеся там с последнего дождя, и вода в них была нехорошая. И логово, которое им удалось найти, тоже было нехорошее. К тому же это была одна из тех ночей, когда обаочных света стоят в небе, и звери были беспокойны: пушкистики слышали крики визгуна, хотя и издалека. Визгуны не едят ничего, кроме мяса, и охотятся по ночам. Вот почему здесь не было хатта-зосса. хатта-зосса не живут в местах, где водятся визгуны. Народ в таких местах тоже не живет — по возможности.

Они стояли, глядя через макушки деревьев на открывшиеся перед ними земли. Вдалеке, по левую руку от солнца, была еще гора; вершина ее тянулась с восхода на закат, и над ней не было ничего, кроме неба. Гора была не крутая, и склон ее был испещрен крохотными ущельями, указывающими путь течь-воды. Внизу, наверно, была большая течь-вода, но она текла слишком близко к подножию горы, чтобы они могли ее разглядеть. Течь-вода, должно быть, была широкая, потому что все мелкие потоки, сбегавшие с обоих склонов, впадали в нее. Мудрый подумал, что переправиться через нее, наверно, будет не так-то просто.

Прочие обрадовались, увидев широкую долину на той стороне, и принялись болтать о том, какая там должна быть замечательная охота. Они не видели течь-воды внизу — и не думали о ней.

Пушкистики начали спускаться. Склон горы становился все круче, и приходилось цепляться за кусты, останавливаться у деревьев, чтобы отдохнуть, и опираться на бей-дубинки. Внизу показалась течь-вода. Шум реки становился все громче. Наконец течь-вода открылась перед ними вся, и они увидели, какая она широкая.

Большая завела речь о том, что стоит вернуться назад и вновь подняться на гору.

— Течь-вода слишком велика, ее нельзя перейти, — говорила она. — Иди вниз плохо. Лучше пойти назад сейчас.

— Можно идти туда, откуда она течет, — предложил Хромой. — Найдем место, где можно перейти, где течь-вода маленькая.

— Не найдем еды, — возразила Большая. — Нет еды с прошлого дня. Почему Мудрый не нашел еды?

Пыряло рассердился.

— Ты думаешь, ты умная, как Мудрый? — поинтересовался он. — Ты думаешь, что найдешь еду?

— Я голодный, — пожаловался Собиратель. — Я хочу найти еду сейчас. Может быть, Большая права. Может быть, лучше идти назад.

— Раз ты так хочешь — иди назад на гору, — отрезал Мудрый. — Мы пойдем вниз. Перейдем течь-вода, найдем еду на той стороне.

Та-Что-Носит-Блестячки согласилась; Хромой и Другая тоже согласились. Они снова принялись спускаться вниз. Большая, Камнелом и Собиратель последовали за ними без разговоров. В конце концов склон сделался менее крутым. Впереди были деревья, а за ними — течь-вода. Они подошли к ней и остановились на берегу.

Река была большая, широкая и быстрая. Хромой поднял камень и швырнул его изо всех сил; тот немного не долетел до противоположного берега. Другая бросила в воду палку — ее тут же унесло течением. Они не смогли бы переплыть реку, даже если бы решились рискнуть потерять бей-дубинки и блестячки. Большая указала на реку дубинкой.

— Смотрите! Смотрите! Вот куда привел нас Мудрый! — восхлинула она. — Еды нет. Пути через реку нет. И снова придется лезть на гору!

— Снова лезть на крутой склон?! — ужаснулась Другая.

— Ты хотеть перейти это? — возразила Большая. Потом посмотрела вдоль реки, туда, где она делала изгиб. — Может быть, надо идти туда.

— Там течь-воду мы перешли прошлым днем, — возразил Мудрый. — Там хеш-назза. Съел всего такку, голодный теперь.

Большая забыла про хеш-назза. А она боялась их больше всех остальных. Однажды хеш-назза едва ее не поймал. Она снова принялась настаивать, чтобы они поднялись обратно на гору. Собиратель тоже так думал. Пыряло сказал, что надо идти вверх по реке. Это было единственное, что им оставалось. В конце концов все остальные согласились с ним, даже Большая.

Идти было тяжело. Река текла у самого подножия горы, берега почти не было, и им приходилось идти гуськом, цепляясь за деревья и кусты. Большая снова принялась ныть, и некоторые другие тоже.

Потом они внезапно обогнули выступ скалы и увидели перед собой широкую ровную долину и маленькое ущелье, из которого вытекал поток, достаточно узкий, чтобы его перейти. Река здесь была шириной в три-четыре броска камня и текла среди валунов, широкая, мелкая, блестящая на солнце, а по обоим берегам тянулись каменистые пляжи, заваленные плавником.

Гашта двинулись через реку вброд. В основном воды там было не больше чем по пояс. Кое-где было глубже — в таких местах они протягивали друг другу свои бей-дубинки и шли цепочкой. В конце концов они благополучно перебрались на тот берег, и все, даже Большая, были очень рады.

Здесь была уйма плавника, на берегу валялись даже целые деревья. Наверное, здесь течь-вода далеко выходила из берегов во время дождей. Все смотрели на плавник и говорили о том, какие хорошие сучья для бей-дубинок здесь можно найти. Они бы остановились, чтобы сделать себе новые дубинки, но всем хотелось есть. Пушистики решили поохотиться, поесть, а потом уже вернуться сюда. Поэтому они ушли от реки и углубились в лес, перекликаясь, чтобы не потеряться.

Ореховых деревьев здесь не было, зато они нашли розовые растения, похожие на пальчики. Они были вкусные, но плохо утоляли голод: ешь-ешь, а есть все равно охота. Но заткну эти пальчики тоже нравились, и гашта нашли пальчики, объединенные затку, подкрались и сумели поймать троих. Никто из них не мог припомнить, чтобы им удавалось поймать так много затку в один день! Нашли они и другую еду, и вскоре после того времени, когда солнце стоит выше всего, все уже наелись.

Поэтому пушистики вернулись на берег; по дороге они нашли три упавших дерева, вырванных рекой во время разлива, которые лежали в небольшом овражке. Это было хорошее логово. Они запомнят это место и вернутся сюда, когда солнце начнет садиться.

Пушистики снова осмотрели плавник на берегу, сухой, твердый, белый, как кость. Но все же Мудрый не нашел ничего лучше той дубинки, которая уже была у него. Дубинка была хорошая. Он ее долго делал. Но у некоторых других хороших дубинок не было, и они нашли себе прямые сучья, из которых можно сделать дубинки. Некоторые камни на берегу были очень твердые, и Камнелом, искусный в таких делах, принял обкалывать их, изготавливая рубила. Большая, Собиратель и Та-Что-Носит-Блестячки присели рядом, глядя на то, как он работает, и болтая с ним. Другая нашла хороший кусок дерева и плоский камень и сидела, прислонив палку к стволу дерева и обтасчивая ее камнем. Хромой тоже делал себе новую дубинку, как и Пыряло, который сидел чуть в стороне. Мудрый подошел к нему и сел рядом. Пыряло показал ему новую дубинку — длинную, чтобы удобнее было пырять.

— Хорошее место, — сказал Пыряло, не прекращая работы. — Много еды. Мы поймали целых три затку! — он был очень удивлен этим. — И еще есть затку, много-много затку! И хатта-зосса. Надо искать, где они объели кору.

Он скоблил заостренный конец своей новой дубинки, затачивая ее.

— Мы останемся здесь?

— Мы нашли логово. Может быть, останемся на следующий день, — ответил Мудрый. — Потом пойдем, найдем маленькую течь-вода, дойдем туда, где она выходит из земли. Тогда обойдем гору, выйдем на ту сторону.

— Та сторона — как эта. Почему не остаться здесь?

— Та сторона ближе к левой руке солнца. Левая рука солнца — Место Больших. Нужно найти Больших. Подружиться. Большие нам помогут. Большие мудрые, мы у них будем учиться, — объяснил Мудрый. — Ты хочешь искать Больших?

— Я хочу искать Больших, — ответил Пыряло. — Другие не хотят, другие боятся. Слушают Большую. — Он отложил камень и взял дубинку в обе руки, рассматривая ее. — Большая думает, она знает больше Мудрого. Камнелом и Собиратель ее слушают.

Вот так и распадаются стаи. Так случилось однажды, давно, когда Старая была еще жива. Гашта поспорили из-за того, куда пойти охотиться, четверо разозлились и ушли. Больше их никто никогда не видел. Мать Пыряла осталась тогда в стае; Пыряло родился два времени новых листьев спустя. Мудрый не хотел, чтобы такое случилось снова. Восемь гашта — хорошая стая: не так много, чтобы еды не хватило на всех, и достаточно, чтобы охотиться, растянувшись цепью, когда один видит то, чего не замечает другой; достаточно, чтобы хорошо охотиться на хатта-зосса. И Мудрый не хотел ссор: когда Народ ссорится — это совсем не приятно.

И все же он хотел дойти до Места Больших, чтобы найти Больших и подружиться с ними. Пусть даже ему придется идти одному. Нет, Пыряло все равно пойдет с ним. И Та-Что-Носит-Блестячки, наверно, тоже. Вот еще одна причина для беспокойства! Если стая распадется, они поссорятся из-за блестячек.

Быть может, Хромой и Другая тоже согласятся идти с ним. Но кто поведет остальных? Большая хочет вести, но ведь она же не Мудрая. Она Глупая, Шоумко. Если остальные позволят ей вести стаю, они все скоро сделаются мертвыми. Нет, надо сохранить стаю!

Солнце медленно пробиралось по небу к своему логову. Тени становились длиннее. Камнелом все обтесывал твердый камень — он делал себе нож, чтобы резать хатта-зосса. Гашта будут хранить нож так долго, как только смогут. Камнелом уже сделал ручное рубило. Мудрому хотелось, чтобы можно было унести с собой побольше вещей, но у гашта только две руки, а в одной всегда должна быть бей-дубинка. Так что скоро орудия, которые делает Камнелом, придется бросить. Или же они потеряются при переводе через течь-воду. Удивительно, что им удалось так долго сохранять блестячки!

Хромой и Другая закончили свои дубинки и пошли вверх по реке вдоль берега. Пыряло доделал свое оружие, и они с Мудрым пошли вниз по реке, туда, где в нее впадал поток, который они перешли накануне. Они говорили о хеш-назза, которого видели раньше, и гадали, где он теперь. Он не может перебраться через реку, потому что она слишком широкая и быстрая, и он слишком большой, чтобы пройти по берегу вдоль выступа скалы и выйти к мелкому месту, где перешли реку они сами.

Они свернули и пошли обратно через лес. Крупной дичи они не нашли, зато поймали по нескольку маленьких ящерок и съели их. Когда они снова вернулись к тому месту, где лежал плавник, Хромой и Другая тоже вернулись и принесли хатта-зосса, которого они убили. Все поели. К этому времени солнце начало раскрашивать небо в разные цвета. Это было очень здорово. Гашта смотрели на закат, пока краски не угасли, потом пошли к логову, которое присмотрели раньше. Всем было очень хорошо, и они долго-долго болтали, прежде чем заснуть.

На следующее утро солнце, еще не успев выйти из своего логова, окрасило все небо красным. Это было еще красивее, чем вчера вечером, но все знали, что яркий восход сулит дождь, а дождя никто не любит. Они пошли туда, где Хромой и Другая убили накануне хатта-зосса, и убили еще трех. К тому времени как они доели добычу, начали падать первые капли дождя, солнце спряталось, и небо сделалось черно-серым. Пушистики бегом бросились обратно к логову.

Гашта долго сидели под поваленными деревьями, прижавшись друг к другу. Совсем спрятаться от дождя они не могли, но все же промокли не так сильно, как на открытом месте. Их шубки отсырели и слиплись, но по-настоящему холодно им не было, и к тому же они до отвала наелись мяса, так что чувствовали себя хорошо.

Наконец дождь перестал. Лес снова ожила, и через некоторое время появились слабые проблески солнца. Все очень обрадовались. Члены стаи выползли наружу, обсудили, что делать теперь, и решили уйти подальше от реки, на холмы, где они еще не были, и посмотреть, что там. Они решили, что смогут найти логово получше, и потому взяли с собой нож и рубило, которые сделал Камнелом, и блестячки.

Пушистики пошли на восход по склону, ведущему в сторону левой руки солнца. В тенистых местах они нашли множество розовых пальчиков и съели их. Среди пальчиков паслись затку; гашта решили поохотиться на них, сжимая круг, и скоро нашли одного, а потом и другого. К этому времени все, даже Большая, уже хвалили Мудрого за то, что он привел их сюда, в это замечательное место.

— Лучше, чем с правой руки солнца, — говорил им Мудрый. — Тут теплее. Это знают все. Мы пойдем на вершину и на ту сторону. Там все лучше.

Большая попыталась спорить: мол, здесь и так неплохо, зачем же идти куда-то еще? Собиратель согласился с ней. Но все остальные ответили:

— Мудрый знает лучше.

— Откуда известно, что там хорошо? — не сдавалась Большая.

— Потому что это так. Это знают все.

Он попытался сообразить, откуда он это знает, но не смог. Он знал, почему он хочет идти в сторону левой руки солнца, но

не мог объяснить, что нужно найти Место Больших: иначе бы они снова поссорились.

— Давний Народ говорил, — сказал он. С этим спорить никто не станет. — Давний Народ слышал от другого Народа, — продолжал он, импровизируя на ходу. — Далеко-далеко по левую руку солнца есть хорошее место. Там всегда тепло. Всегда есть еда. Много затку, много хатта-зосса, разные вкусные растения. Все всегда есть, не сперва одно, потом другое, как тут. Земляные ягоды, красные ягоды, орехи: все вкусное сразу!

Он не знал, есть ли на самом деле в той стороне что-то подобное. Он просто говорил, что это так. Но он был Мудрый, и другие подумали, что он знает.

— Вы слушайте Мудрого! — сказал Пыряло. — Мудрый приведет нас в хорошее место.

— Я не слышала о таком, — возразила Большая.

— Ты не помнишь! — насмешливо ответил Пыряло. — Ты помнишь только хеш-назза, который был вчера!

— Моя мать говорила о таком, — сказал Мудрый. А говорила ли она это на самом деле? Жалко, что он ее почти не помнит... Годза убил ее, когда он был совсем маленьким. — И Старая говорила, она слышала от другого Народа.

Он обернулся к Той-Что-Носит-Блестячки:

— Старая — твоя мать, она говорила тебе.

Та-Что-Носит-Блестячки выглядела озадаченной. Мудрый знал, что она не может вспомнить ничего такого. Наконец она кивнула.

— Да, — сказала она. — Старая говорила мне.

— Это знают все! — сказал Хромой. — Давний Народ говорил о хорошем месте по левую руку солнца.

Другая принялась неловко переминаться с ноги на ногу. Она не помнила ничего такого, но ведь другие говорят, что так было... Наверно, она просто забыла. И они все пошли дальше и поймали еще одного затку.

Но Мудрый на самом деле не слышал ничего такого от давнего Народа. Он просто сказал, что слышал. Он сам не мог понять, как ему удалось сказать то, чего не было.

Глава 10

В Хоксу-Митто настал день выборов. Нет, это не пущистики выбирали себе вождя; это Большие выбирали делегатов Конституционного собрания. Выборы шли по всей планете, начавшись несколько часов назад в Келлитауне на континенте Эпсилон.

Процедура голосования была проста донельзя. Джек Холлоуэй осуществил свое избирательное право сразу после завтрака, не выходя из гостиной: просто вызвал по электронной почте полицейский пост, расположенный в двухстах с лишним милях к югу от его дома, и передал туда свои отпечатки пальцев. Потом Джек набил трубочку, и не успел он ее как следует

раскурить, как компьютер с пятнадцатого поста передал его отпечатки в Красные холмы. Тамошний избирательный компьютер передал их во всепланетную избирательную комиссию, расположенную в здании Центрального суда в Мэллори-порте на континенте Альфа, и оттуда пришел ответ, что Джек Холлоуэй из Хоксу-Митто, бывшего Лагеря Холлоуэя, является законно зарегистрированным избирателем. Машинащелкнула и выбросила бюллетень. Джек поставил в бюллетене крестик напротив имени достопочтенного Горация Стеннери. Это был малозаметный и не слишком преуспевающий адвокат, но он был предан Компании и правительству. Потом Джек поднес бюллетень к передающему экрану.

Неподкупные компьютеры передали сведения куда следует, сохраняя полную точность и секретность. По крайней мере так говорилось во всех школьных учебниках по гражданскому праву. Оригинал Джек спрятал в ящик своего большого стола. «Надо сохранить, — подумал он, — лет через пятьдесят эту бумажку в любом музее с руками оторвут». Потом налил себе еще чашку кофе и включил телевизор.

На континенте Гамма голосование завершилось. Из десяти мест в Собрании восемь получили сторонники ЛКЗ. В его собственном округе на Бете из семидесяти восьми избирателей, включая самого Джека, шестьдесят два отдали свои голоса Стеннери, остальные шестнадцать распределились между двумя независимыми кандидатами. Примерно так было и по всему континенту. На Альфе, где избирались сто десять из ста пятидесяти делегатов, голосование еще не началось: там было еще без четверти пять утра.

Все утро Джек держал экран в своем офисе включенным. К полудню девять из десяти кандидатов из списка Рейнсфорда и Грего ушли далеко в отрыв. Голосование на континенте Эpsilon закончилось: все восемнадцать сторонников Компании были избраны. Так продолжалось весь день, и часам к пяти стало ясно, что Компания победила. Им будет за что выпить сегодня за обедом!

А пущистики, похоже, и знать не знали, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Герд ван Рибек был озабочен. Нет, не то чтобы он волновался всерьез, но его тревожили всяческие мелкие сомнения. За последние три недели патруль ЗСОА, работающий в радиусе пятисот миль от Хоксу-Митто, не заметил ни одной гарпии. В это же время патрули подстрелили двух в землях пущистиков к югу от Границы, и еще одну в Долине Желтого Песка, к северу, но рядом с Хоксу-Митто на прошлой неделе не появлялось ни одной. Похоже, заратуштрианские псевдоптеродактили скоро станут встречаться не чаще, чем их земные сородичи.

Конечно, их с самого начала было не так много. Иначе эти кровожадные хищники давно бы истребили все живое. Одна гарпия в среднем примерно на сто или даже двести квадратных миль. Но и эти не смогут протянуть долго, раз уж здесь поселился *Homo sapiens terra*, человек разумный земной. Людям не нравится, когда детишек нельзя выпустить побегать на улице, и никому не хочется, чтобы всех телят в стаде на вольном выпасе сожрали прежде, чем они успеют подрасти. Быть может, гарпия была владычицей небес Заратушты до тех пор, пока тут не появились земляне, но разве может она сравниться с автолетом третьего класса, на котором установлена пара пулеметов?

Не то чтобы Герд любил гарпий больше, чем прочие люди. Он их вообще не любил. Точка. Он, как и все прочие обитатели Заратушты, полагал, что гарпии делятся на две категории: живые и хорошие. Но он был натуралистом; экология занимала немалое место в сфере его интересов, и он знал, что стоит уничтожить один-единственный вид, как это тут же повлияет на десяток других, потому что каждое живое существо играет свою роль в биосфере.

Гарпии — хищники. Они уничтожают других животных; если убрать гарпий, эти животные размножатся и, значит, им станет не хватать пищи. Или же они начнут конкурировать с каким-нибудь другим видом. Могут быть и другие побочные эффекты. Все знают старую историю о том, как кошки ловили полевых мышей, которые разоряли шмелиные гнезда. А шмели опыляют клевер; так что когда любители птичек стали отстреливать кошек — точно так же, как друзья пушистиков отстреливают гарпий — клевер перестал родиться. Об этом ведь писал еще Дарвин в самом начале первого века доатомной эры.

Беда в том, что Герд ван Рибек, так сказать, отошел от дел. Он перестал быть натуралистом вообще и сделался специалистом по пушистикам. Что ж, Научный центр компании старался поспеть всюду. После обеда — точнее, часов в пять, потому что в Мэллори-порте обедали в четыре, — он свяжется с Хуаном Хименесом и узнает, не случилось ли чего из ряда вон выходящего.

Пушистик по имени Крафт, самец из пары, ерзал в маленьком креслище. Шар у него над головой сиял ярко-голубым светом. Лесли Кумбс сочувствовал Крафту: ему случалось видеть немало свидетелей, которые точно так же ерзали в подобном кресле.

— Ты же хочешь помочь Дяде Эрнсту и Дяде Лесси, — уговаривал пушистика Эрнст Маллин. — Может быть, это и не так, но ты говори, что так. Не скажешь — Дяде Эрнсту и Дяде Лесси будут большие неприятности. Другие Большие будут злиться на них.

— Но, Дядя Э'нст, — настаивал Крафт, — я не 'язбил пепельницу, это Дядя Лесси 'язбил.

Женщина в белом халате тоже принялась уламывать пушистика:

— Ты скажи Тете Анне, что это ты разбил пепельницу. Тетя Анна не рассердится на тебя.

— Ну же, давай, Крафт! — снова заговорил Маллин. — Скажи мисс Нельсон, что это ты разбил пепельницу.

— Давай, Крафт! — включился и помощник Маллина. — Кто разбил пепельницу?

Ровное синее сияние потемнело и завихрилось, словно в шар опорожнили бутылку чернил. Шар пошел фиолетовыми пятнами. Крафт пару раз сглотнул.

— Пепельницу 'язбил Дядя Лесси! — сказал он.

Шар сделался ярко-красным.

Лесли услышал, как кто-то воскликнул: «О нет!», и осознал, что это сказал он сам. Маллин зажмурился и содрогнулся. Мисс Нельсон пробормотала нечто — Лесли только понадеялся, что ему послышалось.

— О Господи! Если нечто подобное произойдет на суде... — начал он. Красный шар детектора лжи медленно тускнел. — Лучше отправь этот детектор в мастерскую. Или подвергни психоанализу — у него крыша едет.

— Дядя Э'нст, — умоляюще сказал пушистик, — пожалуйста, не надо больше! Къяфт не знает, что говорить.

— Не буду, Крафт, не буду. Бедный малыш! — Маллин отстегнул пушистика от детектора лжи и прижал его к себе с нежностью, какой Кумбс никогда в нем не подозревал. — И Тетя Анна не сердится на Дядю Лесси. Все друзья.

Он передал Крафта девушке:

— Унесите его, мисс Нельсон. Дайте ему чего-нибудь вкусенького и поговорите с ним.

Лесли подождал, пока она не унесла пушистика из комнаты.

— Вы понимаете, что происходит? — спросил он.

— Не совсем. Мы проверим детектор на нормальном живом человеке, но я почти уверен, что с ним все в порядке. Вы ведь знаете, что детектор на самом деле не распознает лжи. Детектор лжи — это машина, истина и ложь для него не существуют. Вы ведь, должно быть, слышали об эксперименте с сумасшедшим?

— Проходили в юридическом колледже, на уроках психологии. Сумасшедший заявил, что он Господь Бог, и детектор подтвердил это заявление. Но почему же он краснеет, когда Крафт говорит правду?

— Потому что детектор отмечает только умолчание факта. Здесь детектор имел дело с субъектом, который столкнулся с двумя противоречащими друг другу сообщениями, каждое из которых он считал истинным. Мы настаивали, чтобы он признался, что это он разбил пепельницу. Раз мы так говорим — значит, это правда. Но он видел, как ее разбил ты, поэтому он знал, что это

тоже правда. Поэтому ему пришлось умолчать об одном из этих фактов, хотя он оба их считал истинными.

— Ну, быть может, если он попробует еще раз...

— Нет, мистер Кумбс.

Даже Фредерик Пендарвис, выносящий очередной приговор, не мог бы выглядеть более непреклонным.

— Я больше не стану подвергать этого пущистика подобным испытаниям. Ни его, ни Эббинг. У них обоих уже начали появляться симптомы невроза. Впервые вижу подобные симптомы у пущистиков. А что вы скажете о своих подопечных-обвиняемых, мистер Кумбс?

— Ну, свидетель, участвующий в тестировании, не обязан давать настоящие показания. К тому же мне вовсе не хочется, чтобы они научились лгать и потом делали это на суде. А как насчет пущистиков из дома Холлоуэя?

— Я говорил с мистером Холлоуэем. Он понимает всю серьезность ситуации, но категорически против того, чтобы мы использовали кого-то из его семьи, или из семьи майора Ланта, или Герда и Рут ван Рибеков. Он использует этих пущистиков в качестве учителей и вовсе не хочет, чтобы в школе пущистики учились лгать.

— Понятно. Да, разумеется. — Джек не из тех людей, которые готовы выиграть битву и проиграть войну. — А других пущистиков нет?

— Ну, миссис Хоквуд вряд ли согласится, чтобы мы учили тех пущистиков, которых предоставили ей для школы, изворачиваться и увиливать. А те, кто помогает мне работать с психически больными, действуют успешно именно потому, что никогда не противоречат реальности. Не знаю, мистер Кумбс.

— Ну что ж! Только не забудьте, что у нас всего три недели до начала суда.

Глава 11

Мудрый чувствовал себя несчастным. Они провели в этом месте четыре дня и четыре ночи, и никто не хотел уходить. Место было хорошее, он и сам бы с удовольствием пожил здесь подольше — только ему еще больше хотелось найти Место Больших.

Это место они нашли в тот день, когда шел дождь, почти на закате, поднимаясь вдоль маленькой течь-воды по узкому ущелью. Поначалу ущелье было очень широкое, а потом постепенно сужалось и сужалось, по мере того как склон горы становился круче. Они нашли хорошее логово: дерево, упавшее в маленькую ложбинку рядом с выступом скалы. Под выступом и стволом земля была сухая, хотя с утра и до времени, когда солнце выше всего, шел сильный дождь. Они набрали много папоротника и сделали большую постель, на которой всем хватило места, и спрятали блестячки, чтобы утром, когда они отправятся на охоту, не пришлось тащить их с собой. Вечерами, поскольку у них уже

было готовое логово, они дотемна играли на берегу маленькой течь-воды. Поблизости были вкусные растения, внизу и на склонах по сторонам паслись хатта-зосса и, что самое замечательное, здесь было множество затку — больше, чем кто-либо из них видел за всю жизнь. В последний день они нашли и съели целую ладонь и еще один палец затку, так что каждому досталось почти по целому затку.

После того как они перешли течь-воду на правую руку солнца, они несколько раз видели леталки. Они все время пролетали вдалеке, в стороне восхода; похоже, они все летели вдоль большой-большой течь-воды, которая текла с правой руки солнца к левой руке солнца. Большая и кое-кто еще боялись и прятались от них, но это было глупо: леталки были далеко, и Большие не могли их увидеть. Большая говорила, что они охотятся, и если найдут их, то всех съедят. Глупая все-таки эта Большая! Большие ведь Народ, а Народ не ест Народ. Глупо даже думать о таких вещах. Это только годза едят друг друга. А Большие, наверно, ненавидят годза, потому что они убили их, когда нашли. Но Большая и Камнелом с Собирателем, которые ее слушались, испугались, и их дурацкая болтовня напугала остальных.

Пыряло Больших не боялся. Он говорил о том, как хорошо будет их найти и подружиться с ними. Но прочие принялись на него кричать, и это послужило началом ссоры. После этого Пыряло молчал, даже когда они с Мудрым оставались наедине.

Вот и сейчас они вдвоем бродили вдоль течь-воды, разыскивая затку и стараясь держаться подальше от тех мест, где пасутся хатта-зосса, чтобы не распугать их. Прочие все были в логове, отдыхали или играли; они все утро охотились, убили много хатта-зосса, и все были сыты. Камнелом делал еще один нож, лучше старого, а прочие раскладывали на земле камешки, считая, сколько хатта-зосса и затку они убили. Они будут заниматься этим почти до заката, а потом снова пойдут охотиться. И так каждый день.

Хорошо иметь такое место, где можно отдыхать и играть во все, во что захочется, и не переходить все время с места на место. Пыряло как раз говорил об этом.

— Найдем место, как это, когда придем в Место Больших, — сказал Мудрый Пырялу. — Может быть, у Больших таких мест много. Они отправляются далеко на леталках охотиться, а потом всегда приходят назад в одно место.

— Ты думаешь, Большие живут за горой?

Мудрый кивнул:

— Может быть, за другой горой, за многими горами. Но Большие живут там, где левая рука солнца.

В этом Мудрый был уверен. Он пытался сообразить, откуда он это знает, но с этим было сложнее. Он указал в сторону правой руки солнца, на горную цепь за рекой, которую они

перешли ладонь дней тому назад. Потом сел на землю, подобрал палку и провел на земле черту:

— Течь-вода мы перешли по камням. Помнишь?

Пыряло, присевший рядом на корточки, кивнул.

— Потом пришли сюда, к большой-большой течь-воде, которую никто не может перейти. Большая-большая течь-вода идет к правой руке солнца. Где-нибудь далеко-далеко с левой руки солнца большая-большая течь-вода маленькая, вроде этой, выходит из земли.

Пыряло согласился. Всякая течь-вода где-нибудь выходит из земли, это знают все. Течь-вода становится большой оттого, что в нее владает много других течь-вода. Мудрый провел другую линию, чтобы показать большую-большую течь-воду.

— Это должно быть далеко-далеко, чтобы большая-большая течь-вода успела стать большой. Много маленьких течь-вода в нее впадали, — размышил вслух Пыряло.

— Да. Это место — никто о нем не знает. Никто о нем говорил. Большие приходят из места, о котором никто раньше не говорил. Место далеко-далеко. И леталки приходят с левой руки солнца. Мы знаем — мы видели.

— Большой, должно быть, очень умный, — сказал Пыряло. — Ходит на леталке, делает шум-гром. Я думаю, леталка — сделанная вещь. Большой делает ее, как мы делаем дубинку, как мы делаем рубило. Я думаю, Большой сделал блестячки тоже.

Мудрый кивнул. Он и сам так думал.

— Среди Больших мы станем как маленькие дети, — сказал он. — Совсем не мудрый. Народ помогает маленьким детям, учит их. Большие будут помогать нам, учить нас. Большие не дают годза, не дают хеш-назза ловить нас, есть нас. Шум-гром делает годза, хеш-назза мертвыми.

Он посмотрел на противоположный склон долины; отсюда еще было видно то ущелье, где они спасались от хеш-назза. А Большие не стали бы бежать и спасаться; они сделали бы хеш-назза мертвым, разрубили и съели.

— Но другие: Большая, Другая, Камнелом, Собиратель, — они все бояться Больших, — сказал Пыряло. — И не хотят уходить из этого места.

Значит, им с Пырялом придется идти одним. Но Мудрому не хотелось бросать остальных, он хотел, чтобы они тоже пошли с ними. Он снова посмотрел на горы по правую руку солнца.

— Может быть, — с надеждой сказал он, — может быть, хеш-назза придет из-за течь-вода. Тогда все побоятся оставаться, захотят уйти.

— Но хеш-назза не может приходить. Вода слишком глубокая, слишком быстрая. И хеш-назза не может пройти там, где мы, — возразил Пыряло.

Да, конечно. И все же Мудрый очень хотел, чтобы хеш-назза перешел на эту сторону. Тогда все захотят уйти, особенно Большая.

Если он увидит это первым и сможет предупредить их... И тут ему в голову пришла мысль.

— Мы пойдем назад в логово, — сказал он. — Мы скажем другим: хеш-назза пришел. Мы скажем, мы видели хеш-назза. Тогда все захотят уйти.

— Но... — Пыряло ошеломленно уставился на него. — Но ведь хеш-назза нет! — Он никак не мог понять. — Как же мы скажем, что видели хеш-назза?

Это было бы то же самое, как тогда, когда Мудрый говорил им о давнем Народе, который рассказывал о дивной стране по левую руку солнца. Это тоже будет не так, как есть, но Мудрый будет говорить, словно это так.

— Ты хочешь идти в Место Больших? — спросил он. — Ты хочешь, чтобы одни пошли в одно место, а другие в другое? Никогда больше не увидеться? А так мы сделаем, что другие побоятся оставаться здесь. Они не будут знать, что мы не видели хеш-назза. Ты думаешь, Большая пойдет смотреть? Ты не говори глупые вещи!

— Хеш-назза нет, а мы скажем, что есть?

Пыряло обдумал это и понял, что так сделать можно. Он кивнул:

— Они не узнают. Мы скажем им, и они подумают, хеш-назза здесь. Идем.

— Бежим быстро! — сказал Мудрый. — Хеш-назза гнался за нами; мы испугались.

И они побежали к другим, крича:

— Хеш-назза! Хеш-назза гонится!

Остальные, сидевшие между логовом и маленькой течь-водой, вскочили на ноги. Никто не усомнился, что хеш-назза вот-вот бросится на них. Та-Что-Носит-Блестячки побежала и схватила палочки, на которых были надеты блестящие штучки; Камнелом схватил рубило, нож, который он сделал, и другой нож, над которым работал. На споры никто времени не тратил. Все принялись карабкаться вверх по склону ущелья, прочь от логова и маленькой течь-воды. Выбравшись из ущелья, все помчались вверх, на гору.

— Скорей! Скорей! — подгонял их Мудрый. — Не останавливайтесь! Может быть, хеш-назза пойдет сюда, наверх!

Хеш-назза так делают. Если они не могут поймать добычу, лежа в засаде и подстерегая ее, они пытаются ее обойти. Это знают все. Поэтому те, кто замедлил было шаг, снова припустились бегом.

Однако когда деревья впереди поредели, шаг замедлили все. В конце концов они остановились почти у самой вершины и прислушались. В подлеске чиркали птицы, возились мелкие зверьки. Все успокоились: хеш-назза далеко. И сам Мудрый почувствовал облегчение, и только потом вспомнил, что на самом деле хеш-назза не было. Это он сказал, что есть.

Они вышли на гребень горы. Впереди склон уходил вниз. Он был выше и круче, чем тот, с которого они спускались по ту сторону реки. Внизу, за горой, других гор не было, только мелкие холмы и утесы. Должно быть, там было много рек и лесов, в которых можно охотиться. Далеко-далеко вздымалась высокая гора, так далеко, что она была почти такой же синей, как небо, и сливалась с ним. Мудрый был уверен, что именно на ней берет начало та большая-большая река, что течет к правой руке солнца.

Прочие, даже Большая, которая все ныла оттого, что им пришлось оставить то замечательное место, вскрикнули от восхищения. Потом Мудрый увидел в небе крохотное блестящее пятнышко, такое маленькое, что он тут же потерял его и не сразу нашел снова. Потом он увидел еще одно, прямо перед собой. Поначалу Мудрый решил, что это то же самое, и удивился, как быстро оно летит — это было слишком быстро даже для леталки Больших. Но потом он снова увидел первое и понял, что пятнышек два. Сразу две леталки! До сих пор Мудрый никогда не видел больше одной зараз.

Теперь он понял, что был прав. Место Больших и в самом деле находится по левую руку солнца, быть может, как раз за теми высокими горами впереди.

Глава 12

Через три дня после выборов Гас Браннард приземлился на своем автолете в Хоксу-Митто в середине дня. Джек давно уже — со времен Решения Пендарвиса — не видел его иначе, как в строгом костюме. Но теперь это был снова прежний Гас Браннард, в бесформенной войлочной шляпе, в линялой и застиранной походной куртке с кармашками для патронов на груди, с охотничим ножом, в шортах, гольфах и высоких башмаках. Он вышел из машины, пожал руку Джеку и огляделся. Потом вытащил из кабины холцовую охотничью сумку и пару чехлов с ружьями и огляделся еще раз.

— Господи, Джек, — сказал он, — ну ты и построился! С земли этот домина выглядит еще хуже, чем сверху. Надеюсь, ты не распутал всю дичь в округе?

— В пределах десяти—пятнадцати миль кое-что найти можно. Джордж Лант каждый день посыпает пару своих ребят, чтобы они подстрелили чего-нибудь на обед. — Джек взял сумку, которую Гас положил на землю. — Давай устроим тебя, а потом сходим оглядимся.

— Чертова скотина здесь есть?

— Немного. Пушистики, которые забредают на южные посты, упоминали о том, что видели хеш-назза. Но такого, чтобы они подходили к самому дому, как бывало в июне, больше нет. И гарпий в последнее время тоже совсем не видать.

— Ну, значит, мы хорошо потрудились! — Гас тоже не любил гарпий. Да и кто их любит, если подумать? — Я у тебя тут поживу

пару дней, Джек. Может, завтра выберусь и подстрелю зебралопу или речную свинью на обед. Но ты не беспокойся. Послезавтра отправлюсь охотиться на чертову скотину.

В гостиной Джек достал бутылку.

— До коктейля еще целый час, — сказал он, как бы извиняясь, — но давай все-таки хлебнем! За выборы.

Он налил себе и приятелю, поднял свой стакан и сказал:

— Поздравляю.

— Надеюсь, нам есть чему радоваться, — сказал Гас, осушив стакан примерно на треть. — У нас сто двадцать восемь мест из ста пятидесяти. Это выглядит замечательно — на бумаге.

Он допил то, что оставалось в стакане.

— Человек на сорок из них мы действительно можем положиться. Это люди Компании и независимые бизнесмены, которые знают, на чем стоит их бизнес. Еще человек тридцать — честные политики: раз продавшись, они служат тому, кто их купил. Удивительно, — заметил он, — стоило завести на этой планете политику, и здесь тут же развелись политики! Что до прочих, они, по крайней мере, не социалисты, не лейбористы-радикалы и не враги Компании. Ничего лучшего у нас не будет, и я надеюсь — хотя ручаться бы не стал, — что они окажутся достаточно приличными. По крайней мере у нас нет достаточно богатых противников, которые могли бы их перекупить.

— Когда Собрание начнет работу?

— Через две недели, в понедельник. В отеле «Мэллори». Компания оплачивает все счета. Накануне, в воскресенье вечером, будет банкет. Представляю, как это будет выглядеть! Наутро все они будут мучиться с похмелья.

Гас презрительно поморщился. Сам он, видимо, никогда в жизни похмельем не страдал.

— А к вечеру снова станут устраивать вечеринки в отеле. Так что по-настоящему работать они будут разве что часа два после обеда. Да, может, оно и к лучшему.

Он посмотрел на свой пустой стакан, потом на бутылку. Джек подвинул бутылку к нему.

— Набрали сто пятьдесят человек вроде этого вашего Горация Стеннери, или Эба Лаутера из Честервилла, или Барта Хогана из округа Биг-Бенд — я года полтора назад добился его оправдания по делу о краже скота, — и все они будут стараться показать избирателям, какие они крутые государственные деятели, внося всякие мелкие поправки, до которых ни у кого другого просто не хватит глупости додуматься. Мы с Лесли Кумбсом написали вполне приличную конституцию. Страшно подумать, на что она будет похожа, когда они с нею управятся!

Он допил второй стакан. Прежде чем он успел налить себе третий, Джек предложил:

— Пошли погуляем, пока народ не собрался.

Они пошли по тропинке, ведущей на пастбище. Среди построек играло довольно много пушистиков. Было уже довольно поздно, и они успели утратить интерес к занятиям и сбежать из школы. Многие перешли через мост, чтобы поглязеть на чудеса, которые творят Большие с машинами.

Двое, оба самцы, подошли к ним.

— Пивет, Папа Джек! — сказал один, а другой спросил:

— Папа Джек, а кто этот Большой с мехом на лице?

Гас рассмеялся и присел на корточки, чтобы оказаться с ними на одном уровне.

— Пивет, пушистики! Как имена ваши?

Они уставились на него с недоумением. Гас всмотрелся в серебристые диски у них на груди. На них не было ничего, кроме регистрационных номеров.

— В чем дело, Джек? У них что, нет имен?

— Мы даем имена только тем, кто хочет остаться здесь. А так имена им дают люди, которые берут их к себе.

— А что, своих, пушистиковых имен у них нет?

— Они не очень удачные. «Большой», «Маленький», «Другой» и так далее. В лесах они обычно обращаются друг к другу просто «эй, ты!»

Гас чесал одного из пушистиков за ухом — пушистики все это любят. Другой пытался вытянуть у него из ножен нож.

— Эй, брось! Не трогай — острое. Ты понимаешь, что такое «острое»?

— Конечно! Моя нож ост'ый тоже! — пушистик достал из чехла в своей заплечной сумке и показал Гасу трехдюймовый ножик. Для него он был все равно что для человека — девятидюймовый. Лезвие было острым, как бритва: видимо, пушистик жил здесь уже достаточно давно, чтобы научиться точить нож. Другой пушистик тоже показал свой нож, и тогда Гас разрешил им посмотреть свой. У него была рукоятка из рога зароленя. Пушистики ее тотчас узнали.

— Такку, — сказал один. — Ты убил из г'омыхалки?

— Большие зовут такку залолень, — укоризненно сказал другой. — Большие зовут г'омыхалку 'ужьем.

Пушистики увязались за людьми, болтая обо всем, что видели вокруг. Гас посадил их на плечи и понес. Все пушистики любят ездить верхом на людях. Поэтому, когда они вернулись в садовый домик, где Джордж Лант и Панчо Айбарра смешивали коктейли, а Рут ван Рибек и Линн Эндрюс готовили угощение, пушистики все еще ехали на Гасе. Обычно пушистики не путались под ногами во время коктейля: это было время, когда Большие занимаются своими разговорами. Однако эти двое отказались уходить от Гаса и сидели на траве, потягивая сок через соломинки.

— Попался Браннард! — жизнерадостно заметил Джордж Лант. — Теперь ты для них Папа Гас!

— Ты хочешь сказать, они захотят остаться со мной? — Гас, похоже, слегка испугался. Он относился к пущистикам, как некоторые холостяки относятся к детям, то есть любил их, но предпочитал, чтобы они принадлежали кому-то другому. — В смысле, насовсем?

— Конечно, — сказал Джордж. — Среди пущистиков разнесся слух, что у всех пущистиков будут свои Большие. И они тебя присвоили.

— Ты будешь наш Большой? — спросил один из пущистиков. Они оба к этому времени успели потерять интерес к соку и пытались вскарабкаться Гасу на спину. — Ты нам н'явишься.

— А может, это и не такая уж плохая идея? — призадумался Гас. — Я как раз собирался завести себе домик подальше от города, минутах в десяти—пятнадцати полета.

Принимая во внимание мощный автолет Гаса и то, как он на нем гонял, это вполне могло означать «в четырех-пяти сотнях миль».

— Мне нравится, когда по ночам темно, и если ты соскучился в тишине, то тебе приходится устраивать шум самому.

— Я знаю, — сказал Джек. Он огляделся вокруг и вспомнил, каким был когда-то Лагерь Холлоуэя. — Когда-то здесь было так же.

На следующее утро Гас еще не встал, а Холлоуэй уже был у себя в офисе. Он пару часов возился с бумагами, потом пошел взглянуть, как идут дела в школе и в клинике, аптеке и стационаре Линн Эндрюс. Линн доложила, что сегодня ночью родился еще один жизнеспособный пущистик, причем с такой гордостью, словно сама его родила. Это был один из первой волны младенцев, зачатых во время бума сухопутных креветок. Период вынашивания у пущистиков — чуть более полугода. Младенцы, зачленные после того, как пущистиков начали снабжать хокфусином, начнут появляться на свет не раньше марта. Возможно, со временем им придется иметь дело с демографическим взрывом... Но в таких случаях следует поступать по примеру Скарлетт О'Хара: мне хватает сегодняшних забот.

Гаса Браннарда он нашел перед домом, на лужайке, считающейся газоном, играющим с двумя пущистиками.

— Ты же ведь вроде собирался на охоту!

Гас обернулся и улыбнулся так кротко, как только позволяли его львиные черты:

— Я и сам так думал. Но заигрался вот с малышами. Может быть, я пойду на охоту после обеда... Но вообще-то мне лень.

На самом деле он просто чувствовал себя усталым. Он себя здоровово затягивал; вряд ли ему доводилось нормально высаться две ночи подряд с тех пор, как было начато дело «Народ против Келлога и Холлоуэя».

— А чего ты не возьмешь этих мелких на охоту? Я думаю, они будут рады по уши!

Это Гасу в голову не приходило.

— Да, а вдруг с ними что-нибудь случится? Еще, чего доброго, потеряются! Я ведь полечу куда-нибудь миль за пятьсот, за шестьсот отсюда!

— Не потеряются. Когда сядешь, оставь генератор включенными, в нейтральном режиме. Они слышат вибрацию миль за шесть, так что, если заблудишься, они тебя выведут. Мальчишки Джорджа Ланта всегда так делают, когда берут с собой пущистиков.

— А если я кого-то подстрелю, они не испугаются?

— Да что ты! Им очень нравится, когда стреляют. Во время стрельб Сил охраны они вечно путаются под ногами. Я думаю, что вы все трое неплохо проведете время.

— Слыхали, малыши? Хотите полететь с Папой Гасом, охотиться на такку, охотиться на... как будет зебралопа?

— Кигга-хиксо.

— Зеб'алопа? Ты будешь стрелять зеб'алопа тоже? — в один голос воскликнули пущистики.

Гас вернулся только вечером, когда народ начал собираться в садовом домике на коктейль. Он сперва посадил автолет за кухней, потом снова взлетел и опустился перед домом. Сперва оттуда выкатились пущистики, вопя:

— Убил зеб'алопу! Убил залаленя! Папа Гас убил зеб'алопу и два залалена!

Вслед за ними выбрался Гас, снял с плеча винтовку, отстегнул магазин, прочистил патронник, подобрал стрелянную гильзу, потом вошел в дом и со смехом прислонил ружье к скамейке.

— Дайте мне чего-нибудь выпить! Нет, не этого — неразбавленного виски не найдется? Спасибо, Джордж!

Он налил себе из бутылки, которую передал ему Джордж Лант, выхлебал все единым духом и налил еще.

— Господи, видели бы вы этих мелких! Мы сели у одного ручейка в двух милях от того места, где он впадает в Змейку. Вначале один из них завопил: «Затку! Затку!», схватил свою лопатку и выскоцил наружу. Второй принялся ходить кругами и в конце концов нашел еще одну. Так что мы принялись охотиться на затку... тьфу, черт возьми! — на сухопутных креветок. Только успеешь выучить местное наречие, как местные начинают разговаривать на земном языке! Ну вот, они поймали пару этих креветок, а потом снова прицепились ко мне. «Папа Гас, теперь будем охотиться на зеб'алопу!» И мы пошли охотиться на зебралопу. Они не вынюхивают след, как собаки, и все же это лучшие следопыты, каких я видел! Вы ведь охотились на Локи, как и я. Помните тамошних буш-дванга? Так вот, по сравнению с этими пущистиками лучший следопыт из дванга слеп и беспомощен как младенец! Как только они напали на свежий след, они разделились. Один побежал в одну сторону, другой в другую. Через минуту прямо на меня выбегает здоровенная зебралопа, почти

что с лошадь размером. Я ранил ее в плечо и в шею — второй выстрел ее прикончил. Я ее выпотрошил; знал, что они любят сырую печеньку — я ее для них вырезал. Они хотели, чтобы я ее тоже ел. Я им сказал, что Большие не любят сырой печеньки. Теперь они думают, что Большие все малость не в себе. Почки они тоже съели. Потом мы пошли охотиться на зароленей. Убили двух. Твои тезки, Герд, — заролень ван Рибека, маленькие такие, серые.

— Они и у них съели печень и почки? — поинтересовалась Линн Эндрюс. — Приведите их завтра ко мне в медпункт.

— Но одно я знаю точно, — продолжал Гас, — я беру к себе двух пущистиков. Это лучшие спутники на охоте, какие у меня когда-либо были. Куда лучше собаки со всех сторон, как ни глянь: и дичь выслеживают лучше, и разговаривать с ними можно. С собакой, конечно, тоже можно разговаривать, но собака ведь тебе не ответит! Так что Дяде Гасу и его пущистикам будет очень неплохо вместе. Папе Гасу, — поправился он. — «Папой» они называют Большого, который им *in loco parentis**. «Дядя» — это просто *amicus Fuzziae***.

— А как ты их будешь звать?

— Не знаю... — Браннард ненадолго призадумался. — Джордж обозвал свою ораву именами преступников. Фиш Мортлейк — именами детективов и шпионов. А я своих буду звать именами охотников. Из литературы: Аллан Квотермейн и Натти Бампо. Эй, мелкие, слыхали? У вас теперь есть имена. Ты будешь Аллан Квотермейн, ты — Натти Бампо. Надеюсь, я не забуду, кто есть кто...

На следующий день Джек переслал регистрационные номера, отпечатки пальцев и новые имена пущистиков в Бюро опекунства, миссис Пендарвис, так что Гас Браннард официально сделался Папой Гасом. Папа Гас, хоть и неохотно, взял Аллана Квотермейна и Натти Бампо с собой на охоту за чертовой скотиной. Он взял свой большой двустрельный «экспресс», и с ним отправился еще один из людей Джорджа Ланта с таким же оружием. На чертову скотину не стоит охотиться в одиночку, даже в компании двух пущистиков. Пущистики прекрасно знали, где и как их можно найти, но, когда они узнали, что Папа Гас и другой Большой собираются выйти из машины и стрелять их с земли, они решили, что Большие сошли с ума.

— Мне не сразу удалось объяснить им, в чем дело, — рассказывал Гас, когда они вернулись. — Туземцы редко могут понять, что такое спортивная охота. Но когда я сказал, что «так интереснее», до них дошло. Я даже научил их стрелять. Они сказали, что это интересно.

* Вместо отца (*лат.*).

** Друг пущистиков (*лат.*).

— Не из «экспресса», я надеюсь?

— Нет, из моего пистолета. — Пистолет Гаса был 8,5-миллиметровый «марс», охотничье оружие с восьмидюймовым стволом и съемным прикладом. — Он для них, конечно, тяжеловат, но отдача им совершенно не мешает. Я даже удивился. Я думал, их каждый раз будет с ног сшибать — ничего подобного! Им понравилось.

Холлоуэй тоже удивился. Он думал, что для пущистиков даже 0,22 будет великоват.

— Попрошу Марта Берджесса сделать им пару маленьких ружей, — продолжал Гас. — Калибра восемь с половиной, весом фунта в четыре. Однозарядное — хватит с них для начала. Многозарядное устройство для пущистика штука слишком сложная.

Если есть человек, который способен сделать ружье для пущистика, так это Март Берджесс. Он делал оружие, как Генри Стенсон делал инструменты. Такие мастера встречаются лишь на малонаселенных планетах, где отсутствие большого рынка препятствует возникновению поточного производства. Но Холлоуэю не очень понравилась эта идея.

— Все пущистики узнают об этом и тоже захотят иметь ружья. Ты знаешь, что будет, если дать ружья примитивному народу? Научи этих пущистиков делать луки — и они смогут делать их для себя сами. Дай народу каменного века стальные копья, ножи и топоры — и им их хватит на многие годы. А как только они научатся кузнечному делу, они смогут делать свои собственные топоры из любого кусочка железа. Но если ты дашь им огнестрельное оружие, им понадобятся припасы. Пороха и пуль им самим не сделать — и вот они попались. После этого они забудут, как пользоваться своим собственным оружием — и кончено. Они навеки зависят от нас.

Гас сказал то же самое, что говорил Панчо Айбарра пару недель назад.

— Они уже и так зависят от нас, из-за хокфусина, хотя они этого и не знают. В сухопутных креветках его недостаточно. А что до зависимости — как насчет тебя самого? Ты ведь тоже сам своих припасов не делаешь — ты бросил даже набивать патроны, потому что с этим слишком много возни. Многие ли вещи, которыми ты пользуешься, ты делаешь сам?

— Это другое дело. Мне есть чем за это расплатиться. Раньше я добывал солнечники, теперь вот вожусь с этим сумасшедшим домом. Ты раньше защищал преступников, теперь вот разыскиваешь их. Но оба мы платим. А пущистикам платить нечем. Все, что они получают от нас, — это добровольные пожертвования.

— Клянусь Ниффльхеймом! Так уж и нечем? Ты что, всерьез хочешь сказать, что ты ничего не получаешь от Маленького

Пушистика, и от Мамули, и от Беби, и от прочего семейства? Но если так, почему бы тебе не взять и не избавиться от них? Ты думаешь, Виктор Грего ничего не получает от своего пушистика? Да он убьет любого, кто попытается отобрать у него Алмаза! Или я ничего не получаю от моих Аллана и Натти, хоть и познакомился с ними только вчера? Если уж говорить о зависимости, так это мы от них зависим! Мы зависим от пушистиков. И они платят нам за все, что мы для них делаем, просто тем, что они есть. Надо просто не мешать им оставаться пушистиками, и все будет в порядке. С ними ничего не случится, пока мы сами не причиним им вреда.

Глава 13

Через два дня Гас Браннард вернулся в Мэллори-порт и увез с собой Аллана Квотермейна и Натти Бампо. Все трое были счастливы. Прочие пушистики тоже были счастливы: зависимость, как и ложь, была им совершенно не свойственна. Проводить друзей собралась большая толпа. Джек смотрел, как они расходятся небольшими группками, собираясь вернуться к играм или к занятиям, и болтают о том, как повезло Аллану и Натти, и что скоро у них у всех тоже будут свои Большие. Джек вернулся в свой офис.

Из Каньона Желтого Песка прислали новые топографические данные и подробные карты местности к северу от Границы. В общих чертах всем было известно, как выглядят те места, в основном из снимков, сделанных из космоса, с базы Космофлота на Ксерксе. Но теперь они пользовались материалами, полученными с помощью низкой аэрофотосъемки, в основном бассейна Желтой реки и Озерной реки, впадающей в нее с запада. Это, конечно, еще не давало сведений о том, сколько там пушистиков и где они живут. Джек предполагал, что пушистиков там немногого и установить с ними контакт будет дьявольски трудно.

Он надел шляпу и снова вышел. В здании школы было сравнительно тихо. Там занималась маленькая группа под руководством Синдрома, Катастрофы Джейн и пары новых пушистиков-преподавателей. Они объясняли, как нужно говорить задней частью рта, как Большие. Рут ван Рибек, Мамуля, Ко-Ко и Золушка вели урок земного языка: «Большие не гово'ят "затку", большие гово'ять "сухопутная кьеветка"». Джек замечал, что наибольшие трудности у пушистиков вызывает звук «р», а также сочетания согласных. Еще трое занимались кузнецким делом. У них были ксероксы фотографий из какой-то книги с изображениями древнего оружия допороховой эры: английские и швейцарские алебарды. И сейчас они ковали алебарду со стальным древком. Деревянные древки получались либо слишком непрочными для сильных рук пушистиков, либо слишком толстыми и неудобными. Снаружи доносились крики и писк.

Джек вышел на улицу с другого конца постройки и увидел, как пять-шесть десятков пущистиков упражняются в стрельбе из лука, по очереди стреляя в сшитую из мешковины и набитую опилками фигуру заролена в натуральную величину, довольно похожую на настоящее животное. Герд ван Рибек распоряжался стрельбами. Ему помогали Диллинджер, Нед Келли, Маленький Пущистик и Ид. Один из пущистиков встал, расставил ноги, оттянул тетиву до уха и выпустил ее. Стрела вонзилась туда, где должны были быть ребра заролена. Не успела стрела достигнуть цели, а пущистик уже выхватил из колчана вторую стрелу и наложил ее на тетиву.

— Не видел ли кто-нибудь поблизости верховного шерифа ноттингемского? — спросил Герд. — Если он не возьмется за дело, в королевских лесах скоро не останется ни одного оленя!

Вторая стрела вонзилась тряпичному зароленю в основание шеи. Вот вам и новые имена для пущистиков: Робин Гуд, Братец Тук, Маленький Джон, Билл Скарлет...

Обычной стае пущистиков зароленя хватит дня на два. Если их вдвое больше — на день. А зароленей в лесах — пруд пруди. Если эта дичь станет доступна, значит, пущистики смогут охотиться большими стаями. А из шкуры зароленя получится три, а то и четыре заплечные сумки — конечно, не такие удобные, как непромокаемые рюкзачки на «молнии», но все же пригодные для того, чтобы хранить в них вещи. А пущистикам это необходимо. Джек вспомнил, как мало имущества принесла с собой стая Маленького Пущистика, а ведь по меркам гашта они могли считаться богачами. Обычно в стае были лишь дубинки, кремневый нож и топорик. Всякая зарождающаяся культура держится на имуществе — орудиях, с помощью которых можно делать что-то еще. Все остальное — законы, общественная организация, философия, — приходит потом.

Робин Гуд — а может быть, Сэмкин Эйлвورد — выпустил третью стрелу, и все пущистики вместе кинулись за сотню ярдов к мишени. Просто чудо, как быстро эти малыши научились стрельбе из лука — меньше чем за месяц! Людям понадобилось бы не меньше двух лет, чтобы научиться стрелять так, как они. Пущистик с луком в лесу будет всегда сыт. Десяток-другой лучников без труда прокормят целое поселение. Они смогут устраивать себе постоянные жилища, им не придется все время кочевать с места на место. Так будет куда проще все устроить: цепочка деревень пущистиков, рассеянных по всему Пьедмонту, куда раз в пару дней заезжают патрульные машины, снабжающие их хокфусином. Может быть, даже большие деревни, и в каждой — дежурный из Сил охраны.

И дать им огнестрельное оружие и припасы! Какого черта! Пуля из 8,5-миллиметрового скорострельного пистолета может уложить заролена. Гас Браннард настрелял уйму дичи из своего «марса». Выстрел может убить даже гарпию. Во всяком случае,

пара пуль заставит даже чертову скотину держаться подальше от пущистиков. Да, им потребуются боеприпасы. Ну и что? Все равно они нуждаются в хокфусине. Лишний ящик патронов не составит большой разницы. К тому же до тех пор, пока им нужны патроны, они останутся в тех местах, где их можно снабжать хокфусином.

На следующий день по дороге в Желтые Пески завернул Виктор Грего вместе с Алмазом. Поздоровавшись со всеми знакомыми людьми и спросив разрешения у Папы Вика, Алмаз отправился гулять с Маленьким Пущистиком.

— Сколько у вас тут пущистиков? — спросил Грего, шагая вместе с Джеком к школе.

Джек ответил, что около пятисот. Грего, как и все прочие, считал, что это очень много. Черт возьми, конечно, много! А что поделаешь?

— Когда я летел сюда, — добавил Грего, — я видел пару сотен пущистиков там внизу, у Холодного ручья. Жгут костры, рядом пара грузовиков. Это тоже твои?

— Конечно! Это у нас верфь и мореходная академия. Мы учим их строить плоты и управляться с ними. Реки для пущистиков — препятствие почти неодолимое. Такая река, как Змейка в нижнем течении или Черноводица, для пущистика кажется больше, чем Амазонка на Земле или Фа-ансаре на Локи. Вот почему их здесь так много: речные системы на севере не дают им сворачивать в сторону, и они все сходятся сюда вдоль Холодного ручья.

— Ну, этим-то плоты уже не понадобятся. Они и сами дошли куда надо. Они уже нашли людей.

Да. Взять их и выгнать обратно в леса уже невозможно. Джек только теперь осознал это. Поманить живое существо обещанием чего-то чудесного, а потом отобрать — это величайшая жестокость.

— Прямо не знаю, какого Ниффльхайма я с ними буду делать, — признался он. — И вообще, все это будет зависеть от того, сохранят ли за пущистиками статус несовершеннолетних.

— Можно записать это в Конституцию, — предложил Грего. — То есть если мы сумеем заставить Конституционное собрание принять ее со всем, что мы в ней напишем.

Они были уже почти у самой школы. Джек остановился.

— То есть как? — спросил он. — Ты в этом не уверен?

— Ох, ну ты же знаешь, какое барахло все эти наши делегаты. Там всего человек шестьдесят тех, на кого можно положиться, а для принятия конституции нужно две трети голосов. А прочая свора продаст нас за шоколадный батончик.

— Ну так дай им этот батончик! Дай им даже два батончика. И скаутский нож с восемью лезвиями и золотой рукояткой.

Он повторил слова Гаса Браннарда о том, что на планете нет единой богатой оппозиции, которая могла бы перекупить сторонников Компании и правительства.

— Это-то меня и тревожит, — сказал Грего. — Хьюго Ингерманн. Я знаю, что он задумал. Он хочет развалить Компанию и правительство Бена Рейнсфорда и использовать их крушение в своих интересах. Это только кажется, что Партия благосостояния планеты сдохла. Такие штуки живучи, как болотный змей с Нидхегг — и не менее ядовиты. Он добивается того, чтобы была принята конституция, направленная против Компании. А потом он добьется созыва Законодательного собрания, настроенного против Рейнсфорда.

— А много ли у него денег? — спросил Джек, уводя Грего от школы, к своему офису. Такие вещи лучше обсуждать наедине. — И сколько он тратит?

— Насколько нам известно, он не тратит ничего, зато занимает направо и налево. Ты знаешь Северный район Мэллорипорта?

Это была одна из немногих ошибок Грего. Лет десять назад на планете произошла короткая вспышка частного предпринимательства, и Компания продала в частные руки земли к северу от города. Теперь это был мертвый город: заброшенные фабрики и склады и полуразрушенный аэропорт. Хьюго Ингерманн приобрел большую часть этих развалин.

— Ради этого он занимает, где сколько может. Нет, разумеется, мы выкупаем из банка закладные. Если эти земли попадут в чужие руки, владелец может устроить там космопорт, который будет конкурировать с космопортом Терра—Бальдр—Мардука» на Дарии, а мы этого не хотим. Он занимает деньги наличными или в конвертируемых сертификатах Банковского картеля. В банк он все это не кладет. В банке говорят, что счет у него почти пустой. Я не знаю, зачем ему столько наличных. И это меня беспокоит. Мы не смогли выяснить, на что он их тратит.

Значит, он их не тратит. Точка. Источники у Компании надежные. Они пошли в офис, долго обсуждали эту загадку, но так и не придумали ничего толкового. Хьюго Ингерманн что-то задумал, и они не знали, что именно. Им обоим это не нравилось. Они не стали рассказывать об этом другим за коктейлем — вместо этого они говорили о пущистиках и о том, что делать с новоприбывшими.

— А почему бы вам не устроить колонии пущистиков на других континентах? — спросил Грего. — У нас много земель, подходящих для пущистиков, которые мы могли бы вернуть правительству за символическую цену. А то если программа по снабжению хокфусином сработает так, как ожидается, скоро здесь от пущистиков проходу не будет.

Идея понравилась. Вот и еще одна проблема, которую требовалось обдумать и решить после того, как будет определен статус пущистиков.

Вечером, перед тем как пущистики ложились спать, к Джеку и Грего подошли Маленький Пущистик с Алмазом.

— Папа Джек, — начал Маленький Пущистик, — Алмаз хочет, чтобы я поехал с ним в гости в дом Папы Вика, туда, где Большие копают землю. Он говорит, там интересно.

— Ты согласен, Папа Вик? — спросил Алмаз. — Маленький Пущистик поедет с нами. Потом мы будем ехать домой и п'ивезем Маленького Пущистика об'атно.

— Что скажешь, Джек? — спросил Грего. — Через пару дней привезу его обратно. А малыши будут рады. У Алмаза ведь нет друзей в Желтых Песках. Там, конечно, все время взрывы и все перекопано, но с ним ничего не случится. Я за Маленьким Пущистиком присмотрю, и Алмаз тоже. Алмаз знает, где опасно, а где нет.

Ну да, Алмаз, наверно, все время рассказывал Маленькому Пущистику о Желтых Песках, и теперь Пущистик хочет побывать там, чтобы потом рассказывать другим. Конечно. А Грего все время летает из Мэллори-порта в Желтые Пески и обратно и всегда берет Алмаза с собой. Если бы там было действительно опасно, он бы этого не делал. К тому же в здешних местах тоже немало роют, копают и строят, так что Маленький Пущистик знает, чего нужно остерегаться.

— Хорошо, — сказал Джек. — Поезжай с Алмазом, посмотри дом Папы Вика, поразвлекайся. Только будь хорошим пущистиком: делай, что скажут Папа Вик и Алмаз, и не делай, чего они скажут не делать. Слушай Алмаза — он знает то место, где копают.

— Никому не будет плохо, если быть осто'ожным, — сказал Алмаз. — Папа Вик гово'ит мне вещи, кото'ых делать нельзя, я скажу Маленькому Пущистику. Нам будет весело.

Глава 14

Маленький Пущистик был взволнован и счастлив. Ему всегда нравилось путешествовать, а на этот раз они ехали в новое место, где он никогда раньше не бывал, в место, которое называлось Желтые Пески. Это значит «Рохи-Насиг». Наверно, там много песку, как возле реки. Папа Вик и другие Большие копают там верхушку горы и сбрасывают в глубокое место, чтобы добыть блестящие камешки из черной твердой скалы. Все Большие любят блестящие камешки, потому что они красивые, и Папа Вик меняется ими с другими Большими, и ему дают за них разные хорошие вещи, в том числе всякие штучки, которые он дает пущистикам. Это место нашли Папа Джек и Папа Герд, и теперь оно принадлежит пьявиству; вот почему все Большие на этот раз поставили свои имена на бумагах в доме Папы Бена.

Папа Вик сидел впереди и делал так, чтобы автолет летел. Маленький Пушистик и Алмаз сидели на задних сиденьях и смотрели в окно. Они были высоко в небе. Земля расстилалась внизу точно так же, как изображающие землю штуки, которые есть у Папы Джека — карты называются. Маленький Пушистик видел то место, где он со своей стаей спустился с холмов с правой руки солнца — это называется «север» — охотясь за сухопутными креветками. Они шли много-много дней, от времени новых листвьев до времени земляных ягод, прежде чем Маленький Пушистик нашел Прекрасное Место, забрался туда и подружился с Папой Джеком. Он видел реку, слишком большую, чтобы через нее переправиться, и вспоминал, как они много дней шли вдоль нее туда, где прячется солнце — на «запад», — пока река не стала достаточно узкой, чтобы перейти ее вброд.

Вот если бы они тогда умели строить плоты, как научили их Папа Джек, Папа Герд и Дядя Панчо! Но теперь им плоты не нужны. Большие возят их на автолетах, высоко над всеми реками и горами. Им ведь тогда для того, чтобы дойти в Прекрасное Место, понадобилось больше дней, чем можно сосчитать; а теперь они проделали этот путь быстрее, чем об этом можно рассказать.

— Смотри далеко-далеко вперед! — сказал ему Алмаз. — Видишь горы, которые идут с запад на восток?

Алмаз знал слова Больших — его Папа Вик научил.

— Желтые Пески там. Скоро все-все увидим, потом спустимся вниз, на землю.

Впереди летел еще один автолет, зеленый. В таких летают полицейские Папы Джорджа в синей одежде. Может, на гарпий охотятся. Они убили много гарпий из больших скорострельных винтовок. Папа Вик поговорил с ними через дальнеговорильные штучки — «радио». Потом перелетели через гору. С той стороны, откуда они подлетали, она была не крутая, но с другой стороны резко обрывалась вниз. Пушистик понял, что они далеко-далеко на севере. Он помнил такие горы. За горой была река, а за рекой еще гора, которая тоже плавно поднималась вверх и тоже резко оборвалась, а за ней еще одна гора. За той дальней горой висело желтое облако. Увидев его, Алмаз радостно махнул рукой.

— Это Желтые Пески, место, где копает Папа Вик! — сказал он. — Много пыли там, где копают Большие!

— Эй, малыши! — сказал Папа Вик. — Смотрите в правое окно! Я сделаю круг, чтобы вы могли посмотреть на все сверху. Потом полетим через гору, вниз.

Папа Вик немного снизил автолет и снизил скорость. Они перелетели через гору. Алмаз, сидевший рядом с Маленьким Пушистиком, показывал, где что. За горой были две реки. Они сливались вместе, и там, где онисливались, гору рассекало ущелье, и реки текли в него. И там были Желтые Пески, место Папы Вика. Оно было куда больше Прекрасного Места. Там

была по меньшей мере рука рук домов... Как же это будет на языке Больших? А, двадцать пять! У Больших есть слова для любого множества, даже для того, сколько листьев на большом дереве. Маленький Пушистик видел глубокое место, где две реки сливались в одну и текли через горы, и на берегу работали Большие — много-много Больших, много-много машин: копающие машины, поднимающие машины, машины, сгребающие землю, и большие грузовые автолеты.

Наверно, у Папы Вика много-много друзей, и они все собирались, чтобы помочь ему копать, а скоро придут и другие, потому что там строят еще дома. Наверно, Папу Вика все любят.

Папа Вик перелетел через вершину горы. Маленький Пушистик очень удивился. Он думал, что там будет долина, а за ней еще гора, но горы не было. Склон уходил вниз, почти отвесно, далеко-далеко, а дальше лежала плоская земля, с маленькими холмами, а за ними были холмы побольше, а дальше уже ничего не было видно. Папа Вик спускался вдоль склона, все ниже и ниже, почти к самому подножию горы, а потом повернул и полетел к ущелью, откуда вытекала река. Маленький Пушистик задрал голову и посмотрел наверх, сквозь прозрачную твердую крышу кабины. Как же далеко до вершины горы! Да, ему стоило поехать сюда, даже если он ничего больше не увидит!

Река текла так быстро, что поверхность покрылась белой пеной; по берегам были песчаные пляжи. Теперь Маленький Пушистик понял, почему Большие зовут это место Желтые Пески. А выше по берегам росли деревья до самого подножия крутых склонов горы. Через эту реку никто не переберется, даже Большие на плотах.

— Плохое место, — сказал ему Алмаз. — Не ходи близко. Упадешь в реку — сразу сделаешься мертвый.

— Да, Маленький Пушистик. Он прав. К реке подходить совсем не надо, — сказал Папа Вик. — А теперь посмотри вперед!

Впереди была падучая вода. Маленький Пушистик и раньше видел водопады, но таких высоких — еще никогда. Он слышал его даже из автолета: вода все время грохотала, как гром. А высоко вверху пролетали большие грузовые автолеты и сбрасывали свой груз: обломки камня, землю и даже целые деревья, выкорчеванные с корнем. Папа Вик повел автолет вперед и вверх, чтобы они могли полюбоваться водопадом. И наконец они перевалили через вершину.

Они прибыли в место, где все друзья Папы Вика копали для него. Маленький Пушистик смотрел вниз, глядя, как они работают, пока наконец автолет не опустился на землю среди блестящих металлических домов, перед самым большим. Там собралось около руки ожидавших их Больших. Они все были одеты так, как одевался Папа Джек, когда был дома в Прекрасном Месте, кроме двоих, которых звали Начальник и Капитан: эти были в синей полицейской форме, и у всех были при себе ружья,

как у Больших в Прекрасном Месте. Все они были замечательные.

Папа Вик показал ему, где они с Алмазом будут спать, и Маленький Пушистик положил там свое рубило-копалку, но заплечную сумку оставил при себе. Потом Папа Вик повел их с Алмазом показывать место, где копают. Алмаз видел его уже много раз. Он объяснял Маленькому Пушистику, как здесь работают: как сначала снимают мягкий белый камень и докапываются до черной твердой скалы, а потом взрывают твердую скалу и ищут там блестящие камешки. Маленькому Пушистику было очень интересно смотреть, как они это делают, и он увидел замечательную вещь: ползучую ленту, вроде тех ползучих лент и ползучих лестниц, что он видел в зданиях Места Больших Домов, только гораздо больше. Эта лента несла черную твердую породу в место, обнесенное прочной проволочной изгородью.

Папа Вик и туда их сводил. Здесь дробили твердую скалу и доставали из нее блестящие камешки. Этим занималось много-много Больших. И еще там было много Больших в полицейской форме, с маленькими ружьями на поясе и маленькими двуручными скорострельными ружьями на плече. Они все стояли и смотрели. Наверно, они боялись, что плохие Большие захотят прийти и взять блестящие камешки. И еще Маленький Пушистик видел место, где блестящие камешки сортировали. Они были очень красивые и горели, как огонь. Неудивительно, что они боятся, что кто-нибудь возьмет такие красивые вещи!

Потом они вернулись к большому железному дому. Наступило время обеда. Им с Алмазом дали на обед пиз'ти. После обеда Папа Вик долго разговаривал с другими Большими. Маленький Пушистик не понимал почти ничего из того, о чем они говорили. Вроде бы разговор шел о здешней работе. Они с Алмазом играли на полу, и Маленький Пушистик курил свою трубку. Алмаз не курил — ему это не нравилось.

После обеда Папа Вик повез их на своем автолете посмотреть, как его друзья будут устраивать взрывы. Маленький Пушистик знал, как это делают. Большие кладут в землю какую-то штуку и уходят от нее подальше, а потом она выстреливает, как ружье, но только гораздо громче, и во все стороны летит дым, пыль и большие камни. От этого легче копать, но находиться рядом опасно. От этих взрывов трясется земля. Большие словно ничего не замечают, а у пушников от этого болят ноги. Вот почему Папа Вик повез их смотреть на взрывы на автолете. А как только взрывы кончились, Большие снова полезли в карьер со всеми своими машинами и опять начали копать.

Потом Папа Вик снова отвез их с Алмазом в большой железный дом, они поели еще пиз'ти и стали играть с вещами Алмаза. А потом Алмазу было пора спать — он спал днем, — и он лег на свои одеяла и уснул.

Маленький Пушистик лег рядом с Алмазом и тоже попытался уснуть, но у него ничего не получилось. Его слишком взбудоражило все, что он видел. Он думал о том, как друзья Папы Вика помогают ему копать, и обо всех этих машинах, на которых они работают, а потом о красивых блестящих камешках, которые он видел, о том, какие они разноцветные и горящие, словно угли в костре. Он хотел найти себе такой камешек, чтобы взять его в Прекрасное Место и показать всем остальным.

Он знал, что Папа Вик даст ему такой камешек, если он попросит, но Папа Джек строго-настрого запретил ему попрошайничать, когда он будет в гостях. Ну, может быть, он сам сумеет найти себе такой камешек... Конечно, все блестящие камешки, что тут есть, принадлежат Папе Вику, но, если найти такой камешек самому и попросить разрешения оставить его себе, это же не значит попрошайничать, верно? Он хотел спросить, что думает об этом Алмаз, но Алмаз спал. Нехорошо будить того, кто спит. Это можно делать, только если что-нибудь не так или если грозит опасность.

Поэтому Маленький Пушистик решил пойти и поискать себе камешек. Он надел заплечную сумку, взял свое рубило-копалку, на случай, если ему попадутся сухопутные креветки, вышел из дома и пошел к краю ущелья, в сторону от того места, где работали Большие. Он нашел много черной скалы в том месте, где они копали когда-то раньше. Пушистик остановился, огляделся, но никаких блестящих камней не увидел. Наверно, они уже нашли все блестящие камни, какие здесь были. Он подошел к краю ущелья и посмотрел вниз. И увидел там, на дне, еще черные скалы.

Конечно, Папа Вик и Алмаз говорили ему, чтобы он держался подальше от ущелья, но ведь до того места, где Большие сбрасывают вниз землю и камни, далеко. Здесь, наверно, не опасно... И он полез вниз.

Лезть было трудно, и до дна оказалось куда дальше, чем он думал. Несколько раз он хотел повернуть обратно, но черные скалы на дне манили его, и Пушистик продолжал путь. Он хотел найти себе блестящий камешек. Здесь было много ненадежных камней, так что ступать нужно было осторожно. Ему приходилось помогать себе рубилом и цепляться за кустики, растущие на крутом склоне ущелья. А среди них были кусты и даже большие деревья, которые Большие выкопали и сбросили сверху. Так что надо было быть очень осторожным.

В конце концов он спустился к самому берегу. Быстрая река пенилась среди камней. Пушистик начал жалеть, что полез сюда. Черная твердая скала была вся раздроблена на мелкие куски, не крупнее самого Пушистика, и он понял, что здесь не может быть блестящих камней. Он знал, что делают Большие: они разбивают черную скалу на маленькие куски и просматривают их штукой,

которую Папа Вик называл сканером, и эта штука говорит им, есть ли в скале блестящие камешки.

Некоторое время он смотрел на обломки скалы, потом сказал:

— Сукисын-будь-ты-пъёклят-чейтпобей!

Он не знал, что это значит, но Большие всегда так говорят, когда что-то идет не так. Потом он пошел вдоль берега, выискивая менее крутой склон, по которому можно было бы залезть обратно, подальше от того места, где друзья Папы Вика сбрасывают вниз камни. Оглянувшись, Пушистик увидел удобный плоский камень, а над ним — еще один, а над ними — удобный кустик, за который можно было ухватиться.

Он спрыгнул с выкорчеванного дерева, на которое он взобрался, на тот плоский камень. Но как только его ноги коснулись камня, все скалы вокруг поползли вниз. Пушистик пытался удержаться на ногах и выронил рубило — он слышал, как оно звякнуло о камни. А потом его потащило вниз, к реке. Пушистiku было страшно как никогда в жизни — страшнее даже, чем тогда, когда его чуть не поймал чащобный лешак. А потом он оказался в воде.

Что-то тяжелое ударило его сзади. Он вцепился в него...

Глава 15

Джек Холлоуэй потянулся за своим кисетом, не отводя глаз от экрана микрокниги. Пушистики, сидевшие перед ним на полу, тоже смотрели на экран, тихо попискивая. Они давно уже приучились не разговаривать голосами Больших, когда Папа Джек читает. Они тоже читали — по крайней мере пытались: они уже знали буквы и умели читать по слогам, и теперь долго спорили о том, что значит то или иное слово. Наверно, им недоставало Маленького Пушистика: раньше они во всех трудных случаях спрашивали совета у него. Джек продул мундштук и принял заново набивать трубку.

Загудел экран переговорника. Джек закончил набивать трубку и застегнул кисет.

— Папа Джек, э́к'ан! — закричали пушистики.

— Тише, малыши, — сказал Джек и включил переговорник. Увидев на экране лицо Виктора Грего, пушистики завопили:

— Хейо, Папа Вик!

— Привет, Виктор! — сказал Джек. Потом разглядел лицо Грего — и его кольнуло нехорошее предчувствие. — Виктор, в чем дело?

— Маленький Пушистик... — начал Грего. Его лицо скривилось. — Джек, если ты захочешь меня пристрелить, я не буду возражать, ей-Богу!

— Не валяй дурака! Что стряслось?

Теперь ему стало страшно по-настоящему.

— Мы думаем, что он свалился в реку, — ответил Грего. Он произнес это так, словно каждое слово вытягивали из него раскаленными клещами.

Перед мысленным взором Джека встала тамошняя река, с ревом несущаяся по дну каньона. Он похолодел.

— «Думаете»? Но не уверены? Что произошло?

— Он потерялся где-то между половиной четвертого и пятью, — ответил Грего. — Они с Алмазом прилегли отдохнуть после обеда. Когда Алмаз проснулся, Маленького Пушистика не было. Он взял с собой сумку и рубило. Алмаз пошел его искать и не нашел. Он вернулся, когда мы сидели за коктейлем, и сказал мне. Я решил, что Маленький Пушистик просто пошел поохотиться на сухопутных креветок, но я не хотел, чтобы он бродил по карьеру один. Гарри Стифер позвонил дежурному капитану полиции и попросил объявить розыск — просто чтобы нам дали знать, если его увидят. К ужину он не вернулся. Я начал всерьез беспокоиться. Я приказал начать поиски и сам отправился с Алмазом в патрульном джипе с громкоговорителем. Мы его звали, мы обыскивали всю территорию. Алмаз уверяет, что предупреждал Маленького Пушистика, чтобы тот не лазил в каньон, но мы все же стали искать там. Когда стемнело, мы спустили в каньон грузовые автолеты с прожекторами. Наверно, мне следовало сразу позвонить тебе, но мы думали, что вот-вот его найдем.

— Да и что толку? Я бы ничего не смог сделать, только сидел бы и беспокоился, а вам и без меня забот хватало.

— Ну вот, примерно через полчаса двое копов в джипе пролетали вдоль берега, и один из них заметил, что в камнях блестит что-то металлическое. Он посмотрел в бинокль и увидел, что это рубило Маленького Пушистика. Он немедленно связался со мной. Я спустился туда — я сам только что поднялся из каньона наверх. Но там больше ничего не было, кроме этого рубила. Все то место завалено камнями, скатившимися сверху, и склон осипаетя. Он расположен прямо под одним из бывших богатых карьеров. Мы думаем, что камни поползли в реку, он выронил рубило, пытаясь за что-нибудь ухватиться, и оползень увлек его вниз... Джек... Это я во всем виноват, черт возьми...

— Да иди ты!.. Не мог же ты все время водить его на веревочке! Ты думал, что с Алмазом он будет в безопасности, а Алмаз думал, что он тоже ляжет спать, а... — Джек помолчал. — Я сейчас приеду и кое-кого привезу. Эта река, конечно, дьявольски опасное место, но вдруг он все же выбрался! — Джек взглянул на часы. — Через час увидимся.

Он позвонил Герду ван Рибеку, который как раз ложился спать, и все ему рассказал. Герд выругался, потом пересказал услышанное Рут, которая сидела где-то за пределами видимости экрана.

— Ладно, я сейчас. Вызову Силы охраны, найду Бьюрнсена и прочую шайку, которые тогда со мной ездили — они те места знают. До встречи!

И Герд вырубился. Джек снял домашние мокасины и натянул сапоги, пристегнул пистолет, надел куртку и шляпу. Вещмешок у него всегда был наготове, как раз для таких срочных случаев. Прогноз погоды не радовал: юго-западные ветры, теплый фронт должен столкнуться с холодным фронтом у моря на западе. Джек захватил плащ-дождевик. Через несколько минут в дверь уже стучал Герд. Рут тоже была с ним.

— Я посижу с твоими пущистиками и уложу их спать, — сказала она. — Или заберу к себе, если они не захотят оставаться одни.

Джек кивнул с отсутствующим видом. Рут продолжала:

— Джек, не волнуйся. Может, с ним все в порядке. При необходимости пущистики могут плавать, ты же знаешь!

Только не в Каньоне Желтого Песка. Джек не поручился бы даже за то, что чемпион межпланетных Олимпийских игр по плаванию сможет выплыть в такой мясорубке. Он что-то сказал — сам не понял что, — и они с Гердом побежали в ангар и вывели его автолет.

Когда они взлетели, Джек пожалел, что позволил вести машину Герду: это хотя бы немного могло отвлечь его от мрачных мыслей. А так ему ничего не оставалось, как сидеть в кабине, пока машина летела сквозь ночь на север.

Минут через десять они влетели в облако: та самая дождевая туча, о которой предупреждал прогноз. Они спустились пониже. Быть может, снаружи шел дождь — но такой автолет способен пролететь сквозь тропический ливень на Мимири и не заметить. Джек увидел молнию на северо-западе, потом на западе. Потом молния вспыхнула под тучами прямо впереди.

Когда они сели в шахтерском городке в Желтых Песках, моросил мелкий дождь. Грего ждал его вместе с Гарри Стифером, начальником полиции Компании, который переехал в Желтые Пески, когда начались разработки. Они пожали друг другу руки, Грего — с некоторой опаской.

— Пока ничего, Джек, — сказал он. — С тех пор как я тебе звонил, мы обшарили весь каньон, дюйм за дюймом. Но ничего не нашли, кроме того рубила.

— Виктор, ты здесь ни при чем. Тебя никто не обвиняет. И вообще, что толку кого-то обвинять? Алмаз тоже ни в чем не виноват, и, думаю, даже сам Маленький Пущистик не особенно виноват. Он просто хотел посмотреть, что там внизу. Быть может, думал, что найдет затку. Ведь близ Хоксу-Митто их уже мало осталось.

Черт возьми, он убеждает уже не Грего, а самого себя!

— Хирохито Бьюрнсен летит сюда, с тем отрядом, который располагался здесь, пока каньон не перешел к вам.

— В каньоне его нет, в этом мы уверены. Мы осмотрели все вдоль обоих берегов, но я не думаю, что он сумел выбраться. Живым — навряд ли.

— Да, я знаю, что там творится. Черт возьми, ведь это я его нашел. Лучше бы я его не находил!

— Джек, я бы отдал все солнечники этой чертовой горы, лишь бы... — начал Грего, потом остановился. Все это было бесполезно.

Бьюрнсен прилетел с боевым автолетом и двумя патрульными машинами. Прилетели Джордж Лант и Панчо Айбарра. Всю ночь они провели в поисках либо сидя за кофе в штабе, слушая отчеты и следя за экранами. Небо посветлело, из черного сделалось мутно-серым. Наконец выключили прожектора. Дождь продолжался, становясь все сильнее. Он беспрерывно барабанил по круглой крыше домика.

— Мы уже на полпути к устью Озерной реки, — доложил Бьюрнсен. — Осмотриваем оба берега, но его нигде не видно. Если бы еще видимость не была такой плохой...

— Какая там видимость! — вмешался полицейский. — На расстоянии пистолетного выстрела уже ничего не видно. Туман гущается.

— Проклятая река с полуночи поднялась дюймов на шесть, — сказал кто-то еще. — И вода продолжает прибывать!

И он весьма нелестно высказался в адрес дождя.

Джек начал зевать. Грего, сидевший напротив за грубым столом из неструганых досок, уже наполовину уснул. Его голова медленно склонялась на грудь, потом Грего рывком выпрямлялся.

— Кто-нибудь может продолжать дежурить? — спросил он. — Я пойду лягу. Разбудите меня, если что-нибудь станет известно.

В углу домика стояла пара армейских койок. Грего встал и направился к ним, расстегивая на ходу пояс. Присел на край койки, снянул сапоги и уже собрался лечь, когда обнаружил, что забыл снять шляпу.

Глава 16

Поначалу Маленький Пушистик сознавал только, что ему очень плохо. Он прдорог, промок, проголодался, и все тело у него болело: не где-то в одном месте, а повсюду. Было темно, шел дождь, и со всех сторон слышался шум бурлящей воды. Потом Маленький Пушистик обнаружил, что он за что-то цепляется, вцепился еще сильнее и ощутил под пальцами жесткую кору. Он сидел верхом на чем-то вроде ветки. Интересно, как он сюда попал?

Потом он вспомнил. Он искал блестящие камешки там, гдекопали Большие, и спустился в глубокое место рядом с рекой. Лучше бы он послушался Папу Вика и Алмаза и держался по дальше отсюда! Потом упал в реку. Пушистик вспомнил, как в

воде обо что-то ударился и ухватился за это что-то. Вспомнил маленькое дерево, которое Большие выкорчевали и сбросили вниз. Должно быть, оно свалилось в воду вместе с ним.

А потом все стало черным, и больше он ничего не помнил — только один раз над ним мелькнуло небо, затянутое черными облаками с грозно-алой каймой. Но тотчас же вновь стало темно и сверкнула молния. Пошел дождь.

Но сейчас дерево не двигалось. Наверно, река принесла его к берегу и оно остановилось. Значит, он может снова выйти на землю. Маленький Пушистик ухватился руками покрепче, разжал колени, опустил ногу и нашупал мягкую почву. Но с дерева решил не слезать, пока не рассветет настолько, чтобы можно было видеть, что делать дальше. Он снова ухватился за ветку ногами и завел одну руку назад, чтобы проверить, цела ли его заплечная сумка. Сумка была на месте. Пушистик хотел открыть ее, чтобы проверить, не промокла ли она, но решил не делать этого, пока не рассветет. Он поерзал, устроился поудобнее и опять уснул.

Когда он проснулся, был уже день. Было не очень светло, потому что шел дождь и поднялся туман, но все-таки все видно. По обе стороны от Маленького Пушистика катилась быстрая желтая река. Деревце застряло на небольшой песчаной отмели. На ней росла травка, валялись обломки, принесенные сюда раньше, и даже целый ствол большого дерева, сухого и мертвого. Пушистик слез со своего деревца и прошелся, разминая затекшие ноги.

Надо как можно быстрее выбраться с этой отмели. Дождь все еще идет, а когда идет дождь, реки поднимаются, и островок скоро может залить.

С одной стороны река была широкая, и того берега не было видно в тумане. С другой — слева, если смотреть по течению, — до берега можно было добросить камнем, и берег выглядел достаточно низким, чтобы на него взобраться. Маленький Пушистик подобрал несколько сучков и бросил в воду, чтобы проверить, сильное ли тут течение. Течение было слишком даже сильное, но Пушистик заметил, что сучки понесло к берегу. Он бросил в воду еще несколько палок, чтобы проверить, куда они поплынут. Потом удостоверился, что нож и лопатка надежно пристегнуты, и вошел в воду. Как только вода подхватила его, он принял грести к берегу.

Его немного протащило вниз по течению, но все равно его несло в нужном направлении, и вскоре его ноги коснулись дна. Он выбрался на берег, оглянулся на песчаный островок, который только что оставил, и сказал:

— Сукисын ты, 'йека!

Дождь все еще шел, но Маленький Пушистик был такой мокрый, что уже не замечал этого. К тому же он устал: проплыл он немногого, но все равно плыть оказалось очень тяжело. Река была

очень сильная. Маленький Пушистик боролся с ней и победил; он был рад этому. Он подошел к большому дереву, уселся на торчащий из земли корень и открыл сумку. Сумка была сухая, ни капли воды внутрь не попало. У него была лепешка пиэ́тьи; он разломил ее пополам, убрал одну половину обратно в сумку и съел половину того, что осталось. Может быть, ему не удастся найти ничего съедобного до тех пор, как он снова проголодается. От еды ему сразу стало хорошо внутри. Маленький Пушистик отложил оставшийся кусок лепешки, достал трубку и табак и закурил. Потом он достал голубую круглую штучку, в которой была стрелка, указывающая на север — компас называется, — и взглянул на стрелку. Река текла почти точно на север. Так он и думал. Потом Пушистик посмотрел, что у него есть еще.

Кроме трубки, кисета, зажигалки и компаса, был еще свисток. Маленький Пушистик несколько раз подул в него. Хорошая штука! Может быть, если он увидит где-то вдалеке Большого, ему удастся привлечь к себе внимание. Свисток он тоже отложил в сторону. Еще у него был нож, лопатка и маленькая штучка со многими орудиями, которую ему подарил Большой с белыми волосами в Месте Больших Домов. В ней тоже был нож, маленький, но очень острый, и острые штучки, которыми пробивают отверстия, и сверлилка, и напильник, и пилка, и отвертка, и даже такая маленькая штука из двух частей, которая щиплется, словно клещи сухопутной креветки, и режет проволоку. Еще у него была проволока, очень тонкая, но прочная — с ней надо быть осторожным, а не то порежешься, — и моток прочной веревки — Большие называют ее «леской» — и кусочки веревки, которые он подбирал. Маленький Пушистик всегда носил с собой много веревок — мало ли на что может пригодиться!

Он докурил свою трубочку, подумал, не закурить ли другую, потом решил этого не делать. Табака у него много, но тратить его зря не стоит. Откуда ему знать, сколько времени понадобится на то, чтобы вернуться в Желтые Пески! Если идти вверх по реке, рано или поздно он туда доберется, но, возможно, идти придется далеко. Река очень быстрая, а он долго плыл по ней на дереве. А когда он доберется до того места, где она вытекает из горы, ему придется еще лезть на гору. В глубокое место он больше не ползет, это точно!

Жалко, что рубило потерялось — ему, может быть, придется убивать животных по дороге. Поначалу он хотел было сделать себе деревянную палочку для охоты на креветок, но потом решил это дело отложить. Он нашел три больших камня, ровных и круглых, каждый больше его кулака. Один он понес в руке, а два других уложил на сгиб локтя. И двинулся вдоль берега на юг.

Один раз он увидел на дереве большую птицу, которая спала, сунув голову под крыло. Но птица была слишком высоко, камнем не добросишь. Жалко, что у него нет такого лука, как те, что научили их делать Папа Джек и Папа Герд, и стрел к нему!

Птица, наверно, вкусная... Ему захотелось снова очутиться в Хоксу-Митто, с Папой Джеком, Мамулей, Беби, Майком, Мицци, Ко-Ко, Золушкой... и с Дядей Панчо, Тетей Линн, Папой Гердом, мамой Вуф, Ид, Суперэго, Комплексом, Синдромом, и... и Маленький Пушистик принял на ходу перечислять имена всех своих друзей из Хоксу-Митто. Ему так хотелось снова очутиться вместе с ними!

Где-то после времени, когда солнце стоит выше всего — «полдень, обед» — Маленький Пушистик увидел заразайца, который сидел, свернувшись в меховой шар. Заразайцу тоже не нравился дождь. Пушистик бросил в него камень и попал, а потом побежал к нему прежде, чем зверек успел опомниться, и ударил его ножом позади уха. Потом присел на корточки и освежевал его. Поначалу Маленький Пушистик хотел развести огонь и зажарить заразайца на палочке, но пришлось бы слишком долго искать сухие дрова, разводить костер и жарить, а он уже снова хотел есть. Поэтому Пушистик съел заразайца сырьим. В конце концов, давно ли он привык есть жареное мясо?

Только надо сделать себе оружие получше этих камней.

Перейдя третий ручей, он нашел твердую скалу — не черную, как та, в которой находят блестящие камешки в Желтых Песках, но крепкую и прочную. Он долго искал и наконец нашел два обломка нужной формы и размера. К этому времени дождь перестал, туман сгустился, начало смеркаться. Маленький Пушистик подумал, что скоро настанет темное время.

Он устроил себе логово в ближайшей ложбинке, рядом с ручьем, под невысоким утесом. Для начала он нашел дерево, засохшее на корню, содрал с него ножом мокрую кору и настругал сухих щепок. Маленький Пушистик поджег стружки и принялся совать в огонь палки. Они высохли, занялись, и скоро разгорелся славный костер, теплый и яркий. К этому времени уже стемнело, но костер освещал скалы. Маленький Пушистик набрал еще дров. Некоторые сучья были такие большие, что он их едва тащил. Все это он разложил так, чтобы жар костра их сушил. Он собирал дрова до тех пор, пока не стало совсем темно и ничего не видно. Потом он сел, прислонившись спиной к скале, и достал из сумки два куска кремня.

Из одного надо будет сделать топор, чтобы рубить дрова и охотиться на сухопутных креветок. Из другого получится наконечник копья. Его можно будет метать или колоть им. Он долго смотрел на камни, представляя себе, какими будут топор и наконечник, когда он закончит работу. Потом достал лопатку. Рукоятка лопатки была из сделанного материала, «пластика». Он принялся бить пластиковой рукояткой по краю камня. Рукоятка слегка помялась и поцарапалась, но от кремня все же отлетали осколки. Временами Маленький Пушистик откладывал работу и подбрасывал дров в костер. Однажды он услышал поблизости

вигч чащобного лешака, но не испугался: огонь отпугнет хищника.

Наконечник делать было труднее. Пушистик сделал его заостренным на конце, с острыми гранями и с выемками на другом конце, чтобы привязывать к древку. На это потребовалось много времени, и, когда Маленький Пушистик наконец закончил работу, он был усталый и сонный. Он отложил в сторону наконечник и топор, подбросил в костер побольше дров, осмотрел землю между костром и собой, чтобы убедиться, что огонь не подберется и не обожжет его, пока он спит, свернулся калачиком, прижавшись спиной к скале, и уснул.

Когда он проснулся, костер уже прогорел. Поначалу Маленький Пушистик испугался: ведь после того как огонь погас, к нему мог подобраться лешак! Но ложбинка вся пропахла дымом, а у лешаков чутье куда лучше, чем у Народа. Они, наверно, боятся запаха дыма.

Он выкопал себе ямку лопаткой, сделал свое дело, потом зарыл ее. Напился из ручья, съел оставшуюся со вчерашнего дня половинку лепешки. Потом нашел молодое деревцо, высотой примерно с Большого, выкопал его лопаткой и обрубил корни, чтобы получилась удобная рукоять. Потом обрубил ствол — получилось топорище длиной в руку, — расщепил его ножом, вставил в расщеп каменный топорик и провортер сверлилкой отверстие пониже расщепа. В отверстие он продел проволоку и обмотал ею камень, чтобы он держался прочно. Папа Джек и Папа Герд говорили, что приматывать надо тонкими корешками или кишками животных, но Пушистику было некогда с этим возиться, а потом, проволока куда надежнее.

Топором он срубил еще одно молодое деревцо, прямое и тонкое. Топор рубил хорошо — Пушистик им очень гордился. Он приладил наконечник к древку, тоже с помощью проволоки. Управившись с этим, он разгреб костер, нашел непотухшие угли и разбил их лопаткой. Папа Джек, Папа Джордж и Папа Герд всегда говорят, что нельзя оставлять непогашенный костер. Потом Пушистик огляделся, чтобы ничего не забыть, взял топор и копье и направился через лес к большой реке.

Незадолго до полудня Пушистик нашел еще одного заразайца, метнул копье и попал. Потом прикончил его, отрубив ему голову. Это его порадовало: он использовал оба новых орудия, и оба оказались хорошими. Он развел небольшой костерок, и когда огонь прогорел, оставив лишь раскаленные уголья, Пушистик нанизал на палку окорочка заразайца и поджарил их, как его учили в Хоксу-Митто.

«Какой Папа Джек умный», — думал Пушистик, присев на корточки у костерка и уплетая вкусное горячее мясо. Он раньше часто удивлялся, зачем Папа Джек учит их всему, что нужно для жизни в лесах, если у них есть Большие, которые о них заботятся.

А оказывается, вот зачем! Может ведь случиться так, что пушистик вдруг потеряет своего Большого, или сам потеряется, как вот он, Маленький Пушистик. И тогда они смогут сами позабочиться о себе.

Он решил не есть всего заразайца. Шкуру он снял аккуратно, и теперь завернул в нее все, что осталось от тушки, и сунул это в заплечную сумку. Он пожарит это мясо и съест, когда остановится на ночлег.

Все еще висел густой туман, временами накралывая дождь. На этот раз Маленький Пушистик устроил себе логово под двумя большими кустами с развиликами сучьев примерно на одной высоте. Он срубил шест и уложил его горизонтально. Потом нарушил веток и прислонил их к шесту, а промежутки заполнил другими, более тонкими ветками. Вокруг росло много папоротников. Пушистик набрал их, высушил у огня и устроил себе постель. Сегодня он уже не чувствовал себя таким усталым, и тело больше не ныло. Зажарив и съев еще часть тушки заразайца, он раскурил трубочку и принялся играть камешками, выкладывая из них картинки, изображавшие его сегодняшние подвиги. А потом лег спать.

Следующее утро тоже выдалось туманным и дождливым. Он пожарил на завтрак одну из прибереженных ножек заразайца, потом разбил уголья, оставшиеся в кострище, и снова двинулся в путь. Когда солнце поднялось уже довольно высоко, Маленький Пушистик нашел сухопутную креветку, отрубил ей голову и расколол панцирь. Он не стал разводить огонь, чтобы зажарить ее: креветок нужно есть сырыми, так гораздо вкуснее. Большие ведь тоже многие вещи едят сырыми.

В середине дня он встретил глупыша, обедавшего кору с дерева. Вот удача! Теперь ему мяса дня на два хватит! Пушистик ударил копьем глупыша сзади, а потом прикончил его топором. На этот раз он разложил костер. Выпотрошив глупыша, он принялся соображать, как же его нести. Глупыш весил немногим меньше самого Маленького Пушистика, и тот решил не снимать с него шкуру. Вместо этого он отделил печень, почки и сердце — самые вкусные части — и зажарил их на костре. Съев все это, Пушистик отрубил голову — она тяжелая, а есть в ней, считай, нечего — и положил тушку так, чтобы кровь стекла. Управившись с этим, Маленький Пушистик связал задние и передние ноги глупыша веревкой, присел на корточки и взвалил всю тушу на себя. Туша была тяжелая, но, когда он приоровился, нести ее оказалось не так трудно.

Через некоторое время, приблизившись к реке, Маленький Пушистик увидел сквозь туман, что в нее с востока впадает еще одна река. Она тоже была большая. Дальше та река, вдоль которой он шел, выглядела куда меньше, оттого что эта другая река еще не присоединилась к ней. Маленький Пушистик подумал, что это хорошо. Река выглядела немногим шире, чем там, где

она вытекала из глубокого места в горе. Значит, до Желтых Песков не так уж далеко. Маленький Пушистик был уверен, что, если бы не туман, он мог бы разглядеть впереди большую гору.

В тот день он заночевал в дупле, достаточно просторном, чтобы в нем спать. На ужин он зажарил кусок глупыша. Маленький Пушистик наелся до отвала и почувствовал себя совершенно счастливым. Скоро он вернется в Желтые Пески, и все будут ему рады... Перед сном он выкурил еще трубочку.

Следующий день выдался хороший. Дождь перестал, туман развеялся, небо на востоке засветилось. Но, главное, Маленький Пушистик услышал вдалеке шум автолетов! Это хорошо: Папа Вик и его друзья хватились его и теперь разыскивают. Но шум был далеко внизу по реке. Это нехорошо. Но Маленький Пушистик знал, что ему делать: надо стараться держаться как можно ближе к реке. Если его увидят с автолета, Большие прилетят и подберут его. Тогда ему не придется карабкаться на высокую и крутую гору. Может быть, если он сумеет найти хорошее место без леса, он разложит у реки большой костер. Дым они наверняка заметят.

Шум автолетов делался все слабее и в конце концов совсем стих вдали. Пушистик нашел еще одну сухопутную креветку и съел ее. Это был четвертый день его путешествия, а он нашел всего две сухопутные креветки. Он знал, что на юге их больше, но его удивило, как мало их тут.

Дул ветер. Скоро снова начался дождь. Дождь еще не раз прерывался и начинал идти снова, прежде чем облака наконец совсем разошлись. Но дождь хлестал Маленькому Пушистику в лицо и в левый бок, а раньше он был справа. Быть может, ветер переменился? И все же это тревожило Пушистика. Наконец он взглянул на компас и увидел, что идет вовсе не на юг, а на запад.

Это неправильно! Пушистик достал свою трубочку — Папа Джек всегда курит трубку, когда хочет о чем-то поразмыслять. Наконец он подошел к реке и посмотрел в воду.

Вода должна бы быть желтой от песка, а была грязного буровато-серого цвета. Некоторое время Маленький Пушистик смотрел на воду, потом вспомнил ту реку, которая впадала в эту с востока. Должно быть, то и была река, что вытекала из ущелья Желтых Песков, а эта река — другая.

— Сукисын! — воскликнул Пушистик. — Господи-сусе, будь ты п'ёклнят, чайтпобе'и, сукисын!

Ему и в самом деле полегчало, совсем как Большим.

— Надо возвращаться обратно...

Он поразмыслил. Нет, возвращаться бесполезно: он не сможет перебраться через реку там, где она впадает в другую. Придется идти вдоль этой чертовой реки, пока она не станет достаточно узкой, чтобы через нее перебраться, а потом обратно...

— Сукисын! — повторил Пушистик.

Глава 17

Все молчали. Грего, Гарри Стифер и прочие ребята были из тех людей, которые затрудняются высказывать сочувствие словами. Да на самом деле, о чем тут говорить, Ниффльхейм его побери! Джек очень тепло пожал руку Грего:

— Спасибо за все, Виктор. Ты сделал все, что мог.

Они с Гердом ван Рибеком повернулись и пошли к машине.

— Ведешь ты, Джек? — спросил Герд.

Джек кивнул:

— Какая разница?

Герд уступил ему дорогу. Джек сел за штурвал, Герд влез вслед за ним, захлопнул и запер дверцу и сказал:

— Готово.

Джек включил антиграв и стал возиться с радиокомпасом; когда он выглянулся наружу, Желтые Пески были уже далеко внизу, и он видел внизу земли, лежащие за Границей. На юге, по другую сторону, вздымались пики менее высоких цепей.

— Может, стоит остаться подольше? — спросил он. — Вон, облака расходятся, на юге небо голубое. К полудню совсем расчистится.

— Джек, но что мы можем сделать? Полиция и наблюдатели едва в лепешку не разбились. Джордж и Хирохито тоже. Если бы они могли что-то найти, давно бы уже нашли.

— Значит, ты думаешь, мы его никогда не найдем?

— А ты, Джек?

— Ну, Герд, он же мог выбраться! Может быть, поток выбросил его на берег... — он грязно выругался, как бы перечеркивая предыдущие слова. — Черт возьми, ну и кого я хочу обмануть, кроме себя самого? Если его не вынесло в Северные Болота, то только потому, что его тело зацепилось за корягу и его занесло песком.

Он снова умолк.

— Нет больше Маленького Пушистика, — сказал он. И через некоторое время повторил: — Маленького Пушистика больше нет.

Все они злились на него. И Камнелом, и Хромой, и Собиратель, и Другая, и Большая — Большая особенно. И даже Пыряло и Та-Что-Носит-Блестячки не высказались за него.

— Посмотрите на место, куда привел нас Мудрый! — кричала Большая. — Мудрый говорил, по левую руку солнца хорошее место, всегда тепло, много вкусной еды. Вот что говорил Мудрый. Мудрый не знал, куда идет. Мудрый привел нас в это место! Большая течь-вода, не перейти! Дождь падает и падает, всегда холодно. Нет вкусной еды, все голодные. Смотрите, течь-вода — как ее перейти?

— Мы пойдем вверх по течь-вода, найдем место, где можно перейти. А дождь когда-нибудь перестанет: всякий дождь когда-нибудь перестает, — сказал Мудрый. — Это все знают.

— Ты не знаешь наверняка, — сказал Хромой. — Это другое место. Может быть, здесь всегда дождь.

— Ты говоришь глупые вещи. Всегда дождь — вода всюду.

— Здесь много воды, — сказала Другая. — Большая и широкая течь-вода. Может быть, здесь часто дождь.

— Небо светлеет, — заметил Пыряло. — И ветер подул. Может быть, дождь скоро перестанет.

И правда, туман рассеялся. Скоро дождь перестанет и снова выглянет солнце. Но как же перебраться через эту большую течь-воду? Река была широкая, глубокая, без каменистых перекатов; это была нехорошая, непреодолимая течь-вода, и вокруг повсюду были большие широкие воды, и до того места, где они смогут перейти ее вброд, далеко-далеко...

— И я голодный, — пожаловался Собиратель. — Мы уже давно не ели — с последнего темного времени.

Мудрый и сам был голоден. Будь он один, он шел бы дальше, в надежде найти хоть что-нибудь, до тех пор, пока не найдет место, где можно перебраться через реку. Но остальные не пойдут. Даже Пыряло не пойдет. Они хотят есть.

— Звери прячутся в логове, прячутся от дождя, не ходят сейчас, — объяснил Мудрый. — Звери в густых кустах. Нужно идти охотиться в разные стороны. Кто что-нибудь убьет, принесет сюда, и все будут есть.

Остальные кивнули в знак согласия. Они всегда так делали, когда охотиться вместе не было смысла. Мудрый немного подумал. Он не хотел, чтобы Большая, Собиратель и Камнелом охотились вместе. Они все время будут говорить против него, а когда вернутся, начнут говорить плохое другим.

— Ты, Пыряло, и Большая идите туда, — сказал он, указывая вниз по реке. — Осторожно, не ходите в плохие места, где можно увязнуть! Хромой, ты, Другая и Камнелом пойдете вверх по течь-вода. Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель пойдут со мной. Мы вернемся в лес. Может быть, найдем хатта-зосса.

Они все злились на него, потому что шел дождь, потому что они вышли к этой большой непреодолимой реке, потому что они не могли найти никакой еды. И во всем этом обвиняли его. Тяжело быть Мудрым и вести стаю. Мудрого все хвалят, когда все хорошо, а когда плохо, его все бранят. Но когда Мудрый велел идти на охоту, все согласились. Должен же был кто-то говорить им, что делать, а кроме него, никто этим заниматься не хотел.

«Начало новой эры на нашей планете, — говорил ровный, вкрадчивый голос с экранов сотен телевизоров по всей Заратушtre, в гостиных и кафе, в бараках и в салунах поселков ското-

водов. — Мэллори-порт уже готовится принять почетных делегатов Конституционного собрания, которое начнет работу через неделю.

Однако наш праздничный энтузиазм омрачен грустной нотой. Из лагеря ЛКЗ в Желтых Песках поступило сообщение, что поиски Маленького Пушистика, который, как предполагается, упал в Желтую реку, окончательно прекращены. Никакой надежды найти это милое создание живым не осталось. Вся планета оплакивает его и сочувствует печали его друга и опекуна, Джека Холлоуэя.

Прощай, Маленький Пушистик! Ты был с нами совсем недолго, но Заратуштра никогда не забудет тебя».

Глава 18

— Сукисын! — повторил Маленький Пушистик еще энергичнее, чем в прошлый раз. Он снова разжег трубку, но после двух затяжек она потухла — в ней остался один пепел. Он продул мундштук и убрал трубку. Здесь разводить большой костер бесполезно: Папа Вик и его друзья ищут его на другой реке, той, что течет из Желтых Песков. Он даже не слышал больше шума автолетов. А идти ему еще долго: вверх по этой реке, потом обратно...

— Господи-сусе!

Ну как же он раньше об этом не подумал? Ему всецело не нужно идти до верховий реки! Он может построить плот, как его учили. Он ведь даже помогал учить этому других! Он спустится вниз по реке, пока не увидит другую реку, и переплынет на правый берег. Тогда он окажется близко к Желтым Пескам, там, где его ищут. Как только он выберется на землю, он разведет большой костер, кто-нибудь увидит его и прилетит.

Но здесь плот построить нельзя. Берега высокие. Если он построит плот здесь, ему ни за что не удастся в одиночку спустить его на воду. Значит, все равно придется идти вверх по реке, но недалеко: надо только найти удобное место с пологим берегом, где найдутся деревья, из которых можно построить плот, и еще порода деревьев с прочными и тонкими корнями, из которых можно будет свить веревку, чтобы связать бревна. Но прежде чем начать работу, надо поохотиться и запастись дичи, чтобы было что есть, пока он будет строить плот.

Маленький Пушистик присыпал землей пепел, выбитый из трубки, взял копье и топор и пошел дальше вверх по реке. Через некоторое время река немного свернула к югу и вдруг разлилась. Пушистик остановился. Перед ним было большое озеро. Это хорошо. Значит, здесь должны быть низкие берега и спокойная вода. Можно будет строить плот прямо на воде. Солнце только что появилось из-за горизонта. Оно было не жаркое, но с каждой минутой делалось все ярче. Пушистик почувствовал себя очень счастливым. Строить плот так здорово!

Но тут он замер на месте и сказал очень много слов, которые говорят Большие, когда злятся. Но даже это ему не помогло. Впереди был обрыв, высокий, как крыша одного из больших металлических домов в Прекрасном Месте. Внизу Пушистик видел плоскую землю, заросшую деревьями, кустарниками и переплетенную диким виноградом, и повсюду была вода. У подножия утеса бежал маленький ручеек, который широко разливался по равнине. Плохое, п'оклятое, совершенно непроходимое место! Придется пойти вверх по ручью, чтобы обогнуть его. Далеко ли оно тянется, Маленький Пушистик понятия не имел. Он снова взглянул на компас, обнаружил, что ручеек течет почти точно на север, и пошел вдоль него.

Солнце ярко сияло, на небе появилось много голубых просветов, облака из серых сделались белыми. Маленький Пушистик быстро шагал вперед, озираясь в поисках еды и поглядывая на компас. Наконец он вышел к месту, где ручей бежал по камням, и тольк кончалась.

Он перешел ручей и пошел дальше на запад, часто поглядывая на компас и припоминая, где большая река. Он услышал шум впереди, остановился и прислушался. Шум его очень обрадовал: это были глупыши, грызущие древесную кору. Он осторожно подкрался поближе и увидел целых пять глупышей, занятых кормежкой. Он выбрал самого жирного, замахнулся и метнул копье. Бросок был не очень удачный: копье пронзило глупышу живот от одного бока до другого. Маленький Пушистик бросился вперед, чтобы его прикончить, и тут другой глупыш с перепугу бросился на него. Маленький Пушистик ударил его топором между глаз; глупыш умер на месте. Маленький Пушистик не хотел убивать двух глупышей, но испуганный глупыш может напасть. Пушистик прикончил того, которого пронзил копьем, и вырвал копье из туши. Остальные глупыши разбежались.

Маленький Пушистик выпотрошил обе туши, достал почки, печень, сердце и насадил их на палочки, которые вырезал ножом. Потом разложил костер. Когда костер прогорел и остались раскаленные угли, Маленький Пушистик положил палочки на камни, прижал их другими камнями и сел смотреть, чтобы мясо не подгорело. Вышло очень вкусно.

Маленький Пушистик отрубил голову одному глупышу и увязал тушу, как накануне. Другого он освежевал, разрезал, завернул в шкуру заднюю часть туши и привязал сверток к целому глупышу. Ноша должна была выйти тяжелая, но Маленький Пушистик решил, что управится. Он взвалил ее на плечи и пошел дальше. Теперь ему незачем было высматривать добычу: он уже наелся, и у него был еще целый глупыш и лучшие куски от второго. Даже если бы он увидел сухопутную креветку, он не стал бы возиться с нею. Он повернулся на юг; теперь, когда в небе сияло солнце, компас был не нужен.

И тут ему попались пятна крови, потом места, где палая листва была разворочена, и снова следы крови, и прилипшая шерсть глупыша. Кто-то прошел здесь, направляясь к реке и волоча за собой добычу. Это значит, что где-то рядом бродит стая Народа, которая разделилась, чтобы поохотиться, и назначила встречу где-то впереди. Народ, охотящийся всей стаей, не станет уносить куда-то убитого глупыша: они сядут и съедят его там же, где убили. Пушистик пошел по следу и вскоре остановился.

— Пывет! — крикнул он во все горло, потом вспомнил, что ведь это слово из языка Больших, а стая, к которой он шел, скорее всего Больших никогда не видела. К тому же он пытался говорить задней частью рта, как Большие. — Эй, друг! — крикнул он снова, нормальным голосом, как говорил до того, как Большие научили его своему языку. — Ты хотеть поговорить?

Никто не ответил; они были слишком далеко впереди и не услышали его. Он заторопился вперед, шагая по следу так быстро, как только мог. Через некоторое время он крикнул снова; на этот раз на крик отозвались. Он увидел за деревьями большую реку и на берегу — троих из Народа. Он бросился к ним.

Там были двое самцов и самка. У всех было деревянное оружие: не плоские лопатки, какие носит Народ на юге, чтобы охотиться на сухопутных креветок, а тяжелые дубинки, утолщенные с одного конца и заостренные с другого. У самки в руке были еще три палочки. На земле лежал убитый глупыш. Шерсть и кожа у него на спине ободрались, пока его волокли по земле.

— Друг! — приветствовал их Маленький Пушистик. — Мы станем друзьями, мы поговорим?

— Да, станем друзья, — сказал один из самцов, а другой спросил:

— Откуда ты пришел? Другие с тобой есть?

Маленький Пушистик сбросил с плеч свою ношу, целого глупыша и куски второго, и положил их рядом с их добычей, чтобы показать, что готов поделиться и есть вместе с ними. Он отвязал веревки и положил их в заплечную сумку. Другие внимательно смотрели на веревки, на сумку, на его оружие, но ни о чем не спрашивали, ожидая, пока он сам им все покажет и расскажет.

— Ты несешь все это один? — спросила самка. — Ты сильный!

— Не сильный, — ответил Маленький Пушистик. — Просто знаю как. Я один. Я пришел издалека, с левой руки солнца. Четыре темных времени назад я упал в большую реку.

Тут он сообразил, что слова «река» в языке пушистиков нет.

— Большая-большая течь-вода, — пояснил он. — Схватился за дерево, которое плыло по воде, держался за него. Течь-вода унесла меня далеко к правой руке солнца, прежде чем я смог выбраться на берег. Иду обратно туда, где можно перейти течь-вода. А откуда вы?

Один из самцов указал на север.

— Идем много-много дней, — сказал он. — Всей стаей.

Он показал пятерню, потом опустил руку и поднял три пальца. Значит, всего восемь.

— Остальные тоже охотятся, одни там, другие там. Придут сюда, будем есть все вместе.

— Мы зовем его Мудрый, — сказала самка, указывая на того, кто говорил. — Его звать Собиратель, — представила она другого самца. — Я — Та-Что-Носит-Блестячки.

Она показала ему палочки:

— Смотри, вот блестячки. Красивые.

На концы палочек оказались насажены предметы, которые Маленькому Пушистику были хорошо известны. Это штуки, которые вылетают, когда Большие стреляют из своих винтовок. Стреляные гильзы. Одна из гильз — от оружия, которое носят Большие из полиции; у Папы Герда тоже есть такая винтовка. Другие две гильзы — от такой винтовки, как у Папы Джека.

— Где вы взяли? — возбужденно спросил он. — Это вещи Больших. Большие кладут их в длинную штукку, которую держат двумя руками, дергают за маленький крючок внизу и делают гром. Штука выбрасывает маленькие твердые штучки очень быстро, делает хеш-назза мертвым. Вы знаете, где Большие?

— Ты знаешь про Больших? — переспросил его Мудрый не менее возбужденно. — Ты знаешь, где Место Больших?

— Я сам оттуда, — сказал Пушистик. — Хоксу-Митто, Прекрасное Место. Я живу с Большими. Все Большие — мои друзья.

И он принялся перечислять их всех, начиная с Папы Джека.

— Много пушистиков живут с Большими, я не знаю слова для так много. Большие добрые, Большие любят пушистиков, дают хорошие вещи. Дают юкзачок, как этот, — и он продемонстрировал им свою сумку. — Дают нож, дают лопатку — рыть ямки, убирать дурной запах. Учат.

Он показал им копье и топор.

— Большие научили делать так. Я сделал, когда выбрался из большой течь-воды. И Большие дают хоксу-фуссо, Прекрасный Еда.

Со стороны реки послышались крики. Пушистик, которого звали Собирателем, сказал, не отрывая взгляда от топора:

— Пыряло, Большая идут.

— Идите быстро-быстро! — закричал Мудрый. — Тут чудо!

Из леса появились два пушистика. Они тащили за собой еще одного убитого глупыша. Самка с дубинкой, как у всех прочих, и самец с подобием копья. Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель бросились им навстречу, возбужденно тараторя.

— Здесь он из Места Больших! — говорила Та-Что-Носит-Блестячки. — Друг Больших! Знает, что такое блестячки!

Самец с копьем немедленно начал кричать на самку, пришедшую с ним:

— Видишь? Большие хорошие, они друзья! Здесь тот, кто знает. Мудрый был прав все время!

— Ты покажешь нам путь в Место Больших? — спросил Мудрый. — Большие станут друзьями с нами?

— Большие друзья всем пущистикам, — сказал Маленький Пущистик, и только тут вспомнил, что это тоже слово Больших. — Пущистиками Большие зовут такой Народ, как мы. Это значит Все-в-Шерсти. У Больших нет меха, только на голове и иногда на лице.

Он решил не объяснять им, что такое одежда: слов не хватит.

— Большие очень умные, у них много сделанных вещей. Большие очень добрые ко всем пущистикам.

Пришли еще трое. Они убили двух заразайцев и двух сухопутных креветок. Это всех очень обрадовало.

— Смотрите, два затку! — кричали они.

Наверно, в этих местах сухопутных креветок очень мало. Потребовалось очень много времени, чтобы рассказать новоприбывшим и всем остальным о Больших и о Прекрасном Месте. Маленький Пущистик показал им все, что было у него в сумке, а также копье и топор, которые он сделал сам. Пыряло, похоже, особенно восхищался копьем, но все же самой удивительной вещью показалась им сама сумка: «Можно носить много вещей, не держать в руках, не терять...» Впрочем, в рюкзачке было столько удивительных вещей, что никто не мог надолго сосредоточиться на чем-то одном. Когда Маленький Пущистик впервые попал в Хоксу-Митто, с ним было то же самое. Тогда Хоксу-Митто был еще небольшим поселком, и там никто не жил, кроме Папы Джека.

Гашта принялись спорить между собой. Прислушиваясь к их спорам, Маленький Пущистик вроде бы понял, как обстоят дела в этой стае. Раньше Мудрый и Пыряло хотели найти Место Больших и подружиться с Большиими, а Большая, Камнелом и Собиратель боялись. Теперь все встали на сторону Мудрого и смеялись над Большой, и даже сама Большая убедилась, что Мудрый был прав, но не хотела признавать этого. В конце концов все уселись на корточки в кружок и стали передавать из рук в руки вещи Маленького Пущистика, а он рассказывал им о Больших и Прекрасном Месте.

Ему же самому очень хотелось узнать, как они впервые узнали о Больших. Но выяснить это оказалось не так-то просто. Все пытались говорить одновременно и не могли объяснить, как же все-таки это вышло. В конце концов все притихли (относительно), и Мудрый приняллся рассказывать о шум-громе, который убил трех годза, о том, как они нашли следы и место, где садился автолет, и стреляные гильзы. Это Папа Джек и Папа Герд были там: они летали на север на разведку, и почти все в Прекрасном Месте слышали о том, как они застрелили трех гарпий. Пущистики рассказали и о леталках — об автолетах. Это, наверно,

были друзья Папы Вика или кто-то из полицейских Папы Джорджа, тех, что в синей форме.

А солнце тем временем опускалось все ниже и ниже к своему логову; скоро оно уже станет красным. В конце концов вечером, около того времени, когда Большие пьют коктейль, все вспомнили, что они ужасно хотят есть. Они принялись говорить о еде и заспорили, что делать: съесть сухопутных креветок сначала или оставить их на потом.

— Съесть затку сначала, — предложил Пыряло. — Сейчас мы голодные, а затку вкусные. Если оставить на потом — мы будем уже не голодные, затку будет не такой вкусный.

Мудрый поддержал его, и Большая тоже согласилась. Мудрый расколол панцири и разделил мясо. Вот как мало здесь креветок! На юге так никто не делает. Все едят тех сухопутных креветок, что нашли — хватает на всех. Маленький Пушистик сказал им об этом, и все очень удивились, а Пыряло закричал:

— Видите? Мудрый все время был прав! Хорошая Земля по левую руку солнца, всего много!

И даже Большая согласилась с ним. Так что все споры прекратились.

После того как они съели затку — Маленький Пушистик очень старался говорить только на языке гашта, пока он не научит других языку Больших, — все были готовы есть хатта-зосса и хо-тодда. Когда они увидели, как Пушистик снимает шкуры и режет мясо своим ножом, они захотели, чтобы он разрезал мясо на всех: у них был только один маленький каменный нож.

— Не ешьте сразу, — сказал им Маленький Пушистик. — Сперва нужно пожарить.

Ему пришлось объяснять, что значит «жарить». Все испугались, даже Мудрый. Они знали, что такое огонь: иногда молния поджигает лес, и это очень страшно. Маленький Пушистик помнил, как он испугался, когда впервые увидел лесной пожар на экране у Папы Джека. Он решил сделать из мяса, которое у них было, «бабакю». Пушистики смотрели, как он вырыл лопаткой яму, и помогли ему наложить туда веток, опустить на них туши хатта-зосса и набрать дров для костра, но, когда Пушистик собрался разжигать костер, они все отошли подальше, готовые удрать — точь-в-точь как Большие, когда кто-то собирается что-то взрывать.

Но когда мясо начало жариться, они все подобрались поближе, принюхиваясь к чудесному запаху, а когда «бабакю» было готово и остыло настолько, что можно было его есть, все кричали, что мясо очень вкусное. Маленький Пушистик вспомнил, как он сам впервые отведал жареного мяса.

К этому времени солнце на западе уже стало красным, и все говорили, как хорошо, что дождь кончился. Все хотели пойти и отыскать хорошее логово, но Маленький Пушистик сказал, что логово можно устроить прямо тут, потому что дождь кончился,

и если поддерживать огонь всю ночь, большие звери не посмеют приблизиться к ним. Пушистики ему поверили: они и сами все еще боялись огня.

Маленький Пушистик достал свою трубку, набил ее и закурил. Затянувшись несколько раз, он пустил ее по кругу. Некоторым понравилось. Другие попробовали и отказались. Мудрому понравилось, и Хромому, и Другой, и Той-Что-Носит-Бlestячки, а Пырялу и Камнелому нет. Потом они подбросили дров в костер и долго сидели и болтали.

Эта стая была нужна Маленькому Пушистику. В девятром они могли построить большой плот и добыть достаточно дичи, чтобы не голодать. Однако надо быть осторожным. Маленький Пушистик помнил, как трудно было уговорить остальных отправиться в Прекрасное Место, когда он впервые нашел его и вернулся к своим, чтобы позвать их с собой. Стая может сделать его вождем вместо Мудрого, а он этого не хотел. Когда в стаю приходит новичок и пытается управлять ею, всегда начинаются неприятности. Но в конце концов он понял, что надо делать.

Он достал из сумки свисток и повесил его на веревку, достаточно длинную, чтобы надеть на шею, завязав узел так, чтобы он не мог развязаться. Потом встал и подошел к Мудрому.

— Это ты водишь стаю? — спросил он.

— Да. Но если ты можешь отвести нас в Место Больших, водить будешь ты.

— Нет. Я не хочу. Ты будешь водить. Я только покажу, куда идти. Все знают тебя и не знают меня.

Маленький Пушистик снял свисток — Мудрый уже знал, как надо в него дуть, — и повесил тому на шею.

— Я тебе даю, ты будешь носить, — сказал он. — Ты вождь. Когда стая не вместе, ты будешь звать, они придут. Когда кто-то потеряется, ты будешь звать.

Мудрый пронзительно свистнул в свисток. Большой сказал бы «спасибо», но пушистики таких слов не знают: просто все добры ко всем, вот и все.

— Вы слышали? — сказал Мудрый. — Когда я так зову, вы должны приходить. Тогда никто не потеряется.

Он немного подумал.

— Я водил стаю, но Друг Больших знает больше, чем Мудрый. Он очень мудрый Мудрый. Он говорит — Мудрый слушает. Когда Друг Больших говорит — все должны слушать, все должны делать, как скажет Друг Больших. Так мы все придем в Место Больших, в Хоксу-Митто.

Глава 19

Герд ван Рибек бросил наземь сигаретный окурок и придавил его каблуком. В сотне ярдов от него возвышалась бело-голубая картонная мишень, утыканная стрелами. Не меньшее количество

стрел валялось на земле, по большей части у самой мишени. Сотня с лишним пущистиков развлекались вовсю.

— Нехорошо, — сказал им Герд. — Половина вообще не попала.

— Почти попала! — возразил один из пущистиков.

— Будешь голодный — наешься ты своим «почти»? «Почти» на палочку не наденешь и на костре не зажаришь.

Пущистики дружно расхохотались, радуясь удачной шутке. В это время над стрельбищем пролетела птица, размером примерно с земного голубя. Она упала на землю, пронзенная сразу двумя стрелами.

— А вот это хорошо! — сказал Герд. — Кто это сделал?

Двое пущистиков отозвались. Один был их с Рут Суперэго, вторым оказался безымянный до сих пор пущистик, который пришел несколько недель назад. Ему подошло бы имя Робин Гуд... Герд присмотрелся внимательнее. Нет, это Девица Марианна.

Но всем этим Герд занимался как бы машинально. Он не переставал беспокоиться о Джеке Холлоуэе. С тех пор как Джек вернулся из Желтых Песков, ему словно бы все стало пофигу. Все, кроме Маленького Пущистика. Все прочие пущистики, даже из его собственной семьи, сделались ему словно бы безразличны. Маленький Пущистик был не такой, как другие. Он был первым, но дело не только в этом. В нем присутствовало нечто, чего не было в других: то, что заставило его явиться в Лагерь Холлоуэя в одиночку и подружиться с неизвестным Большими Рут, Панчо и Эрнст Маллин еще не создали адекватного IQ-теста для пущистиков, но все в один голос говорили, что Маленький Пущистик гений. И он был любимцем Папы Джека.

И вдобавок Джек запил. Это не была обычная пара рюмок перед обедом и рюмочка на сон грядущий. Ей-Богу, он пил не меньше Гаса Браннарда, а ведь никто, кроме самого Гаса, не мог безнаказанно пить так, как он. Герд хотел отправиться в Мэллори-порт вместе с Джеком, но Джордж Лант не бывал там со временем процесса по делу о пущистиках, и ему надо было побывать в городе, а ведь кто-то должен был остаться и присмотреть за хозяйством. Так что Герду пришлось остаться.

А, черт возьми! Если уж за Джеком надо присматривать, кто это сделает лучше Джорджа!

— Папа Герд! Папа Герд! — окликнул его кто-то. Герд обернулся и увидел, что к нему вприпрыжку бежит Ко-Ко Джека. — Говорящий экран! Мама Вуф говорит, с тобой хочет поговорить кто-то из Места Больших Домов!

— О'кей. Я сейчас.

Герд обернулся к солдату из Сил охраны, который ему помогал:

— Пусть пока стреляют. Когда стрелы кончатся, пусть стреляют по второму разу — если, конечно, мишень не развалится, когда они повыдергают из нее свои стрелы.

И пошел вслед за Ко-Ко наверх, к лаборатории.

Это был Хуан Хименес из Научного центра Компании. Герд вздохнул с облегчением — он боялся, что ему сейчас сообщат, что Джек напился и влип в неприятности.

— Привет, Герд, — сказал он. — Про Маленького Пушистика ничего не слышно? — спросил он.

— Нет. Боюсь, мы о нем больше никогда не услышим. Джек в городе. Ты его видел?

— Видел. На вчерашнем открытии Клуба пущистиков. Бен и Гас хотят, чтобы он остался до начала съезда. Герд, ты спрашивал меня насчет экологических последствий истребления гарпий и просил дать тебе знать, если что.

— Да. И что? Что-нибудь случилось?

— Похоже, да. Ко мне тут обратились из «Лесов и вод». Ты ведь знаешь, что там за народ: копаются в мелочах, никого не спрашивая, а как только стрясается что-то серьезное, бегут ко мне и ждут, что я сотворю чудо. Сквиггл знаешь?

Герд знал Сквиггл. Это была полоска земли вдоль горного хребта на низменном западном побережье. Не то чтобы совсем бросовые земли, но близко к тому. Вулканы, совсем недавно (с геологической точки зрения) бывшие действующими. Лавовые пустоши, покрытые тонким слоем почвы. Тысячи мелких ручьев, текущих во всех направлениях, но в конце концов впадающих в Змейку с запада. В дождливый сезон те места затопляет, летом там стоит сушь, что отнюдь не улучшает состояния пастбищ. Но за последние десять лет, с тех пор как Компания стала засаживать Сквиггл лесом, ситуация там несколько улучшилась.

— Ну так вот, — продолжал Хименес. — Года два назад все эти молодые перистолистные деревца прекрасно росли, удерживали влагу, замедляли эрозию, и все такое. Над всеми пастбищами стало больше осадков. А теперь все заполонили эти проклятые глупышки. Они обедают кору, и половина посадок уже посохла.

Понятно. В южной части континента гарпий повывели уже давно: сперва истребили их в скотоводческих районах, чтобы защитить телят, потом выжили их и из горных лесов, где они питались глупышами. А теперь глупыш расплодились, заполонили предгорья и спустились на Сквиггл. На севере глупышей истребляют пущистики, но на юге пущистиков нет.

А почему, собственно?

— Хуан, у меня идея! У нас тут куча пущистиков, которые отменно владеют луком и стрелами. Когда ты позвонил, я как раз занимался с лучниками — это надо было видеть! Предположим, мы доставим автолетом штук пятьдесят в те места, где расплодилось больше всего глупышей, и поглядим, что будет.

— Пошли их в Честервилл. Тамошний главный лесовод разберется, куда их отправить. А как у вас со стрелами?

— Сколько времени понадобится тебе на то, чтобы сделать пару тысяч стрел? Я тебе отправлю образцы, ты только скажи куда. Древки можно делать дюралевые, оперение пластиковое, наконечники из легкой стали. Им ведь не доспехи пробивать, а всего-навсего охотиться на глупышей...

— Ну, в этом я не разбираюсь — это проблема специалистов.

— Ну так поговори об этом со специалистами. Грего в городе? Вот с ним и поговори, он все твои проблемы решит в два счета.

— Ладно, Герд. Спасибо тебе огромное. Может быть, это действительно выход. Привезти их автолетом, и пусть себе охотятся. Готов держать пари, что они за день настреляют раз в пять больше глупышей, чем столько же людей с винтовками.

— Да что ты, не за что! Мы Компании стольким обязаны... Один хокфусин чего стоит. Кстати, мы, разумеется, рассчитываем, что там Компания будет снабжать им пущистиков так же, как и здесь...

— О чём речь? Слушай, я позвоню Виктору. Он, наверно, тебе перезвонит...

Глава 20

Мудрый был счастлив. Впервые с тех пор как умерла Старая, ему не приходилось все время думать о том, что делать теперь и что будет с другими, если с ним что-то случится. Обо всем этом позаботится Друг Больших. Теперь стаю ведет он. Конечно, он настаивал, что вождь Мудрый, но это глупости.

А может быть, и нет. Может быть, это просто такая мудрая мудрость, что ему, Мудрому, она кажется глупостью оттого, что он сам глуп. Такая мысль ему никогда раньше в голову не приходила. Может быть, он становится мудрее просто оттого, что находится рядом с Другом Больших? Друг Больших не хотел неприятностей в стае. Поэтому он сказал, что стаю поведет Мудрый, и отдал ему этот... «висток». Мудрый поднял руку, чтобы проверить, не потерял ли он его.

Потом Мудрый устроился поуютнее на ложе из сухих листьев и папоротников в шалаше, которые научил их строить Друг Больших. Пламя костра согревало его и освещало все вокруг. Мудрый слушал, как шумит в вершинах ветер, как журчит маленькая течь-вода, как плещутся вдалеке волны озера. Огонь — замечательная штука, когда умеешь его разводить и знаешь, как сделать его безопасным. Раньше Мудрый боялся его. Весь Народ — все «пушистики» (надо запомнить это слово!) — его боялись. Но когда узнаешь о нем побольше, оказывается, что он хороший. Он отгоняет всех зверей. Он согревает, когда холодно, он делает мясо куда вкуснее, чем раньше.

Но самое лучшее — что он разгоняет тьму и делается светло. Вот, и Другая, и Та-Что-Носит-Блестячки, и Собиратель сидят

у огня и скручивают корни длиннолистого дерева, чтобы сделать эту... «веёвку». Это тоже слово Больших. У Народа — у пущистиков — нет слова для этого, потому что у них нет таких вещей. А ведь уже давно стемнело. Если бы не огонь, они бы все давно уже спали. И Камнелом тоже трудится — делает рубильные камни, которые можно насаживать на палки. Странно, что никто не додумался сделать этого раньше или привязать острые камни к длинным палкам, чтобы ими колоть. А ведь так гораздо легче охотиться на хатта-зосса — на «глупышей». Пыряло и Хромой убили сегодня четырех после того времени, когда солнце стоит выше всего — это называется «полдень». Если бы они по-прежнему охотились с камнями и дубинками, то на это потребовалось бы усилия всей стаи. Друг Больших сидел рядом с Камнеломом и насаживал одно из рубил на палку.

Это была четвертая ночь с тех пор, как они пришли на это место. Они переночевали у огня там, где впервые встретились с Другом Больших. На следующее утро Друг Больших дал им Прекрасную Еду Больших, все, что у него было, так что каждому досталось понемножку. Он сказал, что в Прекрасном Месте Большие дают ее всем пущистикам, столько, сколько они захотят. После этого все захотели пойти в Прекрасное Место и подружиться с Большиими, даже Большая. Они хотели отправиться в путь немедленно, но Друг Больших сказал, что надо построить плывущую штуку, которая называется «плот», спуститься на ней по реке и переплыть на другую сторону. Он сказал, что все времена и труды, которые они потратят на это, окупятся, потому что иначе придется идти далеко-далеко вверх по реке до того места, где она становится достаточно узкой, чтобы перебраться через нее без плота.

Друг Больших сделал из веточек маленькую модельку, чтобы показать, каким будет большой плот, который он предлагает построить. Он сказал, что Большие часто делают что-нибудь маленькое, чтобы потом сделать то же самое, но большое. Потом они пришли на это место, и он сказал, что это хорошее место, чтобы строить плот. Поэтому они разбили лагерь, и он научил их, как построить шалаш, устроил место для костра и выкопал длинную яму для «бабакю». Потом они принялись выкапывать корни и делать веревку, а Друг Больших разводил костры у корней деревьев, которые были нужны ему для плота, и пережигал их так, что они падали. Они обрубали ветки рубильными камнями — «топорами», которые Друг Больших и Камнелом сделали из твердого камня, который они нашли в ручье, но сами деревья были слишком толстые, чтобы срубить их такими топорами, и Друг Больших пережигал их. Это было опасное дело. Друг Больших, и тот боялся. Ведь огонь мог вырваться на волю и скечь все вокруг. Поэтому Мудрый и Друг Больших сидели и сторожили, пока остальные спали, а потом разбудили Пыряло, Большую и Хромого, которые спали, а те через некоторое время разбудили

Собирателя, Другую и Ту-Что-Носит-Блестячки, и они сидели и сторожили до рассвета.

Через некоторое время Собиратель, Та-Что-Носит-Блестячки и Другая закончили плести веревку, свернули ее, а потом залезли в логово и улеглись спать. Камнелом все еще трудился над топором, а Друг Больших насаживал уже готовый топор на палку. Он подошел к куче веток, чтобы опробовать топор, а Камнелом смотрел на него. Топор оказался хорошим, и они оба рассмеялись от радости. Потом они с Камнеломом тоже забрались в логово.

— Покажи блестящий камешек, — попросил Камнелом.

Друг Больших достал камешек из заплечной сумки и потер его между ладонями. Потом все трое склонились над ним, чтобы закрыть его от света костра. Они никогда раньше не видели такой штуки, но Друг Больших сказал, что у Больших их очень много и один из его друзей, Папа Вик, выкалывает их из скалы. Этот он обнаружил, когда разбил кусок твердой черной скалы, который нашел в ручье. Он был внутри скалы — камешек в форме почки заразайца. Он выглядел точь-в-точь как все остальные камни, пока его не потреще; а тогда он начинал светиться, словно раскаленный уголь в костре. Но он не был горячий. Это было непонятно. Даже Друг Больших не знал, почему так бывает.

— Папа Джек раньше копал такие камни, — сказал Друг Больших. — А потом все Большие узнали про пущистиков и сказали, что Папа Джек должен ничего не делать, а только заботиться о пущистиках и учить их.

— Расскажи еще про Папу Джека! Он Мудрый для всех Больших?

— Нет, — сказал Друг Больших. — Это Папа Бен Мудрый. Он Мудрый для пьявиства. Папа Джек — Мудрый для всех пущистиков. Все Большие слушают Папу Джека, когда он говорит про пущистиков.

Он долго рассказывал про Папу Джека, про Папу Вика, и Папу Бена, и Папу Герда, и Маму Вуф, и Папу Джорджа, и про Больших в синей форме, и про Прекрасное Место, и про Место Больших Домов. Все это было замечательно, только не очень понятно. У пущистиков было слишком мало слов, чтобы рассказать обо всем этом. Потому Друг Больших и говорил, что им нужно выучить как можно больше слов Больших. И еще им нужно научиться говорить задней частью рта, так, чтобы Большие могли их слышать. И они стали учиться говорить так.

Через некоторое время Камнелома сморило, и он улегся спать. Друг Больших достал трубку и табак, и они закурили, затягиваясь по очереди. На небо вышел один из ночных небесных огней — Большие зовут их «лунами». У Больших есть имена для обеих. Эта луна называется «Зекс». А другая, которой сейчас не видно, называется «Дайй». Большие про них все знают: они огромные и очень далеко. Большие летают к ним на своих ле-

талках. Друг Больших сказал, что сам бывал на Зексе, который выглядит таким маленьким. В это было трудно поверить, но Друг Больших так сказал.

— Это действительно так? Или ты просто говоришь то, чего нет?

Друг Больших удивился, что Мудрый задал такой вопрос.

— Никто не может говорить то, чего нет! — сказал он.

— Я однажды говорил так! — сказал Мудрый. Он был рад, что может рассказать Другу Больших о чем-то, чего тот не знает. — Я однажды сказал: я видел хеш-назза, чайтову скотину, а ее не было.

Он рассказал, как ему хотелось найти Место Больших, а остальные хотели остаться, где были.

— И я сказал им: я видел большую злую тварь, злая тварь гналась за мной. Они все испугались. Злой твари не было, но они не знали. Они все побежали, быстро побежали на гору, убегали от злой твари. Но злой твари не было. Мы пошли на другую сторону горы, не пошли обратно.

Друг Больших смотрел на него с удивлением. Он был очень мудрый, но такое ему в голову не приходило. Потом он рассмеялся.

— Ты Мудрый! — сказал он. — Я не догадался бы сделать так. Нет, я правда был на Зексе. Большие отвезли меня туда и прятали, когда другие Большие однажды стали делать плохие вещи.

Он стал рассказывать о Зексе, но это было трудно. Он не знал слов, которыми это можно рассказать. Через некоторое время оба улеглись и уснули.

Казалось, прошло всего несколько мгновений, когда Другая разбудила его, крича:

— Вставай, Мудрый! Огонь все сжигает! Большой огонь!

Мудрый толкнул Друга Больших, лежавшего рядом с ним, и сел. Да, это было так. Вокруг было светлее, чем когда обе луны полные и светят одновременно, и вокруг раздавался треск и рев. Он слышался оттуда, где они валили деревья с помощью огня. Огонь охватил сушняк, лежавший на земле, и мелкие кустики. Собиратель и Та-Что-Носит-Блестячки колотили по земле ветками, но огонь был слишком сильный и распolsзся слишком широко. Мудрый вспомнил про свой свисток и дунул в него что было сил. К этому времени Друг Больших уже проснулся, раскачивал Пырялю и говорил странные слова Больших, которых Мудрый не понимал, а потом все проснулись и начали кричать одновременно.

Пыряло схватил свое копье и бросился с ним на огонь. Друг Людей схватил его за руку.

— Копьем огонь не убить, — сказал он. — Чтобы огонь убить, нужно отнять у него сухие вещи. Стойте все! Ничего не делать — сперва думать.

К этому времени Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель вернулись обратно. Собиратель хлопал Ту-Что-Носит-Блестячки руками, чтобы потушить на ней мех там, где он загорелся.

— Не убить огонь, он слишком большой, — сказала Та-Что-Носит-Блестячки.

Друг Больших крикнул, чтобы все замолчали. Он схватил топор и немного прошел вперед, потом вернулся.

— Не погасить, огонь слишком большой, — сказал он. — Мы пойдем туда, где нет огня. Огонь всегда идет туда, куда дует ветер. Огонь не горит в воде. Мы войдем в воду и попробуем обойти огонь сзади.

— Но если мы уйдем — огонь сожжет наше хорошее логово! Сожжет веревку! Мы много работали, чтобы сплести эту веревку! — возразил кто-то.

— Вы хотите, чтобы огонь сжег вас? — осведомился Мудрый. — Тогда не спорьте! Делайте, что говорит Друг Больших!

Он снова дунул в свисток, и все умолкли.

— Что мы должны делать теперь? — спросил он Друга Больших.

— Брать копья, брать топоры, — ответил Друг Больших. Он ощупал свою сумку, чтобы убедиться, что ничего не забыл и что она плотно застегнута. — Зайдите в воду как можно дальше. Ждите, пока огонь не сожжет здесь все. Потом идите туда, где огонь не горит, где безопасно.

Та-Что-Носит-Блестячки подобрала палочки с гильзами. Она схватила Друга Больших за руку.

— Положи в сумку, храни, — сказала она. — Не потеряй.

Она сняла гильзы с палочек, и Друг Больших сунул их в сумку. Потом взял длинный кусок веревки и обвязал вокруг пояса.

— Все обвязтесь вокруг пояса! — сказал он. — Мы пойдем в воду. Если кто-нибудь попадет в глубокое место, мы вытащим.

Никому не пришло в голову, что так можно сделать. Веревка ведь плелась затем, чтобы связывать бревна. Никто не подумал, что ее можно использовать ее зачем-то еще. Вот его зовут Мудрым, а ведь даже он об этом не подумал. К этому времени огонь разгорелся уже очень сильно. Он охватил дерево, которое засохло оттого, что глупыши объели на нем всю кору, и ветки дерева вспыхнули, а от него занялось другое дерево, стоявшее рядом. Весь сушняк на земле вдоль берега озера загорелся, но в той стороне, откуда дул ветер, ничего не горело.

Пушистики связались вместе, каждый взял в руки копье и топор, и они вошли в воду как могли глубже. Там они остановились и стояли, глядя на пожар. К этому времени огонь добрался до их шалаша, и логово загорелось. Вспыхнули папоротник и сухая листва, занялись ветки, потом прогорел шест и все рухнуло. Кое-кто заскулил от горя. Такое хорошее было логово! Самое лучшее, какое у них бывало!

— Чайт-пъёклятый-сукисын! — сказал Друг Больших. — Все хорошие веревки, все шкуры глупышей, все бревна — все сгорело! Теперь придется делать все заново!

Они долго ждали в воде. Даже там, где они стояли, стало жарко. Приходилось набирать воздуха, нырять в воду и сидеть там как можно дольше, выныривая только затем, чтобы перевести дух. Воздух был горячий и дымный, в воду падали горящие обломки. Теперь уже горели целые деревья. Разные породы деревьев горели по-разному. Длиннолистые деревья быстро вспыхивали, потом листья прогорали и огонь затухал, только ветки кое-где тлели. А голубые круглолистные деревья загорались не сразу, но потом пламя охватывало их целиком и вздымалось высоко вверх.

В конце концов пожар поблизости от них начал утихать, хотя большие деревья все еще горели. Огонь ушел дальше, в том направлении, куда дул ветер. Друг Больших сказал, что там, где прошел пожар, земля горячая и может обжечь ноги, поэтому они прошли по мелководью вброд к тому месту, где в озеро впадала маленькая течь-вода. Огонь выжег все вдоль течь-воды, но за нее не перекинулся, поэтому они перешли ее и пошли по другому берегу. Друг Больших отвязал веревку, они намотали ее на древко копья, и Большая с Хромым понесли ее дальше.

Звери в лесу были перепуганы пожаром. Они так близко подошли к такку — заролению, — что могли бы убить его копьем. Только зачем? Тогда им придется тащить с собой еще и мясо, а возможно, снова придется убегать от пожара. Ручеек повернулся в ту сторону, где бушевал огонь. Они дошли до места, где и на этом берегу был пожар. Все испугались, потому что Друг Больших сказал, что огонь не сможет перебраться через течь-воду. Но он видел, как это вышло: ветер перенес горящие ветки через ручей на эту сторону, и от них тоже начался пожар.

— Нужно уходить отсюда, — сказал Друг Больших. — Скоро огонь будет гореть везде. Нужно идти через лес, чтобы ветер был навстречу.

Все бросились бежать через густой подлесок. Через некоторое время Мудрый заметил, что Хромой бежит один со своим топором и копьем, а у Большой один только топор. Друг Больших рассердился на них: они бросили копье, на которое была намотана веревка. Подлесок сделался гуще, кусты были оплетены диким виноградом. Этими лозами тоже можно связать плот... Надо не забыть о них, когда они снова станут строить. Мудрый собирался сказать об этом Другу Больших, но, когда они остановились перевести дух, Друг Больших говорил странные, ничего не значащие слова Больших. Наверное, он испугался. Нехорошее место, огонь слишком близко.

Поначалу половинка луны Зекс была слева от них и немного впереди. Через некоторое время Мудрый заметил, что она переместилась вперед и поднялась немного выше. Он сказал об этом

Другу Больших и Пыряле. Они остановились. Друг Больших достал штучку, которая указывает на север, и посветил на нее своей зажигалкой. Потом он сказал еще несколько слов Больших.

— Ветер меняется. Может быть, переменится еще больше, принести огонь на нас. Бежим быстрее!

И они снова принялись проридаться через кустарники, между деревьев, оплетенных диким виноградом. Через некоторое время они вышли к большой течь-воде, не такой большой, как та, на которой были озера, но тоже большой. Они не могли ее перейти. Заспорили о том, что делать теперь. Огонь был выше по реке, но если они пойдут вниз по течению, то придут туда, где река впадает в озеро, а это плохое место, из него не выберешься. Мудрый посмотрел в сторону пожара. Желтых отсветов не было больше видно. Это хорошо. Но все небо было охвачено алым заревом. Ветер по-прежнему дул в сторону пожара, так что в конце концов они решили идти вниз по реке.

Кустарник сделался менее густым. Повсюду были высокие длиннолистные деревья. Вокруг было множество животных, вспугнутых огнем. Впереди блеснуло озеро, освещенное Зексом.

— Нельзя идти туда, — сказал кто-то (похоже, это был Камнелом).

— Через течь-вода идти тоже нельзя, — сказала Большая. — Слишком глубоко.

— Нужно сделать плот, — сказал Друг Больших. — Маленький плот. Взять большие палки, связать веревкой, положить вещи. Одни сядут на плот, другие будут плыть. У кого веревка?

Веревки не было. Хромой и Большая бросили ее, чтобы бежать быстрее. Друг Больших сказал еще одно слово Больших, которое ничего не значит, потом немного подумал.

— Идем вдоль озера, туда.

Он указал на восток, где только-только появился над горизонтом краешек Даи'я.

— Нужно идти назад, туда, где начался огонь. Может быть, он теперь мертвый, земля холодная. Там безопасно.

Собиратель сказал, что хочет есть. Когда он это сказал, все остальные тоже захотели есть. Они нашли глупыша. Он был такой перепуганный, что Пыряло просто подошел и ткнул его копьем. Друг Больших достал нож, освежевал глупыша и разрезал. Они не стали разводить огонь, чтобы зажарить его. Никто, даже Друг Больших, не хотел разводить сейчас огонь, и к тому же они не хотели ждать, когда мясо зажарится. Они съели глупыша сырьим.

Пока они ели, Мудрый почувствовал дым, но решил, что это старый запах, оставшийся у него в шерсти. Но потом Та-Что-Носит-Блестячки сказала, что чует дым, и Камнелом сказал, что он тоже. Они перестали есть и огляделись. В лесу стало светлее, и

теперь среди ало-розового зарева между деревьев показались желтые языки пламени.

— Господи-сусе, иди к чайту, будь ты тыйжды пъёклят! — сказал Друг Больших. — Ветер снова переменился! Огонь идет сюда, ветер несет его сюда!

Глава 21

Джек Холлоуэй вернулся из Мэллори-порта с жестоким похмельем, но даже и без похмелья он чувствовал бы себя хреново. Он терпеть не мог летать на восток: три часа полета, три часа разницы во времени... Чтобы попасть туда к коктейлю, приходится вставать до света. При мысли о коктейле Джек поморщился: сейчас он бы скорее выпил крысиного яду.

Слишком много он пьет с тех пор, как... ну же, наберись мужества и скажи прямо: с тех пор, как утонул Маленький Пушистик. И толку с этого никакого. Протрезвев, Джек чувствовал себя еще поганее. Черт побери, ведь ему и раньше случалось терять друзей: и на Торе, и на Локи, и на Шеше, и на Мимире. Везде, кроме Земли: на Земле люди больше не гибнут, разве что умирают от сердечного приступа, играя в гольф. Если бы это был кто угодно, кроме Маленького Пушистика... Ведь Пушистик был для него почти что главным существом во всей Вселенной.

В голове стучало и звенело, словно в испорченном моторе, запущенном на полную мощность. Сперва он выпил чересчур много коктейлей в Доме Правительства перед обедом, потом слишком много выпивки вечером после обеда. И еще коктейль после открытия Клуба пушистиков — ему понадобилось очень много спиртного, чтобы не думать о том, как радовался бы Маленький Пушистик.

В честь Маленького Пушистика собираются установить большую мемориальную доску, восемь на десять футов: золотой Маленький Пушистик с серебряной лопаткой на темном бронзовом фоне. Джек видел эскизы. Это будет очень красиво. Маленький Пушистик совсем как живой...

Он хотел вернуться домой, но Бен с Гасом настояли, чтобы он присутствовал на банкете для делегатов. Джек хотел помочь задобрить их. Господи, ну и сборище! Одно хорошо: все они стояли за то, что Хьюго Ингерманна надо линчевать.

Когда они взлетели, Джордж Лант, сидевший рядом с ним, попытался завязать разговор, но потом оставил это. Джек попробовал уснуть и в самом деле несколько раз задремывал у себя на сиденье. Каждый раз, как он просыпался, голова болела все сильнее, а во рту делалось все поганее. Он проснулся, когда они пролетали над Большим Черноводьем. Нигде не было видно ни дымка. Грего перенес все, что там было, в Желтые Пески, и отзывал туда рабочих с Альфы, Беты и Гаммы. Когда Джек выходил из Дома Правительства, он увидел, как с воздушного терминала Мэллори-порта взлетала «Зебралопа», один из больших

грузовых гравилетов Компании. Джек надеялся, что Грего удастся вывезти достаточно много солнечников до начала процесса.

Летя вдоль Холодного ручья, Джек не увидел никаких следов деятельности там, где пущистиков учили строить плоты. И по лагерю тоже бегало не так много пущистиков, хотя небольшая группка занималась стрельбой из лука. Герд ван Рибек встретил их и пожал Джеку руку, когда он выбрался из машины. Джордж Лант извинился и сразу ушел в штаб ЗСОА. Надо пойти взглянуть на свои бумаги — Джек с ужасом представлял, как будет разгребать все, что там накопилось за время его отсутствия.

У Герда хватило глупости спросить его, как он себя чувствует.

— У меня большой бодун и маленькие бодунчики, которые собираются завести бодунят. У вас горячего кофе не найдется?

Это тоже был дурацкий вопрос. Что это за офис без горячего кофе? Они прошли в кабинет Джека. Герд заказал кофе. Да, предчувствия его не обманули: на столе высилась кипа бумаг размером с небольшой стог. Он повесил шляпу на крючок, и они сели.

— Что-то нынче народу мало, — заметил Джек.

— На полторы сотни меньше, — сообщил Герд. — Все на Сквиггле.

— О Господи! — Джек прекрасно представлял себе, что такое Сквиггл и как он выглядит. — Что там делать полутора сотням пущистиков?

— Как что? — усмехнулся Герд. — Они там работают на ЛКЗ, как и все прочие. Отстреливают глупышей. В посадках перистолистных деревьев, устроенных Компанией, расплодилась уйма глупышей. Три дня назад я отправил главному лесоводу в Честервилл пятьдесят пущистиков. Вчера утром они настреляли две сотни глупышей, и лесовод попросил еще. Я послал еще. С ними капитан Кнаббер и пятеро солдат из Сил охраны. Со второй группой отправился Панчо в качестве наблюдателя. Их высаживают командами по пять-шесть штук. Припасы им развозят на грузовиках. Вечером собирают их снова в пару лагерей.

— Черт меня побери! — Несмотря на головную боль, которую кофе лишь чуть ослабил, Джек хохотнул. — Ручаюсь, они там здорово веселятся! А ты как думаешь?

— Еще как! Хуан Хименес сказал мне, что они не знают, куда девать глупышей. Я давно тревожился о возможных последствиях истребления гарпий. Гарпии сокращали популяцию глупышей, а теперь их всех повывели. Я подумал, что пущистики могут управиться с этим ничуть не хуже гарпий. Ведь самый опасный хищник — человек с винтовкой, это же аксиома. А похоже, что пущистик с луком ничем не хуже.

— Скоро мы им и ружья дадим. Март Бержесс сделал ружья для Гасовых Аллана и Натти. Хотел бы я стрелять так, как эти пущистики! И обещал сделать еще пару для Компании в качестве

образцов для серийной модели. Они собираются выпускать их в большом количестве.

— Какие винтовки? Они достаточно безопасные для пущистиков?

— Да, однозарядки. Бержес нашел такой механизм в старой книге. Ремингтоновская система — в первом веке доатомной эры ее использовали по всей Европе.

— Возможно, это решение той проблемы, которая тебя тревожила, Джек, — сказал Герд. — Ты хотел, чтобы пущистики как-то зарабатывали себе на жизнь, чтобы они не превратились в нахлебников? Вот тебе, пожалуйста: сокращение поголовья вредных животных.

Идея устроить колонии пущистиков на других континентах... На Гамме фермеры не знают, куда деваться от землероек. И сухопутные креветки, донимающие земледельцев по всей планете. А пущистики любят охотиться...

На континенте Дельта гарпии истреблены полностью. Все животные, которыми они питались, начнут бесконтрольно размножаться. Джек попросил принести еще кофе, и они с Гердом долго обсуждали этот вопрос. Потом Герд ушел к себе, а Джек позвонил в Честервилл, лесоводу Компании, и Панчо Айбарре, которого он нашел в одном из временных охотничих лагерей пущистиков. Потом занялся бумагами.

Он все еще сидел за столом, когда экран загудел. Звонила одна из девушек из центра связи.

— Мистер Холлоуэй, нам сейчас звонили из Каньона Желтых Песков.

Джеку сдавило грудь. Может, конечно, звонили по какому-нибудь пустяковому делу, но вдруг... Он заставил себя говорить спокойно.

— Да?

— С «Зебралопы», летевшей из Мэллори-порта, доложили, что видели большой лесной пожар на берегу Озерной реки. Они передали несколько фотографий, и мистер Макгиннис, главный управляющий Компании, выслал туда машину с наблюдателями. Он решил сообщить вам, потому что это заповедник для пущистиков. Он сейчас звонит мистеру Грего, чтобы получить инструкции.

— Где точно происходит пожар?

Девушка назвала ему координаты. Джек записал их и попросил подождать. Он включил экран для чтения, вызвал раздел карт и быстро нашел последнюю, самую подробную карту района Озерной реки. Навелся на нужные координаты и включил увеличение.

Странное место для лесного пожара... Никаких гроз там не было уже дней десять. С той самой ночи, когда пропал Маленький Пущистик. Конечно, огонь мог тлеть десять дней, а разгореться только сейчас, и все же...

— Покажите фотографии.

— Минутку, сэр.

Лесной пожар может начаться по многим причинам, но чаще всего их бывает две: либо молния, либо чья-то небрежность. Небрежность какого-то человека... точнее, разумного существа, по-правился Джек. И чаще всего причиной пожара бывает беспечность курильщика. Маленький Пушистик курил. В сумке у него были трубка, кисет и зажигалка...

В каньоне уйма выкорчеванных кустов и деревьев. Предположим, Пушистику удалось ухватиться за что-то и удержаться на плаву. Предположим, ему удалось выбраться из реки...

Джек убрал увеличение и снова взглянул на карту. Да. Предположим, его унесло ниже устья Озерной реки и он выбрался на левый берег. Он пошел обратно пешком, и когда он дошел до Озерной реки, впадающей в Желтую реку с севера, что он мог подумать?

Что мог бы подумать любой, кто плохо знает эту местность? Он решит, что Озерная река и есть Желтая река, и пойдет вдоль нее вверх по течению. Правда, у Пушистика есть компас, но вряд ли он смотрел на него, когда его несло по течению. Компас может лишь сказать ему, в какой стороне север; он не скажет, откуда ты пришел.

— Вот фотографии пожара, мистер Холлоуэй.

— Не надо, я их потом посмотрю. Позвоните Герду ван Рибеку и Джорджу Ланту, скажите, что они мне нужны срочно. Скажите Ланту, чтобы объявил тревогу. И свяжите меня с Виктором Грего в Мэллори-порте.

Джек потянулся за трубкой и зажигалкой. И куда только делясь его будун?

— Да, и если у вас найдется время, — сказал он, — позвоните в Мэллори-порт, в Клуб пущистиков, Сандре Гленн, и скажите ей, пусть пока подождет делать мемориальную доску. Может быть, это несколько преждевременно.

Глава 22

У Маленького Пушистика щипало в глазах, болело горло и пересохло во рту. Мех на нем опалило. Спина была обожжена и болела. Было бы еще хуже, если бы кто-то, стоявший у него за спиной, не потушил огонь. Маленький Пушистик был грязный, залапанный илом и вымазанный гарью. Но все они были здесь. Они только что выбрались из грязи и стояли на берегу ручейка, озираясь.

Зелени вокруг не осталось. Куда ни глянь, все было черное,сыпанное черным пеплом и окутанное серым дымом — отдельные бревна все еще догорали. Многие деревья остались стоять, но все они обуглились, дымились, и их лизали маленькие язычки пламени. Солнце встало, но его было почти не видно: из-за дыма оно казалось красным и расплывчатым.

Они стояли, столпившись у ручья. Все молчали. Хромой и в самом деле охромел: он обжег ногу и теперь ковылял, опираясь на копье. Мудрый тоже был ранен: его ударило веткой, отлетевшей от упавшего дерева. Его мех, кроме грязи и сажи, был вымазан еще и запекшейся кровью. Другие тоже поцарапались, продираясь через кустарник, или ушиблись, но это все были пустяки. И еще они потеряли большую часть своих вещей.

У Маленького Пушистика остались заплечная сумка, нож, лопатка и топор. У Мудрого были топор и свисток. Топор был у Большой и Камнелома. У Пыряла, Хромого и Другой были копья. Все прочее оружие утонуло в реке, впадавшей в озеро, после того как ветер переменился и погнал огонь на них.

— Что делать теперь? — спросил Пыряло. — Назад идти нельзя, там большой огонь. И там большой огонь, — указал он вверх по ручью. — Нельзя идти туда, где огонь, земля горячая, ноги можно обжечь, все станут как Хромой.

Маленький Пушистик всегда удивлялся, зачем Большие носят на ногах такие жесткие, неуклюжие штуки. Теперь-то он понял, зачем: в них можно ходить где угодно. Большой мог бы пройти по этой земле, которая все еще дымилась. Теперь Маленький Пушистик жалел, что они не взяли с собой шкуры убитых глупышей и заразайцев. Впрочем, они все равно потеряли бы их на переправе.

— Друг Больших знает огонь, — сказал Камнелом. — Мы не знаем. Друг Больших скажет нам, что делать.

Маленький Пушистик и сам не знал, что делать. Надо подумать и вспомнить все, что рассказывали ему Папа Джек, Папа Герд, папа Джордж и другие, и все, что он видел и чему научился с начала пожара.

Огонь не живет там, где нечему гореть: в воде или на голой земле. Он не жжет мокрые вещи, но делает мокрые вещи сухими, и тогда они горят — даже не сам огонь, а его жар. Это Маленький Пушистик не очень понимал: ведь жар — это не вещь, а то, какими бывают вещи. Это объяснил ему Папа Джек. Маленький Пушистик все равно не очень понял, но знал, что от огня бывает жар.

Огонь не живет без воздуха. Пушистик смутно представлял себе, что такое воздух, но знал, что воздух везде, и что когда он движется, то это ветер. Огонь идет туда, куда ветер дует. Это так, но Маленький Пушистик видел, как огонь распространяется и против ветра, хотя и очень медленно. Но в основном огонь действительно идет по ветру. Вот что было хуже всего этой ночью: что ветер переменился.

И огонь всегда горит вверх. Пушистик видел это в самом начале: сперва вспыхнул сушняк, лежавший на земле, а потом огонь поднялся вверх и загорелись деревья. Макушки деревьев, которые остались стоять, все еще горели. Лесной пожар бывает двух видов, и Маленький Пушистик видел оба. Иногда огонь

расползается по земле, среди кустарников, а потом поджигает деревья, как в этот раз. А иногда загораются верхушки, и огонь перекидывается с одной вершины на другую. А потом горящие веточки падают вниз и поджигают подлесок, и он загорается уже после того, как по вершинам прошел большой пожар. Это очень плохой пожар; при сильном ветре он движется очень быстро. От него не убежишь.

— Друг Больших молчит, — возразила Большая.

— Друг Больших думает, — сказал Мудрый. — Если не думать — сделаешь неправильно. Он сделает неправильно — мы все сделаемся мертвыми.

Может быть, лучше всего будет провести здесь весь день и дождаться, пока земля остывает и тлеющие угли потухнут. Маленький Пушистик думал, что место, где они стояли лагерем и откуда начался пожар, к востоку от них, но он мог ошибаться. Он знал, что к югу от них озеро, но не знал которое. Здесь слишком много озер. И слишком много этих проклятых чертовых огней!

— Здесь нет еды, — пожаловалась Та-Что-Носит-Блестячки. — Вся вкусная еда сгорела.

Как только она это сказала, все вспомнили, что хотят есть. Они убили глупыша, но это было давно и к тому же они не успели его доесть.

— Надо найти место, где нет огня, и найти еду.

Только вся беда в том, что Маленький Пушистик не знал, остались ли тут еще невыгоревшие места. А если они найдут такое место, туда тоже может прийти огонь, и будет еще хуже. Он посмотрел на ручей:

— Мы пойдем туда. Может быть, найдем место, где не было пожара, может быть, найдем место, где огонь погас и земля холодная.

А потом надо будет вернуться к озеру и найти место, где можно построить плот. Маленький Пушистик представил себе, сколько они уже всего сделали, а теперь все придется начинать сначала... Снова плести веревку, делать орудия, добывать бревна... Просто подумать страшно! А ведь им с Мудрым и Пырялой еще придется спорить с остальными...

Они пошли вверх по ручью. Почва по обоим берегам ручья обуглилась и посерела от пепла и золы. Кое-где стояли черные стволы, которые все еще горели. Там, где ручей был не слишком глубокий, они шли вброд. Там, где было глубоко, шли по берегу, стараясь не наступать на угли. Ручей повернулся; теперь они шли точно на запад.

А потом они услышали шум автолета. Все остановились и прислушались. Папа Джек всегда говорил, что, если потеряешься, надо развести костер и устроить большой дым, чтобы кто-нибудь увидел. Вот бы Папа Джек посмеялся! Дыму и впрямь хоть отбавляй! Наверно, кто-то из Больших увидел его издалека

и прилетел посмотреть, в чем дело. Но потом Маленький Пушистик разочарованно вздохнул. Он узнал этот звук. Это был не автолет, летящий поблизости, а большая летучая машина, корабль, пролетавший где-то вдалеке. Маленький Пушистик знал такие корабли. Такой корабль прилетал в Прекрасное Место раз в три дня и привозил всякие вещи. Они всегда радовались, когда прилетал корабль. Никто из пущистиков не оставался в школе, все бежали смотреть.

Интересно, откуда здесь корабль? Наверно, в Желтые Пески летит. Везет новые машины и новых друзей Папы Вика, чтобы помочь ему копать, и еду, и «ликкор» для коктейля, и все, что нужно Большим. Большие на корабле увидят дым, скажут Папе Вику, и Папа Вик со своими друзьями прилетит за ним.

Единственное, что плохо: уж очень большой костер получился. Пожар разошелся во все стороны. Понадобится много дней, чтобы обойти место, охваченное пожаром. Откуда же Большие узнают, где его искать? А сверху они его не смогут увидеть из-за дыма. Папа Джек сказал, что надо сделать дым. Но дыма вышло слишком много. Если бы не было так страшно, это было бы даже смешно.

Но нельзя говорить об этом другим. Поэтому когда они перешли ручей вброд, Маленький Пушистик принялся рассказывать им о Прекрасном Месте, об пиэтьи, которое они там ели, о молоке, о фруктовом соке, о школе, где Большие учат пущистиков таким вещам, которые раньше даже никому в голову не приходили, о луках и стрелах, о твердом веществе, которое разогревают, чтобы сделать мягким, и куют из него все что угодно, а потом оно снова остывает, и о знаках, которые обозначают звуки, так что, когда смотришь на них, можно повторить слова, которые сказал кто-то другой, не слыша их. Он рассказывал им, как много пущистиков в Прекрасном Месте и как им всем там весело. Он рассказывал, как у пущистиков заводятся свои собственные хорошие Большие, которые заботятся о них и добры к ним. Об этом даже говорить и то было приятно.

А потом он увидел впереди сквозь клубы дыма зелень, и другие тоже ее увидели, закричали и бросились бегом, даже Хромой ковыляя вместе со всеми, опираясь на свое копье. Пожар остановился у маленького ручья, впадавшего в их ручей с юга, и на том берегу была зеленая трава и кусты. Но большие старые деревья стояли черные и обожженные, поросшие мхом. Другие не могли понять, откуда это — один Мудрый догадался.

— Давно-давно большой огонь все сжег, — объяснил он. — Может быть, молния ударила. Сгорело все, так, как тут, — указал он на обожженную землю, оставшуюся позади. — Потом выросла трава, выросли кусты, но огонь не нашел, что жечь.

Они перешли в это давно сгоревшее место. Земля здесь все еще была черной, хотя тот пожар был много новых листьев назад. Маленький Пушистик срубил самую прямую и высокую палку

и сделал Хромому посох, чтобы Та-Что-Носит-Блестячки могла взять его копье, а Собирателю он вырубил дубинку. Потом они растянулись цепочкой и пошли вперед и почти тотчас же убили заразайца, потом глупыша...

Маленький Пушистик вырыл канавку с помощью своей лопатки, они развели над ней костер, сели и смотрели, как жарится мясо на палочках. Маленький Пушистик с Большой взяли шкуру заразайца, обмотали ею больную ногу Хромого и закрепили ее ремешками из шкуры глупыша. Хромой встал, поковылял, чтобы попробовать, как будет ходиться, и сказал, что уже не так больно. Когда они поели, Маленький Пушистик набил трубку и пустил ее по кругу среди тех, кому понравилось курить.

Потом он очень тщательно засыпал костер. Все говорили о том, как странно, что они разводят огонь, когда огня кругом и так сколько угодно.

Впереди курился дым, но ветер дул им в спину. Скоро обгорелых деревьев стало попадаться меньше, зато появились белые засохшие деревья. Маленький Пушистик решил, что это деревья засохли оттого, что кора снизу обгорела, как бывает с деревьями, обрызганными глупышами. Подлесок здесь был выше и гуще. И наконец они вышли к большим круглолистным голубым деревьям, которые вовсе не обгорели. Сюда пожар не дошел.

Быстро идти никому не хотелось. Среди больших деревьев было хорошо, и дыма было меньше, хотя в воздухе все еще висел его запах и солнце казалось размытым. Они нашли маленький ручеек с чистой и вкусной водой, незамутненной пеплом. Они напились и смыли с себя всю грязь и сажу. Все сразу повеселились.

Маленький Пушистик снова услышал гул автолетов, только очень далеко, и еще шум машин. Наверно, Папа Вик и его друзья пришли и привели с собой машины, чтобы тушить пожар. Маленький Пушистик вспомнил всякие механизмы, которые он видел в Желтых Песках — они могли одним движением срыть целую гору! Так что они легко потушат пожар, даже такой большой, как этот. Маленькому Пушистiku хотелось пойти на шум, но он знал, что там огонь.

Местность начала подниматься в гору, но компас говорил, что они по-прежнему идут на юг, хотя Маленькому Пушистiku казалось, что в этом направлении земля должна идти под уклон. Они поднялись на вершину холма. Скоро они увидели впереди и внизу озеро, очень большое озеро. Они остановились на краю утеса, очень высокого, выше любого дома в Прекрасном Месте, такого же высокого, как средняя терраса в доме Папы Бена в Месте Больших Домов. Внизу не было никакого пляжа, озеро подступало к самой скале.

— Не нужно ходить туда вниз, — сказал Хромой. — Даже если бы нога не болела. Слишком далеко, не за что держаться, нельзя слезть.

— Лучше спуститься вниз, к воде, — сказал Пыряло.

— Вода внизу глубокая, — сказал Мудрый. — Везде глубокая, как тут.

Другая боязливо оглянулась на большие облака дыма, клубящиеся на севере.

— Может быть, огонь придет сюда. Может быть, это нехороший место.

Маленький Пушистик и сам начинал так думать. У давно сгоревшего места огонь остановился, но он же не знает, что произошло в других местах. И все же Маленькому Пушистику не хотелось уходить отсюда. Здесь высоко и деревьев мало. Если кто-нибудь будет пролетать над озером на автолете, их могут заметить и прилететь за ними. Он сказал об этом остальным.

— Почему не летят сейчас? — спросила Другая. — Я нигде не вижу леталок Больших.

— Они не знать, что мы здесь. Все работают, все тушат огонь. Большие всегда так: услышат про пожар в лесу — приходят с машинами и тушат.

Маленький Пушистик открыл кисет, чтобы посмотреть, много ли осталось табаку. Он очень старался расходовать его бережно, но ведь прошло уже две руки... десять дней с тех пор, как он упал в реку. Табаку осталось мало, но он все же набил трубку и закурил, передавая ее по кругу. Пыряло, которому сперва не понравилось курить, решил попробовать еще раз. От первой затяжки он закашлялся, но потом сказал, что ему нравится.

Когда в трубке остался один только пепел, Маленький Пушистик убрал ее и снова взглянул на север. Дыма стало куда больше, и он приблизился. Слышался рев огня. Пушистику показалось даже, что он видит над вершинами языки пламени. Остальные испугались.

— Куда идти? — Собиратель почти кричал. — Вниз далеко, вода близко, вода глубокая! А там еще огонь! — он показал на восток. — Куда ни пойдем — огонь всюду!

Маленький Пушистик боялся, что так оно и есть, но говорить об этом вслух не стоило. А то все испугаются, а тот, кто боится, делает глупости. Испугаться — самый верный путь к тому, чтобы погибнуть. Он посмотрел на восток, туда, где утес кончался выступом, вдающимся в озеро. Точно определить было трудно — вдалеке все кажется меньше, — но, похоже, там было пониже. По крайней мере дым несло над уступом.

— Там не так далеко вниз, — сказал Маленький Пушистик. — Может быть, можно спуститься к воде — огонь понизу не пойдет.

Никто не знал, что еще можно сделать, поэтому спорить никто не стал. На севере теперь уже отчетливо виднелись языки пламени. «Господи-сусе! — подумал Пушистик. — Теперь этот проклятый огонь на верхушках! Это плохо!» Все побежали вперед вдоль края утеса. Им попалось место, где часть утеса сползла в озеро. Это место было очень похоже на то, где копали друзья

Папы Вика в Желтых Песках, а потом не нашли блестящих камешков и бросили. Это там Пушистик спускался в глубокое место. Они обогнули оползень и побежали дальше. К этому времени огонь подобрался совсем близко. Это был верховой пожар, и горящие сучья падали и поджигали подлесок.

«Может быть, здесь Маленький Пушистик и сделается мертвым!» — подумал он.

А он не хотел умирать. Он хотел вернуться домой, к Папе Джеку.

Он остановился как вкопанный. Это точно. И Маленький Пушистик, и Мудрый, и Пыряло, и Хромой, и Собиратель, и Камнелом, и Большая, и Другая, и Та-Что-Носит-Блестячки, все делаются мертвыми.

Впереди была глубокая расселина, и по дну ее бежал поток, впадающий в озеро, быстрый и пенистый. Пушистик посмотрел налево — конца расселины видно не было. Позади подступал огонь. Он, похоже, уже сам делал себе ветер — Пушистик и не знал, что так бывает. Горящие ветки взлетали высоко в воздух; некоторые из них падали совсем рядом и зажигали новые маленькие пожары.

Глава 23

Когда Джек Холлоуэй прилетел в Желтые Пески, дыма там совсем не было видно. С воздуха поселок выглядел вымершим, машины с копей увели, на разработках никого не было. Наверно, все машины отправили на север и запад, на пожар. Только в обнесенной высоким забором камнедробильне оставалось несколько человек, преимущественно в синей полицейской форме. «Зебралопы» не было — видимо, улетела за подкреплениями. Джек посадил машину перед административным бараком. На встречу ему вышли человек пять. Там были Лютер Макгиннис, главный управляющий, Стэн Фарр, один из служащих, Хозе Дурранте, лесник, и Гарри Стифер. Они с Гердом вышли из автомобиля; двое солдат из ЗСОА, сидевших на переднем сиденье, последовали за ними.

— Мистер Грего на связи, — сказал Макгиннис. — Он сейчас на своей яхте, на полпути от Альфы. С ним куча специалистов по тушению пожаров. Вы знаете, что он думает?

— То же, что и я — я с ним разговаривал. Маленький Пушистик выбил свою трубку и не потрудился затушить пепел. Я и сам частенько этим грешу, а я курю в лесах на много лет дольше, чем он.

Герд спросил, где находится граница огня.

— Сейчас покажу, — ответил Макгиннис. — Так вы тоже думаете, что это Маленький Пушистик? Но как же он туда попал, черт побери?

— Пешком.

Пока они шли к бараку, Джек изложил ход своих рассуждений. Маленький Пушистик, наверно, думал, что идет вверх по Желтой, пока не добрался до озер.

В бараке оказался огромный экран военного образца, в пятнадцать футов в поперечнике. На экране проплывала картина пожара, снимаемого с высоты пять тысяч футов. Джек видел немало лесных пожаров и помогал тушить большую часть из них. Этот пожар был действительно мощным. Если бы не широкая река и многочисленные озера, которые окружали ее, подобно листьям на лозе, дело было бы куда хуже. Пожар охватил северный берег Озерной реки, и, судя по тому куда несло дым, водяная преграда остановила его.

— Должно быть, ветер часто менялся, — заметил Джек.

— Да, — ответил местный метеоролог. — Прошлой ночью он все время был юго-западный. Пожар, похоже, начался около полуночи. Незадолго до рассвета ветер начал меняться на южный, а теперь он снова юго-западный. Это, разумеется, только основное направление. В такой холмистой местности над землей ветер может дуть куда угодно. А после того как начался пожар, к этому добавились еще конвекционные потоки воздуха...

— Да, во время пожара ветру доверяться не следует, — сказал Джек.

— Эй, Джек! Это ты? — окликнули его сзади. — Ты только что прилетел?

Джек обернулся к говорящему и увидел на одном из экранов Виктора Грего в походной одежде. Грего находился в кабине аэрояхты.

— Да. Я туда сам полечу, как только выясню, куда лететь. У меня здесь еще пара запасных машин — со мной прилетели Джордж Лант и кое-кто из ЗСОА, а за нами летят три грузовика с солдатами и строителями. Но техники у меня нет. У нас только легкие машины, и на то, чтобы доставить их сюда своим ходом, потребуется часов пять.

Грего кивнул:

— Техники у нас полно. Я буду где-нибудь в половине третьего, так что мы, наверно, увидимся уже на месте. Надеюсь, что пожар действительно устроил наш малыш и что его самого не захватило огнем.

Джек тоже надеялся на это. Чертовски глупо было бы выбраться живым из этой Желтой реки, а потом погибнуть в огне! Нет, Маленький Пушистик для этого слишком умен.

Джек взглянул на другие экраны. На них передавали обзор с камер, установленных на машинах, которые крутили над огневым рубежом: бульдозеры отключают антигравы и устремляются вперед, валя деревья; манипуляторы тут же подхватывают поваленные деревья и оттаскивают прочь; экскаваторы насыпают земляной вал с наветренной стороны. Должно быть, тушить большие пожары до изобретения антигравитации было сущим

наказанием. Работы начались около полудня, а к закату все уже было кончено. А Джек читал в старых книгах, что в былые времена лесные пожары длились порой по нескольку дней!

— Этих людей предупредили, что там может появиться Маленький Пущистик? — спросил он Макгинниса.

— Да, об этом все знают. Надеюсь, он жив и в безопасности. Однако, когда пожар потушат, искать его придется чертовски долго!

— Я боюсь, вам чертовски долго придется тушить следующий пожар, который он устроит! Можно подумать, он поджег лес нарочно, чтобы подать дымовой сигнал.

Джек обернулся к Дурранте:

— Что вы знаете о тех местах?

— Я их исходил вдоль и поперек с наблюдателями. — Хотя на самом-то деле он летал над лесом на высоте двух тысяч футов. — Так что я те места знаю как свои пять пальцев.

— Хорошо. Мы с Гердом отправляемся туда. Предположим, вы тоже полетите с нами. Как вы думаете, откуда это началось?

— Сейчас покажу.

Дурранте подвел их к настольной карте, сейчас размеченной красным разной степени интенсивности.

— Насколько я понимаю, где-то здесь. На северном берегу этого озера. Вначале выгорела полоса вдоль берега и вот здесь. Это пока ветер был юго-западный. Когда пожар увидели с «Зебралопы», горело здесь, здесь и здесь, но это уже после того, как ветер переменился. Машины добрались сюда только к половине одиннадцатого, и к тому времени весь этот район уже выгорел, там остались одни тлеющие головешки. Вот здесь была старая гарь — лет пятнадцать назад лес выгорел от молнии. Тогда на этом континенте к северу от Биг-Бенда никто не жил. На гарях пожара вообще не было. А вот этот холм весь дымится — здесь пожар начался только недавно.

— Ладно. Поехали.

Они вышли и сели в машину. Герд сел за штурвал, лесник рядом с ним. Джек сел на заднее сиденье, откуда можно было смотреть в обе стороны.

— Отдайте мне мое ружье, — сказал он. — Оно мне пригодится, если придется выйти из машины и ходить по лесу.

Лесник снял ружье с держателей на приборной доске. Это была 12,7-миллиметровая двустволка.

— Господи, зачем вам такая пушка! — сказал он, передавая ее на заднее сиденье.

— На всякий случай. Если напорешься на чертову скотину на расстоянии десяти ярдов, такая пушка покажется совсем не лишней.

— Д-да, пожалуй, — согласился Дурранте. — Я-то сам никогда ничего крупнее семимиллиметровки не носил...

А брать оружие на пожар он считал совсем бессмысленным — он говорил, что звери никогда не нападают, спасаясь от огня.

Ему бы ангелом работать, а не лесником! И это все, что он знает о чертовых скотинах? Да такая зверюга, если ее напугать, нападает на все, что движется! Просто со страха. Среди людей такое тоже встречается.

Они пролетели над озерами чуть выше того места где, как предполагалось, начался пожар, и сели на черный, засыпанный пеплом берег. На берегу долевало множество головешек, некоторые из них довольно большие. От них лучше было держаться подальше. Один из стволов на глазах у Джека пошатнулся и рухнул, взметнув фонтан алых искр, пепла и дыма. Джек выбрался из машины и зарядил свою двустволку двумя патронами в большой палец толщиной и длиной в пядь. Закрыл патронник, снял винтовку с предохранителя. Может, здесь и не осталось ничего живого, но он ухитрился дожить до семидесяти с лишним лет именно потому, что никогда не пренебрегал такими предосторожностями. У Дурранте, вышедшего из кабины вместе с ним, был один лишь пистолет. Если парень останется на Бете, до Джековых лет он явно не доживет.

Но именно Дурранте заметил треугольничек невыгоревшей травы между устьем ручья и озером. На самом берегу лежало дерево, пережженное у основания. Сучья были обрублены каким-то грубым орудием — быть может, маленьким каменным топориком. Выжженная земля начиналась футах в восьми от пня. Джек испустил шумный вздох облегчения. До сих пор он только надеялся, что пожар устроил Маленький Пушистик, выбравшийся из реки; теперь он был в этом уверен.

— Он не пытался подать дымовой сигнал, — сказал Джек. — Он хотел построить плот.

Он взглянул на здоровенное бревно:

— И как только он собирался стащить его в реку? Тут была бы нужна дюжина пушистиков, чтобы свинуть его с места.

Между двух обугленных, все еще тлеющих стволов Джек нашел все, что осталось от лагеря Маленького Пушистика: обугленные ветки, легкий пепел травы и папоротников, горка золы, которая, судя по всему, раньше была мотком веревки из корней. Еще Джек нашел обгоревшие кости. Поначалу они привели его в ужас, но потом он увидел, что это кости глупышей и заразайцев. Маленький Пушистик голодным не сидел. Дурранте нашел множество обломков кремня, кремневый наконечник копья и топор, и еще один топор, обмотанный тонкой проволокой из бериллиевой стали, вместе с обугленным топорищем.

— Да, здесь точно был Маленький Пушистик. Он всегда таскал с собой моток проволоки.

Джек забросил винтовку на плечо и достал трубку и кисет. Герд завис в ярде над землей и высунул голову в окно. Джек протянул ему останки топора.

— Что ты об этом думаешь, а, Герд?

— Если бы ты был пущистиком и проснулся среди ночи в лесу, объятом пламенем, что бы ты стал делать? — спросил Герд.

— Маленький Пущистик слегка разбирается в простейших принципах термодинамики. Я думаю, он бы вошел как можно глубже в воду и сидел там, пережидая пожар, а потом попытался обойти пожар с наветренной стороны. Давайте сперва пройдем вдоль берега озера.

Герд посадил машину и они забрались внутрь. Джек не стал разряжать большую винтовку. На запад от ручейка все выгорело, но это, должно быть, уже после того, как ветер переменился. Озеро сузилось, перешло в реку; река попетляла и перешла в новое озеро. Весь левый берег был начисто выжжен низовым пожаром. Потом они выбрались к мысу, вдающемуся в озеро, футов в двести высотой. На мысу только-только догорал верховой пожар, а вслед за ним уже разгорался низовой. Они миновали узкое ущелье, из которого вытекал бурный поток. Оба берега ущелья тоже были охвачены огнем.

Джек опустил стекло и выглянул наружу. Из-за ущелья раздался рев какого-то крупного животного, умиравшего в огне. Джек выставил в окно дуло своей винтовки.

— Герд, ты не видишь, где оно? Добить надо, чего зверюге мучиться.

— Вон оно, — сказал Герд спустя несколько секунд. — Вон там, за оползнем.

Теперь и Джек его увидел. Это была чертова скотина, чудовище с рогом на лбу, из которого вполне можно было сделать большую трость, и двумя боковыми рогами, похожими на серпы. Зверь свалился в яму, обожженный и, видимо, ослепший от боли, и застрял на выступе скалы. Джек еще никогда не слышал, чтобы скотина так ревела — видимо, ему было ужасно больно.

Джек привстал на колене, прицелился в голову зверя чуть пониже уха, которое теперь представляло собой кусок полузажаренного мяса, и нажал на спуск. Он находился в неустойчивом положении; отдача едва не сбила его с ног. Когда Джек снова взглянул в сторону зверя, тот уже затих.

— Подлети-ка поближе, Герд. И чуть назад.

Он хотел быть уверен, что зверь мертв, а единственный способ убедиться — это всадить в него второй заряд.

— Я думаю, что он уже дохлый, и все-таки...

И вдруг раздался свисток, долгий и пронзительный. Потом еще один. И еще.

— Что за черт? — воскликнул Герд.

— Да еще из самого пекла! — воскликнул Дурранте. — Там ничто живое не уцелеет!

Но Джек сперва решил покончить с чертовой скотиной. Он прицелился зверю в голову и выстрелил из второго ствола. Тело дернулось от удара пули, но зверь явно был уже мертв.

— Это из ущелья. Я же говорил, Пушистик малость разбирается в термодинамике. Он сидит в ущелье и пережидает. Как ты думаешь, автолет здесь пройдет?

— Войти я могу. Но выбираться, возможно, придется прямо вверх, через огонь, так что закройте все окна.

Они медленно вползли в ущелье. Оно было футов двадцати пяти шириной, и этого бы вполне хватило, если бы ущелье было прямое, да только оно извивалось. Местами казалось, что пройти невозможно. Но свисток впереди все вёрещал, и Джек слышал, как несколько голосов вопят:

— Папа Джек! Папа Джек!

Теперь он понял, почему свисток слышится одновременно с криками. И еще оттуда доносился писк пушистиков. Маленький Пушистик подобрал какую-то стаю. Так вот зачем ему понадобилось такое большое бревно!

— Держись, Пушистик! — крикнул он. — Папа Джек здесь!

Раздался противный скрежет — машина зацепилась за выступ. Целых девять штук! Маленький Пушистик, так и не расставшийся со своей заплечной сумкой, и еще восемь. У одного нога была замотана чем-то вроде шкуры заразайца. У двоих были каменные топоры и копья с кремневыми наконечниками, притоманными проволокой. Все они жались друг к другу на выступе скалы на полпути к воде.

Герд завис рядом с ними. Джек открыл дверцу и затащил в машину первого из пушистиков. Это была самочка с кремневым топором. Когда Джек затаскивал ее в машину, она вцепилась в него. Джек подхватил того, что с перевязанной ногой, и передал его Дурранте, предупредив, чтобы тот был поосторожнее. Следующим был Маленький Пушистик. Он воскликнул:

— Папа Джек! Ты все-таки пришел! И Папа Герд тоже!

Потом обернулся к тем, кто еще оставался на скале:

— Теперь мы все полетим в Прекрасное Место! Папа Джек позаботится о нас! Папа Джек — друг всем пушистикам! Видите, я же говорил!

Когда они прилетели в Желтые Пески, Джек увидел у административного барака бордовую с серебром аэрояхту Грего. Герд, сидевший впереди, уже сообщил о том, что они спасли Маленького Пушистика и еще восьмерых. Встречать их собралась целая толпа. В первых рядах Джек увидел Грего с Алмазом. Герд посадил машину, и наружу выбрался Дурранте, несущий на руках пушистика с обожженной ногой. Джек отворил заднюю дверь и подождал, пока остальные спасенные вывалиются наружу под силой собственной тяжести. Те, кто умел разговаривать внятно — Маленький Пушистик, похоже, учили их говорить на языке Больших, — спрашивали, это ли Хоксу-Митто. Их встретили настоящей овацией. Алмаз, едва увидев своего друга, ринулся вперед. И тут всех пушистиков скопом погнали в госпиталь.

У Маленького Пушистика был ожог на спине, и мех здорово обгорел. Его обработали первым, чтобы остальные поняли: их будут лечить, а не убивать. Хуже всего была обожженная нога, тем более что пушистiku пришлось потом еще бегать с этим ожогом. Все одобрили повязку из шкуры заразайца. Врач хотел было уложить большую часть пациентов в постель. Он плохо знал пушистиков: удержать пушистика в постели может разве что сломанная нога. Когда все раны были перевязаны, их отвели в столовую и до отвала накормили «пиэ'ти»; а потом пушистики попросили «дымокко».

В лагерь тут же принялись называть репортеры. Они никако не интересовались пожаром: они хотели побеседовать с Маленьким Пушистиком и его новыми друзьями. Это было ужасно неприятно, но Грего настоял на том, чтобы удовлетворить просьбы корреспондентов: вот-вот должно было начать работу Конституционное собрание, и Друзья пушистиков нуждались в положительных откликах прессы. Только к ужину, когда распространение пожара было уже остановлено по всему периметру, их наконец оставили в покое.

Все пушистики растянулись на полу на двух матрасах, кроме Маленького Пушистика, который хотел посидеть с Папой Джеком. Понадобилось очень много времени, чтобы рассказать обо всем, что случилось с ним с тех пор, как он свалился в Желтую реку. Другим пушистикам он, очевидно, все уже рассказал, потому что они то и дело перебивали его, чтобы напомнить ему какие-то подробности. Когда он дошел до того, как встретился с Мудрым и его стаей — Мудрым звали пушистика со свистком и перевязанной головой, — все заговорили разом. Гарри Стифер и Хозе Дурранте почти ничего не поняли, потому что не разбирали речи пушистиков. И все же удивительно, как хорошо эти новички научились понижать голос до пределов слышимости за то время, что они провели с Маленьким Пушистиком!

Наконец Маленький Пушистик принялся рассказывать о том, как они пытались спастись от верхового огня на утесе и путь им преградила глубокая расселина.

— Мы дошли туда, перейти нельзя, уже думали, что все сделаемся мертвыми, — рассказывал Маленький Пушистик. — Потом я вспомнил, что говорил Папа Джек: огонь делает жар, жар всегда поднимается вверх. Мы пошли вниз, жар не достал нас. Потом прилетел Папа Джек.

Такая сообразительность заслуживала похвалы. Маленький Пушистик принял похвалу с достоинством, как должное, но все же с надлежащей скромностью.

— Папа Джек тоже умный. Если бы он не стрелял из большого ружья, мы не услышали бы и не свистели в свисток.

Ну еще бы, черт побери! Не мог же он оставить эту несчастную скотину умирать в огне! Джек спросил, откуда Мудрый и

его стая вообще узнали о Больших. И оказалось, что это та самая компания, на которую они с Гердом наткнулись на севере, когда охотились на гарпий. Пушистики рассказали, как они испугались шум-грома и как потом вернулись и нашли стреляные гильзы. Тут одна из самочек что-то вспомнила.

— Друг Больших! — воскликнула она. — Ты нес блестячки? Ты их не потерял?

Маленький Пушистик расстегнул свою сумку и достал оттуда три стреляные гильзы. Самка подошла и взяла их. Но тут Маленький Пушистик нашел в сумке что-то еще.

— Ой, а я и забыл! — воскликнул он. — Блестящий камешек! Я нашел его в маленькой течь-воде там, где мы строили плот.

И вытащил из сумки здоровенный солнечник, карат на двадцать, если не на двадцать пять. Он потер его, так что камень засветился.

— Глядите, какой красивый!

Грего спустил Алмаза на пол и подошел посмотреть. Алмаз тоже. И Стифер с Дурранте поднялись со стульев.

— Где ты его взял, Маленький Пушистик? — спросил Грего.

Стифер с Дурранте только чертыхнулись. Не надо бы людям ругаться в присутствии пушистиков: Маленький Пушистик уже и так божится не хуже портового грузчика.

— Вверх по течь-воде, которая впадает в озеро, у которого мы строили плот.

— Ты уверен, что не принес его отсюда, из Желтых Песков?

— Я говорю, где я нашел. Я не говорю то, чего нет.

Да, на это можно положиться. Пушистики не говорят того, чего нет. Ч-черт!

— Господи! Вы знаете, что будет, если об этом станет известно? — сказал Грего. — Всякий кхугхрин сын и его братец, который сумеет достать автолет, ринутся туда! Мы можем не допускать их в Желтые Пески, но там местность слишком открытая. Чтобы ее охранять, понадобится целая армия.

— А почему бы вам не заняться разработкой того месторождения самим?

Грего разбушевался не хуже лесного пожара:

— Да потому, что новые месторождения нам нужны как пуля в затылок! Если срок лицензии будет продлен, мы сократим добычу до двадцати процентов нынешнего объема! Вы что, хотите сбить цены? Да если так дальше пойдет, солнечники будут стоить не дороже тех пайков, что выдают пушистикам!

Да, это верно. Такое уже бывало с алмазами на Земле — давно, еще в доатомную эру.

— Маленький Пушистик, — сказал Джек, — ты нашел блестящий камешек, как ты и говоришь. Он твой.

— Господи, Джек! — взвыл Гарри Стифер. — Да ведь этот камень стоит черт-те сколько!

— Ну и что? Маленький Пушистик его нашел, значит, он его. Теперь слушай, малыш. Ты его храни, не теряй, никому не отдавай. Чтобы с ним ничего не случилось. Понял?

— Да, конечно. Он красивый. Я всегда хотел блестящий камешек.

— Не показывай его людям, которых не знаешь. Может увидеть плохой Большой, захочет отобрать. Если кто-то спросит, где ты его взял, говори: ты нашел его здесь, в Желтых Песках, Папа Вик дал его тебе.

— Но я нашел его не здесь! Я нашел в твердом камне, в маленькой течь-воде...

— Знаю, знаю! — вот на чем всегда спотыкались Лесли Кумбс и Эрнст Маллин. — Это то, чего нет. Но ты можешь сказать так.

Маленький Пушистик выглядел озадаченным. Потом рассмеялся:

— Конечно! Можно сказать то, чего нет! Мудрый однажды сказал то, чего нет! Сказал, будто видел чайтову скотину, а скотины не было. Он сказал остальным, остальные думали, что скотина есть.

— Чего-чего? — Виктор Грего уставился сперва на Маленького Пушистика, потом на пущистика со свистком и замотанной головой. — Мудрый, расскажи!

Мудрый пожал плечами. Этот жест сделал бы честь любому древнему французу с Земли.

— Однажды другие хотели остаться на месте. А я хотел идти вперед, искать Место Больших, дружить с Большие. Остальные не хотели. Они боялись, хотели оставаться всегда в одном месте. Я сказал им, что пришел большой скотина, гнался за мной, гнался за Пыряло, хочет всех съесть. Они все испугались. Все вскочили, побежали на гору, на другую сторону. Забыли про место, где хотели остаться, пошли на левую руку солнца — на юг, — как я хотел.

Одна из самок взвыла не хуже маленькой полицейской сирены — впрочем, не такой уж и маленькой. На Викторе были ультразвуковые наушники — так он чуть не оглох.

— Ты говорил, ты видел хеш-назза, хеш-назза придет и всех съест, а хеш-назза не было, да? — она кипела от ужаса и негодования. — Ты заставил нас бежать из хорошего места, бросить вкусные вещи...

— Господи-сусе-сукисын! — прикрикнул на нее Мудрый. И всего-то неделю пообщался с Маленьким Пушистиком, а теперь только послушайте! — Ты думаешь, это место не хорошее? Если бы мы остались, где ты хотела — мы никогда не увидели бы такого хорошего места! Ты говоришь о вкусной еде — ты думаешь, мы нашли бы пиэ'ты там, где ты хотела остаться? Ты думаешь, мы нашли бы дымокко? Ты думаешь, мы нашли бы Больших, стали с ними друзья? Шойт побеи, ты говоришь как большая дура!

— Ты хочешь сказать, что сказал этим пущистикам, будто видел чертову скотину, когда на самом деле этого не было? — вмешался изумленный Грего. — Аллилуйя, аллилуйя, слава несвятому Вельзевулу! Поболтай пока с малышами, Джек, а я схожу позовню Лесли Кумбсу!

Глава 24

Хьюго Ингерманн смотрел на большой экран над пустой скамьей, на котором, словно в зеркале, отражался зал суда, постепенно заполняющийся зрителями. Зал был набит битком, даже балконы. Что ж, тем лучше!

Хьюго убеждал себя, что беспокоиться ему не о чем. Как бы ни повернулось дело, он в безопасности. Если ему удастся снять со своих подзащитных обвинение в совращении и порабощении — с воровством и кражей со взломом уже ничего не поделаешь, тут даже Блэкстон, Дэниэл Уэбстер и Кларенс Дарроу ничего сделать не смогут, — дело в шляпе. Нет, конечно, он тотчас же превратится в изгоя и отщепенца, тем более теперь, после всей этой шумихи вокруг Маленького Пущистика и его спасения, но это недолго. Это не отменит того факта, что ему удалось сотворить своего рода шедевр адвокатского дела. Так что клиент к нему валом повалит. «Нет, он, конечно, растреклятый сын кхугхра, но адвокат он толковый, этого у него не отнимешь». А люди забывчивы. Хьюго Ингерманн хорошо знал людей. Это вернет многих сторонников его Партии благосостояния планеты, которые отшатнулись от него после того, как он вляпался в это дело с хищением камней. А через несколько месяцев сюда хлынет поток иммигрантов, жаждущих обогатиться тем, что потеряла ЛКЗ. И когда они обнаружит, что поживиться нечем, они уж точно не обрадуются. И когда эти люди узнают, что он осмелился в одиночку бросить вызов Бену Рейнсфорду и Виктору Грего, они встанут на его сторону. А через год они уже будут полноправными избирателями.

Ну а если дело провалится, путь к отступлению открыт. Ингерманн мысленно поздравил себя с тонким расчетом, сделавшим это возможным. Хотя, конечно, прибегать к такому очень не хочется. Но уж если он проиграет...

И все же Ингерманн нервничал и чувствовал себя напряженным. Может, стоило принять еще транквилизатора? Да нет, он и так жрет эти проклятые таблетки горстями. Хьюго принял перекладывать лежавшие перед ним на столе бумаги, затем сделал усилие и заставил себя сидеть спокойно. Не надо, чтобы кто-то видел, как он дергается.

Движение впереди, слева от скамьи; отворилась дверь, присяжные вошли и заняли свои места. Вот дюжина недоумков — коэффициент умственного развития 250 на всех! Хьюго стоял насмерть, добиваясь того, чтобы среди присяжных не было ни одного человека, у которого хватит мозгов вытряхнуть песок из

сапога, даже если на каблуке будет подробная инструкция. Он посмотрел на стол напротив, за которым сидел Гас Браннард, теребя левой рукой бакенбарды и с улыбкой глядя в потолок. Интересно, знает ли Браннард, зачем он, Хьюго, четыре дня тянул с избранием присяжных?

Отворилась другая дверь, и в зал вступил Фейн, главный судебный исполнитель колонии, предшествуемый своим внушительным брюхом, а за ним — Лео Такстер, Конрад и Роза Ивинсы, Фил Новис и двое добровольцев в униформе. Один из них воинственно поигрывал своим пистолетом. Костюмы подбирал сам Ингерманн лично. Такстер, в светло-сером, выглядел настоящим столпом общества — лишь бы только он молчал. Конрад Ивинс — в черном, с темно-синим галстуком. Роза Ивинс — тоже в черном, лишь слегка оттененном голубым. Фил Новис — в темно-сером: толковый, но ультраконсервативный джентльмен. И кто посмеет предположить, что столь почтенные люди могут быть совратителями и рабовладельцами? Хьюго усадил их за стол рядом с собой. Такстер угрюмо уставился на присяжных.

— Улыбайся, ты, тупая горилла! — прошипел Хьюго. — Эти люди держат револьвер у твоего затылка! Ты стараешься сделать так, чтобы им захотелось нажать на спуск?

И он лучезарно улыбнулся Такстеру. Такстер набычился еще сильнее, потом попытался улыбнуться в ответ. Вышло не очень убедительно. Его лицо не было приспособлено для лучезарных улыбок.

— Твоей башке тоже не поздоровится! — прошептал он в ответ.

Еще бы! Хьюго от души жалел, что ввязался во все это. Надо было сразу послать все это подальше! Но...

— Когда начнется? — спросила Роза Ивинс.

— Уже скоро. Вам прикажут встать и зачитают обвинения. Вас будут проверять на детекторе лжи. Запомните: вы должны назвать только свое имя, адрес, гражданство и расу (гражданин Федерации, человек-землянин). Если спросят о чем-то еще — отказывайтесь отвечать. Когда спросят, что вы имеете сказать по поводу обвинений, отвечайте: «Невиновен». Это будет значить, что вы просите суд признать вас невиновным. Вас не будут спрашивать, совершили ли вы то, в чем вас обвиняют. Таким образом, заявление «невиновен» будет истинным.

Он повторил все это еще раз. Надо было вклюить им это в головы как можно крепче. В это время позади раздался шум. Хьюго посмотрел на экран и увидел спускающуюся в зал пропцессию. Впереди шли Лесли Кумбс и Виктор Грего. Господи, хоть бы Грего подвергли допросу! Уж Хьюго-то сумеет его подловить! За ними шли Джек Холлоэй, Герд и Рут ван Рибеки, Джордж Лант в форме, Панчо Айбара в штатском, Ахмед Хадра и Сандра Гленн — нет, теперь уже Ахмед и Сандра Хадра, — Фиц Мортлейк, Эрнст Маллин... короче, вся их проклятая шайка. Вот

бы туда гранату! И шесть пущистиков. На одном была желтая заплечная сумка, под цвет шерсти, на остальных — холщовые сумки с эмблемой полиции Компании и маленькие полицейские щиты, подвешенные на ремнях через плечо. Не успели они занять свои места, как распорядитель провозгласил:

— Встать, суд идет!

Вошел Ив Джанивер, седой и черноусый. Должно быть, красит усы по три раза на дню! Ну и идиотский же у него вид!

Джанивер поклонился камере и всем жителям Заратушты, которых не было в этом зале, и сел. С формальностями было покончено быстро. Джанивер стукнул своим молоточком.

— Поскольку присяжные были избраны с обоюдного согласия защиты и обвинения — ведь присяжные вас устраивают, не так ли, джентльмены? — мы предъявим обвинение подсудимым.

Секретарь встал и вызвал Лео Такстера. Такстер сел в свидетельское кресло и надел на голову шлем детектора.

Шар был небесно-голубого цвета; таким он и остался все время, даже не мигнув на «невиновен». Такстер был воробей стреляный: он впервые имел дело с этой техникой лет в десять, когда его судили по обвинению в краже. Когда отвечала Роза Ивинс, голубой цвет слегка замутился; на ее супруге в шаре несколько раз вспыхнули алые искры: похоже, он пытался угадать какую-то правду, говорить о которой его никто не просил. Пущистики все сидели на краю стола на противоположном конце зала, куря маленькие, с папироску, сигары и тихо попискивая — видимо, обсуждали происходящее на своем ультразвуковом языке. Пущистикам разрешалось курить в зале суда — это был старый, еще четырехмесячной давности, обычай. В кресло сел Фил Новис. От его ответов шар сделался грязно-лиловым. Когда Филу задали традиционный вопрос, что он может сказать по поводу предъявленного обвинения, шар полыхнул алым, точно сигнал тревоги. «Невиновен», — ответил Фил.

— За каким чертом вы это сказали? — прошипел Ингерманн, когда Новис вернулся на место. Зал хохотал.

— Алмаз! Регистрационный номер туземца — двадцать.

Пущистики о чем-то заспорили. Пущистик с пластиковой заплечной сумкой спрыгнул со стола, подбежал к креслу и забрался в него. Шлем, рассчитанный на человека, отложили в сторону и надели на пущистика маленький. Как только шлем коснулся головы Алмаза, Ингерманн вскочил на ноги:

— Ваша честь, я протестую!

— Против чего, господин Ингерманн?

— Ваша честь, этого пущистика намереваются проверять детектором лжи. А между тем научными исследованиями установлено, что полизэнцефалографический детектор лжи не распознает ложные и истинные утверждения, сделанные представителями этой расы.

Нет, так нельзя. Присяжные не поймут.

— Детектор лжи с пущистиками не работает! — добавил Ингерманн специально для них.

— Я прошу простить мое крайнее невежество, мистер Ингерманн, но суду эти исследования неизвестны.

— Но ведь это любой дурак знает, ваша честь! — заявил Хьюго, забыв о вежливости. Бесполезно пытаться завоевать расположение суда — суд заранее настроен против них. Быть может, удастся заставить Джанивера сказать что-то, к чему можно будет прицепиться. — В частности, лучше всех это знает признанный специалист в области исследования психологии пущистиков, доктор Эрнст Маллин.

— Мне кажется, доктор Маллин здесь, — заметил Джанивер. — Доктор Маллин, действительно ли это так?

— Протестую! Доктор Маллин должен быть подвергнут допросу под детектором!

Маллин поморщился. Он терпеть не мог допросов в суде — оно и неудивительно, если вспомнить, что ему пришлось пережить во время процесса «Народ против Келлога и Холлоуэя».

— Будь-ты-тижды-пъёклят, что вы хотите от меня? — спросил пущистик, сидевший в кресле.

Никто не обратил на него внимания. Джанивер сказал:

— Не вижу причины, почему доктор Маллин должен отвечать на такой простой вопрос под детектором. Ведь никто не просит его давать свидетельские показания.

— Сейчас еще никто не может давать свидетельские показания, ваша честь, — вмешался Лесли Кумбс. — Не все обвиняемые допрошены.

— Что вы пытаетесь сделать, Ингерманн? — спросил Браннард. — Повернуть суд в другую сторону?

— Вовсе нет! — Ингерманн изобразил благородное негодование. Вот этого он не предусмотрел; а надо было. Но теперь уже поздно. — Если досточтимый суд желает развеять то, что он называет своим крайним невежеством, и спросить специалистов...

— Доктор Маллин! Правда ли, что, как утверждает ученый представитель защиты, наукой установлено, что пущистиков нельзя допрашивать под детектором?

— Это не совсем так, — усмехнулся Маллин с видом собственного превосходства. — Сведения мистера Ингерманна являются не более чем юридическим фольклором. Пущистики, будучи разумными существами, обладают такой же нервной системой, как и, к примеру, люди-земляне. Когда они пытаются умолчать об истинном факте и заменить правдивое сообщение ложным, это сопровождается такими же электромагнитными колебаниями, как и у людей.

И что из всего этого могли понять двенадцать остоолов-присяжных?

— Ваша честь, доктор Маллин дает показания как эксперт и как таковой должен пройти испытание!

— Мистер Ингерманн, доктор Маллин давно уже прошел такое испытание в нашем суде и признан сведущим экспертом.

— Ваша честь! Должно быть, мистера Ингерманна все это занимает, но лично меня — нисколько, — вмешался Лесли Кумбс. — Давайте завершим предъявление обвинений и продолжим разбирательство.

— Подвергать кого-либо допросу под детектором в том случае, если детектор не был проверен должным образом, является незаконным!

— Данный детектор проверен, — сказал Гас Браннард. — Он загорелся красным, когда ваш подзащитный, Фил Новис, сказал, что он невиновен.

Зал разразился хохотом. Люди хохотали от души. Даже кое-кто из присяжных присоединился к общему веселью. Когда смех поутих, Джанивер постучал молоточком:

— Джентльмены! Я припоминаю старинный закон, бывший в ходу на Земле в первом веке доатомной эры, который гласит, что, если две самодвижущиеся наземные повозки близки к столкновению, обе должны остановиться и ни одна не может двигаться с места, пока не тронется другая. Мне кажется, мистер Ингерманн пытается сейчас создать подобную ситуацию. Он хочет доказать, что обвиняемых нельзя допрашивать, пока доктор Маллин не засвидетельствует, что их можно допрашивать, а доктор Маллин не может этого засвидетельствовать, пока их не допросят. А к тому времени подзащитные мистера Ингерманна умрут от старости. Поэтому я приказываю допросить свидетеля, который сейчас находится в кресле, а также прочих подсудимых-пушистиков, основываясь на предположении, что детектор, реагирующий на человека, будет действовать и для пушистика.

— Протестую!

— Протест принят к сведению. Продолжайте допрос.

— Я предупреждаю суд, что не соглашусь считать это прецедентом, достаточным для того, чтобы позволить этим пушисткам давать показания против моих подзащитных!

— Это также принято к сведению. Продолжайте, господин секретарь.

— Как твое имя? — спросил секретарь. — Как тебя называют Большие?

— Алмаз.

Голубой шар у него над головой сделался кроваво-красным. Красным! О Господи, только не это!

— Вы ведь говорили, что детектор лжи на них не действует, что красный свет от пушистиков не загорается... — бормотал Ивинс, а Такстер сказал попросту:

— Ах ты, двурушник поганый!

— Заткнитесь, вы оба!

— Как, Папа Лесси? — спросил пушистик, которого на самом деле звали вовсе не Алмазом. — Я сделал, как ты сказал?

— Кто твой Папа? — спросил секретарь.

Пушистик немножко подумал и сказал:

— Папа Джек.

Шар вспыхнул красным.

— Папа Вик, — поправился пушистик, и шар снова сделался голубым.

— Очень хорошо. Ты хороший пушистик, — сказал Лесли Кумбс. — А теперь скажи, как твое имя на самом деле.

— Тоши-Соско, — ответил пушистик. — На языке Больших — Мудрый.

Эти проклятые пушистики, которых вытащили из лесного пожара! Он один из них! Детектор оставался голубым.

— М-да, — сказала Роза Ивинс. — Похоже, вы провалились, мистер Ингерманн.

Следующий пушистик, вызванный под именем Аллана Пинкертоном, тоже зажег впечатляющий красный свет, а потом признался, что его на самом деле зовут Пыряло. «Подходящее имя: пырнули так пырнули!» — подумал Ингерманн.

— Ну как, мистер Ингерманн? Вы по-прежнему утверждаете, что пушистиков нельзя допрашивать под детектором, или проведенная демонстрация вас удовлетворила? — осведомился Джанивер. — Если так, то, пожалуй, стоит приступить к допросу настоящих обвиняемых.

— Н-ну... разумеется, ваша честь! — А что он еще мог сказать, черт побери? — Я должен признаться, что заблуждался. Разумеется, давайте допросим настоящих обвиняемых, а после этого я просил бы отложить заседание до 9.00 понедельника. — Тогда впереди у него будут суббота и воскресенье... — Мне нужно побеседовать с моими подзащитными и изменить весь план защиты...

— Он хочет сказать, ваша честь, что теперь пушистикам, похоже, разрешат сказать правду, и он не знает, что с этим делать, — пояснил Браннард.

— Ты что, слинуть надумал? — осведомился Такстер. — Я тебе не советую...

— Нет-нет! Не беспокойтесь, Лео! Это все подстроено. Я не знаю, как им такое удалось, но все это воняет, как Ниффльхейм, и к понедельнику я сумею это доказать. Главное, держитесь! Все будет в порядке, если сумеете держать язык за зубами.

Ингерманн взглянул на часы. Ему не следовало этого делать: не надо, чтобы кто-то знал, как долго для него время.

— Ну что ж, — сказал Джанивер, — сейчас 15.00, а завтра суббота, и заседания все равно не будет. Хорошо, мистер Ингерманн. Я не вижу причин отказать вам в вашей просьбе.

Глава 25

Ив Джанивер смотрел, как люди усаживаются на скамьи. Интересно, сколько из них знают? В прессу сведения не просочились, но у молвы ведь тысяча языков, так что, должно быть, все

уже в курсе. Все, кто был за барьером, кроме шестерых пушистиков, видимо, знали, и по крайней мере половина тех, кто сидел на местах для зрителей, тоже. Справа от него Виктор Грего, Лесли Кумбс, Джек Холлоуэй и другие утихомиривали пушистиков. Они точно знали. И Гас Браннард, сидящий со своими помощниками за столом обвинения: он только что не мурлыкал. За столом слева перешептывались Лео Такстер, Конрад и Роза Ивинсы и Фил Новис. Они то и дело оглядывались назад. Разумеется, они тоже знали. Джаниверу было известно, с какой скоростью распространяются слухи в тюрьме. Они, вероятно, знали все лучше кого бы то ни было. И, возможно, четверть из того, что они знали, даже было правдой.

Распорядитель закончил выкл书记ать имена всех людей и пушистиков, которым было предъявлено обвинение от имени народа Заратушты. Джанивер сосчитал до десяти, потом стукнул молоточком.

— Все готовы? — спросил он.

Гас Браннард встал:

— Обвинение готово, ваша честь.

Когда он сел, вскочил Лесли Кумбс:

— Защита Алмаза, Аллана Пинкертонса, Арсена Люпена, Шерлока Холмса, Ирен Адлер и Маты Хари тоже готова!

Ну и имена приходится слышать в этом суде! В один прекрасный день не пришлось бы ему судить за убийство Махатму Ганди и Альберта Швейцера!

Четверо обвиняемых слева от него горячо спорили. Наконец Конрад Ивинс, подталкиваемый своей женой, встал и прокашлялся.

— Извините, ваша честь, — сказал он. — Наш адвокат, похоже, задерживается. Если суду будет угодно немножко подождать... Я уверен, что через несколько минут мистер Ингерманн будет здесь.

Господи помилуй! Они не знали! Что это случилось с тюремным телеграфом? Гас Браннард снова поднялся.

— Ваша честь, я боюсь, что нам придется ждать не несколько минут, а значительно дольше, — сказал он. — Вчера вечером мне стало известно, что, когда в 14.30 с Дария стартовал корабль «Город Конкрук», следующий по маршруту Терра—Бальдр—Мардук, на его борту в качестве пассажира находился мистер Хьюго Ингерманн, приобретший билет до Капштадского космопорта на Земле. Ближайшее место, где его можно перехватить в пути, — Новый Бирмингем на Велунде. Сейчас корабль находится в гиперпространстве, так что в данном пространственно-временном континууме Хьюго Ингерманна нигде нет в буквальном смысле слова.

Раздался странный, но давно знакомый Джаниверу звук, которым всегда сопровождаются какие-либо удивительные сообщения в зале суда, отчасти напоминающий шипение шлюза, в

который врывается воздух под давлением. Оказывается, об этом ничего не слышали значительно больше людей, чем он думал. Раздались смешки — и не все они слышались со стороны защитников пущистиков.

Ивинс и прочие обвиняемые поначалу не издали ни звука. Потом Ивинс вздрогнул. Однажды на Иштар Джанивер случилось быть свидетелем убийства на дуэли. Когда в того человека попала пуля, он точно так же содрогнулся всем телом. Роза Ивинс, которая не вставала, просто закрыла глаза и обмякла в кресле, уронив руки на стол перед собой. Фил Новис забормотал: «Не верю! Это ложь! Он не мог этого сделать!» Лео Такстер вскочил и принял ся пытать ругательствами.

— Вы хотите сказать, что мы лишились адвоката? — спросил Ивинс.

— Это точно, мистер Браннард? — спросил Джанивер (для протокола).

Браннард кивнул с серьезным видом, хотя серьезность его была малость преувеличенной.

— Абсолютно точно, ваша честь. Мне сообщил об этом присутствующий здесь мистер Грего, а ему об этом сообщили с Дария. Я видел копию списка пассажиров с именем мистера Ингерманна. Он путешествует в классе люкс.

— Неплохо устроился, сукин сын, за наши-то денежки! — взревел Такстер. — Знаете, сколько он с собой упер? Солнечники на двести пятьдесят тысяч солов!

Зал снова ахнул от изумления. На этот раз ахнули даже защитники пущистиков. Грего щелкнул пальцами и сказал вслух:

— Господи, так вот в чем дело! Вот куда они подевались!

Судья громко постучал молотком, призывая к порядку; распорядитель подхватил возглас судьи, и скоро шум в зале утих.

— Вам придется повторить это заявление под детектором, мистер Такстер, — сказал Джанивер.

— Не беспокойтесь, повторю, — буркнул Такстер. — То, что мы расскажем об этом улюдке...

— Мы все же хотим знать, — вмешался Ивинс, — что будет с нами? Мы имеем законное право на адвоката...

— Адвокат у вас был. Надо было выбирать лучше. А теперь сядьте, господа, и успокойтесь. Суд не забудет о ваших законных правах. Вам назначат защитника.

Вот только кого, черт побери? У этой шайки нет денег на адвоката; стало быть, оплачивать издержки придется колонии. И адвокат должен быть хороший, с солидной репутацией. Сам Джанивер был убежден в виновности всех четверых. А это означает, что ему следует отклониться в другую сторону, чтобы суд, который приговорит их к расстрелу, был беспристрастным.

— Ваша честь, — поднялся на ноги Лесли Кумбс, — я прошу снять обвинение с моих подзащитных, — и он перечислил их имена. — Обвинение против них основано на жалобах, поданных

Хьюго Ингерманном, который после этого скрылся с планеты. Очевидно, эти жалобы были поданы лишь с целью опровергнуть обвинения против его подзащитных.

— Просьба удовлетворена; эти шесть пущистиков с самого начала не должны были быть привлечены к суду.

Джанивер повторил это еще раз, в должных терминах, и шестеро пущистиков были освобождены из-под стражи.

— Поскольку оставшиеся обвиняемые имеют право на юридическую помощь и защиту, которой лишило их бегство адвоката, разбор данного дела будет продолжен в следующий понедельник. К этому времени суд назначит им нового защитника, которому будет предоставлена возможность ознакомиться с делом и встретиться с обвиняемыми. Судебный исполнитель Фейн, не будете ли вы так любезны отвести обвиняемых обратно в тюрьму? А мы займемся следующим делом, стоящим на повестке дня.

Правительство — это выборный народный демократический орган (по крайней мере, так написано в конституции Федерации), а лимитированная компания «Заратуштра» — диктатура. Разница состоит в том, что, когда диктатор хочет уединиться, он может это сделать. Поэтому, хотя ужинать им пришлось в Доме Правительства, коктейль они пили в офисе Грего в здании Компании. Пущистики веселились в своем клубе, развлекая Мудрого и его стаю. У тех голова шла кругом от всего, что они видели, но все же новички были совершенно счастливы.

Грего с Кумбсом пили коктейли. Гас, разумеется, налил себе виски в большой стакан и поставил рядом бутылку, чтобы восполнить утечку. Бен Рейнсфорд налил себе виски с содовой, очень слабого. Джек тоже налил виски с содовой, но чуть покрепче. Он отставил его в сторону, чтобы набить трубку, да так больше и не взялся за него. Он собирался растянуть этот стакан на весь вечер.

— Ничего себе, заплатили мы отступного! — говорил Кумбс. — Все-таки двести пятьдесят тысяч солов — немного дороговато за то, чтобы избавиться от Хьюго Ингерманна.

— Ничего, оно того стоило, — возразил Грего. — Если бы он остался тут, он обошелся бы нам в пару миллионов. И вообще, если цена вас не устраивает, постарайтесь ее сбить!

— Ну, я, конечно, могу конфисковать по суду все имущество, которое от него осталось, но это не так уж много. Единственное благо: к нам перейдет земельная собственность в Северном Мэллори-порте. Теперь нам нечего бояться, что какая-нибудь «Пан-Федерация» или «Терра-Один» завладеют этой землей и устроят там космопорт, который будет конкурировать с «Терра-Бальдр-Мардук» на Дарии.

— Что мне хотелось бы знать, — начал Бен Рейнсфорд, хмуясь на свое виски, — так это каким образом Ингерманну удалось

заполучить эти камни. Я вообще не понимаю, как они оказались за пределами этого здания.

— Ну, это-то просто! — сказал Гас Браннард. — Мы все это сегодня вытянули из Ивинса с Такстером. Пушистики их вовсе не выносили из подвала. Это Ивинс вынес их в карманах за пару дней до того. Он положил их в камеру хранения в космопорту, а ключ отправил по почте до востребования на кодовый адрес. Он сообщил код Ингерманну после того, как их арестовали. Ингерманн взял камни в качестве платы за услуги. Это позволяло предъявить ему обвинение в соучастии и хранении краденого. Видимо, Ивинсы и Такстер рассчитывали таким образом связать ему руки. А видите, что получилось!

— Но разве его не поймают?

— Гм... Мы, конечно, послали ему вслед ордер на арест, но вы ведь знаете, как медленно действует межзвездное сообщение. А он скорее всего, приземлившись на Земле, тотчас сядет на другой корабль, летящий куда-нибудь еще. С Земли каждый день стартуют штук двадцать кораблей во все концы Галактики. Он спрячется на какой-нибудь планете вроде Шипетотека, Фенриса, Итаволля или Лугалуру, ляжет на дно, и никто его вовек не сыщет. Да и кому он нужен?

— Ну а что будет с Такстером, Ивинсами и Новисом? — поинтересовался Бен Рейнсфорд. — Вот что мне хотелось бы знать. Они-то ведь от нас не сбегут.

— Не сбегут! — заверил его Гас Браннард. — Джанивер назначил им в защитники Дугласа Тойоши; и мы с Дугом и Джанивером собрались и заключили такую сделку. Они признают себя виновными в краже солнечников и будут приговорены к заключению, от десяти до двадцати лет. После этого им предъявят обвинение в совращении и порабощении. Их, несомненно, признают виновными.

— И в совращении тоже?

— И в совращении тоже. Тойоши согласится принять положение Пендарвиса о приравнивании пушистиков к детям. Хотя это не так уж важно: все Решения Пендарвиса, в том числе и это, войдут в конституцию. По обвинению в порабощении и совращении они будут приговорены к расстрелу, за каждое в отдельности, по два приговора на брата. Но приведение приговора в исполнение будет отложено до тех пор, пока не кончится срок их тюремного заключения, а к тому времени смертный приговор будет подлежать пересмотру.

Кумбс рассмеялся.

— Я не думаю, что во время заключения они станут тревожить суд просьбами выпустить их на поруки! — заметил он.

— Я тоже. А через двадцать лет вряд ли суд примет решение расстрелять их. Так что они получат то самое, за что заплатили Ингерманну.

Не-ет, это большая разница! Они будут осуждены и понесут наказание, а это именно то, чего добивался Джек: показать, что закон защищает пущистиков так же, как и всех прочих людей. Он сказал об этом, допил свой стакан и задумался, не налить ли еще. Грего что-то сказал насчет Ингерманна, и Рейнсфорд рассмеялся.

— Мудрый и его ребята совершили еще один подвиг! Они выжили его с Заратуштры! — Он снова рассмеялся. — Представляете: Ингерманн, затравленный стаей пущистиков!

— Да, а что будет с ними? Не могут же они до конца жизни оставаться профессиональными героями!

— Им и не придется, — сказал Кумбс. — Я взял всех восьмерых к себе.

— Как?!

Адвокат Компании кивнул:

— Правда. Я оформил опекунство в прошлую субботу. Так что теперь я Папа Лесси. У меня и справка есть.

Он допил свой коктейль.

— Вы знаете, только когда я привел всю эту шайку к себе домой, я понял, чего мне всю жизнь не хватало.

Он оглядел своих друзей — Папу Вика, Папу Джека, Папу Бена, Папу Гаса.

— Ну, вы же понимаете, о чем я!

— Но ведь после всеобщих выборов ты улетаешь на Землю! Тебя не будет два года! Кто же станет заботиться о них все это время?

— Я и стану. Я возьму свое семейство с собой, — сказал Кумбс.

Мысль о том, что пущистиков можно вывозить с Заратуштры, Джеку никогда в голову не приходила, и он машинально воспротивился ей.

— Да нет, Джек, все будет в порядке. Люди Хуана Хименеса говорили мне, что пущистики прекрасно приспособятся к земным условиям; им даже и приспосабливаться-то не придется. Там они будут так же здоровы, как и тут.

Ну, это действительно так. Условия на обеих планетах практически идентичные...

— И им там будет хорошо, Джек, — продолжал Кумбс. — Они хотят всего лишь быть вместе с Папой Лесси. Больше им ничего не надо. Видишь ли, меня никто никогда не любил так, как эти пущистики. А на Земле от них все будут просто без ума!

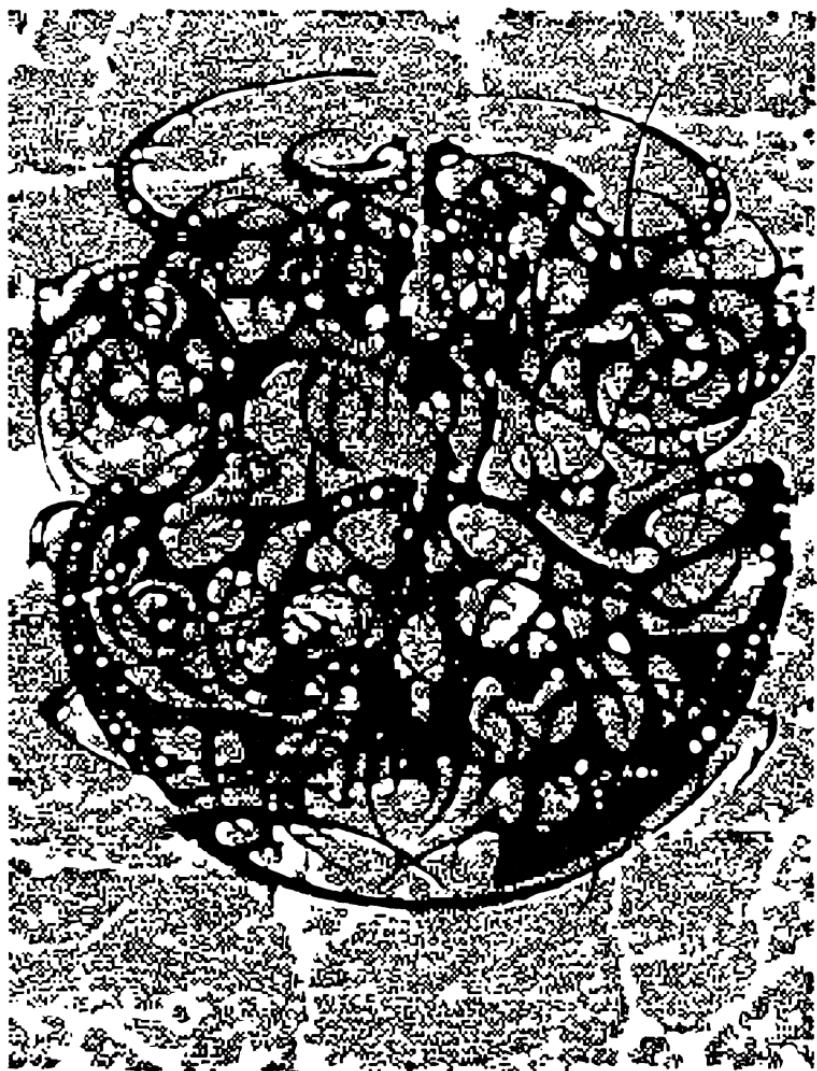
Да, это тоже правда. Вот что нужно пущистикам, куда больше, чем лопатки и рубила, и заплечные сумки, ружья, игрушки, и говорящие знаки Больших, и даже чем «пиз’ти». Им нужна любовь. Теперь Джек понимал, что именно нужда в любви и ласке привела к нему из леса Маленького Пущистика, а потом и всех остальных. И всех пущистиков в Хоксу-Митто больше всего радовало обещание Маленького Пущистика, что у каждого

пушистика будет свой Большой, который будет любить и заботиться о нем. Любовь нужна им больше воздуха и воды — точно так же, как и всем детям.

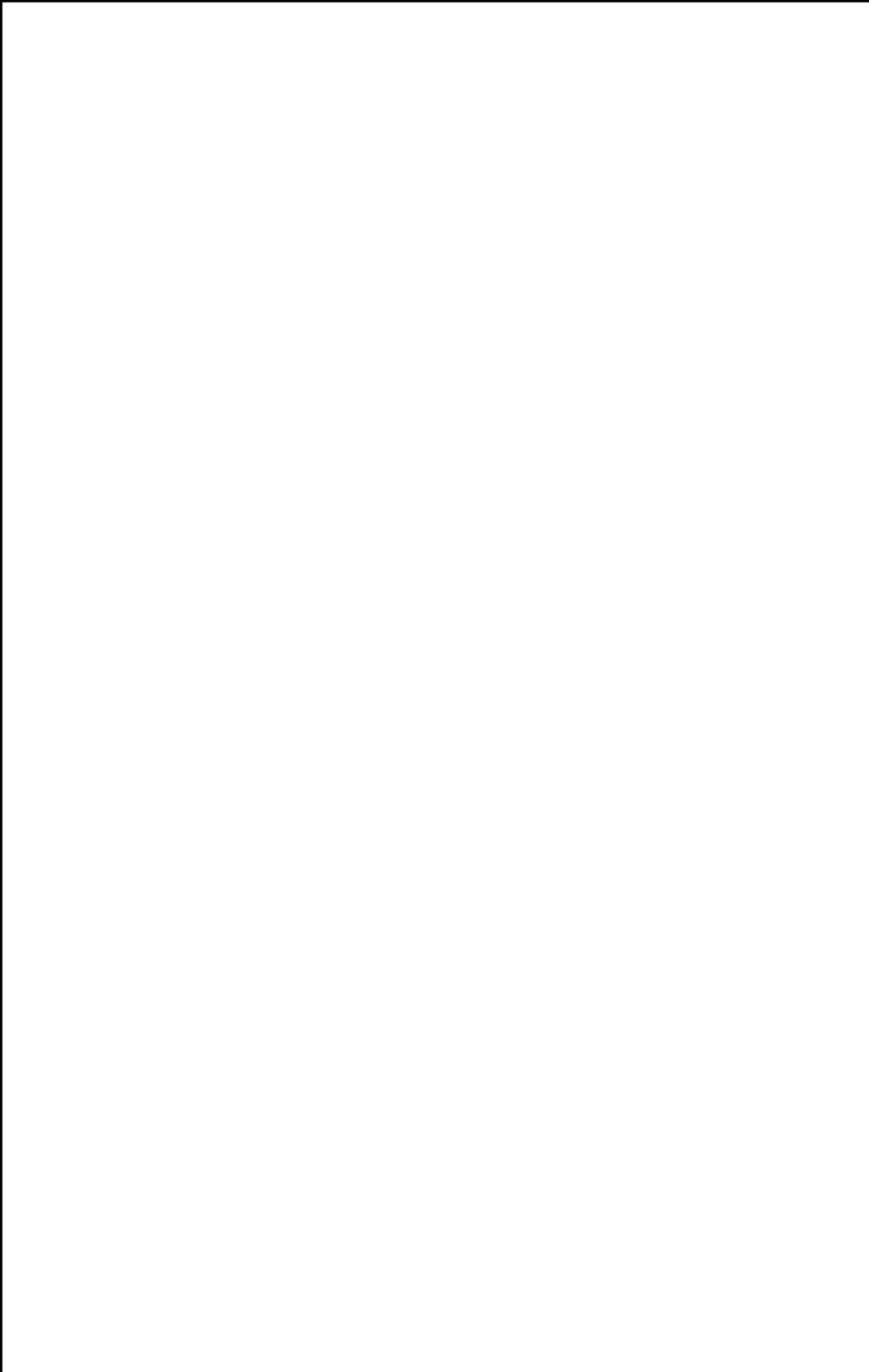
Ведь они и были детьми — вечными детьми. Нет, конечно, когда-нибудь в будущем эта раса достигнет зрелости. А вот эти чудные, веселые, любвеобильные пушистые детишки так никогда и не вырастут. Джек допил свой стакан и откинулся на спинку кресла, глядя на тающий лед на дне и чувствуя себя совершенно счастливым. Беспокоиться не о чем. Пушистики никогда не станут чем-то другим. Они навсегда останутся пушистиками: умными, энергичными детьми, которые любят охотиться, шуметь, делать вещи своими руками и узнавать что-то новое, и все же всегда нуждаются в заботе и ласке. Должно быть, он чувствовал это с самого начала: не зря же он научил Маленького Пушистика называть себя Папой Джеком!

Ну надо же! Восемь пушистиков отправятся с Папой Лесси в большое-большое путешествие! Сколько нового они увидят! И Папа Лесси будет им все показывать и рассказывать. А через несколько лет они все вернутся назад. Сколько чудесного они расскажут!

Джек отдал Грего свой стакан, чтобы тот налил ему еще виски с содовой, потом снова раскурил свою потухшую было трубку. Черт возьми, иногда ему самому хочется стать пушистиком!

КОСМИЧЕСКИЙ ВИКИНГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРАМ

Глава 1

Обнявшись, они стояли у парапета, и ее волосы щекотали юношу щеку. Позади шелестела под ветром пышная листва декоративных кустов, с нижней террасы доносились музыка и веселые голоса. Перед ними раскинулся город Уордхейвен — над зелеными кронами вздымались белые громады домов, отблескивали серебром аэромобили. Вдалеке таяли в предвечерней дымке лиловые горы, и огромное бағровое солнце висело в небе цвета спелого персика.

Милях в десяти к юго-западу что-то блеснуло, и юноша на мгновение недоуменно поднял брови. Потом нахмурился. Солнечный луч отразился от двухтысячевтового шара «Авантюры», нового звездолета герцога Энгуса, только что вернувшегося на верфи Горрамов после пробного полета. Но об этом ему думать сейчас не хотелось.

Он прижал к себе девушку и в который раз прошелтал ее имя:

— Элейн. — И, лаская каждый звук: — Госпожа Элейн Траск Трасконская.

— О нет, Лукас! — запротестовала она, наполовину в шутку, наполовину всерьез. — Дурной знак — называть невесту до свадьбы именем будущего мужа.

— Мисленно я называл тебя так с того герцогского бала, когда ты только вернулась домой из Экскалибурского университета.

— Я начала так себя называть тогда же, — призналась Элейн, покосившись на жениха.

— В западном крыле Нового поместья Траскон есть терраса, — сказал он. — Завтра мы будем ужинать там и вместе любоваться закатом.

— Знаю. Я так и подумала, что это будет наше закатное место.

— Ты подглядывала, — укорил ее Лукас. — Новое поместье должно было стать сюрпризом.

— Я всегда подглядывала, что мне будут дарить, на новый год, или на дни рождения. Но я его видела только с воздуха. Внутри я буду всему очень-очень удивляться, — пообещала она. — И очень радоваться.

А когда она увидит все и удивляться в Новом поместье Траскун будет нечему, они надолго отправятся на другие планеты. Об этом Лукас еще не утоминал. Проехаться по Клинковым мирам* — Экскалибур, конечно, и Морглес, и Фламберж, и Дюрандаль. Нет, на Дюрандаль не надо — там опять началась война. Но они хорошо повеселятся. И Элейн снова увидит синее небо и ночные звезды. Туманность скрывала от Грама звезды, и, вернувшись домой с Экскалибера, Элейн по ним очень скучала.

На мгновение тень аэромобиля упала на влюбленных; они обернулись как раз вовремя, чтобы заметить, как он с величественным достоинством опускается на посадочную площадку дома Карвалей. Лукас различил и герб — меч и атом, символы герцогского рода Уордов. Интересно, сам ли герцог Энгус прибыл или кто-то из подчиненных? Надо вернуться к гостям, решил Траск. Он прижал невесту к себе и поцеловал. Она откликнулась страстно — с тех пор как они целовались последний раз, прошло целых пять минут.

Прервало их чье-то легкое покашливание. У входа на террасу стоял Сезар Карваль, седой и тучный. Синий его камзол был увенчан орденами и наградами, и в тон ткани мерцал сапфир в рукояти церемониального кинжала.

— Я так и думал, что найду вас здесь, — улыбнулся отец Элейн. — Вместе вы сможете провести завтрашний день, и послезавтрашний, и все прочие, но сегодня, вынужден напомнить, у нас гости, и прибывают они с каждой минутой.

— Кто приехал от дома Уордов? — спросила Элейн.

— Ровард Грауффис. И Отто Харкаман; ты ведь с ним еще не встречался, Лукас?

— Лицно — нет. А хотел бы, прежде чем они улетят. — Против Харкамана он ничего не имел; ему было не по душе то, что тотнес с собою. — Герцог приедет?

— Разумеется. С ним прибудут Лионель Ньюхейвенский и лорд Северного Порта. Они сейчас во дворце. — Карваль поколебался и добавил: — Племянник его тоже в городе.

— Господи! — взволнованно воскликнула Элейн. — Надеюсь, он не...

— Что, Дуннан опять беспокоил Элейн? — сурово перебил ее Траск.

— Ничего серьезного. Приехал вчера, требовал встречи с ней. Но мы его смогли выставить без скандала.

— Если он завтра же не прекратит, этим придется заняться мне.

* В отличие от планет Старой Федерации, названия которых взяты из земных религий и мифологий, Клинковые миры носят имена легендарных мечей. Грам — меч Сигурда из саги о Нibelунгах, Экскалибур — меч короля Артура, Морглес и Фламберж — мечи рыцарей Карла Великого, Дюрандаль — меч Роланда. (Здесь и далее примеч. пер.)

Читай: его и Андрея Дуннана подчиненным. Лукас очень надеялся, что до личной встречи не дойдет. Ему вовсе не хотелось убивать герцогского родича, тем более безумца.

— Мне его так жаль, — проговорила Элейн. — Папа, тебе надо было впустить его. Может, я смогла бы убедить его.

— Дитя мое! — Сезар Карваль был шокирован. — Ты не можешь подвергать себя такому риску! Он же безумен! — Тут взгляд его упал на обнаженные плечи дочери. — Элейн, твоя шаль!

Девушка машинально попыталась натянуть ее на плечи, но остановилась в смущенном замешательстве. Улыбнувшись, Лукас снял шаль с куста, куда та упала после одного из поцелуев, и вновь накинул на плечи невесты. Руки его чуть задержались на нежной коже. Затем вслед за Сезаром Карвалем они вышли в аллею. В другом ее конце искрился фонтан, мраморная детвора плескалась в нефритовом бассейне. Еще один трофеи с планет Старой Федерации. В обстановке Нового поместья Траскон Лукас стремился подобных вещей избегать. Когда Отто Харкаман поднимет «Авантюру» в космос, таких трофеев на Граме прибавится.

— Мне надо будет иногда возвращаться сюда в гости, — прошептала Элейн. — Семья будет скучать.

— В новом доме ты найдешь много новых друзей, — шепотом пообещал Лукас. — Только обожди до завтра.

— Я хочу поговорить с герцогом насчет этого парня, — произнес Сезар Карваль, все еще думая о Дуннане. — Может, хоть он его успокоит.

— Вряд ли. Сомневаюсь, что герцог Энгус вообще может на него повлиять.

Мать Дуннана приходилась герцогу младшей сестрой; от отца он получил в наследство баронство, некогда процветавшее, а теперь заложенное до верхушки самой высокой причальной мачты. Герцог уже оплатил один раз все долги Дуннана и второй раз делать это отказался. Пару раз Дуннан выходил в космос — младшим офицером в торгово-грабительских рейсах в Старую Федерацию — и считался неплохим астрогатором. Но он почему-то ожидал, что дядя назначит его командиром «Авантюры». Так и не дождавшись, он набрал отряд наемников и теперь искал, к кому бы наняться. Подозревали, что он ведет тайную переписку с заклятым врагом своего дядюшки, герцогом Омфреем Гласпитским.

А еще он был влюблен — безумно — в Элейн Карваль, причем страсть эта питалась исключительно собственной безответностью. «Может быть, — подумал Лукас, — имеет смысл начать круиз прямо сейчас. Через пару дней из Бигглспорта отходит корабль на какой-то из Клинковых миров».

У эскалаторов пришлось задержаться — сад внизу переполняла толпа. Яркие шали женщин и камзолы мужчин складывались в калейдоскопические узоры среди клумб, на лужайках, под деревьями. Робослуги цветов дома Карвалей — оранжево-желтого и черного — летали вокруг, предлагая напитки и играя музыку.

Робостол окружало переливающееся кольцо многоцветных костюмов. Голоса журчали, как веселая горная река.

Над головами пролетел еще один аэромобиль, зелено-золотой, с надписью «Всепланетная служба новостей». Сезар Карваль раздраженно выругался.

— Кажется, была такая штука — частная жизнь, — саркастически заметил он.

— Это большая новость, Сезар.

Верно: это не просто свадьба двоих влюбленных. Это объединение сельскохозяйственного и животноводческого баронства Траскон со столеплавильнями Карвалей. Больше того — это открытое заявление поддержки герцога Энгуса Уордхейвенского обоими баронствами. А потому по всему герцогству был праздник. Все фабрики закрылись с полудня и не откроются до послезавтрашнего дня, и в каждом парке будут танцевать, а в каждой таверне — пить до упаду. Клинковцы пользовались любым по-водом, чтобы повеселиться.

— Это наши люди, Сезар. Они заслужили, чтобы порадоваться с нами. Весь Траскон сейчас наблюдает за нами на экране.

Лукас помахал журналистам и, когда камера повернулась к нему, махнул еще раз. Потом все трое шагнули на эскалатор.

Вокруг госпожи Лавинии Карваль толпились пожилые матроны и вдовушки, окруженные дочками на выданье, пестрыми, как бабочки. Она решительно затянула дочь в свое женское общество. Лукас столкнулся с невысоким и мрачным Ровардом Грауффисом, оруженосцем герцога Энгуса, и Бертом Сандрасаном, братом госпожи Лавинии. Они поговорили немного, потом лакей, чей камзол украшал герб Карвалевых домен — черный молот и желтое пламя, — увел своего сюзерена по каким-то домашним делам.

— Ты еще, кажется, не встречался с капитаном Харкаманом, Лукас, — сказал Ровард Грауффис. — Было бы интересно вас познакомить. Я знаю твоё отношение, но человек он неплохой. Я бы хотел, чтобы таких людей у нас было побольше.

В этом и состояло главное возражение Лукаса. На Клинковых мирах таких людей становилось все меньше... и меньше... и меньше.

Глава 2

Вокруг робота-бармена столпилось с дюжину человек — кузен Лукаса и семейный адвокат Никколай Траск, банкир Лотар Фэйл, корабельщик Алекс Горрам и его сын Базиль, барон Ратмор, еще несколько уордхейвенских дворян, которых Лукас помнил смутно. И Отто Харкаман.

Харкаман был космическим викингом. Одно это выделяло бы его из толпы, даже не возвышаясь он над нею на голову. Он носил короткую черную куртку, расшитую золотом, и черные брюки, заправленные в десантные ботинки. Кинжал на его поясе вовсе не походил на церемониальный. Его лохматая рыжая

шевелюра была достаточно длинной, чтобы служить дополнительной подкладкой шлему, а борода — коротко острижена.

Он сражался на Дюрандале, на стороне одной из ветвей королевского дома, ведших братоубийственную войну за трон. К сожалению, он выбрал не тех покровителей; он потерял корабль, большую часть команды и едва не расстался с жизнью. На Фламберже он был ниццим беженцем, владеющим лишь собственной одеждой, оружием и верностью полудюжины столь же нищих пиратов, когда герцог Энгус пригласил его на Грам командовать «Авантюрий».

— Приятно познакомиться, лорд Траск, — сказал он. — Я уже видел вашу прекрасную невесту, и теперь, когда я встретил и вас, позвольте мне поздравить вас обоих.

Они выпили вместе. И, конечно, Харкаман наступил Лукасу на любимую мозоль.

— Вы ведь не вкладчик Танитской авантюры?

Лукас сказал, что не вкладчик, и предпочел бы замять беседу, но тут в разговор встrellя юный Базиль Горрам.

— Лорд Траск, — ехидно заметил он, — не одобряет Танитской авантюры. Он считает, что нам следует сидеть по домам и работать, а не экспортirовать на планеты Федерации только убийство и грабеж.

Улыбка не сошла с лица Харкамана, но каким-то образом растеряла все дружелюбие. Он осторожно перенес стакан в левую руку.

— Что ж, наши действия и вправду можно назвать грабежом и убийством, — согласился он. — Космические викинги и есть убийцы и грабители, профессиональные. Вы против? Или я вам лично противен?

— Тогда я не стал бы жать вам руку или пить с вами, — ответил Лукас. — Мне безразлично, сколько планет вы разграбите, сколько городов сожжете и сколько невинных — если они и впрямь невинны — вы убьете в Федерации. Хуже того, что они творят с собой на протяжении последних десяти веков, вам не сотворить. Но я решительно против того, как вы грабите Клинковые миры.

— Ты с ума сошел! — взорвался Базиль.

— Юноша, — укорил его Харкаман, — беседуем здесь мы с лордом Траском. И если вы не поняли чьих-то слов, не называйте его безумцем, а спросите, что он имеет в виду. Что вы имеете в виду, лорд Траск?

— Вам ли не знать. Вы только что украли у Грама восемь сотен лучших людей. У меня вы украли сорок вакерос, лесорубов, операторов, и я сомневаюсь, что смогу найти им равноценную замену. — Он обернулся к Горраму-старшему: — Алекс, скольких ты отдал капитану Харкаману?

Горрам поначалу заявил, что дюжину, но под давлением сознался, что добрых три десятка — роботехники, программисты, операторы, пара инженеров и десятник. Остальные согласно

закивали. Почти столько же потерял завод Берта Сандрасана. Даже от Лотара Фэйла ушли компьютерщик и сержант охраны.

А после их ухода фермы, ранчо, заводы продолжают свою работу — почти как раньше, но не совсем. Ничто на Граме, как и на любом из Клинковых миров, не работало так же эффективно, как триста лет назад. Уровень жизни и цивилизации снижался, как восточное побережье северного грамского континента, — так медленно, что заметить это помогали лишь исторические записи. Так Лукас и сказал и добавил:

— А генетика!.. Лучшие гены Клинковых миров улетучиваются в космос, как атмосфера планеты с низким тяготением. Каждое новое поколение зачинают отцы чуть хуже, чем прежнее. Когда космические викинги вылетали непосредственно с Клинковых миров, было не так плохо: они порой возвращались. Теперь они завоевывают базы в Старой Федерации, да там и остаются.

Собравшиеся немного расслабились, поняв, что стычки не будет. Харкаман, снова взял стакан правой рукой, фыркнул:

— Верно. Я зачал с дюжину бастардов в Старой Федерации и знаю немало викингов, чьи отцы родились там. — Он повернулся к Базилю Горраму: — Как видите, этот господин вовсе не безумец. Именно так, к слову, и случилось с Терранской Федерацией. Лучшие люди отправились колонизировать другие миры, а приживалы, слюнтяи и прочие любители безопасности и полной кормушки остались на Терре и пытались управлять Галактикой.

— Может, вам это и внове, капитан, — кисло заметил Ровард Грауффис, — а мы уже не первый раз слышим плач Лукаса Траска об упадке и разрушении Клинковых миров*. Извините, но я слишком занят, чтобы спорить с ним на эту тему.

У Лотара Фэйла время поспорить, очевидно, было.

— Лукас, это означает только одно — мы расширяемся. Ты хочешь, чтобы мы сидели сиднем, а давление популяции накапливалось, как на Терре в первом веке?

— При трех с половиной миллиардах на двенадцати планетах? Тогда на одной Терре жило столько же. И нам потребовалось восемь веков, чтобы выйти на этот уровень.

Восемь веков, считая с девятого века атомной эры, с конца Великой войны. Десять тысяч мужчин и женщин с планеты Абигор, отказавшись сдаться, повели остатки союзного флота Системных Штатов в глубокий космос, в поисках мира, о котором Федерация не слышала никогда. Они нашли такой мир и назвали его Экскалибур. Оттуда их внуки заселили Жуайёз, Дюрандаль и Фламберж. Альтеклер** колонизировало следующее поколение жуайёзцев, а Грам заселили с Альтеклера.

* Автор намекает на классический труд Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи».

** Жуайёз — меч Карла Великого, подаренный им Гильому. Альтеклер — меч Оливье.

— Лотар, мы не расширяемся. Мы застыли. Мы прекратили расширяться триста пятьдесят лет назад, когда корабль с Морглеса вернулся из Старой Федерации и сообщил, что там творилось со временем Великой войны. Прежде мы открывали новые миры и заселяли их. Теперь мы только обгладываем кости мертвой Федерации.

У эскалатора, ведущего на посадочную площадку, началось какое-то движение. Толпа стала стягиваться туда, журналистские машины кружили, как стервятники над больной коровой. Харкаман с надеждой предположил, что там завязалась драка.

— Вышвыривают какого-нибудь пьяницу, — отмахнулся Никколай Траск. — Сезар сегодня впустил в свой дом весь Уордхейвен. Так насчет Танитской авантюры, Лукас, — это ведь не просто налет. Мы захватываем целую планету. Через сорок—пятьдесят лет она станет еще одним Клинковым миром. Далековато, конечно, но...

— Через сотню лет вся Федерация будет наша, — объявил барон Ратмор. По роду занятий он был политиком, и преувеличения его не смущали.

— Чего я не могу понять, лорд Траск, — заметил Харкаман, — так это почему вы поддерживаете герцога Энгуса, если думаете, что Танитская авантюра так вредна для Грама.

— Если этого не сделает Энгус, на его место встанет другой. Но Энгус намерен стать королем Грама, а это никому другому не под силу. Планете нужен единый монарх. Не знаю, насколько вы знакомы с Грамом, но Уордхейвен за образец не берите. Некоторые баронства, вроде Гласпита или Дидрексбурга, сущие змеюшники. Бароны рвут друг другу глотки, хотя не могут удержать в повиновении даже собственных ленников. Черт, одна жалкая склоки на Южном континенте тянется уже третью сотню лет!

— Наверное, туда Дуннан и хочет направить свою самозваную армию, — заметил барон-владелец фабрик по производству роботов. — Надеюсь, их там всех и похоронят с Дуннаном вместе.

— Да зачем на Южный, достаточно полететь в Гласпит, — добавил кто-то.

— Если всепланетная монархия не будет поддерживать порядок, мы децивилизуемся, как Старая Федерация.

— Ну, Лукас, это слишком, — запротестовал Алекс Горрам.

— Для начала у нас нет неоварваров, — заявил кто-то. — А если заявятся, мы их живо отправим в эм-це-квадрат. Может, оно бы и к лучшему. Хоть перестанем между собой грызться.

Харкаман удивленно глянул на говорившего:

— Да кто они, по-вашему, такие, эти неоварвары? Кочевники, что ли, гунны на звездолетах?

— А разве это не так? — спросил Горрам.

— Ниффльхейм, нет! Во всей Федерации не наберется и двух десятков планет, владеющих гипертягой, и все они цивилизованны... если так можно сказать о Гильгамеше, — оговорился он. —

Варвары всегда местного производства. Рабочие и крестьяне, восставшие, чтобы переделить добро в свою пользу, и обнаружившие, что уничтожили средства производства и убили ученых и техников. Выжившие на планетах, пострадавших в межзвездных войнах одиннадцатого—тринацатого веков, потерявшие всю технику. Последователи местных диктаторов. Отряды наемников, лишившихся работы и живущих грабежом. Религиозные фанатики, следующие за самозванными пророками.

— Думаете, у нас на Граме мало таких? — поинтересовался Траск. — Оглянитесь-ка.

— Гласпит, — заметил кто-то.

— Команда недовешенных висельников, которую набрал Дуннан, — добавил Ратмор.

Алекс Горрам заворчал, что у него таких полна верфь — агитаторы, пытающиеся устроить стачку против применения роботов.

— Ага, — за этот пример ухватился Харкаман. — Могу назвать минимум сорок случаев антитехнологических движений на двух десятках планет за последние восемь веков. На Терре такое случалось еще во втором веке доатомной. И на Венере после отделения от Первой Федерации и до образования Второй.

— Вас интересует история? — удивленно спросил Ратмор.

— Хобби. У всех космонавтов есть хобби. В гиперпространстве на корабле делать совершенно нечего, и главный враг — это скуча. Мой инженер-артиллерист, Ван Ларч, — художник. Большая часть его работ погибла с «Корисандой» на Дюрандале, но на Фламберже он не раз спасал нас от голодной смерти, рисуя картины на заказ. Мой астрогатор-гиперпространственник, Гуат Кирби, сочиняет музыку; пытается выразить математическую теорию гиперперехода в форме мелодий. Сам я это, признаюсь, слышать не могу. А я изучаю историю. Довольно странно; почти все, что случалось на любой из заселенных планет, уже происходило на Терре еще до первых звездолетов.

Сад почти опустел; гости собрались у эскалаторов. Харкаман мог бы продолжать и дальше, но тут мимо пробежали шестеро охранников дома Карвалей — в мундирах, шлемах и пуленепробиваемых кирасах. Один сжимал в руках автомат, остальные ограничились дубинками. Космический викинг отставил стакан.

— Пора идти, — сказал он. — Наш хозяин собирает войска; думаю, гостям тоже стоит занять боевые посты.

Глава 3

Смушенная и любопытствующая разодетая толпа образовала у эскалаторов ровный полукруг. Все пялились на происходящее, залезая впереди стоящим на плечи. Дамы сурово и гордо кутались в шали, многие даже покрыли головы. Над лестницей кружили четыре журналистских кара — что бы там ни творилось, об этом узнает вся планета. Охранники Карвалей пытались пробиться

сквозь толпу; их сержант беспомощно выкрикал: «Дамы и господа, прошу пропустить», «Простите, господин» — и не мог сдвинуться с места.

Отто Харкаман с отвращением выругался и отпихнул сержанта.

— Расступитесь, вы! — взревел он во всю глотку. — Пустите охрану!

С этими словами он буквально отшвырнул в стороны двоих одинаково пестро разнаряженных дворянчиков; оба злобно огляднулись, переменились в лице и тихо исчезли.

Траск последовал за викингом, размышая о пользе дурных манер в экстремальных обстоятельствах. Харкаман раздвигал толпу, протискиваясь к тому месту, где находились Сезар Карваль, Ровард Грауффис и еще несколько человек.

Перед хозяином дома у самых эскалаторов стояли четверо в черных плащах. Двое были домашними слугами из простонародья — точнее сказать, наемными громилами. Толпу они сдерживали с большим усилием и явно жалели, что вообще оказались здесь. Их хозяин носил на берете алмазную брошь в виде звезды и плащ, подбитый голубым шелком. От черных усиков и ниже тонкое лицо избородили ранние морщины. Глаза его казались слегка навыкате, рот по временам подергивался от тика. Андрей Дуннан. Траску было очень интересно, скоро ли он увидит этого типа в прицел с двадцати пяти шагов. За плечом Дуннана стоял высокий чернобородый мужчина, чье невыразительное лицо отличалось бумажной белизной. Звали его Невиль Ормм; откуда он взялся, не знал никто, но он был оруженосцем Дуннана и единственным его товарищем.

— Врете! — кричал Дуннан. — Врете, сквозь вонючие свои зубы врете, все вы! Вы перехватывали ее послания ко мне!

— Моя дочь не передавала вам посланий, лорд Дуннан, — вымолвил Сезар Карваль, с трудом удерживая себя в руках, — кроме одного лишь: что она не желает иметь с вами ничего общего.

— Вы думаете, я поверю? Она ваша пленница; один сатана знает, какими муками вы заставили ее согласиться на этот мерзкий брак!

Зрители встрепенулись; такого не выдержит никакое самообладание. Сквозь ропот прорвался чей-то женский голос:

— Вот так так! Он действительно сошел с ума!

Дуннан тоже услыхал это.

— Я сумасшедший? — взвился он. — Только потому, что вижу насквозь их лицемерные уловки? Вот Лукас Траск — его интересуют домны Карвалей; а вот Сезар Карваль — ему позарез нужны железные руды на землях Траскона. А мой любящий дядюшка нуждается в их помощи, чтобы украсть герцогство Омфрея Гласпитского. А вот это ростовщик Лотар Фэйл, который пытается отнять мои земли, и Ровард Грауффис, сторожевой пес моего дяди, который пальцем не шевельнет, чтобы спасти от разорения

своего родича, и чужак Харкаман, который отнял у меня штурвал «Авантуры». Все вы, все сговорились против меня!

— Сэр Невиль, — проговорил Грауффис, — вы видите, лорд Дуннан не в себе. Если вы и вправду друг ему, уведите его, прежде чем прибудет герцог Энгус.

Ормм наклонился к уху своего сюзерена и что-то горячо зашептал, но Дуннан сердито оттолкнул его:

— О сатана великий, и ты против меня?

Ормм поймал его руку:

— Глупец, ты хочешь все испортить? — Остальное Лукас не рассыпал.

— Нет, будь ты проклят, я не уйду, пока не поговорю с ней, лицом к лицу!

Зрители опять зашевелились. Толпа расступилась. Вперед вышла Элейн в сопровождении матери, госпожи Сандрасан и еще пяти-шести матрон. Женщины официально накрыли головы шлями — правый край на левое плечо. Элейн обогнала их на несколько шагов и остановилась перед Андреем Дуннаном. Лукас никогда не видел ее прекраснее — но то была ледяная красота отточенного клинка.

— Что вы желали сказать мне, лорд Дуннан? — спросила она. — Говорите же и покиньте этот дом; вам нет в нем привета.

— Элейн! — Дуннан шагнул вперед. — Зачем ты прикрываешь голову? Почему говоришь со мной, как с незнакомцем? Я Андрей, тот, кто любит тебя. Почему ты позволяешь им обречь себя на этот гнусный брак?

— Никто не обрекает меня; я выхожу замуж за лорда Траска по доброй воле и с радостью, потому что люблю его. Уходите же, прошу вас, и не тревожьте более моей свадьбы.

— Это ложь! Они заставляют тебя говорить это! Ты не обязана выходить за него, им не принудить тебя! Пойдем со мной. Они не осмелятся остановить тебя. Я уведу тебя от этих жестоких, жадных людышек. Ты любишь меня, ты всегда любила меня. Ты говорила мне о своей любви много раз.

Да, в мире его мечтаний, мире фантазий, ставшем теперь единственным прибежищем Андрея Дуннана, созданная его воображением Элейн существовала лишь ради любви к нему. Столкнувшись с настоящей Элейн, он попросту отвергал реальность.

— Я никогда не любила вас, лорд Дуннан, и никогда не говорила вам об этом. Я и не ненавидела вас прежде, но теперь удерживаюсь от этого с трудом. Уходите и более не показывайтесь мне на глаза.

С этими словами она развернулась и нырнула в расступившуюся перед ней толпу. Ее мать, тетушка и прочие дамы гуськом последовали за ней.

— Ты лгала мне! — взвизгнул Дуннан ей вслед. — Ты все время лгала! Ты такая же, как они; все сговариваются против меня, предают, строят козни. Я знаю, чего вы добиваетесь: хотите лишить

меня законных прав, оставить на герцогском троне моего дядю-узурпатора. И ты, лживая блудница, ты хуже их всех!

Невиль Ормм схватил его за руку, развернул и вытолкнул на эскалатор. Дуннан бился, не членораздельно, по-волчьи воя. Ормм бешено ругался.

— Вы двое! — крикнул он. — Помогите же мне. Держите его!

Дуннан еще выл, когда его спустили по эскалатору вниз, но черные плащи наемников с голубыми серпами Дуннанов скрывали его от взглядов толпы. Вскоре с площадки поднялся черный с голубым серпом аэромобиль и исчез в небе.

— Лукас, он безумец, — пробормотал Карваль. — Со дня своего возвращения Элейн не сказала ему и пяти десятков слов.

Лукас рассмеялся и положил руку на плечо будущему тестю:

— Я знаю, Сезар. Неужели ты думаешь, что меня надо в этом убеждать?

— Безумец, настоящий безумец, — вставил Ровард Грауффис. — Сыщали, что он говорил о своих правах? Подождите, пока герцог об этом не услышит.

— Он заявляет свои права на герцогский трон, сэр Ровард? — серьезно и резко поинтересовался Отто Харкаман.

— Он утверждает, что его мать родилась за полтора года до герцога Энгуса, а дату ее рождения исказили намеренно, чтобы отдать корону Энгусу. Да его светлости уже три года было, когда она на свет появилась. Я был сквайром старого герцога Фергюса; я нес Энгуса на плече в тот день, когда новорожденную представили лордам и баронам.

— Конечно, безумец, — согласился Алекс Горрам. — Не знаю, почему герцог не отправит его на лечение.

— Я бы его вылечил, — заметил Харкаман, многозначительно проводя пальцем по шее. — Безумцы с претензиями на трон — это бомбы, у них надо выдергивать взрыватель прежде, чем они разнесут все в клочья.

— Так поступить мы не можем, — ответил Грауффис. — Он, в конце концов, племянник герцога Энгуса.

— А я мог бы, — ответил викинг. — В этом его отряде едва три сотни человек. Почему вы вообще позволили ему набрать отряд — один сатана знает. — Он нецензурно выругался. — У меня восемь сотен, из них пятьсот десантников. Я бы хотел посмотреть, каковы они в деле, прежде чем мы взлетим. Я могу подготовить их за два часа, и еще до полуночи все будет тихо и спокойно.

— Нет, капитан Харкаман, — наложил свое вето Грауффис. — Его светлость такого никогда не одобрит. Вы понятия не имеете, какой вред это нанесет нашим отношениям с независимыми лордами, на поддержку которых мы рассчитывали. Вас не было на Граме, когда герцог Ридгерд Дидрексбургский отправил второго мужа своей сестры Сансии...

Глава 4

Они остановились у колоннады. Впереди была заполненная народом нижняя терраса, из динамиков в шестой или восьмой раз неслось попурри из старых любовных баллад. Лукас посмотрел на часы; прошло целых девяносто секунд с того момента, когда он делал это в последний раз. Скажем, начало через четверть часа; дадим еще столько же на здравицы и всеобщее ликование. А даже самое пышное бракосочетание больше получаса не протянется. Значит, через час они с Элейн уже будут нестись на аэромобиле в Траскон.

Баллады внезапно смолкли. После секундной тишины фанфары грянули герцогский салют. Толпа застыла, затихла. На посадочной площадке заискрились огни, и к подданным начал спускаться герцог Уордхейвенский со свитой. Впереди — взвод стражи в ало-желтых мундирах и позолоченных шлемах, с кистями на алебардах. Паж с Государственным мечом. Герцог Энгус и его советники (включая Отто Харкамана). Герцогиня Флавия и ее фрейлины. Вассалы герцогского дома с супругами. Еще стража. Раздались аплодисменты; аэромобили журналистов пристроились над процессией. Николай Траск и еще несколько его товарищей вышли из тени колонн; по другую сторону террасы тоже кто-то зашевелился. Герцогская свита достигла конца центральной дорожки и развернулась.

— Ладно, поехали. — Николай шагнул вперед.

Они стоят тут уже десять минут; до начала еще пять. Через пятьдесят минут Лукас и Элейн — отныне и вовеки госпожа Элейн Траск Трасконская — отправятся домой.

— Машина точно готова? — спросил Лукас в сотый раз.

Кузен заверил его, что готова.

Снова заиграла музыка — величавый «Свадебный марш двоинства», суровый и в то же время нежный. На другой стороне террасы показались фигуры в черно-желтых цветах дома Карвалей — секретарь Сезара Карваля, его адвокат, начальники сталеплавильен, капитан личной стражи Карвалей, сам Сезар, ведущий под руку Элейн, накинувшую на плечи черно-желтую шаль.

Траск обернулся в ужасе.

— О сатана, где наша шаль? — шепотом взвыл он и успокоился только тогда, когда один из ленников продемонстрировал буро-зеленую — цвета Траскона — шаль.

Подружек невесты вела Лавиния Карваль.

Обе процессии остановились в десяти футах от герцога Энгуса.

— Кто входит в наше присутствие? — осведомился Энгус у капитана своей стражи.

Узкое, остренькое лицо герцога казалось почти женственным, несмотря на бородку клинышком. На голове его сверкала тонкий золотой обруч, который он постоянно мечтал превратить в королевскую корону. Капитан стражи повторил вопрос.

— Я, сэр Никколай Траск, привел своего кузена и сюзерена Лукаса, лорда Траска, барона Трасконского, каковой явился, дабы получить руку госпожи-демуазель Элейн, дочери лорда Сезара Карваля, барона Карвалевых домен, и разрешение вашей светлости на сей брак.

Сэр Максамон Жоржей, оруженосец Сезара Карваля, назвал себя и своего сюзерена; они привели госпожу-демуазель Элейн, чтобы отдать ее руку лорду Траску Трасконскому. Убедившись, что его достоинство не будет задето прямым обращением к молодым, герцог осведомился, оговорены ли условия брачного соглашения; обе стороны заверили, что оговорены. Сэр Максамон передал герцогу свиток, и Энгус принялся зачитывать напыщенные и отточенные формулировки. Браки между благородными родами обсуждались до последней детали. Немало пролилось крови и спорело пороха из-за двусмысленности в оговоренном порядке наследования или правах вдовы. Лукас терпел; он вовсе не желал, чтобы его и Элейн внуки перестреливались из-за ошибочно поставленной запятой.

— И эти двое в нашем присутствии готовы вступить в брак по доброй воле? — осведомился герцог, завершив чтение.

Он шагнул вперед, и паж подал ему Государственный меч, двуручный и настолько тяжелый, что им можно было с одного удара обезглавить бизонида. Траск подошел к нему сам, Сезар Карваль подвел Элейн. Законники и вассалы отступили.

- Что скажете, лорд Траск? — спросил герцог почти обыденно.
- Всем сердцем желаю этого, ваша светлость.
- А вы, госпожа-демуазель Элейн?
- У меня нет мечты дороже, ваша светлость.

Герцог взял меч за клинок и протянул вперед, позволив новобрачным возложить руки на изукрашенную рукоять.

— Признаете ли вы и дома ваши, нас, Энгуса, герцога Уордхайвенского, своим сюзереном клянетесь ли в верности нам и нашим законным и признанным наследникам?

- Клянемся.

Ответили не только Лукас и Элейн, но и вся собравшаяся в саду толпа, в один голос. Кто-то, не сумев сдержать не совсем уместный энтузиазм, заорал: «Да здравствует Энгус Первый Грамский!»

— Мы же, Энгус, даруем вам и домам вашим право носить наш герб, как вы сочтете подобающим, и клянемся защищать права ваши от всяческого на них покушения. Мы объявляем, что ваш брак и договор между вашими домами радуют нас, и сим провозглашаем вас, Лукаса и Элейн, мужем и женой согласно нашему закону. Всякий, кто оспорит сей брак, бросит вызов нам.

Простому герцогу с Грама такими словами кидаться не стоило. Этой формулировкой подобало пользоваться только всепланетному монарху, вроде Напольиона Фламбержского или Родольфа Экскалибурского. Лукасу запоздало вспомнилось, что Энгус говорил о себе исключительно во множественном числе.

Может, тот тип, что славил Энгуса Первого Грамского, просто отрабатывал свой заработок. Свадьба транслировалась на всю планету, и Омфрей Гласпитский и Ридгерд Дидрексбургский, услыхав это, тут же начнут собирать наемников. Может, хоть тогда Дуннан найдет себе дело.

Герцог вернул меч пажу. Молодой рыцарь, которому доверили нести зеленую с бурим шаль, передал ее Лукасу. Элейн сбросила свою девичью, черно-золотую — единственный случай, когда прличная женщина могла сделать это прилюдно, — на руки матери, и Лукас Траск торжественно укутал плечи невесты шалью своих родовых цветов. Вновь послышались радостные крики, и кто-то из охранников дома Карвалей принялся палить холостыми.

Тосты и рукопожатия заняли несколько больше времени, чем предполагал Лукас. Но вот наконец новобрачным позволили двинуться к эскалатору, а герцог со свитой направились на террасу, чтобы принять участие в свадебном пире, где будут присутствовать все, кроме молодоженов. Элейн сунули неимоверных размеров букет — с эскалатора полагалось разбрасывать цветы; одной рукой она прижала его к груди, другой вцепилась в локоть гордого мужа.

— Милый, получилось! — шептала она, будто никак не могла в это поверить.

Оранжево-синий журналистский аэромобиль с эмблемой «Западных телепередач и телепечати» проплыл над головами, направляясь к посадочной площадке. Лукас бросил на него злобный взгляд — это было уж слишком даже для журналистов, и даже из «Западных Т. и Т.» — и тут же рассмеялся. Он был слишком счастлив, чтобы долго злиться. Всходя на эскалатор, Элейн сбросила позолоченные туфли (в машине ее ждала другая пара), и подружки невесты с радостным визгом кинулись за желанным призом, не обращая внимания на мнущиеся платья. Элейн подбросила букет в воздух, и он разлетелся, как многоцветная, душистая хлопушка. Девушки отчаянно пытались ухватить хоть цветочек. Элейн раздавала всем стоящим внизу воздушные поцелуи, Лукас стоял молча, подняв кулаки над головой.

Когда они достигли вершины эскалатора, оранжево-синий кар перегородил им дорогу. Лукас, нахмурившись, шагнул было вперед, но проклятие застыло у него на губах, когда он увидел, кто сидит в машине.

Узкое злое лицо Андрея Дуннана кривилось, усики извивались, как черви. Из полуоткрытого окна высовывалось автоматное дуло.

Лукас предупреждающе вскрикнул и сбил Элейн с ног, пытаясь прикрыть ее собой, когда загремели выстрелы. Что-то кувалдой ударило его в грудь, правая нога подкосилась. Он упал.

Он падал, и падал, и падал в бесконечной тьме, пока сознание не покинуло его.

Глава 5

Он был распят и коронован венцом терновым. С кем же так поступили? Давно это было, еще на старой Терре. Руки, растянутые в стороны, болели; ныли неподвижные ноги, и в лоб впивались иголки. И он ослеп.

Нет. Просто глаза закрыты. Он поднял веки. Перед ним виднелась стена, белая, разрисованная синими снежинками. Потом он понял, что это не стена, а потолок, и лежит он на спине. Головой пошевелить не удалось, но, скосив глаза, он увидел, что совершенно обнажен, опутан проводами и трубками. Это озадачило его на минуту. Потом он понял — это робоврач; трубы служат для внутривенных вливаний и дренажа ран, провода ведут к электродам диагностических машин, а тернин венца — всего лишь электроды энцефалографа. Он уже попадал однажды в такую машину, когда на ферме его пырнул рогом бизонид.

Так вот что: он болен. Это было так давно, с тех пор случилось — или примерещилось в бреду? — так много...

Потом Лукас вспомнил и дернулся, пытаясь подняться.

— Элейн, — прохрипел он. — Элейн, где ты?

Что-то зашуршало, и в его ограниченном поле зрения появился кто-то... его кузен, Никколай Траск.

— Никколай, — прошептал Лукас, — что случилось с Элейн?

Никколай сморщился, точно давно ожидаемая боль оказалась еще сильнее, чем ему думалось.

— Лукас. — Он слегкнул. — Элейн... Элейн мертва.

Элейн мертва. Нелепость какая.

— Она умерла мгновенно, Лукас. Шесть пуль. Она и первой не почувствовала. Она не мучилась.

Кто-то застонал, и Лукас понял, что это он сам.

— В тебя попали дважды, — сообщил Никколай. — Одна пуля раздробила бедренную кость, вторая попала в грудь. На дюйм не дошла до сердца.

— Жаль, что не дошла. — Теперь он вспомнил все ясно. — Я бросил ее на землю, пытался прикрыть собой. А получилось, что я кинул ее под пули, а сам почти не пострадал. — Что же он еще упустил? А, вот. — Дуннана поймали?

Никколай покачал головой:

— Он ушел. Угнал «Авантюру» и увел ее в космос.

— Я достану его сам.

Лукас вновь попробовал подняться. Никколай кивнул кому-то невидимому. Холодные пальцы коснулись подбородка, дохнуло духами — не теми, что любила Элейн, совсем не теми. Что-то кольнуло Лукаса в шею. В комнате начало темнеть.

Элейн мертва. Элейн больше нет и не будет, никогда. Так, значит, и мира больше нет. Наверное, поэтому так темно.

Он судорожно просыпался; если был день, в окне проглядывало желтое небо, если стояла ночь, горели потолочные лампы.

Кто-нибудь обязательно стоял рядом — жена Никколая дама Сесилия, Ровард Грауффис, госпожа Лавиния Карваль — сколько же он проспал, что она так постарела? — ее брат Берт Сандрасан. И все время — черноволосая женщина в белом халате с золотым кадуцеем на груди. Однажды пришла герцогиня Флавия, один раз — герцог Энгус собственной персоной.

Лукас безразлично спрашивал, где он. В герцогском дворце, отвечали ему. Он просил их уйти и отпустить его к Элейн.

Потом наступала темнота. Лукас пытался найти Элейн — ему так нужно было что-то показать ей... Звезды в ночном небе, они ведь так и не посмотрели на них. Но звезд не было, и не было Элейн, не было ничего, и оставалось лишь мечтать, чтобы Лукаса Траска тоже не стало.

Но был Андрей Дуннан — стоял на террасе, закутавшись в черный плащ, и алмазы сверкали в броши на берете, злобно скалился над дулом автомата. И тогда Лукас бросался за ним в погоню через холодную пустоту, но не мог настигнуть.

Периоды пробуждения становились все дольше, разум Лукаса прояснялся. Венец из электрических терниев сняли, выташили трубки из вен, стали кормить бульоном и соками. Лукас спросил, зачем его привезли во дворец.

— Это единственное, чем мы могли помочь, — ответил Ровард Грауффис. — В доме Карвалей и без того хватало хлопот. Ты знаешь, что Сезара тоже ранило?

— Нет. — Так вот почему Сезар не приходил. — Он жив?

— Да, но ему пришлось хуже твоего. Когда началась стрельба, он кинулся вверх по эскалатору, вооруженный только парадным кортиком. Дуннан дал по нему очередь — думаю, поэтому он и не успел тебя добить. К тому времени охранники сменили холостые патроны на боевые и начали стрелять. Так что Дуннану пришлось убраться. Сезар сейчас на робовраче, но жизнь его вне опасности.

Убрали дренажи и катетеры, сняли электроды вместе с путаницей проводов. Раны перевязали, больного перенесли с робоврача на кушетку, где он мог садиться, если пожелает. Кормить его начали твердой пищей, позволили пить вино и немного курить. Врач-человек сказала, что ему пришлось нелегко — словно он сам не догадался бы об этом. Вероятно, она ожидала, что больной поблагодарит ее за спасение жизни.

— Через пару недель ты встанешь на ноги, — добавил его кузен. — К твоему приезду я приведу в порядок новый дом Трасков.

— Я никогда не войду в этот дом, — прошептал Лукас глухо, — пока жив — надеюсь, что ненадолго. Это дом Элейн. Я не войду в него один.

По мере того как возвращались силы, кошмары мучили Лукаса все меньше. Часто приходили гости, приносили забавные

безделушки, и Лукас с удивлением заметил, что ему нравится их общество. Он захотел узнать, что же случилось и как Дуннану удалось уйти.

— Он украл «Авантуру», — объяснил Ровард Грауффис. — У него была эта наемная банда, и он подкупил пару человек на верфях Горрама. Я думал, Алекс убьет своего начбеза, когда узнал, что произошло. Мы не можем ничего доказать — а пытались, — но уверены, что деньгами его снабдил Омфрей Гласпитский. Уж больно энергично он все отрицает.

— Значит, все планировалось заранее?

— Захват корабля — безусловно, думаю, на протяжении нескольких месяцев, не зря же Дуннан начал набирать наемников. Думаю, он хотел улететь перед свадьбой. Но он попытался убедить госпожу-демуазель Элейн бежать с ним — он, кажется, верил, что это возможно, — а когда она унизила его, решил убить вас обоих. — Грауффис обернулся к Харкаману: — Я до конца своих дней буду сожалеть, что не поймал вас на слове и не принял вашего предложения в тот вечер.

— А откуда он взял машину «Западных телепередач»?

— Ах это. Утром, перед свадьбой, он позвонил в редакцию студии и заявил, что знает тайную причину этого брака и почему герцог его так поддерживает. Намекнул на какой-то скандал и настоял, чтобы в дом Дуннанов направили репортера. Живым того беднягу больше не видели; наши люди обнаружили его труп в доме Дуннанов при обыске, уже после случившегося. А аэромобиль нашелся на верфи. Охрана Карвалей всадила в него несколько пуль, но вы же знаете, как журналисты бронируют свои машины. Дуннан прямиком полетел на верфь, где его люди уже захватили «Авантуру», и тут же ушел в космос.

Лукас уставился на окурок в руке, грозящий обжечь пальцы. Чтобы раздавить его в пепельнице, ему потребовалось совершить усилие.

— Ровард, — произнес он, — скоро будет закончен второй корабль?

Грауффис горько хохотнул:

— «Авантура» сожрала все наши ресурсы. Герцогство почти разорено. Мы остановили работы над вторым судном полгода назад — чтобы строить его и доделывать «Авантуру», не хватало средств. Мы-то ждали, что «Авантура» привезет из Старой Федерации достаточно добычи, чтобы закончить второй корабль. Вот тогда, с двумя кораблями и тантской базой, деньги потекли бы рекой. А теперь...

— Теперь я остался в том же положении, что был на Фламберже, — добавил Харкаман. — Хуже. Король Напольон собирался помочь Элмерсанам, и я получил бы корабль. А теперь уже поздно.

Лукас оперся на трость и с трудом поднялся на ноги. Перелом бедра сросся, но Лукас был еще очень слаб. Мелкими, неровны-

ми шажками, поминутно опираясь на трость, он добрел до распахнутого окна и глянул в небо. Потом обернулся.

— Капитан Харкаман, возможно, вы еще получите корабль здесь, на Граме. Если не откажетесь служить под моим началом. Я отправляюсь на охоту за Андреем Дуннаном.

Собеседники взорвались на него.

— Сочту за честь, лорд Траск, — осторожно ответил Харкаман. — Но где вы возьмете корабль?

— Он наполовину готов. Команда уже набрана. А закончит постройку герцог Энгус, отдав в залог свое новое баронство Траскон.

Лукас знал Роварда Грауффиса всю свою жизнь, но никогда еще не видел герцогского оруженосца удивленным.

— Ты хочешь сказать, что отдаць Траскон за этот звездолет?

— Звездолет завершенный, оборудованный и готовый к бою — да.

— Герцог согласится, — уверенно предсказал Грауффис. — Но, Лукас, ведь кроме Траскона у тебя ничего нет. Твой титул, твои доходы...

— С кораблем они мне не понадобятся. Я ухожу в космические викинги.

Харкаман с радостным ревом вскочил с кресла. Челюсть Грауффиса медленно опустилась.

— Лукас Траск, космический викинг, — раздельно произнес он. — Вот теперь я видел все на свете.

А почему нет? Лукас ругал налеты викингов на Клинковые миры, потому что Грам был Клинковым миром, а Траскон находился на Граме и должен был стать домом для него, и Элейн, и их детей, и детей их детей отныне и вовеки. А теперь у всей этой логической конструкции исчезла точка опоры.

— Ты помнишь другого Лукаса Траска, Ровард. Он теперь мертв.

Глава 6

Грауффис извинился, вышел позвонить, вернулся, извинился снова и уехал. Видимо, герцог Энгус после звонка оруженосца бросил все и отправился поговорить с Лукасом. Харкаман молчал, пока Грауффис не покинул комнату.

— Лорд Траск, — проговорил он наконец, — для меня это огромное счастье. Быть капитаном без корабля, жить чужими подачками не слишком приятно. Но мне не хотелось бы, чтобы вы полагали, будто я строю свое счастье на вашем горе.

— Не волнуйтесь, — ответил Лукас. — Если кто-то и в проигрыше, так это вы. Мне нужен капитан, и я нашел его за счет вашего несчастья.

Харкаман принялся набивать трубку.

— Вы когда-нибудь выезжали с Грама?

— Пару лет провел в Камелотском университете на Экскалибуре. А так — нет.

— А представляете ли вы, за что беретесь? — Викинг щелкнул зажигалкой и затянулся. — Вы, конечно, знаете, как велика Федерация. Вы знаете числа. Но представить их вы себе можете? Они ничего не говорят даже многим опытным космонавтам. Мы можем болтать о десяти в сотой или тысячной степени, но внутренне мы до сих пор считаем: «Один, два, три — много». В гиперпространстве корабль преодолевает один световой год за час. Отсюда до Экскалибура тридцать часов лету. Но если вы пошлете по радио сообщение о рождении сына, то к тому моменту, когда передача достигнет цели, вы обзаведетесь внуками. Старая Федерация, где нам предстоит искать Дуннана, занимает двести миллиардов кубических светолет. Вам нужно найти в этом объеме один корабль и одного человека. Как вы намерены это сделать, лорд Траск?

— Пока понятия не имею. Знаю только, что должен это сделать. В Старой Федерации есть планеты, где викинги бывают часто, — торговые и пиратские базы, вроде той, что хотел устроить на Танит герцог Энгус. Рано или поздно на одной из них я услышу о Дуннане.

— Вы узнаете, где он был год назад. А когда мы доберемся до цели, окажется, что он полтора года как улетел. Лорд Траск, мы триста лет грабим Федерацию. На данный момент этим заняты добрых две сотни кораблей. Почему же мы ее давным-давно не разграбили дотла? Да все потому же: расстояние и время. Дуннан может скончаться от старости — а с викингами это бывает редко, — прежде чем вы его нагоните. И самый молодой юнга на вашем корабле состарится и умрет, прежде чем услышит об этом.

— Что ж, тогда буду охотиться за ним до скончания своих дней. Больше мне ничего не остается.

— Так я и подумал. Я-то столько ждать не намерен. Мне нужен собственный корабль, вроде «Корисанды», которую я потерял на Дюрандале, и когда-нибудь я его получу. Но пока вы не научитесь командовать кораблем сами, я вам помогу. Обещаю.

Судя по его тону, это были не пустые слова. Лукас подозревал робота; тот наполнил бокалы, и они скрепили клятву тостом.

К тому времени когда Ровард Грауффис вернулся вместе с герцогом, самообладание к нему возвратилось. Если Энгус и был потрясен известием, то никак этого не показал. Общий же эффект был подобен землетрясению. Преобладало мнение, что судок лорда Траска после трагической потери супруги несколько повредился; сам Лукас считал, что в этом есть доля истины. Кузен Никколай поначалу горько проклинал Лукаса за то, что тот разбазарил семейные владения, а потом, когда герцог Энгус назначил его управителем баронства с резиденцией в Новом поместье Трасков, повел себя как у смертного ложа богатой бабушки. С другой стороны, бароны-промышленники и финансисты,

с которыми Лукас прежде был знаком плохо, наперебой предлага-
ли помошь и восхваляли его как спасителя герцогства. Кредит герцога Энгуса, сильно подорванный потерей «Авантуры», был восстановлен, а вместе с ним — и знати.

Адвокаты и банкиры препирались на бесконечных заседаниях. Лукас поприсутствовал пару дней, понял, что его это ничуть не волнует, и так всем и сообщил. Ему нужен был лишь корабль: как можно лучше и скорее. Алекс Горрам спешно возобновил работы над незаконченным двойником «Авантуры». Пока силы не вернулись к Лукасу полностью, он следил за всеми работами по телезранам, постоянно общаясь с инженерами и служащими верфей, трудившимися над двухтысячевтовым скелетом. Апартаменты лорда Траска в герцогском дворце из больничных палат в одночасье преобразились в контору. Врачи, только что настойчиво рекомендовавшие Лукасу новые впечатления, теперь предупреждали его об опасностях переутомления. В конце концов к ним присоединился и Харкаман.

— Расслабься, Лукас, — сказал он: компании давно отбросили формальности. — Ты получил здоровую пробоину, так пусть ремонтная команда ею займется, а ты не перегружай машины. Времени у нас хватает. Догнать Дуннана нам не под силу. Придется ловить его из засады. Чем дольше он пробудет в пространстве Федерации, прежде чем услышит о погоне, тем больше останется следов. Как только мы установим его излюбленные маршруты, у нас появится шанс. В один прекрасный день он выйдет из гиперпространства прямо у нас под носом.

— Думаешь, он отправится на Танит?

Харкаман встал с кресла, походил немного по комнате и только тогда ответил:

— Нет. Это была идея герцога Энгуса. Да и не под силу ему устроить на Танит базу. Ты же знаешь, что у него за команда.

Всех, кто имел хоть малейшие связи с семейством Дуннанов, проверили тщательным образом; герцог Энгус все еще надеялся доказать причастность к похищению Омфрея Гласпитского. Дуннан сманил с собой полторы дюжины работников верфи — несколько хороших техников, но в большинстве агитаторов, скандалистов и бездельников, о которых Алекс Горрам ничуть не жалел. Что до наемников, то два десятка космонавтов среди них нашлось бы, остальные же представляли собой иллюстрации к уголовному кодексу — от бандитов через хулиганов и карманников до салунной пьяни. Да и сам Дуннан был не инженером, а астрогатором.

— Эта банда даже для обычного грабежа не годится, — презрительно заметил Харкаман. — А уж базу на Танит они не построят ни при каких условиях. Если Дуннан не совсем свихнулся — в чем я сомневаюсь, — он отправится на одну из обычных баз викингов, на Хот, или Нергал, или Дагон, или Шочитль, чтобы набрать офицеров, инженеров и просто нормальных космонавтов.

— А все оборудование, которое должно было отправиться на Танит? Оно же осталось у него на борту.

— Верно. Вот и еще причина лететь на какую-нибудь из баз. На планетах викингов в Старой Федерации оно стоит своего веса в золоте.

— А на что похожа Танит?

— Почти точная копия Терры. Третья планета звезды класса G, вроде Альтеклера или Фламбержа. Это была одна из последних планет, заселенных из Федерации перед Великой войной. Что там случилось, никто не знает. Межзвездного конфликта не было — во всяком случае, стеклянных луж на месте городов не видно. Должно быть, местные вначале отделились от Федерации, а потом передрались между собой, потому что следы боев заметны. Децивилизовались они аж до дотехнического уровня — водяные колеса, тяговая сила. Тягловая скотина похожа на ввезенных терранских карабахос. Есть небольшие парусники, и плоты, и каноэ на реках. Есть порох — это изобретение цивилизация теряет последним.

Я там был пять лет назад, и планета мне понравилась. Единственный спутник целиком состоит из никелистого железа, есть залежи урановых руд. А потом я как дурак нанялся к Элмерсанам на Дюрандале и потерял корабль. Когда я прибыл сюда, ваш герцог подумывал о Шипетотеке, но я убедил его, что Танит подходит для его целей больше.

— Тогда Дуннан может отправиться и туда, чтобы расквитаться с Энтусом. Оборудование-то у него есть.

— А пользоваться им некому. На месте Дуннана я полетел бы к Нергалу или Шочитль. Там всегда толчется пара тысяч викингов, пропивая добычу и расслабляясь между рейсами. И там и там он мог бы набрать новую команду. Я бы предложил начать с Шочитль. Если не застанем его самого, то хоть послушаем новости.

Так и решили. Харкаман хорошо знал планету и был на дружеской ноге с правившим там альтеклерским дворянином. Работы на верфи Горрамов продолжались. Чтобы построить «Авантюру», ушел год, но теперь сталеплавильни и машиностроительные фабрики уже вошли в рабочий режим, и детали и оборудование текли ровным потоком. Лукас позволил уговорить себя побольше отдыхать, и силы возвращались к нему день ото дня. Вскоре он уже мог сам приехать на верфь и понаблюдать, как в центре шарообразного каркаса устанавливаются машины — двигатель Эббота для нормального полета, гипертряга Диллингэма, энергоконвертеры, псевдограф. Следующими заняли свои места жилые и рабочие отсеки из покрытой коллапсием стали. Потом недостроенный корабль в сопровождении армады грузовозов и рабочих капсул вывели на тысячетемильную орбиту — дальнейшую работу удобнее было проводить в космосе. Подходила к концу и постройка четырех

двуухсотфутовых пинасов*. Каждый был оборудован собственным гипердвигателем и мог летать так же быстро и далеко, как и сам корабль.

Отто Харкаман начинал беспокоиться оттого, что корабль до сих пор не получил имени. Ему претило говорить попросту «он» или «этот корабль», а кроме того, на борт вскоре должны были поднимать предметы с корабельной меткой. «Элейн», — подумал Траск, но тут же отказался от этой мысли. Он не хотел связывать ее имя с теми ужасами, что будет творить корабль в Старой Федерации. «Мщение», «Возмездие», «Мститель», «Вендетта» — все не то. Помог нечаянно телекомментатор, булькающий что-то насчет выходящих на след Дуннана фурий и эриний. Корабль получил имя «Немезида».

Лукас Траск взялся за изучение новой профессии — межзвездного грабителя и убийцы, — которую когда-то поносил. Учителями его стали помощники и друзья капитана Харкамана — Ван Ларч, артиллерист и художник, неисправимый пессимист Гуат Кирби, гиперпространственный астрогатор, пытавшийся выразить свое ремесло в музыке, астрогатор-нормальщик Шарль Реннер и боцман Алвин Каффард, самый старый друг капитана. А еще — сэр Пэйтрик Морланд, местный доброволец, бывший начальник стражи графа Лионеля Ньюхейвенского, принявший командование десантниками и контрагравитационными боеходами. Тренировки проходили на полях и в поселках Траскона, и Лукас не мог не заметить, что, хотя «Немезида» могла взять не больше полусотни бойцов, на учениях их было больше тысячи.

Он намекнул об этом Роварду Грауффису.

— Знаю. Только не распространяйся об этом, — усмехнулся оруженосец герцога. — Вы с сэром Пэйтриком и капитаном Харкаманом выберете пять сотен лучших. А остальных примет на службу герцог. Очень скоро Омфрей Гласпитский узнает, на что похож налет космических викингов.

А герцог Энгус обложит налогом своих новых подданных в Гласпите, чтобы выплатить заем, взятый под залог баронства Траскон. Правду сказал тот писатель доатомной эры, которого так любил цитировать Харкаман: «Золото не всегда добудет вам хороших солдат, но хорошие солдаты всегда добудут вам золота».

«Немезида» вернулась на верфи Горрама, присев, как огромный паук, на кривых посадочных опорах. «Авантюра» несла герб Уордхейвена — меч и атом; «Немезиде» полагалось иметь свой герб, но символ Траскона — бурая голова бизонида на зеленом фоне — Лукасу уже не принадлежал. Он выбрал пронзенный мечом череп, и этот герб красовался на борту судна, когда оно отправилось в первый, опытный полет.

* Пинас — в прямом значении «полубаркас» (гребная шлюпка на военном флоте). Автор переносит исторический термин на самоходные космические катера, базирующиеся на основном судне.

Вернувшись через двести часов на верфи Горрама, Траск и Харкаман узнали, что за время их отсутствия в Биггльспорте сел грузовик с Морглеса и привез вести об Андрее Дуннане. По настойчивому приглашению Энгуса капитан грузовика приехал в Уордхейвен и ждал их в герцогском дворце.

Заинтересованные слушатели собирались в личных апартаментах герцога. Капитан грузовика, невысокий, худощавый, седеющий человек, попеременно покуривал сигарету и потягивал бренди из большого кубка.

— С Морглеса я вылетел двести часов назад, — говорил он. — Пробыл я там двенадцать местных суток — триста часов Галактического стандарта — а от Кортаны еще триста двадцать часов ходу. Ваша «Авантура» ушла в космос за пару дней до меня. По моим прикидкам, из Виндзора на Кортане она ушла тысячу двести часов назад.

В комнате стояла тишина. Ветерок трепал занавеси, в саду щебетали крылатые полunoчники.

— Никогда бы не подумал, — прервал молчание Харкаман. — Я полагал, что он сразу кинется в Старую Федерацию. — Он налил себе вина. — Конечно, Дуннан безумец. Но псих порой имеет преимущество, как боец-левша. Его ходы предсказать невозможно.

— Это не безумный ход, — возразил Ровард Грауффис. — Напрямую с Кортаной мы почти не торгуем. О нем мы узнали по чистой случайности.

— Верно, это был первый корабль с Грама за много лет, — согласился капитан грузовика, наполняя свой кубок до краев. — Внимание он привлек. Тем, что поменял герб — с меча и атома на голубой полумесяц. Капитаны и местные предприниматели вспоминают его недобрым словом — столько людей он у них сманил.

— Сколько именно и каких людей? — поинтересовался Харкаман.

Старик пожал плечами:

— Я не спрашивал. Мне забот хватало с грузом для Морглеса. Почти полную команду он набрал — офицеры, простые космонавты. Немало инженеров и техников.

— Значит, он решил использовать оборудование на борту и устроить где-то базу, — заключил кто-то.

— Если он покинул Кортану тысячу двести часов назад, то он еще в гиперпространстве, — сказал Гуат Кирби. — От Кортаны до ближайшей планеты Федерации две тысячи часов.

— А до Танит? — спросил герцог Энгус. — Я уверен, что он там. Он ожидает, что я построю второй корабль, оснащенный наподобие «Авантуры», и хочет добраться туда первым.

— Я полагал, что Танит — последнее место, куда он может податься, — заметил Харкаман, — но это меняет всю картину. Он и впрямь мог туда направиться.

— Он безумен, а вы оперируете нормальными мерками, — ответил Гуат Кирби. — Прикидываете, что и почему он может

сделать. Но ты-то не псих, Отто, хотя временами я в этом сомневаюсь...

— Да, Дуннан безумен, и капитан Харкаман делает на это скидку, — сказал Ровард Грауфис. — Дуннан ненавидит нас всех. Он ненавидит его светлость. Он ненавидит лорда Лукаса и Сезара Карвала, хотя может верить, что убил обоих. Он ненавидит капитана Харкамана. Так как же ему расквитаться со всеми нами разом? Захватив Танит.

— Вы говорили, он закупает боеприпасы и вооружение?

— Верно, — подтвердил капитан грузовика. — Снаряды, патроны, ракеты для наземных зенитных систем.

— И чем расплачивался? Продавал технику?

— Нет. Платил золотом.

— Да. Лотар Фэйл выяснил, что из банков Гласпита и Дидрексбурга на счет Дуннана переведено немало золота, — сообщил Грауфис. — Видимо, при отлете он погрузил его на борт.

— Ладно, — заключил Траск. — Ни в чем нельзя быть уверенным, но есть основания полагать, что Дуннан летит на Танит, а не на какую-то другую планету Старой Федерации. Не стану оценивать наши шансы найти его там, но они явно больше, чем при поисках наугад. Туда и направимся.

Глава 7

Экран внешнего обзора, на протяжении последних трех тысяч часов остававшийся беспросветно серым, расцвел водоворотом красок, неописуемой радугой сжимающегося гиперпространственного поля. Не бывало еще, чтобы два человека видели его одинаково, и никакое воображение не могло помочь его представить. Траск обнаружил, что смотрит, затаив дыхание. Как и стоящий рядом капитан Харкаман. Очевидно, привыкнуть к этому было невозможно. Даже астрогатор Гуат Кирби глядел на экран, забыв про зажатую в зубах трубку.

Потом экран мгновенно заполнила драгоценная пыль звезд на черном бархате нормального пространства. В самом центре горела желтым огнем звездочка поярче — звезда Эртадо, солнце Танит. До нее оставалось десять световых часов.

— Очень неплохо, Гуат, — откомментировал Харкаман, подхватывая кофейную кружку.

— Неплохо? Геенна, да это превосходно, — возмутился кто-то. Кирби раскурил погасшую трубку.

— Ну, наверное, сойдет, — выдавил он через мундштук. Этого лохматого старика ничто на свете не могло удовлетворить полностью. — Можно было и поближе. А так нам потребуется три микропрыжка, и последний — довольно рискованный. Так что не отвлекайтесь меня. — Он принялся подкручивать верньеры и указатели.

На мгновение Траску показалось, что с экрана на него смотрит Андрей Дуннан. Он сморгнул галлюцинацию, потянулся за сигаретами, засунул одну не тем концом в рот, перевернулся и

шепнул зажигалкой. Пальцы его дрожали. Отто Харкаман тоже это заметил.

— Спокойно, Лукас, — прошептал он. — Сбавь оптимизм. Мы только надеемся, что он здесь.

— А я уверен. Он должен быть здесь.

Нет. Так мог бы сказать сам Дуннан. Останемся в здравом рассудке.

— Мы не можем думать иначе. Если мы приготовимся, а его не окажется — это разочарование. Если он здесь, а мы не готовы — это катастрофа.

Видимо, не он один так думал — пульт боевого управления сиял алыми огнями полной готовности.

— Ладно, — пробормотал Кирби. — Прыгаем!

Он повернул красный рычаг и резко дернулся на себя. Снова экран вскипал красками, снова корабль вздрогнул под напором могучих и недобрых сил, подобных вызванных чародеем демонам. Потом экраны посерели, глянув в лишенное даже измерений ничто, опять плеснули радугой, и в самом центре, как и прежде, вспыхнула звезда Эртадо — диск размером с монетку, окруженный хороводом из семи ярких точек-планет. Танит была третьей, как это обычно для обитаемого мира в системе звезды класса G. Единственную луну — пятьсот миль в поперечнике, пятьдесят тысяч от поверхности — с трудом можно было разглядеть в телескоп.

— Знаете, не так и плохо, — опасливо признался Кирби. — Может, в один микропрыжок вложимся.

Когда-нибудь, решил Траск, он тоже сумеет помечтать приставкой «микро» прыжок в пятьдесят пять миллионов миль.

— Как ты считаешь, — спросил Харкаман вежливо, словно спрашивал совета у опытного товарища, а не экзаменовал ученика, — где Гуату лучше нас выбросить?

— Как можно ближе, конечно.

Это значит, самое малое в одной световой секунде; если «Немезида» попытается выйти из гиперпространства ближе двухсот тысяч миль от планеты такого размера, само поле отшвырнет ее назад.

— Разумно будет считать, что Дуннан обогнал нас часов на девяносто. За это время он мог установить на луне локаторную станцию и, возможно, ракеты. На «Авантюре», как и на «Немезиде», четыре пинаса; два я бы на его месте оставил на орбитальном дежурстве. Так что давайте предполагать, что нас засекут, как только мы вывалимся в пространство. Лучше выйти так, чтобы луна оказалась между нами и планетой. Если нас там ждут, мы разделяемся со сторожами на подлете к Танит.

— Многие капитаны вышли бы, прикрываясь планетой от луны, — заметил Харкаман.

— Ты тоже?

— Нет. — Харкаман встряхнул гривой. — Если у них на луне ракеты, они могут обстрелять нас вслепую, наводя по ретрансмированным данным, а мы не сумеем ответить. Лучше напрямую. Гуат, ты слышал?

— Слышал. Разумно. Чуть-чуть. А теперь кончайте меня нервировать. Шарль, погляди-ка.

Гуат посовещался немного с астрогатором-нормальщиком и боцманом Каффардом. Наконец он положил руку на красный рычаг, повернул его и со словами «Ладно, поехали» дернул на себя.

— Кажется, я переборщил, — пожаловался он. — Думаю, нас откинет на полмиллиона миль.

Экран озарился радужной вспышкой. Когда он очистился, в середине его сияла планета. Маленькая луна плыла чуть выше и правее, озаренная солнечным светом — прямым с одной стороны и отраженным с другой. Кирби поставил красный рычаг на предохранитель, собрал с пульта кисет, зажигалку и прочие мелочи и захлопнул крышку.

— Теперь твоя работа, Шарль, — сказал он Реннеру.

— Восемь часов до входа в атмосферу, — сообщил Реннер. — Если, конечно, не задержимся, расстреливая малышку.

Ван Ларч глянул на спутник через экран с шестисоткратным увеличением.

— Да что там расстреливать? — фыркнул он. — Четыре-пять термоядерных или один планетолом.

Это нечестно, возмущался про себя Траск. Несколько минут назад до Танит оставалось шесть с половиной миллиардов миль. Несколько секунд назад — пятьдесят с чем-то миллионов. А теперь они восемь часов будут тащиться последние четверть миллиона миль, когда до планеты, кажется, рукой подать. Да на гиперприводе за это время можно пролететь восемь световых лет.

Что ж, и в наше время человеку, чтобы пересечь комнату, нужно столько же времени, что и первому из фараонов. Или первому из людей, если уж на то пошло.

Танит на экране выглядела как любая другая террестриальная планета при взгляде из космоса — смазанные облаками контуры морей и материков, смутные пятна серого, зеленого и бурого, увенчанные белизной полярных шапок. Деталей поверхности, будь то горы или реки, различить пока не удавалось, но Харкаман, Реннер, Каффард и прочие, побывавшие в системе Эртадо, уже указывали знакомые места. Каффард поговорил по интеркому с Полем Коревым, главным радарщиком; тот сообщил, что луна чиста и планета не излучает ничего, что проходило бы через пояса Ван Аллена*.

* Пояса Ван Аллена — зона заряженных частиц, окружающая планету. Возникновение ее обусловлено взаимодействием космических лучей и солнечного ветра с магнитным полем планеты.

«Может, мы ошиблись, — подумал Траск. — Может, Дуннана здесь нет?»

Харкаман, обладавший сверхъестественной способностью засыпать в любой обстановке и просыпаться при малейшей тревоге, откинулся в кресле и закрыл глаза. Траск молча ему позавидовал. Прежде чем что-то случится, пройдет несколько часов, и перед этим нужно хорошо отдохнуть. Он пил кофе, курил сигареты одну за другой, расхаживал по рубке, поглядывая на экраны. Радарщики и локаторщики выдавали массу рутинных замеров: плотность поясов Ван Аллена, количество микрометеоритов, напряженность поля тяготения, температура на поверхности Танит, показания сканеров. Лукас усился в свое кресло и уставился на экран. Казалось, что планета не приближается, хотя они летели к ней на скорости куда больше второй космической. Он сидел и смотрел...

Проснулся он внезапно. Планета выросла на пол-экрана, уже видны были реки и горные хребты. В северном полушарии, вероятно, стояла осень; до шестидесятой параллели лежал снег, южнее зелень уступала бурому потоку. Харкаман в своем кресле пережевывал ленч. Прошло четыре часа.

— Как вздрогнулось? — спросил он. — Мы ловим какие-то сигналы. Радио, звук и изображение. Немного, но все же что-то — местные не успели бы восстановить радио за пять лет. Для начала, мы не успели их ничему научить.

Туземцы на одичавших мирах очень быстро усваивали начатки технологий, оставленные космическими викингами. За четыре месяца путешествия Лукас наслушался историй, подтверждающих это. Но, как и сказал капитан, с того уровня, на который опустилась Танит, подняться в радио- и видеосвязь было делом не пяти лет.

— А вы никого там не потеряли?

Такое тоже случалось часто — кто-то соблазнялся туземками, кто-то восстановил против себя всю команду, кому-то просто захотелось остаться. Местные всегда приветствовали их как учителей и мудрецов.

— Нет. Не успели. Мы провели на поверхности всего триста пятьдесят часов. А это чужое. Кто-то сюда прилетел, кроме нас.

Дуннан.

Лукас вновь покосился на пульт боевого управления, по-прежнему сиявший алым. Корабль готов к сражению. Траск подозревал робота-стюарда, снял с подноса пару тарелок и принял за еду.

— Алвин, — позвал он, не успев проглотить и ложки, — у Поля ничего нового?

Каффард проверил. Появился эффект искажения гравитационного поля, но слишком далеко, чтобы можно было судить с уверенностью. Лукас вернулся к своему ленчу, успел его спокойно доесть и как раз закуривал очередную сигарету, когда вспыхнул тревожный сигнал и динамик рявкнул:

— Сигнал! Сигнал со стороны планеты, радар и микроволновое излучение!

Каффард забормотал команды в интерком. Харкаман прислушался.

— Все сигналы идут из одной точки, примерно двадцать пятый градус северной широты, — сообщил он Лукасу. — Возможно, корабль, скрывающийся за планетой. На луне все чисто.

Казалось, что Танит надвигается все быстрее и быстрее. На самом деле все обстояло наоборот — корабль тормозил, выходя на орбиту, — но малое расстояние создавало иллюзию огромной скорости. Снова вспыхнули тревожные огни.

— Засечен корабль! На границе атмосферы, выходит из-за планеты с запада.

— Это «Авантура»?

— Пока нельзя сказать, — бросил Каффард и тут же воскликнул: — Вон, глядите! Вон та искра, тридцать градусов северной, над самым лимбом!

Должно быть, там, на борту противника, динамики тоже орали: «Засечен корабль!», и полыхал алым светом боевой пульт. И за пультом сидел Андрей Дуннан...

— Нас вызывают, — донесся из интеркома голос Поля Корева. — Стандартный клиновский импульсный код. Запрос: кто мы такие? Сообщает свой видеокод и просит связи.

— Ладно, — протянул Харкаман. — Вежливо пообщаемся. Какой у них код?

Он набрал комбинацию, и экран связи тут же вспыхнул. Траск развернулся к нему лицом, скав подлокотники кресла до боли в костяшках. Что, если это сам Дуннан? Какую гримасу он скрочит, увидев врага на экране?

Лукасу потребовалось мгновение, чтобы понять — это вообще не «Авантура». «Немезида» строилась по планам угнанного корабля, и рубки их были идентичны, а та, что проявилась на экране, отличалась и оборудованием, и обстановкой. «Авантура» была новеньkim кораблем; эта развалина явно многие годы страдала от небрежения капитана и лени команды.

И человек на экране не был Андреем Дуннаном. Лукас видел его в первый раз в жизни. Это был смуглый тип со шрамом на всю щеку; его курчавая шевелюра распространялась и на живот, выпирающий из-под расстегнутой рубахи. Из пепельницы перед ним поднимался дымок сигары, в мятои, но, несомненно, серебряной кружке дымился кофе. Тип радушно ухмылялся.

— Да ну! Капитан Харкаман собственной персоной, на «Авантуре»! Добро пожаловать на Танит. А кто этот господин? Случайно, не герцог Уордхейвенский?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАНИТ

Глава 1

Лукас бросил короткий взгляд на свое отражение в полированной металлической раме, чтобы убедиться, что выражение лица не выдает его. Отто Харкаман расхохотался.

— Надо же, капитан Вальканхайн! Какая неожиданная встреча! Это, как я понимаю, «Бич пространства»? И что вас привело на Танит?

Динамик рявкнул, что замечен второй корабль над северным полюсом. Смуглолицый покровительственно ухмыльнулся.

— Это Гарван Спассо на «Ламии», — пояснил он. — А привело нас то, что мы эту планету заняли. И намерены оставить ее себе.

— Ну-ну! Так вы с Гарвоном скооперировались? Вы просто созданы друг для друга. Так теперь у вас есть собственная планетка? Я за вас рад. И что вы с нее имеете, кроме куриных котлет?

Самоуверенность Вальканхайна начала блекнуть, и он включил ее на полную мощность.

— На прикидывайся. Мы знаем, зачем вы прилетели. Так вот — мы здесь были первыми. Танит наша. Или ты думаешь, что способен нас ограбить?

— Я это знаю, — ласково ответил Харкаман. — И ты знаешь. У нас больше пушек, чем у тебя и Спассо, вместе взятых. На «Ламию» хватило бы и пары наших пинасов. Единственный вопрос тут: а захотим ли мы мараться?

Лукас к этому времени уже переборол изумление, но разочарование осталось. Если этот тип принял «Немезиду» за «Авантюру»... Он не успел вовремя остановиться и закончил фразу вслух:

— ...Тогда «Авантюра» сюда не прилетала!

Смуглолицый воззрился на него:

— А вы разве не на «Авантюре»?

— О нет, — уверил его Харкаман. — Простите за забывчивость, капитан Вальканхайн. Это «Немезида». Господин рядом со мной — лорд Лукас Траск, ее владелец, а я — его капитан. Лорд Траск, позвольте представить вам Боука Вальканхайна с «Бичом пространства», космического викинга. -- Последние два слова он произнес так, словно это определение могло и не

соответствовать истине. — Как и его товарищ, капитан Спассо, корабль которого сейчас приближается. Так ты хочешь сказать, что «Авантуры» тут не было?

Вальканхайн был озадачен и несколько смущен.

— Так у герцога Уордхейвенского два корабля?

— Сколько мне известно, у герцога Уордхейвенского вообще кораблей нет, — ответил Харкаман. — Это судно есть частная собственность лорда Траска. А «Авантурий», которую мы ищем, командаeт некий Андрей Дуннан.

Все это время смуглолицый викинг мечанически посасывал сигару. Теперь он вытащил ее изо рта с таким видом, словно не мог понять, откуда она вообще взялась.

— Но разве герцог Уордхейвенский не послал сюда корабля, чтобы создать базу? Мы слыхали об этом и о том, что ты перебрался с Фламбержа на Грам, чтобы стать командиром судна.

— Где вы это слыхали? И когда?

— На Хоте. Две тысячи часов назад. Новости привез гильгамешец с Шочитль.

— Ну, учитывая, что они прошли через пятье или шестые руки, это была почти правда — вначале. Но когда вы получили ее, она устарела на полтора года. Давно вы сидите на Танит?

Оказалось, что почти тысячу часов, Харкаман понимающее поцокал языком:

— Жаль, вы столько времени потратили. Что ж, приятно было поговорить, Боук. Передай от меня привет Гарвану, когда с ним свяжешься.

— А вы не останетесь?! — Вальканхайн был перепуган — странная реакция для человека, который был готов пойти на смертный бой, чтобы изгнать пришельцев. — Вы что, прямо сейчас отчалите?

Харкаман пожал плечами:

— Стоит нам тратить тут время, лорд Траск? «Авантуры» тут, очевидно, нет и не было. Когда капитан Вальканхайн со товарищи прибыли сюда, она еще находилась в гиперпространстве.

— А ради чего тут задерживаться? — Лукасу было ясно, что капитан ждет, что ему подыграют. — Кроме куриных котлет, конечно?

Харкаман еще раз пожал плечами:

— Это планета капитана Вальканхайна. И капитана Спассо. Пусть они ею занимаются.

— Но послушайте, хорошая же планета! Тут большой местный город есть, тысяч десять или двенадцать, с храмами, дворцами и всем таким прочим. А еще пара городов Старой Федерации, один в неплохом состоянии, с космопортом. Мы над ним изрядно поработали. От туземцев проблем не будет — у них, кроме копий, арбалетов и пары кремневых ружей, и нет ничего...

— Знаю. Бывал.

— Ну, так, может, договоримся? — В голосе Вальканхайна явно начинали проскальзывать умоляющие нотки. — Я мог бы вызвать Гарвана и перескочить его на ваш корабль...

— Вообще-то у нас на борту много клинковских товаров, — заметил Харкаман небрежно. — Могли бы продать дешево. Как у вас с роботехникой?

— Но разве вы не останетесь? — Вальканхайн был в панике. — Давайте, давайте я вызову Гарvana, и мы вместе потолкуем. Минуточку...

Как только экран померк, Харкаман откинулся в кресле и расхохотался так, словно ему только что рассказали самый смешной непристойный анекдот в Галактике. Траск не находил во всем этом решительно ничего веселого.

— Признаться, юмор ситуации от меня ускользает, — заметил он. — Мы проделали такой путь зря.

— Извини, Лукас. — Харкаман еще вздрагивал от хохота. — Я понимаю, ты разочарован — но эта парочка наглых курокрадов!.. Я бы их пожалел, если бы так не смеялся. — Он еще раз фыркнул. — Знаешь, что они задумали?

Траск покачал головой:

— Кто они вообще такие?

— Я же сказал — пара курокрадов. Грабят планеты вроде Сета, Эрфы и Мелкарта, где туземцам нечем с ними драться — да, в общем, и незачем. Я только не знал, что они стакнулись, но это только логично. Никто другой с ними не стал бы связываться. А случилось вот что: прослышиав о танитском проекте герцога Энгуса, они решили, что если доберутся сюда первыми, то мне проще будет принять их к себе под крыло, чем гнать в шею. Наверное, так и случилось бы — у них есть какие-никакие, но корабли, и они как-никак, но кого-то грабят. Но теперь танитский проект закрыт, они отхватили бесполезную планетку и на ней застряли.

— А сами они не могут ею заняться?

— Интересно как? — Харкаман едва не сложился пополам от смеха. — Людей у них не хватит для такого дела, да и техники. Им одно остается — отчалить и забыть о своей глупости.

— Мы могли бы продать им оборудование.

— Могли бы. Если б им было чем платить. Только вот нечем. Единственное, что мы можем сделать, так это спуститься и позволить людям погулять под синим небом. Здесь и девочки не плохие. — Харкаман скривился. — Некоторые, сколько я помню, даже моются. Иногда.

— Похоже, мы так долго будем искать Дуннана. К тому времени когда мы доберемся туда, где его видели, он улетит за пару тысяч световых лет, — с отвращением заметил Лукас. — Согласен, надо дать команде передышку. С этой парочкой мы справимся, да и делить нам нечего.

Три звездолета медленно приближались к точке встречи — в пятнадцати тысячах миль над линией терминатора. «Бич пространства» мог похвастаться гербом в виде латной рукавицы, держащей комету за голову. Хвост кометы походил не столько на бич, сколько на метелку. На «Ламии» красовалась свернувшаяся клубком змея с женской головой, руками и бюстом. Вальканхайн и Спассо не торопились вызывать «Немезиду», и Лукас начал уже волноваться, а не заманивают ли его под перекрестный огонь. Но когда он сказал об этом Харкаману и Алвину Каффарду, оба только посмеялись.

— Да у них просто совещание, — сказал Каффард. — Они еще часа два будут так болтать.

— Видишь ли, — объяснил Харкаман, — Вальканхайн и Спассо не владеют своими кораблями. Они так глубоко влезли в долги к своим командам за ремонт и оборудование, что теперь все владеют всем сообща. Это и по кораблям заметно. А капитаны не командуют. Они там вроде циц-председателей на общих советах.

Но наконец оба более-менее командира появились на экранах. Вальканхайн застегнулся и натянул мундир. Гарван Спассо оказался маленьким, лысоватым человечком с близко посаженными глазками и тонкими губами прирожденного интригана. Он и начал разговор:

— Капитан, Боук говорит, что вы вовсе не состоите на службе у герцога Уордхейвенского.

Прозвучало это обиженно, почти как обвинение.

— Верно, — ответил Харкаман. — Мы прилетели сюда, поскольку лорд Траск надеялся встретить здесь второй грамский корабль, «Авантуру». А раз ее нет, то и нам здесь делать нечего. Мы, правда, надеемся, что не вызовем проблем, если спустимся и дадим нашим людям пару сот часов отпускных. Они три тысячи часов провели в гиперпространстве.

— Вот! — взвился Спассо. — Они обманом высадятся, а потом...

— Капитан Спассо, — перебил его Траск, — не оскорбляйте интеллект присутствующих. Это ко всем относится. — Спассо уставился на него с оскорблённой надеждой. — Я прекрасно понимаю, какие планы вы строили. Вы думали, что капитан Харкаман прилетел сюда, чтобы от имени герцога Уордхейвенского создать здесь базу. И вы решили, что, прибыв сюда раньше и заняв оборонительные позиции, уговорите его принять вас на герцогскую службу, вместо того чтобы тратить на вас снаряды и рисковать своими людьми. Так вот, господа, мне очень жаль, но капитан Харкаман находится на службе у меня. А я ни в малейшей степени не заинтересован в организации базы на Танит.

Вальканхайн и Спассо переглянулись — вернее, скосили глаза вбок, на соседние экраны, каждый в своем корабле.

— Понял! — вскричал внезапно Спассо. — Тут два корабля — этот и «Авантура». Герцог Уордхейвенский послал «Авантуру», а этот — кто-то еще. Они оба хотят устроить тут базу!

Перспективы открывались блестательные. Вместо того чтобы стричь купоны со своей комариности, капитаны теперь ощутили себя силой, способной нарушить баланс сил в борьбе за планету. Возможности для прибыльных измен были неисчислимые.

— Да, конечно, Отто, садитесь, — разрешил Вальканхайн. — Я-то знаю, что такое три тысячи часов в гипере.

— Вы устроились в том старом городе с двумя небоскребами, да? — спросил Харкаман и перевел взгляд на обзорный экран. — Сейчас там полночь. Что с космопортом? Когда я здесь бывал, от него мало что осталось.

— Ну, мы его привели в порядок. На нас тут целая шайка туземцев ищачит...

Город был знаком Лукасу и по описаниям Харкамана, и по картинам, которые рисовал Ван Ларч за время долгого пути с Грамом. На подлетах к нему он казался даже величественным, раскинувшись на многие мили вокруг трехтысячекутовых башен-близнецовых. Немного в стороне виднелась восьмиконечная звезда космопорта. Те, кто строил этот город во времена закатного блеска Терранской Федерации, были уверены, что он станет столицей многолюдного и богатого мира. Потом на Федерацию нала ночь. Что случилось затем на Танит, в точности не знал никто; ясно было только, что ничего хорошего.

Издали башни казались новенькими, будто бы только что построенными; потом стало видно, что верхушка одной из них обломана. Разбросанные вокруг них дома поменьше почти не пострадали от времени, хотя кое-где на грудах руин буйно разросся кустарник. Космопорт выглядел вполне обычно: восьмиугольник центрального корпуса, посадочные поля, за ними — треугольники складов и воздушных доков. Центральный корпус стоял, как и прежде, а посадочные поля были очищены от мусора и обломков.

Но когда «Немезида», буксируемая собственными пинасами, пошла вслед за «Бичом пространства» и «Ламией» на посадку, иллюзия живого города рассеялась. Промежутки между зданиями заполонила новая поросль, перемежающаяся кое-где огородами и полями. И башен, этих вертикальных городов в небе, когда-то стояло три. На месте третьей красовался теперь глянцевый кратер, от которого отходила гряда обломков — кто-то взорвал у ее основания ракету средних размеров, килотонн на двадцать. Нечто подобное случилось и с космопортом — один из треугольных комплексов причалов и складов превратился в однородную груду шлака.

В целом же причиной гибели города послужило не насилие, а небрежение. Во всяком случае, его не сравняли с землей. Харкаман предположил, что большей частью война велась субнейтронными

или омега-лучевыми бомбами, уничтожавшими все живое, но не повреждавшими строения. Или биологическим оружием — искусственная чума вышла из-под контроля и опустошила планету.

— Чтобы цивилизация продолжалась, чертова уйма народу должна провернуть чертову уйму работы. Разбомбить заводы, убить инженеров и ученых — и массы не смогут восстановить разрушенное и вернутся к каменным топорам. Уничтожить побольше людей — и даже если заводы и технологии останутся, работать будет некому. Я видел, как планеты дезивилизовались обоими способами. Танит — вероятно, последним.

Это было сказано за обедом еще во время перелета с Грама на Танит. Кто-то из благородных авантюристов, присоединившихся к экспедиции после угона «Авантюры» и убийства, спросил:

— Но ведь кто-то выжил. Неужели они не знают, что случилось?

— «В древние времена, — процитировал Харкаман, — были колдуны. Они строили высокие дома чародейскими заклятиями. Потом колдуны передрались и сгинули». Больше они ничего не знают.

Вот и понимай, как хочешь.

Пока пинасы подталкивали «Немезиду» к посадочному доку, Лукас успел заметить внизу, на поле космодрома, рабочих. Или у Вальканхайна и Спассо оказалось больше товарищей, чем можно было судить по размерам их кораблей, или на них работало немало местных жителей — больше, чем жило во всем умирающем городе, сколько помнилось Харкаману.

Горожане — все пять сотен — прежде зарабатывали на жизнь, добывая металл из старых зданий и обменивая его на продукты, ткани, порох и прочие товары. Добраться до города можно было только на повозках, через несколько сот миль прерий: строили его люди, привычные к контрагравитации, с полным презрением к естественным путям сообщения.

— Не завидую я беднягам, — пробормотал Харкаман, поглядывая на копошащийся внизу человеческий муравейник. — Боук Вальканхайн и Гарван Спассо, вероятно, обратили их в рабство. Если бы я и вправду собирался строить здесь базу, я бы эту парочку по головке не погладил за их работу по связям с местной общественностью.

Глава 2

Так оно и оказалось. Спассо, Вальканхайн и несколько их офицеров встретили новоприбывших на посадочной площадке центрального здания космопорта, где они устроили свою штаб-квартиру. Проходя по длинному коридору, Лукас заметил дюжины туземцев, совками и руками собиравших с пола мусор и сваливавших его в тележку-подъемник. И мужчины, и женщины носили сандалии и бесформенные балахоны из мешковины.

Приглядывал за ними другой туземец, в юбочке, мокасинах и кожаной куртке; на поясе у него был короткий меч, а в руке — плетка. На голове его красовался боевшлем космического викинга с гербом «Ламии» Спассо. При приближении викингов он низко поклонился, приложив ладонь ко лбу. А пройдя мимо, Лукас услыхал позади злые крики и свист плети.

Если есть рабы, должны быть и надсмотрщики; перед хозяином они станут пресмыкаться, а на других — срывать злобу. Нос Харкамана подергивался, будто в бороде у викинга запутался гнилой рыбий хвост.

— У нас таких сотен восемь, — хвастался Спассо. — Здешних работников едва три сотни набралось, так что остальных мы набрали в деревнях по реке.

— И чем вы их кормите? — поинтересовался Харкаман. — Или не кормите вовсе?

— Почему, — ответил Вальканхайн. — Еду собираем. Высылаем отряды на катерах. Те находят деревню, местных выгоняют, собирают продукты и привозят сюда. Порой местные сопротивляются, но что у них там — арбалеты да пара мушкетов фитильных. Стоит им попробовать, мы деревню сжигаем, а кого видим — пристреливаем.

— Вот-вот, — «одобрил» Харкаман. — Если корова не хочет доиться — прирежь ее. Молока, правда, все равно не будет, но...

Комната, куда хозяева проводили гостей, располагалась в дальнем конце коридора. Первоначально это был, видимо, конференц-зал. Но резные панели со стен давно исчезли, остались только дыры, и Траск вспомнил, что при входе сорвали не только дверь, но и металлические пазы, куда она убиралась.

Однако посреди зала громоздился большой стол, кресла и диваны были застелены вышитыми покрывалами — все ручной, но очень тонкой работы. На стене висели трофеи — копья, дротики, арбалеты со стрелами и несколько громоздких мушкетов, примитивных, но сделанных с большим искусством.

— Все у местных отобрали? — поинтересовался Харкаман.

— Да, в основном в большом городе при слиянии рек, — ответил Вальканхайн. — Мы его пару раз трясли. Там мы и набрали себе надсмотрщиков.

Он взял со стола обтянутую кожей колотушку и забил в гонг, требуя принести вина.

— Да, хозяина, иду, хозяина! — отозвался чей-то голосок.

Через минуту в комнату вбежала русоволосая, сероглазая женщина, таща два кувшина. Вместо хламиды, как у других рабов, она носила синий мешковатый халат на четыре размера больше, чем нужно. Не будь она так перепугана, Лукас мог бы даже назвать ее красивой. Рабыня поставила кувшины на стол, достала из буфета серебряные кубки и, повинувшись взмаху руки Спассо, торопливо удалилась.

— Думаю, нелепо спрашивать, платите ли вы этим людям за работу или за отобранные вещи, — заметил Харкаман.

Судя по тому, как расхохотались викинги с «Бича пространства» и «Ламии», это было нелепо до смешного. Харкаман пожал плечами.

— Что, мы им еще и платить должны? — возмутился Спассо. — Чертова банда дикарей!

— Не хуже, чем были аборигены Шочитль, когда их завоевали альтеклерцы. Вы видели, какими они стали при князе Викторе, сами там были.

— У нас ни людей нет, ни оборудования такого, — огрызнулся Вальканхайн. — Мы не можем позволить себе цацкаться с местными.

— А обратного не можете позволить тем более, — ответил Харкаман. — У вас тут два корабля. В полет вы можете отправить только один — второй должен оставаться и удерживать планету. Если вы поднимете в космос оба, туземцы, которых вы так старательно восстановили против себя, сметут любой оставленный вами отряд. А если вы никого не оставите на месте — зачем вообще нужна планетная база?

— Почему бы вам не присоединиться к нам? — Спассо наконец выступил с идеей. — С тремя кораблями мы могли бы заняться делом всерьез.

Харкаман вопросительно глянул на Траска.

— Эти господа, — разъяснил Лукас, — немного ошиблись. Они хотят спросить, не позволим ли мы им присоединиться к нам.

— Ну, если вы хотите, пусть так будет, — уступил Вальканхайн. — Признаю, ваша «Немезида» стоит нас двоих. Но почему нет? С тремя кораблями у нас будет настоящая база. У папаши Никки Грэфема было только два, когда он начинал на Джаганнате, а посмотрите, чего добились Грэфемы.

— Нас это интересует? — осведомился Харкаман.

— Боюсь, не очень, — вздохнул Лукас. — Правда, мы только сели. Может, Танит откроет большие возможности. Давайте отложим решение напоследок и оглядимся.

В небе загорались звезды, над восточным горизонтом вставал тонкий лунный серп — пусть небольшой, спутник располагался близко к планете и был хорошо виден. Лукас Траск подошел к краю наблюдательной площадки, и Элейн шла рядом с ним. Шум, доносившийся снизу, где гуляли космонавты с «Немезиды», понемногу слабел. В южной части неба плыла звезда — один из пинасов, оставленных на орбите. На земле горели костры, доносились слабое пение, и Лукас внезапно осознал, что это поют те несчастные, кого Валканхайн и Спассо обратили в рабов. Элейн исчезла.

— Ну что, Лукас, уже сыт романтикой дальних плаваний?

Траск обернулся. Говорил барон Ратмор, собиравшийся прислужить на «Немезиде» с год, а потом отправиться домой с какой-нибудь из планетных баз и делать политический капитал на своем знакомстве со знаменитым Лукасом Траском.

— Пока да. Говорят, это не самая типичная банда.

— Надеюсь. По мне, это сборище тупых свинообразных садистов.

— Ну, жестокость и дурные манеры я еще могу оправдать, но Слассо и Вальканхайн — пара мелких жуликов невеликого ума. Если бы Андрей Дуннан добрался сюда первым, он сделал бы, наверное, единственное доброе дело в жизни. Понять не могу, почему его здесь нет.

— Думаю, появится, — предсказал Ратмор. — Я знаю и его, и Невиля Ормма. Ормм полон амбиций, а Дуннан безумно мстителен... — Он горько хохотнул. — Кому я это рассказываю?..

— Так почему он не полетел прямо сюда?

— Может, ему и не нужна танитская база. Базу нужно создать, а Дуннан — разрушитель. Полагаю, украденное оборудование он попросту продал. Он переждет, пока не убедится, что второй корабль завершен. Потом прилетит сюда и расстреляет все, что движется, как... — Ратмор прикусил язык.

— Как на моей свадьбе, — закончил за него Траск. — Я не могу об этом забыть.

На следующее утро они с Харкаманом на аэромобиле отправились поглядеть на город при слиянии рек. Город был новый — в том смысле, что вырос он уже после распада Федерации и потери высоких технологий. Дома скучились на узком треугольном кургане, насыпанном, видимо, для защиты от наводнений. На возведение его при помощи лопат и телег ушли, должно быть, поколения труда. А на взгляд человека, привычного к контрагравитации и автоматике, сооружение вовсе не было внушительным. Сотня, а то и меньше, рабочих с соответствующим оборудованием возвела бы такой курган за одно лето. Только заставляя себя думать о том, как копали землю, лопату за лопатой, как перетаскивали телегу за телегой, как рубили и обтесывали топорами деревья, одно за другим, чтобы уложить в склоны кургана, как тащили камень за камнем и кирпич за кирпичом, Лукас мог оценить труд туземцев. Город был даже обнесен бревенчатой стеной, укрепленной насыпью. Вдоль реки стояли причалы для кораблей и лодок. Назывался город просто Торговым.

Стоило аэромобилю приблизиться, как в городе забили в гонг; грохнул холостой пушечный выстрел, и над стеной поднялось облачко дыма. Длинные лодки, похожие на каноэ, и массивные многовесельные баржи одинаково поспешно выгребали на середину реки; пастухи гнали скот с загородных полей. К тому времени когда машина зависла над городом, в виду не было ни одного туземца. За девятьсот с лишним часов, что туземцы были оставлены на сомнительную милость Боука Вальканхайна и

Гарвана Спассо, они разработали очень эффективную систему противовоздушного предупреждения. Это их, впрочем, не спасало до конца: часть города выгорела после бомбардировки слабой химической взрывчаткой. Но эта корова давала слишком хорошее молоко, чтобы парочка самозваных властителей прирезала ее, не выдоив окончательно.

Аэромобиль сделал несколько кругов на высоте тысячи футов и улетел. В небо поднимались столбы черного дыма из гончарных мастерских в предместье — видно, в топки кидали битум. По обе стороны реки начали вставать такие же дымные колонны.

— Знаешь, это цивилизованный народ, если не понимать под цивилизацией контрагравитацию и ядерную энергию, — задумчиво заметил Харкаман. — Прежде всего, у них есть порох, а на Терре было немало впечатляющих цивилизаций, которые не могли им похвастаться. У них есть общественная организация, а это первый шаг на пути к настоящей цивилизации.

— Страшно подумать, что случится с ними, если Спассо и Вальканхайн задержатся тут надолго, — ответил Траск.

— В конечном итоге, думаю, это будет неплохо. То, что хорошо, в конечном итоге обычно не слишком приятно. А вот судьбу Спассо и Вальканхайна берусь предсказать. Они сами одичают. Они застрянут здесь, и всякий раз, когда не смогут отнять что-то у местных, станут грабить другие планеты, но большую часть времени будут торчать здесь, помыкая рабами. Потом их корабли выйдут из строя, а починить их эта парочка не сумеет. И в конце концов туземцы нападут на них и сотрут с лица земли. А к этому времени аборигены уже многому научатся.

Харкаман направил аэромобиль на запад. Они пролетели над несколькими деревнями. Одна или две сохранились со времен Федерации — до катастрофы на их месте были усадьбы. Остальные выросли за последние пять веков. От пары остались только пепелища — кара за грех самозащиты.

— Знаешь что, — произнес наконец Лукас, — я окажу всем услугу. Я позволю Спассо и Вальканхайну уговорить меня, чтобы отнять у них этот мир.

Харкаман резко обернулся:

— Ты с ума сошел?

— «Если вы не поняли чьих-то слов, не называйте его безумцем, а спросите, что он имеет в виду». Кто это сказал?

— В яблочко. — Харкаман усмехнулся. — Ладно, лорд Траск, что вы имели в виду?

— Догнать Дуннана нам не под силу. Будем ловить его из засады. Кто это сказал, мы тоже помним. Это место, как мне кажется, подходит для засады. Когда он узнает, что у меня тут база, то рано или поздно на нее нападет. А если и не нападет, то, принимая в своих ремонтных доках корабли, мы соберем о нем больше сведений, чем мотаясь по Старой Федерации.

Харкаман призадумался, потом кивнул.

— Да, если мы сумеем организовать базу вроде Нергала или Шочитль, — согласился он. — На любой из таких баз постоянно болтается четыре-пять кораблей — викинги, торговцы, гильгамеши. Будь у нас тот груз, что украл вместе с «Авантурой» Дуннан, у нас бы получилось. Но у нас нет оборудования. А у Вальканхайна и Спассо — тем более.

— Получим с Грама. На данный момент вкладчики Танитской авантюры, от герцога Энгуса и ниже, потеряли все. Но если они захотят вложить еще немного, то окупят свои потери с лихвой. А в округе должно быть немало планет, где можно украсть почти все необходимое.

— Верно. Породжини в радиусе пятисот светолет. Но это не те миры, которые привыкла грабить наша парочка. Кроме машин, мы можем получить золото и ценности, которые можно продать на Граме. И если у нас получится, ты быстрее найдешь Дуннана, оставаясь на Танит, чем таскаясь по Галактике. Я так в молодости охотился на золотых кабанов на Коляде: находишь укромное местечко и ждешь.

Вальканхайна и Спассо пригласили на борт «Немезиды» — на обед. Чтобы перевести разговор на Танит, ее ресурсы, преимущества и возможности, больших усилий не потребовалось.

— Думаю, — лениво проговорил Траск, когда собеседники перешли к бренди и кофе, — что вместе мы могли бы что-то сделать из этой планеты.

— Мы вам это с самого начала говорили, — азартно перебил его Спассо. — Это чудесная планетка...

— Может быть. Пока что я вижу только возможности. Для начала нам нужен космопорт.

— А это, по-вашему, что? — осведомился Вальканхайн.

— Это был космопорт, — ответил Харкаман. — Его можно восстановить. Еще нам нужен док для ремонтных работ. А еще лучше судостроительный. Ни разу не видел, чтобы корабль прибывал на базу викингов с хорошей добычей и не был при этом поврежден. Князь Виктор Шочитльский половину своих прибывал получает от ремонтных работ, как и Никки Грэфем с Джаганната и Эверарды с Хота.

— А еще починка двигателей — гипертяги, обычных и псевдограва, — добавил Траск. — И сталеплавильня, и фабрика коллапсия. И роботехнический завод, и...

— Да это немыслимо! — вззвился Вальканхайн. — Чтобы привезти это все за один раз, нужно двадцать таких кораблей, как ваш. И чем мы будем расплачиваться?

— Именно такую базу и хотел организовать герцог Энгус Уордхайвенский. «Авантура», корабль того же типа, что и «Немезида», несла в трюмах всю необходимую технику, когда ее угнали.

— Когда ее?..

— Ну вот, теперь этим господам придется рассказать правду, — фыркнул Харкаман.

— Что я и собираюсь сделать. — Лукас отложил сигару, глотнул бренди и разъяснил суть Танитской авантюры герцога. — Это была часть большого плана. Энгус хотел добиться экономического господства Уордхейвена, чтобы подкрепить свои политические амбиции. Но идея была очень выгодная. Я выступал против нее, поскольку считал, что Танит выиграет слишком многое, а моя родина в конечном счете проиграет.

Он рассказал об «Авантюре», ее грузе промышленного и строительного оборудования, а потом поведал, как Андрей Дуннан украл корабль.

— Меня это не расстроило бы — я не вкладывал денег в Танитский проект. А вот что меня, мягко сказать, огорчило, так это то, что Дуннан перед отлетом расстрелял мою свадебную процессию, ранив меня и моего тестя и убив женщину, на которой я не был женат и получаса. Этот корабль я построил за свой счет, взял с собой капитана Харкамана, оставшегося без работы, когда угнали «Авантюру», и прилетел сюда, чтобы выследить Дуннана и убить. Полагаю, что проще всего это будет сделать, если я сам построю базу на Танит. А база должна приносить прибыль, иначе игра не стоит свеч. — Он снова взял сигару и затянулся. — Я приглашаю вас, господа, присоединиться к нам.

— Э, вы так и не сказали, кто даст нам деньги, — напомнил Спассо.

— Герцог Уордхейвенский и прочие вкладчики в первую Танитскую авантюру. Для них это единственный способ возместить убытки.

— Но тогда главным будет герцог Уордхейвенский, а не мы, — возразил Вальканхайн.

— Герцог Уордхейвенский живет на Граме, — напомнил Харкаман. — Мы здесь, на Танит. Между нами три тысячи световых лет.

Этот ответ, кажется, удовлетворил всех. Спассо, однако, поинтересовался, а кто будет главным тут, на базе.

— Надо провести общее собрание экипажей... — завел было он.

— Ничего подобного мы делать не будем, — прервал его Траск. — Приказывать на Танит буду я. Вы, может, и позволяете оспаривать ваши приказы, а я этого не потерплю. Так можете своим экипажам и передать. Всякий приказ, отданный от моего имени, должен исполняться неукоснительно.

— Не знаю, как люди это воспримут... — задумчиво произнес Вальканхайн.

— Я догадываюсь, как воспримут, если у них есть голова на плечах, — предсказал Харкаман. — И знаю, что случится, если головы нет. Я-то помню, как вы распоряжались своими кораблями, вернее, как команды распоряжались вами. У нас этот номер не пройдет. Лукас Траск — владелец. Я — капитан. Он мне говорит, что надо сделать, я объясняю всем, как это сделать.

Слассо глянул на Вальканхайна и пожал плечами:

— Боук, этот человек так хочет. Будешь с ним спорить? Я — нет.

— Первый приказ, — сказал Лукас. — Люди, которые на нас работают, должны получать плату. А ваши охранники-обороты не имеют права их бить. Кто хочет вернуться домой, тех отвезут с подарками. Кто останется, получит одежду, жилье, регулярное питание и зарплату. Выработаем систему обменных знаков и устроим лавку, где они смогут покупать наши товары.

Вместо денег — титановые или пластиковые диски, которые нельзя подделать. Пусть этим Алвин Каффард займется. Организовать бригады, самых умелых и умных назначить бригадирами. А охранниками пусть займется один из наших сержантов; выдать им клинковское оружие, провести курс наземного боя и поставить обучать других. Нам понадобится армия сипаев. Даже самая добрая воля не заменит выставленной напоказ и при необходимости применяемой без колебаний силы.

И больше никаких налетов на деревни за едой или чем-то еще. За все, что мы станем получать от местных, придется платить.

— С этим будут трудности, — предсказал Вальканхайн. — Наша ребята полагают, будто все, что есть у местных, принадлежит любому из них.

— Я тоже так думаю, — ответил Харкаман. — На планете, которую граблю. А это наша планета и наши туземцы. Своих не грабят. Вдолбите это в головы.

Глава 3

Чтобы убедить свои команды, Вальканхайну и Слассо потребовалось куда больше времени, чем полагал необходимым Траск, но Харкаман был доволен, как и барон Ратмор, уордхейвенский политик.

— Это все равно что убеждать толпу мелких свободных землевладельцев принять чей-то сюзеренитет, — объяснял Ратмор. — Давить на них нельзя, пусть думают, что это их собственная идея.

Оба экипажа провели собрания; барон Ратмор выступал с речами, покуда лорд Траск Танитский и адмирал Харкаман (титулы придумал тоже Ратмор) хранили гордое молчание. Оба звездолета находились в совместном владении, то есть по сути не принадлежали никому. В таком же «совместном» владении находилась до сих пор и планета Танит, и ни в одном экипаже не нашлось дурака, который поверил бы, что «Бич пространства» и «Ламия» смогут получить от этого какую-то прибыль. Получалось, что, присоединившись к «Немезиде», они меняют пустышку на что-то ценное. В конце концов всеобщим голосованием команды признали власть лорда Траска и адмирала Харкамана. Танит стала феодальным владением, а три корабля — ее флотом.

Первым действием новоиспеченного адмирала стала генеральная общевойсковая инспекция. Он не был шокирован состоянием обоих кораблей только потому, что ожидал еще худшего. Они годились для полета; в конце концов, доплелись же они с Хота своим ходом. Они годились для боя — только не слишком жестокого. Но первоначальная оценка, что «Немезида» могла бы в два счета разнести оба звездолета в пыль, была, пожалуй, слишком мягкой. Двигатели работали кое-как, а вооружение никуда не годилось.

— Мы не станем просиживать штаны на Танит, — объявил адмирал своим капитанам. — У нас теперь пиратская база, и ключевое слово тут «пиратская». Мы не будем выбирать мишени полегче. Планета, которую можно грабить безнаказанно, не стоит потраченного времени. На каждой новой планете нам предстоит драться, и я не собираюсь рисковать жизнями своих подчиненных — включая и ваши команды — из-за этих слабосильных и недовооруженных корыт!

Спассо попытался спорить:

— Мы же справлялись.

Харкаман только выругался.

— Знаю я, как вы справлялись — кур воровали на планетах вроде Сета, Шипетотека и Мелкарта. Вам даже на текущий ремонт не хватало, оттого и корабли в таком виде. Эти деньки кончились. Оба корабля надо бы перебрать по винтику, но это обождет, пока у нас нет собственного дока. Но требую, чтобы по крайней мере пушки и ракетные установки были приведены в порядок. И системы слежения; «Немезиду» вы засекли только с двадцати тысяч миль.

— Начать надо с «Ламии», — предложил Траск. — И поставим ее на орбитальное дежурство вместо наших пинасов.

Работы на «Ламии» начались на следующий же день, и между ее офицерами и инженерами, присланными с «Немезиды», тут же начались трения. Гасить пожар отправился барон Ратмор. Вернулся он, перегибаясь пополам от смеха.

— Знаете, как этот корабль управляет? — спросил он, отсмеявшись. — У них там нечто вроде офицерского совета*: главный инженер, боцман, старший артиллерист, астрогатор и так далее. Спассо у них вместо куклы чревовещателя. Я переговорил с каждым. Никто не сможет поймать меня на слове, но теперь все думают, что мы снимем Спассо с поста капитана и заменим одним из них, причем каждый верит, что счастливчиком окажется он. Не знаю, сколько такая система продержится, — она такая же временная, как этот ремонт. Но должна протянуть, пока мы не придумаем чего-то лучшего.

— От Спассо надо избавиться, — согласился Харкаман. — Заменим его нашим человеком. Вальканхайн пусть командует «Би-

* В оригинале использовано русское слово «soviet».

чом пространства», он все же космодетчик. А от Спассо никакого толку.

С туземцами тоже возникали проблемы. Аборигены говорили на *lingua terra*, как и все потомки расы, расселившейся из Солнечной системы в третьем веке, но понять их можно было с трудом. На цивилизованных планетах язык фиксировался навеки в микрофильмах и звуковых пленках. Но микрокниги можно читать, а пленки — слушать только при помощи электричества, а его тайну на Танит давно утеряли.

Большая часть туземцев, обращенных в рабство Спассо и Вальканхайном, была родом из окрестных — не дальше пятисот миль — деревень. Примерно половина отказалась работать дальше; их одарили ножами, одеялами и кусочками металла, которые служили здесь одновременно стандартом стоимости и средством обмена, и отправили по домам. Сложнее всего было найти нужную деревню. Но из каждого поселка начинали расходиться слухи, что теперь космические викинги щедро платят за то, что берут.

«Ламию» по возможности быстро привели в порядок. Хорошим кораблем она, конечно, не стала, но несколько приблизилась к этому желанному состоянию. Ее оснастили лучшим локационным оборудованием, какое только сумели собрать на месте, и вывели на орбиту. Командовать ею стал Алвин Каффард вместе с несколькими бывшими подчиненными Спассо, несколькими — Вальканхайна и парой человек с «Немезиды». Харкаман собирался использовать судно для тренировки офицеров с «Ламии» и «Бича пространства» и регулярно менял их.

Двум десяткам надсмотрщиков раздали клиновское оружие и провели с ними офицерские курсы. В обращение ввели торговые знаки, спешно наштампованные из цветного пластика. Построили лавочку, где пластмассовые бляхи менялись на клиновские товары. Потом до туземцев дошло, что теми же знаками можно пользоваться и при сделках друг с другом — деньги принадлежали к тем достижениям цивилизации, которые Танит утеряла при падении. Большая часть рабочих быстро освоили контрагравитационные ручные подъемники и платформы. Некоторые даже научились водить бульдозеры — конечно, пока на уровне «нажать вот эту кнопку». «Дайте им немного времени, — думал Траск, наблюдая за работой бригады. — Через пару лет они у меня будут водить аэромобили».

Как только «Ламию» вывели на орбитальное дежурство, работа закипела на «Биче пространства». Решено было, что Вальканхайн отгонит его на Грам; с ним должны были отправиться люди с «Немезиды», чтобы исключить возможность предательства. Для переговоров с герцогом Энгусом отправлялись барон Ратмор, Пэйтрик Морланд и еще пара уордхейвенских джентльменов-авантюристов. Алвину Каффарду предстояло послужить при Вальканхайне боцманом (с тайным приказом принять

командование на себя, буде возникнет необходимость), а Гуату Кирби — астрогатором.

— Но вначале надо вывести «Немезиду» и «Бич пространства» в большой налет, — сказал Харкаман. — Мы не можем послать «Бич» на Грам с пустыми трюмами. Чтобы уговорить герцога и прочих вкладчиков, Ратмору недостаточно будет показать снимки из путевого альбома. Надо продемонстрировать, что Танит приносит прибыль. Да и свои деньги нам не помешают.

— Но Отто — оба корабля? — Лукас забеспокоился. — А если Дуннан явится сюда и не найдет никого, кроме Спассо и «Ламии»?

— Придется рискнуть. Лично я полагаю, что раньше чем через год-полтора Дуннан не прилетит. Знаю, мы уже пробовали предсказать его действия и ошиблись. Но для рейда, который я планирую, нам потребуется два корабля, а кроме того, я просто не хочу оставлять здесь эту парочку без присмотра.

— Я, если подумать, тоже. Но мы ведь и одному Спассо не можем довериться.

— Оставим достаточно наших людей, чтобы быть спокойными. Оставим Алвина — придется мне за него поработать. И барона Ратмора, и молодого Вальпрея, и преподавателей на сипайских курсах. Можем перетасовать команды и заменить часть людей Спассо людьми Вальканхайна. А можем просто уговорить Спассо отправиться с нами. Придется терпеть его за офицерским столом, но дело того стоит.

— Ты уже выбрал мишень?

— Целых три. Для начала Хепера. Тридцать светолет отсюда. Мелкое курокрадство, конечно, но для наших новичков оно послужит достаточно безопасной тренировкой в боевых условиях и даст уверенность в себе, а нам — представление, как поведут себя люди Спассо и Вальканхайна.

— А потом?

— Аматерасу. Мои сведения об этой планете устарели на двадцать лет — за этот срок многое могло случиться. Сколько я знаю — сам я там не бывал, — мирок вполне цивилизованный. Вроде Терры перед самым началом атомной эры. Ядерной энергетики нет — утеряли, и ничего выше, но есть электростанции, на реках и солнечные, есть неатомные реактивные самолеты и очень хорошее оружие на химической взрывчатке, которое они активно испытывают друг на друге. Последний раз их грабил корабль с Экскалибуром двадцать лет назад.

— Звучит многообещающе. А третья планета?

— Беовульф. Урон, который мы можем потерпеть на Аматерасу, там роли не сыграет, а если мы оставим Аматерасу под конец, то можем до нее просто не дотянуть.

— Так серьезно?

— Да. У них есть ядерное оружие. Не думаю, что стоит упоминать Беовульф при капитанах Спассо и Вальканхайне, прежде чем мы возьмем Хеперу и Аматерасу. Пусть сначала ощутят себя героями.

Глава 4

После Хеперы во рту оставался мерзкий привкус. Лукас еще морщился, когда цветные вихри на экранах угасли в серой мгле гиперпространства. Гарван Спассо — прихватить его с собой оказалось проще простого — жадно взглядывался в экран, словно еще мог видеть там разоренную планету.

— Это было здорово, просто здорово! — булькал он. — Три города за пять дней, и все добро — наше! Взяли два миллиона стелларов!

«И разрушили вдесятеро больше, а смерти и страдания просто не измерить деньгами».

— Заткнись, Спассо. Надоел уже.

Было время, когда Лукас Траск ни с кем не позволил бы себе так обойтись, тем более с боевым товарищем. Следствие закона Грешема: «Дурные манеры заразительны». Спассо возмущенно обернулся к нему:

— Да кто ты такой, чтобы...

— Он — лорд Траск Танитский, — ответил Харкаман. — И он, кстати, прав. — Капитан внимательно глянул на Лукаса, потом повернулся к Спассо: — Мне тоже до смерти надоело слушать, как ты квохчешь из-за пары миллионов вшивых стелларов. Собственно, мы и полтора-то едва наскребли, но даже из-за двух кудахтать нечего. Для «Ламии» это, может, и неплохо, а у нас три корабля и планетная база, и за них надо платить. После этого налета десантник или пилот получит по сто пятьдесят стелларов. Мы сами — по тысяче. И долго мы, по-твоему, продержимся на этаком курокрадстве?

— Ты это называешь курокрадством?

— Называю. И ты назовешь, прежде чем мы на Танит вернемся. Если доживешь, конечно.

Еще секунду Спассо выглядел обиженным, потом его лисье лицо загорелось жадной надеждой, которая тут же померкла. Очевидно, репутация Отто Харкамана была ему известна и в понятия о легком заработке никак не укладывалась.

На Хепере все было просто. Драться туземцам было просто нечем — ружья да легкие пушки, способные сделать подряд два-три выстрела. Там, где десант встречал сопротивление, на защитников пикировали бронелеты, сбрасывая бомбы и поливая пулеметным огнем. И все же туземцы сражались, отчаянно и безнадежно — так же, как сражался бы сам Лукас, защищая родной Траскон.

Он отвлекся, принимая от робота кофе и сигарету, а когда поднял взгляд, Спассо уже ушел. Харкаман сидел на краю стола и набивал трубку.

— Что ж, Лукас, вот ты и посмотрел на слона, — заметил он. — Вижу, тебе не очень понравилось.

— Слона?

— Была такая старая терранская поговорка. Я помню только, что слон — это такой зверь размером с грамского мегатерия. А выражение значит «впервые пережить что-то значительное». Интересно было бы посмотреть на того слона. Это был твой первый налет. Теперь ты знаешь, каково это.

Лукасу уже приходилось воевать. Он вел трасконских бойцов во время пограничной стычки с бароном Маннивелем, а бандиты и скотокрады в округе не переводились. Ему казалось, что ничего нового он не увидит. Пять дней назад — или пять веков? — он в радостном напряжении смотрел, как растет на экранах город. «Немезида» рушилась вниз. Пинасы — четыре с основного корабля и два с «Бича пространства» — окружили город стомильным кольцом. «Бич пространства» ходил более узким, двадцатимильным кругом, а «Немезида» продолжала спускаться, пока в десяти милях от земли из нее не посыпались десантные катера, боекаты и одноместные яйцевидные аппараты «воздушной кавалерии». Все шло превосходно; даже банда Вальканхайна не допустила ни единого промаха.

А потом включились экраны. Краткая, отчаянная схватка в городе. Перед глазами Лукаса еще стояла эта нелепая пушечка — калибра семьдесят — восемьдесят миллиметров, на громоздкой арбе, влекомой шестью волосатыми, кривоногими тяжеловозами. Пушки сгребли ее и пытались навести на цель, когда ракета с аэрокатера приземлилась у нее под дулом. Взрыв смел пушку, пушкарей, повозку и даже отогнанную на полсотни ярдов в сторону упряжку.

Или та горстка мужчин и женщин, что попыталась укрепиться в развалинах большого дома, отстреливаясь из пистолей и мушкетов. «Воздушный кавалерист» прикончил их всех одной очередью из пулемета.

— У них нет ни единого шанса, — проговорил Лукас, борясь с тошнотой. — А они продолжают сражаться.

— Как глупо с их стороны, — прокомментировал Харкаман.

— А что бы ты сделал на их месте?

— Сражался бы. Попытался бы прикончить как можно больше викингов, прежде чем меня достанут. Терролюди все такие глупые. Поэтому мы и люди.

Если взятие города превратилось в бойню, то разграбление его стало адом на земле. Лукас вместе с Харкаманом спустился на поверхность, когда бои, если можно их так назвать, еще не утихли. Харкаман предложил побывать с бойцами, чтобы поддержать их дух, Лукас же считал себя обязанным разделить их вину.

Он и сэр Пэйтрик Морланд спустились к одному из тех опустевших зданий-скорлуп, что стояли здесь еще с тех пор, когда Хепера была одной из республик Терранской Федерации. Воздух

обжигал дымом, пороховым и от полыхающих зданий. Удивительно, сколько всего может гореть в городе из бетона и плавленого камня. И еще более удивительно — как ухожено все, до чего можно добраться с земли. Здешние жители гордились своим городом...

Лукас и его спутник зашли в огромный пустой зал. Крики, ужас боя остались позади. Потом они заглянули в боковой проход и увидели там человека, одного из аборигенов. Он сидел на полу, держа на коленях тело женщины. Она была давно мертва — пуля снесла ей полчерепа, — но туземец продолжал сжимать ее в объятиях, тихо всхлипывая. Кровь заливала ему рубашку. На полу рядом, позабытое, лежало ружье.

— Бедняга, — пробормотал Морланд и двинулся дальше.

— Нет.

Лукас остановил его, вытащил пистолет из-за пояса и спокойно застрелил туземца. Морланд с ужасом воззрился на него:

— Сатана великий, Лукас! Зачем?!

— Хотел бы я, чтобы Андрей Дуннан оказал мне ту же услугу. — Лукас поставил пистолет на предохранитель и запихнул в кобуру. — Тогда ничего этого не случилось бы. Сколько еще счастливых пар мы разбили сегодня? Дуннана хотя бы извиняло безумие.

На следующее утро, когда все ценности были собраны и погружены на борт, эскадра передвинулась на пятьсот миль к другому крупному городу. На протяжении первой сотни внизу проплывали дымящиеся остатки деревень, разоренных накануне людьми Вальканхайна. Налета не ждали. Хепера потеряла и электричество, и радио, и телеграф, а новости здесь распространялись со скоростью кривоногих зверюг, которых туземцы упорно называли лошадьми. К вечеру со вторым городом тоже было покончено — и не менее кроваво.

Город оказался крупным центром торговли скотом. Животные были местного происхождения — могучие единороги размечом с грамского бизонида или мутировавших на Танит терранских карабахос с длинной, как у терранского яка, шерстью. Дюжину десантников с «Немезиды», бывших вакерос на ранчо в Трасконе, Лукас отрядил доставить на корабль два десятка коров и четырех быков посильнее и достаточно сена, чтобы прокормить их. Вряд ли эти существа сумеют акклиматизироваться на Танит, но если получится, они станут самым ценным приобретением, вывезенным викингами с Хеперы.

Третий город располагался при слиянии двух рек, как Торговый на Танит, но, в отличие от последнего, был куда крупнее. Начать следовало именно с него — викинги систематически грабили его два дня. Хеперане имели немалый речной торговый флот — колесные паровички, — и берег был усеян складами, полными товаров. Больше того, хеперане имели деньги, по

большой части золотые, и подвалы ростовицких контор ломились от драгоценного металла.

К сожалению, строился город уже после падения Федерации, в период варварства, и строился большей частью из дерева. Пожары начались почти сразу; к концу второго дня город полыхал целиком. В телескопические камеры он был виден даже с орбиты — черная клякса на дневной стороне планеты, недобрый огонек на ночной.

— Мерзкое дело, — угрюмо проговорил Траск.

Харкаман кивнул:

— Как и всякие грабеж и убийство. Не спрашивай меня, кто сказал, что космические викинги — профессиональные грабители и убийцы, но я от кого-то слыхал, что ему плевать, сколько планет будет разорено и сколько невинных погублено в Старой Федерации.

— От покойника. Лукаса Траска Трасконского. Он не знал, о чем толкует.

— Ты предпочел бы остаться в Трасконе, на Граме?

— Нет. Если бы я и остался, то каждую секунду мечтал бы оказаться здесь. Наверное, я привыкну.

— Думаю, да. По крайней мере, ты можешь есть. Я после своего первого десанта вывернулся наизнанку, а кошмары не отпускали меня год. — Харкаман отдал роботу-стюарду кофейную чашку и встал. — Отдохни пару часов. Потом возьми у врача пару таблеток алкодот-витамина. Как только закончим паковать груз, по всему кораблю начнутся пьянки, а нам придется заглянуть на каждую, выпить за здоровье и сказать: «Молодцы, ребята!».

Когда Лукас спал, к нему пришла Элейн. Она смотрела на него с ужасом, он пытался спрятать лицо, прежде чем понял, что прячется от себя самого.

Глава 5

К городу Эглонсби на Аматерасу «Немезида» и «Бич пространства» спускались бок о бок. Радар засек их с половины световой секунды, и, к тому моменту когда корабли вошли в атмосферу, об их прибытии знала вся планета. Причина прилета тоже сомнений не вызывала. Поль Корев отслеживал добрых два десятка радиостанций, поставив по оператору на каждую длину волн. Из динамиков неслись одинаково возбужденные и в разной степени испуганные голоса, говорившие на приличном *lisp-gua tecta*.

Гарван Спассо тоже волновался, а Боук Вальканхайн даже вызвал командира из рубки «Бича пространства».

— У них есть радио и радар! — закричал он.

— Ну и что? — ответил Харкаман. — Радио и радар у них были двадцать лет назад, когда тут похозяйничал Рок Морган на «Угольном мешке». Ядерной энергии у них ведь нет?

— Нет, — неохотно признал Вальканхайн. — Масса электростанций, но ни одной атомной.

— Вот и хорошо. Человек с дубиной стоит двоих без дубины. Человек с пистолетом стоит дюжины с дубинами. А два корабля с ядерными бомбами стоят целой планеты без них. Лукас, пора?

Траск кивнул.

— Поль, ты уже нашупал частоту Эглонсби?

— Что вы собирались делать? — потребовал ответа Вальканхайн. Видно было, что он заранее против.

— Предложу сдаться. Если не подчинятся — сбросим «адову плешь», потом вызовем другой город и тоже потребуем сдаться. Думаю, второй не откажется. Если уж мы взялись грабить, то делать это надо всерьез.

Вальканхайн потерял дар речи — видимо, при мысли о том, что можно сжечь неразграбленный город. Спассо булькал нечто вроде «...преподать урок поганым неоварварам...». Корев сказал, что вышел на частоту передачи, и Лукас взял микрофон.

— Космические викинги «Немезида» и «Бич пространства» вызывают город Эглонсби. Космические...

Эту фразу он повторял больше минуты.

— Ван, — обратился он к артиллеристу, — субкритическую, демонстрационную, в четырех милях над городом.

Отложив микрофон, он посмотрел, как темнеют экраны нижнего обзора. Вальканхайн на своем корабле поспешил выкрикивал предупреждения. Единственным незатемненным экраном на «Немезиде» остался настроенный на падающий снаряд. На камеру наплывал город Эглонсби, потом изображение исчезло. Остальные экраны озарились оранжево-желтой вспышкой. Потом фильтры поднялись, вновь включились телескопические камеры. Лукас опять взял микрофон.

— Космические викинги вызывают Эглонсби. Это было последнее предупреждение. Немедленно выйдите на связь.

Не прошло и минуты, как из динамика донесся голос:

— Эглонсби вызывает космических викингов. Ваша бомба нанесла огромный ущерб. Не стреляйте, пока мы не доставим к передатчику представителя власти. Говорит главный оператор центральной государственной телестанции. У меня нет полномочий вести с вами беседу или обсуждать что-то.

— Вот и отлично, — пробормотал Харкаман. — Похоже на диктатуру. Приставить диктатору пистолет к виску, и все желания исполнены.

— Обсуждать нам нечего, — заявил Траск в микрофон. — Найдите человека, который имеет право сдать нам город. Если это не случится через час, город и его жители будут уничтожены.

Уже через пару минут из динамика донесся другой голос:

— Говорят Гансалис Ян, секретарь Педросана Педро, президента Совета синдиктов. Я передам ему микрофон, как только он

сможет обратиться лично к главнокомандующему вашими судами.

— Это я. Давайте его сюда.

— Мы готовы сопротивляться, — начал президент Педросан Педро секунд через пятнадцать, — но понимаем, что это будет стоить нам множества жизней и огромного ущерба...

— Даже не пробуйте, — прервал его Лукас. — Вы слыхали о ядерном оружии?

— Из истории. У нас ядерных реакторов нет, поскольку планета лишена радиоактивных руд.

— Так вот, это будет вам, как вы выражились, стоить всего и вся в Эглонси и его окрестностях миль на сто. Вы все еще готовы сопротивляться?

Президенту сопротивляться расхотелось. Так он и сказал. Траск осведомился, какой властью обладает господин президент.

— В чрезвычайной ситуации — абсолютной, — невыразительно ответил Педросан Педро. — Полагаю, эту ситуацию можно назвать чрезвычайной. Совет автоматически одобрит любое мое решение.

Харкаман отжал кнопку передачи.

— Как я и говорил: диктатура под маской демократии.

— Если не олигархия под маской диктатуры. — Лукас махнул Харкаману рукой, чтобы тот включил передатчик. — Сколько человек в этом вашем совете?

— Шестнадцать, по одному от каждого синдиката. Есть синдикат профсоюзов, синдикат производителей, синдикат мелкого бизнеса...

— Корпоративное государство, первый век доатомной эры, Терра, Бенни Лось, — прокомментировал Харкаман. — Что ж, спустимся, поговорим.

Удовострившись, что население предупреждено и сопротивляться не будет, капитан позволил «Немезиде» опуститься до двух миль. Корабль завис над центром города. По стандартам привычных к контрагравитации викингов здания были невысоки — редкие небоскребы превышали полтысячи футов, а тысячефутовые можно было пересчитать по пальцам, — и стояли они теснее, чем привыкли клинковцы. Кварталы разделялись широкими дорогами. В некоторых местах Лукас заметил странные конструкции — перекрестья путей, ведущих вроде бы в никуда. Харкаман при виде их расхохотался:

— Аэродромы. Я их видел на других планетах, потерявших контрагравитацию. Для воздушных судов на химическом топливе. Надеюсь, у меня будет время осмотреться. Держу пари, тут и железные дороги есть!

Нанесенный бомбой «огромный ущерб» соответствовал примерно эффекту небольшого шторма. Трасконские ураганы причиняли больше вреда. Впрочем, основной ущерб потерпел боевой дух горожан — на что и было рассчитано.

С президентом Педросаном Педро и Советом синдиков викинги встретились в просторном и богато обставленном зале на верхнем этаже не особенно высокого здания. Вальканхайн изумился настолько, что громким шепотом признал здешних жителей «почти цивилизованными». Налетчиков представили. На Аматерасу фамилия ставилась перед именем, — очевидно, в местной культуре и политической жизни важную роль играла регистрация в алфавитном порядке. Одежды всех синдиков имели неуловимое, но явное сходство с мундирами.

Когда все расселись за овальным столом, Харкаман вытащил пистолет и воспользовался им в качестве председательского молотка.

— Лорд Траск, — произнес он сурово и формально, — обратитесь ли вы к этим людям лично?

— Безусловно, адмирал. — Впрочем, обратился Лукас только к президенту, начисто игнорируя его сотоварищей. — Вам следует понять, что мы полностью контролируем город и ожидаем полного повиновения. До тех пор пока вы не вздумаете сопротивляться, мы не причиним никакого ущерба, за исключением экспроприации ценностей. Ни бессмысленного вандализма, ни насилия по отношению к вашим людям не будет. Наш визит обойдется вам дорого, имейте это в виду, но намного дешевле, чем восстановление всего, что мы можем разрушить.

Президент и синники облегченно переглянулись. Пусть о цене волнуются налогоплательщики; главное, что шкуры целы.

— Как вы понимаете, нам требуется максимум ценности при минимальном объеме, — продолжал Лукас. — Драгоценности, предметы искусства, меха, разнообразные предметы роскоши. Редкоземельные элементы. И монетные металлы — золото, платина. Ваша валюта ведь ими обеспечивается?

— О нет! — Президент Педросан даже обиделся немного. — Наша валюта обеспечивается исключительно вложенным трудом и называется просто кредитом.

Харкаман не слишком вежливо фыркнул — видимо, уже сталкивался с подобной экономикой. Траск же поинтересовался, используется ли на планете вообще золото или платина.

— Золото как материал для украшений. — Очевидно, экономическое пуританство в Эглонсби привилось не до конца. — А платина, конечно, в промышленности*.

— Если им нужно золото, грабили бы Столголенд, — заметил один из синдиков. — Их деньги обеспечены золотом. — Судя по его тону, это было все равно что есть с тарелки пальцами. Может быть, даже собственных детей.

* Английские пуритане отвергали украшения как «орудия дьявола», отсюда и намек. Что касается платины, то она и платиновые металлы являются лучшими катализаторами многих процессов органического синтеза.

— Карты вашей планеты, которые мы используем, устарели на несколько веков. Но Столголенд на них не значится.

— Жаль, что он значится на наших, — отозвался генерал Дагро Эктор, синдик госбезопасности.

— Всей планете было бы лучше, если бы вы избрали их своей жертвой, — заметил еще кто-то.

— Этим господам еще не поздно передумать, — намекнул Педросан. — Насколько я понял, среди вашего народа очень ценится золото? — Он дождался кивка Лукаса и продолжил: — Золото — основа столголендской валюты. Реально на руках находятся бумажные купюры, обеспеченные в теории золотом. На деле же циркуляция золота запрещена, а золотой запас страны сосредоточен в трех хранилищах. Их местонахождение нам точно известно.

— Вы меня заинтересовали, президент, — произнес Лукас.

— Правда? У вас два звездолета и шесть катеров. У вас есть ядерное оружие, которого наша планета лишена. У вас имеется контрагравитация, от которой у нас остались только легенды. С другой стороны, у нас есть полтора миллиона солдат, реактивные самолеты, бронированные машины и огнестрельное оружие. Если вы решите напасть на Столголенд, все эти силы мы предоставим в ваше распоряжение; генерал Дагро будет командовать ими так, как скажете вы. Мы просим лишь, чтобы, когда столголендское золото окажется в ваших трюмах, страну вы оставили во власти наших войск.

На этом встреча и завершилась, плавно перейдя в следующую, на которой от викингов присутствовали только Траск, Харкаман и сэр Пэйтрик Морланд, а от эглонебийского правительства — президент Педросан и генерал Дагро. Проходила она в том же здании, но в другой комнате, поменьше и куда роскошнее.

— Если вы намерены объявить Столголенду войну, то потропитесь, — посоветовал Морланд. — Мы тут вечно торчать не намерены.

— Что? — Педросан не сразу понял, о чем вообще идет речь. — Вы имеете в виду — предупредить их? Ни в коем случае! Мы нападем внезапно. Это же натуральная самозащита, — добавил он с ханжеской миной. — Капиталистическая олигархия Столголенда уже много лет планирует напасть на нас. Да-да. Если бы вы разграбили Эглонси, как намеревались первонациально, они вторглись бы к нам через секунду после вашего отлета. Я бы на их месте тоже так поступил.

— Но формально вы поддерживаете с ними дружеские отношения?

— Разумеется. Мы же культурные люди. Миролюбивое правительство и народ Эглонси...

— Спасибо, мистер президент, я уже понял. У них есть здесь посольство?

— Посольство! — возмущенно воскликнул Дагро. — Этот гадюшник, эта язва шпионажа и саботажа!..

— Мы его сами захватим, — заявил Харкаман. — Но вы не сможете изловить всех вражеских агентов, а если этим займемся мы, это вызовет подозрения. Надо ввести их в заблуждение.

— Верно. Вы немедленно выйдете в эфир с призывом ко всем жителям страны оказывать нам содействие и приказом по всем войскам — помочь нам собрать дань, которую мы наложили на Эглонсби, — распорядился Траск. — Так что если столголендинские шпионы и заметят скопление ваших войск вокруг наших кораблей, то решат, что они помогают нам с погрузкой.

— А еще мы объявим, что большую часть дани составит вооружение, — добавил Дагро. — Это поможет объяснить, почему на ваши боеходы грузятся наши танки и пушки.

Когда космические викинги захватили столголендинское посольство, посол потребовал немедленно провести его к главарю пиратов. Он выступил со следующим предложением: если космические викинги обезвредят армию Эглонсби и по отлету впустят в страну войска Столголенда, захватчикам выплатят десять тонн золота. Траск сделал вид, что отнесся к этому предложению благосклонно.

Между Столголенном и государством Эглонсби лежало мелкос, неширокое море, усеянное островками, каждый из которых, в свою очередь, был утыкан нефтяными вышками. Самолеты и наземные машины Аматерасу работали на бензине; нефть, а не идеология, была причиной раздоров между странами-соседями. Столголендинская разведка в Эглонсби, очевидно, была введена в заблуждение, лишь поддержанное отчетами, которые Траск разрешил отослать пленному послу. Радиостанции Эглонсби ежечасно умоляли мирное население сотрудничать с викингами и скорбели по захваченному оружию. Зато разведка Эглонсби работала как надо. В четырех портах на побережье, обращенном в сторону Эглонсби, наблюдалось скопление войск; спешно экспроприировались все торговые суда. К этому времени всякое сочувствие, которое Траск мог испытывать к любой из сторон, испарилось окончательно.

Вторжение в Столголенд началось на пятое утро после прибытия викингов в Эглонсби. Перед рассветом шесть пинасов взмыли вверх и по баллистической кривой обрушились на Столголенд с севера — по два на каждое из хранилищ золота. Радары засекли их слишком поздно, чтобы организовать эффективное сопротивление. Два хранилища были захвачены без единого выстрела, а к утру все три были вскрыты, а золотые слитки — погружены на борт пинасов.

Четыре порта, откуда должно было начаться столголендинское вторжение в Эглонсби, нейтрализовали ядерной бомбардировкой. «Какое удачное слово — нейтрализовали», — подумал Траск. В нем не слышится отзвуков страшных криков тех, кто лежит

искалеченный, обожженный, слепой, на подступах к опаленному эпицентру. «Немезида» и «Бич пространства» высадили эглонсбийские войска в Столгонополисе. И покуда те без всякого стеснения грабили город, космические викинги сосредоточенно грузили на борт золото и ценности, какие могли найти.

Занятие это затянулось до следующего утра, когда в завоеванную столицу вступил президент Педросан Петро, тут же заявивший, что намерен предать главу Столголенда и весь кабинет министров военно-полевому суду. А к закату корабли вернулись в Эглонсби. Общая сумма награбленного достигла полумиллиарда экскалибурских стелларов. У Баака Вальканхайна и Гарвана Сласско от изумления отнялись языки.

А потом началось разграбление Эглонсби.

Вывозили станки, запасы стали и легких сплавов. В городе было полно складов, а склады — забиты товарами. Несмотря на социалистические, эгалитарные лозунги, которыми прикрывалось правительство, элита была многочисленной, а золото если и не служило валютным металлом, то в качестве украшений использовалось повсеместно. Несколько музеями занялся Ван Ларч — единственный, кто хоть немножко разбирался в искусстве, после чего они стали намного беднее.

А еще в городе имелась огромная библиотека, куда ринулся Otto Харкаман с полуодеждой грузчиков и контрагравитационной тележкой. Исторический раздел после его посещения стал таить в себе немало загадок.

Тем же вечером с «Немезидой» связался по радио президент Педросан Петро.

— Это так вы, космические викинги, держите свое слово? — возмущенно осведомился он. — Вы бросили меня и мою армию в Столголенде, а сами тем временем грабите Эглонсби. Вы же обещали оставить нас в покое, если мы поможем вам добыть столголенское золото.

— Ничего подобного я не обещал, — ответил Траск. — Я обещал помочь вам взять Столголенд. Вы его взяли. Я обещал избегать ненужного насилия и разрушений и уже повесил дюжину своих людей за убийства, изнасилования и бессмысленный вандальизм. И к вашему сведению, мы намерены убраться с планеты в течение суток, так что возвращайтесь поскорее. Грабить начинают ваши собственные граждане, а их усмирять мы не подряжались.

И это была чистая правда. Полиция и немногие оставленные в метрополии войска не способны были удержать толпу, грабящую все на своем пути. Каждый хотел ухватить, что плохо лежит, и свалить на викингов. Своих десантников Траск удерживал в повиновении, хотя дюжину убийц и насильников пришлось, как он и сказал президенту, развесить на фонарях. Боевые товарищи — даже из команды «Бича пространства» — отнеслись к их судьбе

с редким безразличием. По их мнению, преступники заслужили наказание — не за разбой, а за неповиновение приказу.

К тому времени когда последние катера занимали свои места в доках, из Столголенда начали по воздуху перебрасываться эглонсбийские войска, но дальше аэродрома они не продвинулись. Харкаман, уже упаковавший свой груз микропленок, хохотал от души.

— Понятия не имею, что теперь будет делать Педросан Генна, я не знаю, что я бы сам делал на его месте. Вероятно, половину армии он вернет домой, половину оставит в Столголенде и потеряет обе. Надо будет завернуть сюда года через три-четыре, из чистого любопытства. Если мы соберем хоть впятеро меньше, чем в этот раз, поездка оккупится.

Когда корабли ушли в гиперпространство, пьянка продлилась три стандартных галактических дня, и на обоих судах не нашлось бы и одного трезвого человека. Харкаман трясясь над своей коллекцией исторических материалов, а Спассо ликовал. «Это уж никто не назовет курокрадством!» — повторял он всем и каждому, пока язык еще слушался. Хепера — это, конечно, мелочи; жалкие два-три миллиона стелларов, ха!

Глава 6

На Беовульфе им пришлось туда.

Против этого рейда дружно возражали Вальканхайн со Спассо. Никто не грабил Беовульф — себе дороже. Беовульфцы сохранили атомную энергетику, и ядерное оружие, и контрагравитацию, и корабли для полетов в нормальном пространстве. Они даже основали пару колоний на внешних планетах своей системы. У них было все, кроме гиперпривода. Беовульф был цивилизованной планетой, а цивилизованные планеты грабят только самоубийцы.

И кроме того — они что, на Аматерасу мало награбили?

— Мало, — ответил Траск. — Если мы хотим обустроить Танит, нам нужна энергия, и ветряными мельницами тут не обойдешься. Как вы метко подметили, Беовульф сохранил ядерную энергетику. Там мы разживемся плутонием и силовыми ячейками.

К Беовульфу они все же полетели.

Из гиперпространства корабли вышли в восьми световых часах от звезды спектрального класса F-7, четвертой планетой которой был Беовульф, и в двадцати световых минутах друг от друга. Один микропрыжок, рассчитанный Гуатом Кирби, вывел их на расстояние видеоконтакта, и капитаны обоих судов начали совещание перед атакой.

— На планете есть три основных месторождения радиоактивных руд, — сказал Харкаман. — Последним кораблем, которому удалось потрясти Беовульф, была «Принцесса Лайонесская» Страфана Кинтура, шестьдесят лет назад. Он ограбил завод на

Антарктическом континенте, судя по его бортовому журналу, только что построенный. Поскольку он не разнес его в клочья, то завод скорее всего и посейчас работает. Заходим со стороны южного полюса и не мешкаем.

Солдат и технику перебрасывали с корабля на корабль. Атаковать Лукас и Харкаман собирались плотной группой, пустив вперед пинасы; те вместе с «Бичом пространства» должны были сесть на поверхность, а лучше вооруженная «Немезида» — прикрывать их с воздуха, отстреливая контрагравитационные боелеты и снаряды туземцев. Траск перешел на борт «Бича» вместе с Морландом, двумя сотнями лучших десантников «Немезиды» и большей частью боелетов, посадочных катеров, манипуляторов и тягачей, забивших палубы вокруг шлюзов «Бича пространства».

Следующий прыжок вынес корабли на расстояние шести световых минут от планеты, и пока астрогатор Вальканхайна путался в расчетах, радарщики засекли микроволновое излучение локаторов. После третьего прыжка до южного полюса планеты оставалось две световые секунды, и с Беовульфа навстречу пришельцам поднялось с полдюжины кораблей — без гиперяги, конечно, но по размерам не уступающих «Немезиде».

Потом начался кошмар.

Корабль сотрясался от выстрелов. Летели ракеты, и перехватчики сбивали их, вспыхивая огненными шарами. На пульте загорались красные огни повреждений, выли сирены, и пищали зуммеры. Видимая на обзорных экранах «Немезида» нырнула в облако белого пламени — и вынырнула невредимой, когда у всех уже перехватило горло от ужаса. Гасли красные лампочки на пульте — ремонтники, люди и роботы, задевали пробоины в корпусе и закачивали воздух в пробитые отсеки, — чтобы через несколько минут вспыхнуть снова.

По временам Лукас бросал взгляд на Боука Вальканхайна, сидевшего на своем месте и безрадостно пережевывавшего сигару. Во всяком случае, он не паниковал. Беовульфский корабль скрылся во вспышке сверхновой и не вынырнул, когда пламя погасло. Вальканхайн заметил только: «Надеюсь, это сделал один из наших».

С боями они пробивались к атмосфере. Взорвался еще один беовульфский корабль, размером с «Ламию». Спассо, секундой позже — другой. Вальканхайн замолотил кулаками по пульту, крича:

— Это один из наших парней! Найдите, кто выпустил ракету! Вот это стрелок!

Теперь загадительный огонь велся с планеты. Радарщик Вальканхайна пытался засечь, откуда летят ракеты, но, пока он возился с приборами, от «Немезиды» отделилась огромная округлая туша. На иссеченном радиационными помехами экране появился хохочущий Харкаман.

— Только что выпустили «адову плешь». Пятьдесят градусов южной широты, двадцать пять — к востоку от линии рассвета. Оттуда на нас сыплются ракеты.

К стальной дыне устремлялись перехватчики, сгорая в столкновениях с роботами-ракетами защиты. След «адовой плещи» был виден и в вакууме — как ряд огненных шаров. Потом она вошла в атмосферу, как метеор, скрылась в ночной темноте за терминатором и озарила ее, будто солнцем. Это и был солнечный свет — бетанская реакция солнечного феникса, которая может поддерживать себя много часов. Лукас надеялся только, что от эпицентра до фабрики не меньше тысячи миль.

Десантная операция тоже обернулась кошмаром, только иностранного рода. Лукас спустился на поверхность в аэромобиле командующего, вместе с Пэйтриком Морландом и еще парой офицеров. Грохотали ракетометы и артиллерийские батареи. Боевые полыхали огнем, мимо них проносились и взрывались в полете «воздушные кавалеристы». Военные роботы на контрагравитаторах выпускали ракеты одну за другой, роботы-рабочие кидались на противника всем весом. Экраны сходили с ума от радиации, динамики хрюпло выкрикивали противоречавшие друг другу приказы. Но наконец битва, кипевшая в воздухе над двумя тысячами квадратных миль рудников, очистительных установок и реакторов, разделилась на две: одна — у хранилищ готового плутония, а вторая — у завода силовых ячеек.

Над каждой из мишеней образовали треугольник пинасы; «Бич пространства» висел посередине, извергая потоки грузовых платформ и тяжелых манипуляторов. Туда и сюда сновали бронированные катера, а в их потоках носилась от одной мишени к другой машина Лукаса Траска. В одном месте выгружались из хранилищ покрытые коллапсием многотонные канистры с плутонием, в другом — грузовики вывозили ящики готовых радиоэлектрических генераторов, от больших, с десятилитровую банку, для двигателей звездолетов, и до крохотных, с патроном, для фонарики и прочей ерунды.

Каждый час Лукас бросал взгляд на хронометр и обнаруживал, что прошло три или четыре минуты.

Но наконец, когда он окончательно убедился, что мертв, проклят и обречен всю вечность находиться в этом огненном аду, «Немезида» выпустила красные сигнальные ракеты, и динамики во всех машинах начали передавать сигнал к отступлению. Удовствовавшись, что никто из живых не остался на поверхности, Лукас и сам поднялся на борт «Бича пространства».

Двадцать с лишним человек остались внизу навсегда. Медпункт был забит ранеными, а из боеходов выгружали все новых и новых. Командирскую машину пару раз подбили; у одного из стрелков текла кровь из-под шлема, а он даже не замечал этого.

В рубке управления Лукас нашел похудевшего от усталости Бука Вальканхайна. Тот требовал от робота-стюарда добавить ему бренди в кофе.

— Вот так, — произнес он с удовлетворением, дуя на дымящуюся жидкость. Кофе он пил из той самой побитой серебряной кружки, которая появилась на экране «Немезиды» при их первой встрече. — Корабль готов к отлету. — Он кивнул в сторону пульта; красные огни погасли, все пробоины были заделаны, а загерметизированные отсеки — закупорены. Вальканхайн отставил кружку и зажег сигару. — Цитируя Гарвана Спассо, «это уж никто не назовет курокрадством».

— Верно. Даже если считать тизонских птиц-жираф курами. С чем у тебя там кофе — с грамским резигрушевым бренди? Мне то же самое. Только без кофе.

Глава 7

Детекторы «Ламии» засекли их, едва корабли вышли из последнего микропрыжка. Тосклиwyй страх Лукаса, что Дуннан посетил Танит за время их отсутствия, отступил. С легким недоверием Лукас осознал, что они отсутствовали всего лишь тридцать с небольшим стандартных дней, а за это время Алвин Каффард совершил невозможное.

Космопорт был полностью очищен от развалин и кустарника, лес вокруг него и двух небоскребов вырублен. Туземцы называли город Риввин; судя по надписям, попадавшимся среди руин, это было искаженное слово «Ривингтон». Каффард составил более-менее подробные карты континента и всей планеты. А главное — он установил дружеские отношения с королем Торгового и его народом.

Когда добычу начали выгружать, глазам своим не верили даже те, кто помогал собирать ее.

Стадо лохматых единорогов — хеперане называли их крэггами, видимо, по фамилии натуралиста, их открывшего — пережило и путешествие, и даже битву при Беовульфе. Траск и несколько десантников, бывших раньше скотоводами в Трасконе, присматривали за ними, а корабельный врач исполнял обязанности ветеринара и проверял, какие растения годятся крэггам в пищу. Три самки носили детенышей; их отделили от стада и берегли как зеницу ока. Туземцы на Танит поначалу отнеслись к единорогам с недоверием. По их мнению, у скотины должно быть два рога, загнутых назад, а не один, торчащий вперед.

Оба корабля изрядно пострадали в боях. «Немезиде» снесло напрочь порт одного из пинасов; оставалось только радоваться, что беовульфцы не заметили этого и не всадили в отверстие ядерную ракету. «Бич пространства» получил прямое попадание в южный полюс при самом взлете, и часть отсеков разгерметизировалась. «Немезиду» по мере сил починили и поставили на орбитальное дежурство, бросив все силы на «Бич пространства».

Вооружение с него сняли, усилив им наземную оборону, корпус залатали, а все трюмы — очистили. Чтобы привести корабль в форму, нужен был оборудованный док наподобие доков Горрама на Граме — куда и направлялся корабль.

Капитаном судна в рейсе на Грам и обратно предстояло быть все тому же Вальканхайну. После Беовульфа Лукас не только перестал презирать его, но даже начал испытывать восхищение им. Когда-то Вальканхайн был неплохим человеком, и обрушившиеся на него несчастья не были его виной. Он просто распустил и себя, и команду. А теперь снова взял себя в руки. Это начало проявляться уже после посадки на Аматерасу. Он стал аккуратнее одеваться и грамотнее разговаривать, действовать не как алкаш, а как космонавт. Его люди начали исполнять все приказы бегом. Он выступал против налета на Беовульф, но то были последние судороги умирающего в нем курокрада. Конечно, он боялся — как и все, кроме пары новичков, смелых от собственного невежества. Но он шел в бой, и умело сражался, и продержал корабль над атомной фабрикой в ракетном аду, и взлетел не раньше чем на борт поднялись все, кто остался в живых.

Он снова стал космическим викингом.

А Гарван Спассо им не был и никогда не станет. Услыхав, что корабль, загруженный награбленным на трех планетах, пойдет на Грам не кто иной, как Вальканхайн, толстяк капитан примчался к Траску и начал брызгать слюной.

— Ты знаешь, что случится? — выл он. — Он сгинет со всем грузом, только вы его и видели. Отправится куда-нибудь на Жуайёз или Экскалибур и купит себе там дворянский титул.

— Очень сомневаюсь, Гарван, — мягко урезонивал его Лукас. — С ним полетят немало наших — астрогатор Гуат Кирби, например; уж ему-то ты доверяешь? И сэр Пэйтрик Морланд, и барон Ратмор, и лорд Вальпрай, и Рольв Хеммердинг... — Тут Лукас смолк; его озарило. — А может, ты тоже захочешь полететь на «Биче пространства»?

Спассо ухватился за это предложение двумя руками. Траск милостиво кивнул:

— Вот и хорошо. Тогда я смогу быть совершенно спокоен, — произнес он, с трудом сдерживая улыбку.

Когда Спассо удалился, Лукас позвонил Ратмору:

— Когда доберетесь до Грама, проследи, чтобы он получил как можно больше, в рамках разумного, конечно. И попроси герцога об одной услуге — пусть даст ему какую-нибудь бессмысленную синекуру с красивым титулом в придачу. Что-нибудь вроде лорда-смотрителя герцогской ванны. Тогда Спассо можно будет накачать дезинформацией, чтобы он сбыл ее Омфрею Гласпитскому. А потом связаться с ним, чтобы он продал Омфрея Энгусу со всеми потрохами. Через пару предательств его самого выпотрошат, и тогда мы от него избавимся.

«Бич пространства» нагрузили столголенским золотом вместе с картинами, статуями, тканями, мехами, драгоценностями, изразцами и фарфором с рынков Эглонсби. Набили трюмы мешками и бочками с хеперанскими монетами. Большую часть вывезенного с Хеперы тащить на Грам не стоило, но среди менее развитых танитских аборигенов эти товары шли на «ура».

Некоторые туземцы учились работать на станках, а пара человек уже неплохо управлялась с контрагравитаторами (если на тех была защита «от дурака»). Бывшие рабы-надсмотрщики все до одного стали сержантами и лейтенантами в только что сформированном пехотном полку; нескольких король города Торгового одолжил в инструктора для собственной армии. Какой-то гений из ремонтной мастерской произвел революцию в оружейном деле, показав местным кузнецам, как делать пружинные кремневые замки.

После отбытия «Бича» крэгги продолжали процветать; биохимия Хеперы и Танит была достаточно схожей. Родилось несколько телят и все выжили. Траск возлагал на них большие надежды. На каждом корабле викингов имелись свои баки карникультуры, но искусственное мясо приедалось, и свежие бифштексы всегда были в цене. Лукас надеялся, что когда-нибудь крэгги будут угощаться экипажи садящихся на Танит судов, а шкуры найдут рынок сбыта на каком-нибудь из Клинковых миров. Между Ривингтоном и городом Торговым теперь регулярно ходили контрагравитационные баржи, а между деревнями — легкие аэромобили. Лодочники Торгового даже бунтовали пару раз, возмущаясь конкуренцией. А в самом Ривингтоне непрерывно гудели бульдозеры, экскаваторы и манипуляторы, и над городом стояло огромное облако пыли.

Дел было так много, а в сутках — всего двадцать пять с хвостиком стандартных часов. Порой Лукас по нескольку дней кряду не вспоминал об Андрее Дуннане.

Сто двадцать пять дней лету до Грама и столько же обратно давно прошли. Конечно, надо было еще отремонтировать «Бич пространства», проконсультироваться с первоначальными вкладчиками Танитской авантюры, собрать оборудование для новой базы. Но Лукас все равно начинал беспокоиться, хотя и понимал, что повлиять на срок возвращения «Бича пространства» не может. Даже невозмутимый Харкаман занервничал, когда прошел двести семидесятый день.

Оба главаря пиратской базы отдыхали после долгого трудового дня в апартаментах, оборудованных на верхних этажах здания космопорта, — раскинувшись в креслах из лучшего отеля Эглонсби, отставив бокалы на низенький столик, покрытый чем-то вроде слоновой кости, которая к слонам не имела никакого отношения. На полу валялись планы атомного реактора и масс-энергетического конвертера, постройка которых начнется, как

только «Бич пространства» доставит оборудование для производства покрытых коллапсием пластин.

— Можно, конечно, начать уже сейчас, — неохотно выдавил Харкаман. — Можем снять с «Ламии» достаточно брони, чтобы экранировать любой реактор.

То был первый раз, когда один из них вслух признал, что корабль может и не вернуться. Траск раздавил сигару в пепельнице — из личного кабинета президента Педросана Педро — и плеснул еще бренди в стакан.

— Скоро «Бич» вернется. На борту хватает наших людей, чтобы ни у кого не возникло коварных планов. И теперь я доверяю Вальканхайну.

— Я тоже. Но меня волнует не корабль и не команда. Мы не знаем, что творится на Граме. Гласпйт и Дидрексбург могли объединиться и смять Уордхейвен, прежде чем герцог Энгус подготовился к вторжению. Боук мог посадить корабль в ловушку.

— Хотел бы я посмотреть на эту ловушку, когда он из нее выберется. Не в первый раз космический викинг отработает Клинковый мир.

Харкаман глянул на полупустой стакан и долил бренди под ободок. Он с начала вечера терзал этот стакан — тот же самый в том смысле, в каком остается тем же полк, потерявший девять десятых личного состава в боях и восполняющийся новобранцами.

Перебил его гудок, донесшийся из ком-экрана — одной из немногих вещей в комнате, которых никто ниоткуда не крал. Оба встали; Харкаман подошел и включил экран. Звонили из диспетчерской — дежурный сообщал, что в двадцати световых минутах замечены два объекта. Харкаман залпом осушил стакан и отставил на столик.

— Хорошо. Общую тревогу объявили? Все сообщения передавайте на этот экран. — Он вытащил трубку и механически набил. — Через пару минут они выйдут из последнего микропрыжка в двух световых секундах от планеты.

Траск сел. Очередная сигарета прогорела почти целиком. Лукас зажег новую, пытаясь сохранять спокойствие, как Харкаман. Через три минуты локаторы диспетчерской засекли два объекта на расстоянии полутора световых секунд и в тысяче миль друг от друга. Потом экран замигал, и на нем проявился Боук Вальканхайн, сидящий в обновленной рубке управления «Бича пространства».

Боук Вальканхайн тоже был обновлен, и весьма сильно. Его обильно расшитый золотом капитанский мундир явно был скроен одним из лучших портных Грама, а на груди красовалась огромная орденская звезда незнакомого Лукасу вида, с мечом и атомом Уордхейвена в центре.

— Князь Траск, граф Харкаман, — приветствовал он их. — «Бич пространства», приписанный к планете Танит, под командованием барона Вальканхайна, вылетевший из Уордхейвена на

Граме три тысячи двести часов назад, в сопровождении грузового корабля «Россиянин», Дюрандаль, капитан Морбс. Просим разрешения на посадку и параметров посадочной орбиты.

— Барон Вальканхайн? — переспросил Харкаман.

— Верно. — Вальканхайн ухмыльнулся. — И это доказывает пергаментный свиток размером с хорошее одеяло. У меня тут целый груз таких свитков. Один утверждает, что ты — Отто, граф Харкаман, а другой — что ты адмирал Королевского Грамского флота.

— Он сделал это! — воскликнул Лукас. — Он провозгласил себя королем Грамским!

— Верно. А ты — его верный и возлюбленный родич Лукас, князь Траск, вице-король владений его величества на Танит.

Харкаман ощетинился:

— В геенну его! Это *наши* владения на Танит.

— А чем его величество подтверждает свою власть? — поинтересовался Лукас. — Кроме пергаментов, конечно.

Ухмылка с лица Вальканхайна не сходила.

— Увидите, когда начнем разгружаться. Мы и тот грузовик.

— Спассо вернулся с вами? — осведомился Харкаман.

— О нет. Сэр Гарван Спассо поступил на службу к его величеству королю Энгусу. Он теперь начальник гласпитецкой полиции и курокрадством больше не занимается. Когда ему охота поесть курятины, он крадет всю ферму.

Звучало мрачно. Спассо мог во всем Гласпите превратить имя короля Энгуса в бранное слово. А может, тот просто позволит Спассо придавить сторонников Омфрея, а потом повесит за угнетение подданных. В какой-то из старых терранских книг Харкамана Лукас уже читал о таких фокусах.

Барон Ратмор остался на Граме, Рольв Хеммердинг — тоже. Остальные джентльмены-авантюристы вернулись, одаренные новыми с иголочки дворянскими титулами. От них, пока корабли выходили на орбиту, Лукас и выяснил в подробностях, что же случилось на Граме со временем отлета «Немезиды».

Герцог Энгус заявил о своем намерении продолжить Танитскую авантюру и заложил на верфях Горрама новый корабль. Это послужило удобным прикрытием для всех приготовлений к анексии Гласпита. Герцога Омфрея они обманули до такой степени, что тот начал строительство собственного корабля,бросив на это все ресурсы герцогства, чтобы обогнать герцога Энгуса. Работы на его верфях еще кипели, когда войска Энгуса захватили Гласпит; теперь корабль достраивался, но уже как боевая единица Королевского космофлота. Герцог Омфрей бежал в Дидрексбург, а когда армия Энгуса вошла и туда — скрылся с планеты и теперь ел горький хлеб изгнания при дворе дядюшки своей жены, короле Альтеклера.

Граф Ньюхейвенский, герцог Биггльспорта и владыка Северного Порта немедленно признали Энгуса своим сюзереном — все они давно мечтали об установлении планетной монархии. Герцог Дидрексбургский сделал то же самое, но с ножом у горла. Многие феодалы средней руки отказались признать Энгуса во все. Это могло кончиться войной, но Пэйтрик, теперь уже барон Морланд, сильно в этом сомневался.

— «Бич пространства» положил конец этим глупостям, — сообщил Вальканхайн. — Как только они прослушали о здешней базе и увидали наш груз, воевать им расхотелось. Вкладчиками Танитской авантюры дозволено быть только подданным герцога Энгуса. А отказываться — обидно.

Что же до объявленной королем Энгусом аннексии Танит, Лукас решил все же признать его сюзеренитет. Для товаров, добывших грабежом или полученных по бартеру от других викингов, им потребуется канал сбыта на Клинковых мирах. А пока на Танит нет своей промышленности, база во многом зависит от Грама — не все можно добыть пиратством.

— Полагаю, король осведомлен, что я здесь не для поправки здоровья или пополнения его казны? — спросил он Вальпрея во время одной из бесед, пока «Бич пространства» выходил на орбиту. — Я охочусь за Андреем Дуннаном.

— О да, — ответил тот. — Между нами говоря, он просил меня передать буквально следующее: его величество будет безмерно счастлив, если ты пришлешь ему голову племянника, замурованную в люцит. В деле Дуннана затронута и его честь. А суверенные монархи относятся к своей чести очень болезненно.

— Полагаю, он знает, что рано или поздно Дуннан нападет на Танит?

— Если и забыл, то не по моей вине. Я ему все уши об этом прожужжал. Когда увидишь, сколько защитных батарей мы привезли, поверишь.

Но впечатляющие ракетные батареи меркли по сравнению с промышленным оборудованием:rudничными роботами для работ на железной танитской луне, грузовыми транспортами для челночных рейсов между ней и планетой. Генератор коллапсия; теперь они могли производить собственную броню с коллапсивным покрытием. Маленькая, полностью автоматизированная сталеплавильня для установки на спутнике. Машиностроительные роботы-станки. И — лучше всего — две сотни инженеров и опытных техников.

Немало промышленных баронов на Граме скоро поймут, что потеряли вместе с этими людьми. Интересно, что подумал бы об этом лорд Траск Трасконский?

Князя Танитского дела Грама больше не интересовали. Может, если ничего не случится, через сотню лет его потомки будут ставить на Граме танитских вице-королей.

Глава 8

Как только трюмы «Бича пространства» опустели, его вывели на орбитальное дежурство. Харкаман ушел в рейд на «Немезиду», а Траск остался. «Россинанта» посадили в Ривингтонском порту и начали разгружать. Команда его получила месяц отпуска, пока не вернулась «Немезида». Харкаман, видимо, совершил полдюжины быстрых налетов на близлежащие миры. Захваченный груз не отличался особой ценностью, и капитан по своему обыкновению охарактеризовал всю эпопею как мелкое курокрадство, но на обшивке «Немезиды» появились свежие шрамы, а несколько десантников так и не вернулись из рейса. Большую часть того, что стоило перегружать на «Россинанта», составили промышленные товары, которые станут конкурировать с произведенными на Граме.

— После того что привез «Бич пространства», это, конечно, мелочи, — сказал по этому поводу Харкаман, — но уж очень неохота посыпать «Россинанта» обратно с пустыми трюмами. Кстати, за время гиперпереходов я успел кое-что прочитать.

— Книги из Эглонсби?

— Да. Я узнал интересную вещь об Аматерасу. Знаешь, почему ее усиленно колонизировали во времена Федерации, хотя там нет и грамма урана? Там добывали гадолиний*.

Гадолиний был необходим для гиперпространственных двигателей. Моторы корабля класса «Немезиды» содержали пятьдесят фунтов этого элемента. На Клинковых мирах он стоил в несколько раз дороже золота. Если добыча не прекратилась, Аматерасу окунут сторицей и второй визит.

Когда Лукас намекнул на это, Харкаман пожал плечами:

— А зачем им его добывать? Годится он только для одной цели, а звездолет на солярке не полетит. Полагаю, рудники можно восстановить, а новые фабрики — построить, но...

— Мы можем менять гадолиний на плутоний. Плутония у них нет. Цены будем устанавливать сами и никому не скажем, сколько нам платят за этот гадолиний на Клинковых мирах.

— Это возможно, если только с нами кто-нибудь захочет иметь дело после того, что мы сотворили с Эглонсби и Столголендом. А где мы возьмем плутоний?

— А как ты думаешь, почему у беовульфцев нет гиперпривода, когда есть все остальное?

Харкаман прищелкнул пальцами:

— О сатана, а ведь верно! — Он глянул на Траска с внезапным подозрением. — Эй, ты что, собрался продавать плутоний на Аматерасу, а гадолиний на Беовульфе?

— А почему бы и нет? И там и там будет хорошая прибыль.

* Гадолиний — редкоземельный химический элемент из группы лантаноидов.

— А что случится потом, ты не подумал? Через пару лет корабли с обеих планет будут шнырять туда и обратно. Нам это нужно как лишняя дырка в голове.

Лукаса это не смущало. Танит, Аматерасу и Беовульф могли очень много выиграть от трехсторонней торговли. Во всяком случае, обойдется без расходов на ракеты и потерянных человеческих жизней. Может, стоит организовать и оборонительный союз. Но это все потом; пока дел хватит и на самой Танит.

Прежде чем Федерация рухнула, на спутнике Танит добывали металл, и, хотя карьеры лишились оборудования еще когда Танит вела обреченную борьбу с варварством, подлунные туннели и пещеры еще можно было использовать. Рудники открылись вновь, и вскоре со сталеплавильни уже перегружали на грузовые членки первые слитки готового металла. А за это время подготовили стройплощадку для новых доков.

Через три месяца после отлета «Россинанта» прибыла с Грама «Королева Флавия» — то судно, что было захвачено недостроенным на гласпитских верфях; видимо, постройку закончили, когда корабль Вальканхайна находился еще в гиперпространстве. «Королева Флавия» несла в своих трюмах немало груза — может быть, даже многовато, хотя всему нашлось применение; все хотели вкладывать деньги в Танитскую авантюру, и эти деньги приходилось на что-то тратить. Куда важнее было то, что на корабле прилетела тысяча пассажиров. Утечка мозгов и талантов с Клинковых миров переходила в форменный потоп. Среди эмигрантов оказался и Базиль Горрам, Лукас помнил его настырным пакостным юнцом, но корабельщиком Базиль вырос отменным. Траск откровенно намекнул, что через несколько лет верфи его отца в Уордхейвене будут приставивать, поскольку все танитские корабли станут строить на самой планете. Явился и младший партнер Лотара Фэйла, чтобы основать в Ривингтоне филиал Уордхейвенского банка.

Избавившись от груза и пассажиров, «Королева Флавия» приняла на борт полтысячи викингов-десантников и отбыла в рейд. Пока ее не было, с Грама прибыл еще один корабль — «Черная звезда», которую начинал строить герцог Энгус, а закончил король Энгус.

Лукас Траск с изумлением узнал, что «Черная звезда» поднялась с Грама двумя годами позже «Немезиды». А он все еще не имел понятия, где скрывается Дуннан, что он делает и как его найти.

Новости о Танитской базе распространялись медленно — поначалу через команды грузовиков и лайнераов, связывавших Клинковые миры, а оттуда — через торговцев и викингов на территорию Старой Федерации. Через два с половиной года после того, как «Немезида», выйдя из гиперпространства, встретилась с Гарваном Спассо и Боуком Вальканхайном, на Танит прибыл первый независимый викинг — продать груз и подлатать корабль.

Добычу у него купили -- он ограбил какую-то планету уровнем повыше Хеперы и пониже Аматерасу, -- а корпус заделали. Прежде этот викинг имел дела с Эверардами на Хоте и остался настолько доволен танитскими ценами, что обещал возвращаться регулярно.

Но он ничего не слышал ни об Андрее Дуннане, ни об «Авантуре».

Первые новости принес гильгамешец.

О гильгамещцах -- слово это употреблялось без разбору в адрес жителей планеты Гильгамеш или тамошних кораблей -- Лукас впервые узнал на Граме от Харкамана, Каффарда, Вана Ларча и других космонавтов. А с момента прибытия на Танит слышал это слово от всех космических викингов, обычно в сопровождении других слов -- как правило, непечатных.

Гильгамеш считался планетой худо-бедно цивилизованной, хотя и рангом пониже Одина, Изиды, Бальдра, Мардука, Атона или любого другого из миров, сохранивших культуру Старой Федерации. Быть может, Гильгамеш заслуживал большего уважения. Его народ пережил два столетия варварства и вытащил себя из этого болота за волосы. Гильгамешцы воссоздали все открытия прежних лет, включая гиперпривод.

Они не грабили, они торговали. Насилие запрещалось их религией, хотя и в пределах здравого смысла. На защиту родной планеты они вставали с фанатической отвагой. Окола ста лет назад пять кораблей викингов напали на Гильгамеш; вернулся один, да и тот по возвращении пустили на металлом. Их корабли летали по всей Галактике, и везде, где торговали гильгамешцы, обязательно поселялись несколько из них и делали деньги, отсылая большую часть заработанного на родину. Общественным строем у них был довольно либеральный теократический социализм, а религия представляла собой нелепую смесь основных монотеистических культов времен Федерации плюс ритуальные нововведения местного характера. Недолюбливали их повсеместно и не только за торгащеские склонности, но и за нежелание признавать иноверцев людьми более чем наполовину, а также за множество кулинарных и прочих табу, которыми гильгамешцы защищались от контактов с неверными.

Когда корабль вышел на орбиту, трое гильгамешцев спустились в порт для переговоров. Капитан и его первый помощник носили длинные, почти до колен, сюртуки, застегнутые на все пуговицы, и маленькие белые шапочки вроде пилоток; третий гильгамешец, жрец, был облачен в рясу с капюшоном и символом их веры, синим треугольником в белом круге, на груди. Все трое носили бакенбарды, спадающие на грудь, но брили подбородки и усы, все трое отказались от спиртного и сигар, все трое озирались с выражением праведного негодования на лице и ездили на краешках кресел, точно опасаясь заразиться чем-нибудь от сидевших там прежде язычников. Груз их составляли большой

частью бытовые товары, вымененные на слаборазвитых планетах, — в этом Танит не нуждалась. Но попадались и ценные вещи — растительный янтарь и перья огненных птиц с Ирминсулль, слоновая или чья-то еще кость неизвестно откуда, алмазы, платина, органические опалы Уллера и солнечники Заратуштры. Нуждались гости в машинах, особенно контрагравитаторах и роботах.

Проблема состояла в том, что они собирались торговаться. А это был гильгамешский национальный спорт.

— Вы не слыхали о корабле викингов под названием «Авантура»? — спросил Лукас, когда переговоры зашли в тупик в седьмой или восьмой раз. — Ее герб — голубой месяц на черном, а капитана зовут Андрей Дуннан.

— Корабль под таким названием и с таким гербом более года назад ограбил Чермош, — ответил священник-суперкарго. — Несколько наших соплеменников задержались там по торговым делам. Корабль напал на город, в котором они находились, и несчастные потеряли многое из вещей мирских.

— Какая жалость, — не слишком искренне отозвался Лукас.

Гильгамешец пожал плечами:

— Такова воля Яха Всемогущего. — Лицо его чуть просветлило. — Чермошцы — язычники и идолопоклонники. Космические викинги разграбили и сожгли дотла их храм, забрав с собой проклятые идолища. Наши соплеменники свидетельствуют, что среди почитателей ложных богов сие вызвало большую скорбь и плач.

Вот так на большой доске появилась первая запись. Доска закрывала целиком одну стену кабинета Лукаса — в расчете на будущее, — и довольно долго запись о налете на Чермош выглядела на ней очень одиноко. Капитан «Черной звезды» привез еще пару сообщений. Он побывал на нескольких планетах, занятых викингами, чтобы продать награбленное, и отпущеные на поверхность космонавты осторожно расспрашивали о корабле с голубым месяцем на борту. Тот, как оказалось, уже ограбил несколько планет, последнюю — всего шесть месяцев назад. По масштабам Старой Федерации — почти вчера.

Добавил кое-что капитан-владелец «Аль-бурака», прибывший на Танитскую базу полгода спустя. Свой бренди он пил так медленно, точно решал ограничиться одним стаканом и теперь растягивал удовольствие, как только мог.

— Почти два года назад, на Джаганнате, — сказал он, — «Авантура» проводила орбитальный ремонт. И типа этого я видел. Как на этом снимке, только бородку отрастил. Продал немало добычи. Бытовые товары, драгоценные и полудрагоценные камни, очень много резной мебели с инкрустациями из дворца какого-то неоварварского царька и храмовая утварь. Буддистская; была там парочка золотых будд. Экипаж выставлял выпивку всем новоприбывшим. Некоторые здорово загорели на лицо, точно недавно

побывали в системе горячей звезды. А еще у него были имхотепские меха — огромный груз и просто сказочного качества.

— А что за ремонт? В бою потрепали?

— Так мне показалось. Он ушел в гипер через сотню часов после моего прибытия вместе с другим кораблем — «Попрыгунчиком» Теодора Вана. Поговаривали, что они хотят совершить рейд вместе. — Капитан «Аль-бурака» подумал немного. — И вот еще что. Он приобретал боеприпасы — от патронов до атомных бомб. И скапал все системы регенерации воздуха, баки карникультуры и гидропонное оборудование, какие мог достать.

Это было уже что-то. Лукас поблагодарил викинга и спросил:

— А он знает, что я за ним охочусь?

— Если и знал, то никому на Джаганнате не открылся. Я сам услышал об этом только полгода спустя.

Вечером Лукас дал прослушать запись разговора Харкаману, Вальканхайну, Каффарду и еще паре офицеров.

— Храмовая утварь с Чермоша, — тут же заявил кто-то. — Они там буддисты. Сходится с рассказом гильгамешца.

— Меха он получил на Имхотепе, — сказал Харкаман. — Выторговал. Грабежом с Имхотепа ничего не возьмешь. Планета в середине ледникового периода. Полярные шапки спустились до пятидесятий параллели. Город всего один — жителей тысяч десять—пятнадцать, а все остальное население разбросано по ледникам в деревнях не больше сотни человек. Они там все охотники, трапперы. Контрагравитаторы у них есть, и, когда прилетает корабль, они дают сигнал по радио, и все свозят товар в город. Они пользуются телескопическими прицелами, и любой десятилетний мальчишка может пристрелить десантнику голову с пятисот ярдов. А тяжелое оружие не годится — слишком они рассредоточены. Так что остается с ними только торговать.

— Думаю, я могу назвать остальные точки, — вступил Каффард. — На Имхотепе валютный металл — серебро. На Агни серебром сточные трубы выстилают. Солнце Агни — горячая звезда, класс В-3. Суровые ребята, и оружие у них хорошее. Там, наверное, «Авантюру» и подбили.

Начался спор, куда Дуннан летал вначале, куда — потом. Против Агни и Имхотепа никто не возражал. Гуат Кирби тихо рассчитывал курсы.

— Ничего не выходит, — сказал он наконец. — Чермош лежит далеко в стороне и от Агни, и от Имхотепа.

— Что ж, значит, где-то у него есть база, и не на террестриодной планете, — заключил Вальканхайн. — Иначе ему просто незачем оборудование жизнеобеспечения.

Пространство Старой Федерации кишило нетеррестриодными планетами, и никто ими не интересовался. Если планета не имеет кислородной атмосферы, диаметра от шести до восьми тысяч миль и узкого диапазона поверхностных температур, она

не стоит потраченного времени. Но при наличии систем жизнеобеспечения такая планета может стать идеальным убежищем.

— А что за капитан этот Теодор Ван? — спросил Лукас.

— Хороший, — ответил Харкаман. — Человек дурной, садист, но дело свое знает, корабль у него неплохой, а команда — вышколенная. Думаешь, они с Дуннаном стакнулись?

— А ты? Я полагаю, что, имея базу, Дуннан теперь собирает флот.

— Он узнает, что мы за ним охотимся, — предсказал Ван Ларч. — Он знает, где мы, и в этом его преимущество.

Глава 9

Призрак Андрея Дуннана снова надвинулся на Лукаса Траска. Приходили редкие, скучные вести — корабль Дуннана видели на Нергеле и Хоте продающим добычу. Теперь он брал только золото или платину, а покупал мало — в основном оружие и боеприпасы. Очевидно, его база, где бы она ни находилась, могла сама себя обеспечить. Ясно было, и что Дуннан знает об охоте. Какой-то викинг процитировал его слова: «Я не хочу неприятностей с Траском; если он не дурак, пусть не ищет бед на свою голову». После этого Лукас окончательно уверился, что его противник собирает где-то силы для атаки на Танит. Он издал приказ, согласно которому на орбите планеты должны были постоянно находиться два корабля, не считая «Ламии», превращенной в орбитальную базу, и установил еще несколько ракетных баз на планете и спутнике.

Герб Уордхейвена — меч и атом — носили уже три корабля, и на Граме строился четвертый. Граф Лионель Ньюхейвенский строил собственный звездолет, а тем временем пространство между Танит и Грамом бороздили три грузовика. Умер Сезар Карваль, так и не оправившийся от ран; его вдова госпожа Лавиния передала баронство брату, Берту Сандрасану, и переселилась на Экскалибур. Начали работу доки Ривингтона, и на посадочные опоры обещанной Харкаману «Корисанды-2» уже начал нарастать каркас.

Началась торговля с Аматерасу. Во время беспорядков, последовавших за разграблением Эглонсби, генерал Дагро Эктор сместил и расстрелял Педросана Петро. Оставленные в Столголенде войска взбунтовались и перешли на сторону недавнего врага. Обе страны заключили вынужденный союз и готовились уже обороняться от альянса нескольких сопредельных государств, когда вернувшиеся «Немезида» и «Бич пространства» объявили по всей планете мир. Сопротивления не последовало; все помнили, что случилось со Столголендом и Эглонсби. В конце концов все правительства Аматерасу подписали соглашение об открытии рудников, возобновлении производства гадолиния и справедливом распределении полученных в обмен расщепляющихся материалов.

Чтобы завязать отношения с Беовульфом, потребовался год усилий. Объединенное правительство планеты имело тенденцию сначала стрелять, а потом уже разбираться — отношение вполне понятное с учетом опыта прошлого. Однако у них сохранилось достаточно справочников времен Старой Федерации, чтобы понять, для чего нужен гадолиний. Беовульфцы согласились списать прошлое на мелкие недоразумения и не держать обид.

Пройдет не один год, прежде чем хоть с одной из планет поднимется первый звездолет. А пока обе были хорошими клиентами и быстро становились добрыми друзьями. Молодые жители Аматерасу и Беовульфа прилетали на Танит обучаться новым наукам.

Учились и аборигены Танит. В первый же год Траск собрал смышеных мальчишек лет десяти—двенадцати и отправил в школу, а самых умных отоспал учиться на Грам. Через пять лет они вернутся учителями, а пока Лукасу приходилось выписывать преподавателей с Грама. В городе Торговом и самых крупных деревнях появились школы, а в Ривингтоне — нечто, с натяжкой именовавшееся колледжем. Лет через десять Танит сможет претендовать на статус цивилизованной планеты.

Если Андрей Дуннан и его эскадра не прилетят слишком рано. В их разгроме Траск был уверен, но нанесенные по Танит удары задержат достижение его целей на годы. Он-то хорошо знал, что могут сделать с планетой корабли викингов. Нет, ему придется найти базу Дуннана, разгромить, уничтожить корабли и убить самого безумца. Не ради мести за совершенное шесть лет назад убийство; это было давно и далеко. Элейн умерла, а с ней сгинул любивший ее Лукас Траск. Теперь его целью стало создание танитской цивилизации.

Но как отыскать Дуннана в двухстах миллиардах кубических светолет? А перед Дуннаном такой проблемы не стояло. Он знал, где обитает его враг.

Дуннан набирал силы. «Йо-Йо», капитан Ван Хамфорт; замечена дважды: один раз с «Попрыгунчиком», второй — с «Авантюрией». На борту ее красовался герб в виде женской руки, покачивающей планету на ниточке. Хороший корабль и способный, безжалостный капитан. «Болид»: вместе с «Авантюрией» совершил налет на Идунн. Свидетелями стали поселившиеся на планете гильгамещцы; один из их кораблей и принес эту весть.

А на Мелкарте Дуннан завербовал целых два корабля, и танитские викинги по этому поводу изрядно повеселились.

Мелкарт был планетой для курокрадов. Местные жители опустились до уровня примитивного земледелия и не имели ничего, что стоило бы с планеты вывозить. Однако там можно было посадить корабль, там были женщины, а туземцы, не забывшие древнего искусства самогоноварения, гнали хорошее спиртное. Экипаж там мог повеселиться и отдохнуть, а стоило это не в пример дешевле, чем на обычной базе. Последние восемь лет

планету занимал капитан Ниал Буррик на «Фортуне», порой выводя корабль в рейд, но большей частью прозябая на планете, опустившись почти до уровня туземцев. Порой к нему заглядывали гильгамешцы, проверяя, не может ли тот что-нибудь продать. Именно гильгамешец и привез на Танит новости, устаревшие почти на два года.

— Мы узнали об этом от аборигенов, — сказал он, — тех, что жили близ базы Буррика. Вначале туда прилетел торговый корабль. Возможно, вы слыхали о нем; капитан называет его «Честный Чоррис».

Траск хохотнул. Строго говоря, Честным Чоррисом капитан, Чоррис Сасстроф, называл себя сам, а к кораблю кличка приплила позднее. Был он в некотором роде торговцем. Его презирали даже гильгамешцы, и даже гильгамешец не поднял бы в пространство корабль с такой дурной славой.

— Он уже бывал на Мелкарте. Они с Бурриком друзья, — продолжил гильгамешец, будто вынося обоим окончательный приговор. — Туземцы сказали нашим братьям с «Доброй сделки», что «Честный Чоррис» уже десять дней стоял рядом с кораблем Буррика, когда прилетели еще два судна. На одном был нарисован голубой полумесяц, а на другом — зеленый зверь, прыгающий со звезды на звезду.

«Авантюра» и «Попрыгунчик». Интересно, что они забыли на Мелкарте. Может, заранее знали, кого там найдут?

— Туземцы боялись, что начнется сражение, но выстрелов не последовало. Четыре команды устроили пьяную оргию, потом все ценности погрузили на «Фортуну», и корабли улетели. Туземцы были очень разочарованы, что Буррик все вещи увез с собой.

— И никто больше не возвращался?

Тroe гильгамешцев — капитан, боцман и священник — синхронно покачали головами.

— Капитан Гурраш с «Доброй сделки» сказал, что его корабль сел там почти через год. Следы посадочных опор были еще заметны, но туземцы говорят, что ни один корабль не вернулся.

Вот и еще два судна, о которых стоит поспрашивать. Лукасу внезапно стало интересно, а зачем Дуннану такие развалины; по сравнению с ними «Бич пространства» и «Ламия», какими застал их Лукас при первой встрече, показались бы флагманами Экскалибурского Королевского флота. Потом накатил страх — иррациональный, но тем не менее обоснованный. За прошедшие полтора года любой из этих кораблей мог совершенно незамеченным посетить Танит. О новом пополнении Дуннана Лукас узнал лишь по чистой случайности.

Все остальные решили, что это хорошая шутка. А еще веселее было бы, если Дуннану придет в голову послать эти суда на Танит сейчас, когда к их прибытию готовы ракетные батареи.

Имелись и другие поводы для беспокойства — например, постепенно меняющееся отношение его величества Энгуса I. Когда «Бич пространства» вернулся из первого рейса, новотитулованный барон Вальканхайн вместе с княжеским титулом и постом танитского вице-короля привез Лукасу сердечнейшее личное послание монарха. Энгус сидел за столом в своем кабинете, поглощал лысину и курил сигару. Следующее послание было не менее сердечным, но Энгус надел легкую домашнюю корону и не курил. Через полтора года, когда между планетами ходили три звездолета с трехмесячными интервалами, Энгус в короне и мантии произносил свою речь с трона, говоря о себе «мы», а о Лукасе — «оный Траск». К концу четвертого года приветствий не поступало вовсе. Зато поступила формальная жалоба, подписанная Ровардом Грауффисом — его величество, дескать, считает невежливым со стороны своего подданного говорить с монархом сидя, даже посредством видеозаписи. К жалобе прилагались личные извинения Грауффиса (ныне премьер-министра) — его величество, мол, почитает себя обязанным всемерно поддерживать свое королевское достоинство; в конце концов, есть разница между положением и достоинством герцога Уордхейвенского и планетного короля Грамского.

Князь Траск Танитский большой разницы не видел. Король есть всего лишь первый дворянин планеты. Даже такие монархи, как Родольф Экскалибурский или Напольон Фламбержский, не замахивались на большее. С той поры Лукас стал все отчеты и приветствия отправлять премьер-министру как личные и ответы получал от Грауффиса.

Изменилась не только форма, но и содержание посланий с Грамом. Его величество неудовлетворен. Его величество весьма разочарован. Его величеству кажется, что колониальные владения его величества недостаточно пополняют королевскую казну. Его величество полагает, что лорд Траск слишком большой упор делает на торговлю и слишком малый — на рейды; зачем меняться с варварами, когда все необходимое можно взять силой?

Потом возникла проблема с «Голубой кометой», звездолетом графа Лионеля Ньюхейвенского. Его величество был крайне недоволен, что граф Ньюхейвенский торгует с Танит из своего космопорта. Все колониальные товары должны проходить через Уордхейвен.

— Слушай, Ровард, — цедил Лукас в камеру, записывая ответ для Грауффиса. — Ты видел «Бич пространства», когда он прибыл в первый раз, да? Вот что случается с кораблем, когда он грабит богатую планету. Беовульф полон урановых руд; они готовы набить нам трюмы плутонием в обмен на гадолиний, который мы им продаем вдвое ниже против клинковской цены. А плутоний мы везем на Аматерасу, где покупаем гадолиний вполовину дешевле клинковской цены. — Он нажал на кнопку «пауза», вспоминая древнюю формулировку. — Можешь пере-

дать его величеству, что тот, кто скажет его величеству, будто это плохая сделка, не друг ни короне, ни государству.

Что касается «Голубой кометы» — до тех пор, пока ею владеет граф Ньюхейвенский, вкладчик Танитской авантюры, она имеет полное право здесь торговать.

Лукаса очень интересовало, почему его величество не запретил Лионелю Ньюхейвенскому выводить «Голубую комету» из космопорта на Граме. Ответ он получил от шкипера, когда корабль прибыл.

— Не осмелился, вот почему. Он остается королем, пока за него стоят важные персоны, вроде графа Лионеля, и Джориса Биггльспортского, и Алана из Северного Порта. У графа Лионеля больше людей и боеходов, чем у Энгуса. Сейчас на Граме все тихо, даже та жалкая войнушка на Южном континенте затихла. И это всем на руку. Даже король Энгус не настолько безумен, чтобы затевать новую войну. Во всяком случае, пока.

— Пока?

Капитан «Кометы» — один из вассальных баронов Лионеля — помолчал, собираясь с мыслями.

— Вам не стоит забывать, князь Траск, — выговорил он, — что бабка Андрея Дуннана была и матерью короля. А ее отцом был старый барон Зарвас Блэклиффский. Последние двадцать лет жизни он был, как это говорят, инвалидом. За ним постоянно присматривали двое санитаров ростом с Отто Харкамана. А еще он был «несколько эксцентричен».

Несчастный дедушка герцога Энгуса был темой, которую обходили все приличные люди. Несчастный дедушка короля Энгуса стал, очевидно, темой, которую обходили все, кому дорога своя шея.

С «Кометой» прибыл и Лотар Фэйл. Он был не менее красноречив.

— Я остаюсь. Я перевел сюда большую часть фондов Уордхейвенского банка; отныне это будет филиал Банка Танит. Все дела идут здесь. А в Уордхейвене бизнес умирает. Тот, что еще не умер.

— А что случилось?

— Во-первых — налоги. Чем больше денег поступало с Танит, тем выше становились подати на Граме. И несправедливые подати к тому же; мелкие землевладельческие и промышленные баронства чахли, а крупные жирели. В основном барон Спассо и его банда.

— Уже барон Спассо?

Фэйл кивнул:

— Примерно половины Гласпита. Многие гласпитские бароны потеряли свои владения — кое-кто вместе с головами, — когда Омфрей бежал. Официально они участвовали в заговоре против его величества. Заговор был раскрыт благодаря неустальному бдению сэра Гарвана Спассо, причисленного за доблесть к рядам

дворянства и вознагражденного владениями и землями заговорщиков.

— Но ты говорил, что и дела идут плохо.

Фэйл снова кивнул:

— Танитский бум лопнул. Все хотели войти в долю. Два последних корабля, «Попутный ветер» и «Добрую надежду», вообще не надо было строить; они себя не окупают. Вы создаете собственную промышленность, строите свое оборудование, а на Граме это вызывает спад. Я рад только, что у Лавинии Карваль хватит вкладов, чтобы прожить безбедно. А рынок бытовых товаров переполнен тем, что привозите вы, и грамская продукция не выдерживает конкуренции.

Это было понятно. Каждый корабль, делающий челночные рейсы на Грам, нес в сейфах достаточно золота, драгоценностей и прочего, чтобы с лихвой окупить поездку. Товар, загруженный в трюмы, перевозился практически бесплатно, и на борт попадали вещи, которые в других обстоятельствах никто и не подумал бы тащить со звезды на звезду. А в двухтысячекиптовом корабле очень просторные трюмы...

Барон Траск Трасконский даже не представлял, как дорого может обойтись его родной планете танитская база.

Глава 10

Как и следовало ожидать, беовульфцы закончили свой звездолет первыми. У них было все для его постройки, кроме нескольких технологических деталей. Аматерасу же пришлось вначале создавать промышленность, необходимую для создания звездолетных верфей. Корабль с Беовульфа «Дар викинга» прибыл на Танит через пять с половиной лет после того, как «Немезида» и «Бич пространства» напали на планету; капитан корабля участвовал в той битве. Кроме плутония и радиоактивных изотопов, корабль привез большой груз предметов роскоши, которые всегда можно было выгодно сбывать на межзвездном рынке.

Продав груз и поместив прибыль в Танитском банке, капитан «Дара викинга» поинтересовался, кого он мог бы пограбить. Ему дали список планет — не слишком развитых, но все же не для курокрадов, и другой список — миров, которые грабить нельзя: тех, с которыми Танит торгует.

Шестью месяцами спустя они узнали, что «Дар викинга» объявился на Хепере, с которой Танит теперь тоже торговала, и наводнил рынок награбленными тканями, керамикой и пластиками. Скупал он мясо и шкуры креттов.

— Ты видишь, что наделал? — взвился Харкаман. — Ты думал, что создаешь клиента, а сотворил конкурента.

— Я создал союзника, Отто, — ответил Лукас. — Если мы найдем планету Дуннана, нам потребуется флот, чтобы выкурить его. И пара беовульфских кораблей нам не помешает. Ты-то должен знать, ты с ними сражался.

Харкаману было о чем беспокоиться. Совершая рейс на «Корисанде-2», он прибыл на Витарр, одну из планет, с которыми торговали танитские корабли, и обнаружил, что ее нагло грабят посудина викингов с Шочитль. После короткой, но яростной схватки наглец был рад унести ноги. Харкаман отправился на Шочитль, прибыв туда сразу после неудачливого налетчика, и предъявил капитану и князю Виктору лично ультиматум — оставить в покое торговые планеты Танит.

— И как они это восприняли? — поинтересовался Лукас, выслушав его рассказ.

— Именно так, как ты думаешь. Виктор заявил, что его люди — космические викинги; а не гильгамешцы какие-нибудь. Я ответил, что мы тоже не гильгамешцы, и он в этом убедится, стоит любому из его кораблей ограбить нашу планету. Ты меня поддержишь? Конечно, ты всегда можешь послать князю Виктору мою голову с извинениями...

— Если я ему и пошлю что-то, так полное небо кораблей и груз планетоломов. Ты поступил совершенно правильно, Отто; я на твоем месте сделал бы так же.

На том и порешили. Больше корабли с Шочитль на торговые миры Танит не нападали. В уходящих на Грам донесениях этот инцидент не упоминался — ситуация и без того ухудшалась слишком быстро. Прибыло аудиовизуальное сообщение от короля Энгуса лично; монарх восседал на троне и говорил резко и холодно.

— Мы, Энгус, король Грамский и Танитский, весьма недовольны нашим подданным Лукасом, князем и вице-королем Танитским, почтая его службу нам дурной и неверной. А потому мы приказываем указанному Лукасу вернуться на Грам, дабы дать отчет нашему величеству о своем управлении нашими танитскими владениями.

Лукас задержал ответ ровно настолько, чтобы успеть подготовиться. Он тоже восседал на троне; корона его была не менее роскошна, чем у короля Энгуса, а мантию украшали черные и белые имхотепские меха.

— Мы, Лукас, князь Танитский, — начал он, — не отказываемся признавать верховенство короля Грамского, бывшего герцога Уордхейвенского. Наше искреннее и единственное желание — оставаться в мире и дружбе с монархом Грамским и сохранять торговые отношения как с ним, так и с его подданными.

Однако мы абсолютно отвергаем все попытки диктовать внутреннюю политику наших танитских владений. Мы искренне надеемся, — черт, он опять сказал «искренне», надо было придумать другое слово, — что действия его величества короля Грамского не нарушают дружбы между нашими царствами.

Через три месяца, на следующем корабле, который вылетел с Грама, когда послание Энгуса находилось еще в пути, прибыл барон Ратмор. Пожмая ему руку на посадочной площадке, Лукас

поинтересовался, не его ли назначили новым вице-королем. Смех Ратмора перешел в долгую вереницу проклятий.

— Нет, — ответил он. — Я прилетел предложить свой меч королю Танитскому.

— Пока только князю Танитскому, — поправил его Траск. — Что же до меча, то он принят с благодарностью. Как я понял, наш благословенный сюзерен тебе уже не по нутру?

— Лукас, у тебя хватит и кораблей, и людей, чтобы захватить Грам, — ответил Ратмор. — Объяви себя королем Танитским, предъяви права на грамский трон, и вся планета пойдет за тобой.

Ратмор понизил голос, но открытое посадочное поле — не место для подобных бесед. Лукас приказал паре туземцев сбрать багаж Ратмора, а сам отвез его к себе в личной машине.

— Это невыносимо! — продолжил барон, когда они оказались одни. — Он оттолкнул от себя все древние роды, всех мелких баронов, землевладельцев и промышленников, старый костяк Грама. Я уже не говорю о простонародье. Поборы с дворян, налоги на простых людей, инфляция, подхлестывающая налоги, цены растут, а деньги дешевеют. Нишают все, кроме новоприведенной в князья грязи, его шлюшки-жены и ее загребущих родственников...

Траск напрягся.

— Ты, слушаем, не о королеве Флавии говоришь? — опасно-мягким тоном поинтересовался он.

Ратмор открыл рот от изумления:

— О сатана великий, ты не слышал?! Нет, конечно; новости прилетели со мной. Энгус развелся с Флавией. Она, дескать, не смогла подарить ему наследника престола. И тут же женился во второй раз.

Имя новой королевы ничего не говорило Траску, а вот ее отца, барона Вальдиве, он знал. Его земли лежали южнее Уорда и западнее Ньюхейвена. Большая часть подданных Вальдиве была бандитами и угонщиками скота, да и сам он был немногим лучше.

— Милая семейка, — прокомментировал он. — Большая поддержка королевскому достоинству.

— Вот-вот. Госпожу-демуазель Эвиту* ты знать не мог — к моменту твоего отлета ей было всего семнадцать, и за пределы отцовских владений ее репутация еще не просочилась. Но с тех пор она наверстала упущенное. У нее хватит дядюшек, тетушек, кузенов, бывших любовников и прочих свойственников, чтобы набрать пехотный полк, и каждый из них теперь при дворе, пытается стянуть, что плохо лежит.

* Одна из самых очевидных политических аллюзий в романе. Под этим именем явно скрывается скандальная Эвита Перон, жена президента и фактического диктатора (1946—1955) Аргентины Хуана Перона.

— И как это понравилось герцогу Джорису? — Герцог Биггльс-порта приходился братом королеве Флавии. — Осмелюсь заметить, он вряд ли в восторге.

— Он нанимает солдат, вот что он делает, и скапает боевые машины. Лукас, почему ты не хочешь вернуться? Ты понятия не имеешь, как популярен сейчас на Граме. За тобой пойдут все.

Лукас покачал головой:

— У меня есть трон здесь, на Танит. От Грама мне не нужно ничего. Жаль, что так вышло с Энгусом; я думал, он будет неплохим королем. Но раз он оказался недостойным монархом, народу и дворянам Грама придется избавляться от него самим. У меня есть свои заботы.

Ратмор пожал плечами.

— Я боялся, что ты так скажешь, — проговорил он. — Что ж, я предложил тебе меч и не попрошу его назад. Я могу помочь тебе и на Танит.

Капитана звездолета свободных викингов «Чертова скотина» звали Роджер-фан-Морвилл Эстерсан. Это значило, что он является признаннымbastардом какого-то клиновца от одной из женщин Старой Федерации. Мать его могла быть нергалкой — от нее он унаследовал жесткие черные волосы, медно-красную кожу и рыже-карие, почти красные глаза. Он оценивающе глотнул вино, поданное роботом-стюардом, и начал разворачивать сверток.

— Я нашел эту штуку во время налета на Тетраграмматон, — сказал он. — Подумал, что вас это может заинтересовать. Сделано на Граме.

«Штука» оказалась автоматическим пистолетом вместе с кобурой и ремнем из выделанной шкуры бизонида. Пряжку пояса украшал черный эмалевый овал с голубым полумесяцем. Пистолет был стандартной военной марки — 10-мм, с пластиковой рукояткой и клеймом дома Хайлбар, гласпинских оружейников. Очевидно, это оружие предоставил в свое время наемникам Андрея Дуннана герцог Омфрей.

— Тетраграмматон? — Лукас глянул на Большую Доску. До сих пор об этой планете он ничего не слышал. — Давно?

— Около трехсот часов. Я прилетел прямо оттуда, это часов двести пятьдесят. А корабль Дуннана ушел за три дня до моего прибытия.

Новости почти со сковородки. Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Кто-то спросил, что за планета этот Тетраграмматон.

— Неоварвары, пытающиеся восстановить цивилизацию. Небольшое население проживает на одном континенте, сельское хозяйство, рыбная ловля. Тяжелая промышленность развита слабо и сосредоточена в паре городов. Около сотни лет назад торговцы с Мардука, одной из по-настоящему цивилизованных планет,

завезли ядерные реакторы, но топливо по-прежнему использовалось только импортное. Основной продукт экспорта — невыразимо вонючее растительное масло, из которого получали прекрасные духи и которое так никому и не удалось синтезировать.

— Я слыхал, что у них есть домны, — добавил капитан-полукровка. — На Риммоне кто-то заново открыл паровоз, и им нужно больше рельсов, чем они могут произвести сами. Я думал, что вывезу с Тетраграмматона сталь и обменяю на Риммоне на груз рапсового чая. Но когда я вышел из гиперпространства, планета была в развалинах. Не налет, а какой-то бессмысленный вандализм. Туземцы еще выкапывались из развалин, когда мы сели. Некоторые решили, что им больше нечего терять, и попытались с нами подрасти. Мы взяли пару человек в плен и разузнали, что случилось. Пистолет я отобрал у одного из них; туземец сказал, что снял его с трупа убитого им викинга. Планету атаковали «Авантюра» и «Йо-Йо». Я знал, что вам будет интересно, так что записал рассказы туземцев на пленку и сразу же рванул сюда.

— Спасибо. Эти пленки я послушаю. Так вам нужна была сталь?

— Но у меня нет денег. Потому-то я и хотел ограбить Тетраграмматон.

— В Ниффльхейм деньги; ваш груз уже окупился. Это, — Лукас ткнул пальцем в пистолет, — и пленки.

Записи прослушали тем же вечером. Ничего нового узнать не удалось. Допрошенные туземцы сталкивались с людьми Дуннана только в бою. Тот, у кого нашли 10-мм пистолет, оказался и лучшим свидетелем, однако даже он мог сообщить немного. Он застал одинокого викинга, застрелил в спину из обреза, забрал пистолет и удрал. Вроде бы викинги выслали посадочные катера, собираясь торговать, а потом что-то случилось — никто не знал что — и началась бойня. Вернувшись на корабли, викинги начали ядерную бомбардировку.

— Очень похоже на Дуннана, — с омерзением пробормотал Хью Ратмор. — Он просто впал в бешенство. Это все кровь Блэклиффов.

— Мне это все кажется странным, — заметил Боук Вальканхайн. — Я бы сказал, что он пытается кого-то запугать, но во имя геенны, кого?

— Мне тоже так показалось. — Харкаман нахмурился. — Город, где он сел, был какой-никакой, а столицей планеты. Викинги приземлились, изображая любовь и дружбу — непонятно зачем? — а потом начали грабить и убивать. Ничего ценного в городе не было; украли только то, что десантники могли унести на спине, и то потому, что им религия запрещает улететь, ничего не украв. Настоящий товар был в двух других городах — домны и большие запасы стали в одном, и масло скунсовых яблочек во

втором. И что? Дуннан сбросил на каждый город по пять мегатонн и отправил всю добычу на эм-це-квадрат. Типичное поведение террориста. Но, как верно заметил Боук, кого он пытается запугать? Если бы на планете были другие города — понятно. Но их нет. А два крупнейших промышленных центра взорваны вместе со всем товаром.

— Значит, запугать хотели кого-то за пределами планеты, — ответил Траск.

— Так об этом никто в Галактике и не узнает, — возразил кто-то.

— Узнают мардуканцы, — поправил законный бастард некоего Морвилла. — Они торгуют с Тетраграмматоном. Пара кораблей совершают регулярные рейсы.

— Верно, — согласился Лукас. — Мардук.

— Ты хочешь сказать, что Дуннан пытается запугать *Мардук*?! — взвыл Вальканхайн. — Даже он не такой псих!

Барон Ратмор начал было рассуждать о том, на что способен псих Дуннан и на что способен его дядюшка-псих. После прилета на Танит он только об этом и говорил, наслаждаясь тем, что может не озираться испуганно при каждом слове.

— Он еще какой псих, — прервал его Траск. — Именно этим он и занят. Не спрашивай зачем. Как любит говорить Отто, он псих, а мы — нет, и в этом его преимущество. Но что мы узнали с тех пор, как гильгамешцы сообщили нам, что Дуннан прибрал корабль Буррика и «Честный Чоррис»? От космических викингов — ничего. Зато гильгамешцы постоянно талдычат о налетах на планеты, с которыми они торгуют. И все это — торговые миры Мардука. Каждый раз ничего не говорится о захваченной добыче — только бомбардировки и разрушения. Я думаю, что Андрей Дуннан объявил Мардуку войну.

— Тогда он безумнее своих дедушки и дядюшки, вместе взятых! — воскликнул Ратмор.

— Ты хочешь сказать, что он серией террористических нападений оттягивает мардуканский флот от родной планеты? — прервал Харкаман недоверчивое молчание. — А когда они все разлетятся, проведет быстрый налет?

— Именно так. Вспомни наш основной постулат: Дуннан сумашедший. Вспомни, как он убедил себя, что является законным наследником герцога Уордхейвенского. — «Вспомни его безумную страсть к Элейн» — эту мысль Лукас поспешно оттолкнул. — Теперь он уверен, что является величайшим викингом в истории. Ему надо совершить подвиг, соответствующий титулу. Когда последний раз кто-нибудь грабил цивилизованную планету? Не Гильгамеш, а что-нибудь вроде Мардука?

— Сто двадцать лет назад, — ответил Харкаман. — Князь Хавильгар Альтеклерский. Шесть кораблей против Атона. Вернулись два, и без князя. Больше никто не пробовал.

— Значит, Дуннан Великий будет следующим. Надеюсь, что будет, — неожиданно для себя добавил Лукас. — Конечно, если я узнаю об исходе боя. Тогда, по крайней мере, я перестану тратить на него нервы.

А ведь когда-то было время, когда Лукас боялся, что Дуннана убьют раньше, чем он до него доберется.

Глава 11

Сешат, Обидикат, Лугалуру, Аудумла.

Юноша, которого смерть отца возвела на пост наследственного президента Демократической Республики Тетраграмматон, был уверен, что мардукские корабли, прилетавшие на его планету, торговали и с этими мирами. Контакт с ним удалось завязать с трудом, и первая встреча проходила в атмосфере глубокого недоверия, посреди развалин. Вокруг горели дома, спешно воздвигались шалаши и навесы, медленно остывали горы опаленного щебня.

— Они взорвали домны, — говорил президент, — и масличную фабрику в Янсборо. Они бомбили и расстреливали деревни и поселки. Они рассеивали радиацию, которая убила не меньше народу, чем бомбы. А когда они улетели, явился второй корабль.

— «Чертова скотина»? С головой трехрогого зверя на борту?

— Он самый. Поначалу они тоже начали стрелять но, когда капитан узнал, что случилось, он оставил нам еды и лекарств.

Об этом Роджер-фан-Морвилл Эстерсан не упомянул.

— Мы тоже хотели бы вам помочь, чем можем. Есть у вас ядерная энергетика? Мы могли бы оставить немного оборудования. Просто не забывайте нас, когда встанете на ноги. Только не думайте, что вы нам чем-то обязаны. Человек, который сделал это, — мой враг. А пока я хотел бы поговорить с теми из ваших людей, кто может мне сообщить что-нибудь новенькое...

Ближе всего находилась Сешат; туда они и направились. И опоздали. Планета была убита и, судя по уровню радиации, не так давно — самое большее четыреста часов назад. Две «адовые плеши»; от городов, на которые они упали, остались только кратеры, проплавленные в планетной коре, посреди пятисотмильных кругов шлака, лавы, горелой земли и сожженных лесов. Один планетолом, вызвавший землетрясение. И полдюжины термоядерных бомб. Выживших, должно быть, хватало — очень трудно истребить полностью население целой планеты, — но в течение лет ста они вернутся к каменным топорам и шкурам.

— Мы даже не знаем, сам ли Дуннан этим занимался, — заметил Пэйтрик Морланд. — Может, он сейчас посиживает в герметичной пещере на какой-нибудь никому не известной планетке, на золотом троне в окружении своего гарема.

Лукас начал подозревать, что именно так Дуннан и проводит свободное время. Величайший Космический Викинг в Истории, естественно, должен основать свою империю.

— Даже император должен по временам осматривать свою империю, — ответил он. — Я же не сижу постоянно на Танит. Предлагаю отправиться на Аудумлу. До нее дальше всего. Можем успеть, пока он обстреливает Обидикат и Лугалуру. Гуат, прокончай прыжок.

Когда радужные вихри смыло с экрана, висящая между звездами Аудумла походила на Танит, или Хеперу, или Аматерасу, или любую другую террестриоидную планету — огромный диск, сверкающий в солнечном свете. Один довольно крупный спутник, обычные моря, континенты, реки и горы на телескопическом экране. Но ничего не...

А, вот. На ночной стороне планеты светились огоньки — судя по размеру, довольно большие города. Все доступные данные по Аудумле безнадежно устарели; за последние несколько веков на планете, должно быть, развилась неплохая цивилизация.

Загорелся еще один огонек — колючая иссиня-белая искра, расползшаяся в желтоватое пятнышко. И в ту же секунду завыли, заорали, заверещали, замигали все тревожные индикаторы. Радиация. Искаждения гравитационного поля. Тепловидение. Сплошной поток радиосигналов в звуковых и видеодиапазонах, дешифровке не поддается. Радарные и сканерные лучи.

У Лукаса заболели кулаки, и он понял, что колотит руками по пульте.

— Мы его нашли, нашли! — орал он. — Полный вперед, постоянное ускорение на максимум. Тормозить будем на расстоянии прямого огня.

Планета росла на экранах — Каффард исполнил приказ буквально. Когда начнется торможение, за это еще придется поплатиться. Над самой границей атмосферы одна за другой взрывались бомбы.

«Замечен корабль. Высота от ста до пятисот миль — сот, не тысячи — 35° северной широты, 15° западнее линии заката. По ней ведется интенсивный огонь», — рявкнул динамик.

Кто-то крикнул, что огоньки на планете — не города, а пожары. Динамик прокашлялся и продолжил:

«Корабль виден на телескопическом экране над линией заката. Засечен еще один корабль над экватором, но его пока не видно, и третий — по другую сторону планеты, мы уловили только его контрагравитационное поле».

Это значило, что две стороны ведут бой над Аудумлой. Если только Дуннан не раздобыл по дороге третий корабль. Переключились телескопические камеры; на мгновение планета вовсе исчезла с экрана, потом на фоне звездной черноты показался ее краешек. До поверхности оставалось едва две тысячи миль. Каффард орал, чтобы начали торможение, пытаясь вывести судно на спиральную орбиту. Внезапно на экране показался один из кораблей.

— У ребят неприятности, — заметил Поль Корев. — Воздух и водяной пар текут из всех щелей.

— Это свои или чужие? — поинтересовался Морланд, точно Корев мог различить это по показаниям спектроскопов. Поль проигнорировал вопрос.

— Второй корабль пытается наладить связь, — сказал он. — Тот, что над экватором. Клинковским импульсным кодом; сообщает свой видеокод и просит связи.

Каффард ввел видеокод. Лукас еще пытался придать своей физиономии невозмутимое выражение, когда на экране появилось лицо. Кораблем командовал не Андрей Дуннан. Лукас был разочарован, но не слишком — на экране возник не кто иной, как сэр Невиль Ормм, оруженосец Дуннана.

— О, сэр Невиль! Какой приятный сюрприз! — услыхал Траск свой голос. — В последний раз мы встречались, кажется, на террасе дома Карвалей?

Впервые на памяти бумажно-белое лицо *âme damnée** Андрея Дуннана выразило некое чувство, но был ли это страх, потрясение, ненависть, гнев или их смесь, Траск не мог бы определить.

— Траск! Сатана тебя возьми!..

Экран померк. Вражеское судно неумолимо приближалось. По массе, размерам и излучению двигателей Поль Корев признал в нем «Авантуру».

— В атаку! Всем орудиям к бою!

Приказов не требовалось. Ван Ларч быстро отдавал распоряжения по браслету-передатчику. Голос Алвина Каффарда гремел по всей «Немезиде», предупреждая об экстренном торможении и внезапных поворотах. Пол в рубке встал на дыбы. Вражеский корабль уже был отчетливо виден на экранах. Можно было различить черный овал с голубым полумесяцем на его борту, так же, как Невиль Ормм мог видеть на обшивке «Немезиды» пронзенный мечом череп.

Если бы только Лукас мог быть уверен, что Дуннан на борту. Если бы только на связь вышел не Ормм, а сам Дуннан. А теперь он не мог быть уверен в гибели врага, даже если одной из его ракет суждено пробить броню «Авантуры». Ему было безразлично, кто и как убьет Дуннана, но он жаждал услышать, что смерть врага освободила его от потерянной смысла клятвы.

С бортов «Авантуры» и «Немезиды» рванулись навстречу друг другу ракеты-перехватчики. Загорались невыносимо яркие вспышки чистого пламени и тут же расплывались облачками горячего дыма. Шальной снаряд прорвался сквозь полосу заградительного огня, и огромная туша «Немезиды» вздрогнула всеми шпангоутами. На панели управления вспыхнули алые огни. И в тот же миг их противник получил в борт атомный заряд, который пре-

* Буквально — «проклятый друг», в переносном смысле — «соучастник» (*фр.*).

вратил бы в пыль любой корабль, лишенный коллапсиевой брони. Звездолеты пронеслись мимо друг друга, прогрохотали пушки, и «Авантура» скрылась по другую сторону планеты.

Приближался второй дуннановец, корабль викингов размером с харкамановскую «Корисанду-2». На борту его женская ручка покачивала планетой на шнурке. Корабли пролетели совсем рядом, поливая друг друга огнем. Между ними расцветали зыбкие пламенные цветы. Поль Корев уловил сигнал от третьего, поврежденного судна — видеокод. Траск набрал комбинацию вызова.

С экрана на него глянул мужчина в боевом скафандре. Если в рубке управления приходится носить скафандры — значит, дело плохо. Корабль еще держал воздух — незнакомец не надевал шлема, но тот многозначительно болтался за плечами. На кирасе виднелся герб — оседлавший планету коронованный дракон. Лицо незнакомца было тонким, скуластым, с морщинками на переносице, светлая бородка коротко острижена.

— Кто ты, пришелец? Ты бьешься с моими врагами — значит ли это, что ты друг?

— Я друг любому врагу Андрея Дуннана. Говорит клинковский звездолет «Немезида»; я — князь Лукас Траск Танитский, командующий.

— Отвечает звездолет мардуканского космофлота «Победительница». — Узколицый криво усмехнулся: — Не слишком подходящее имя. Я принц Саймон Бентрик, командующий.

— Вы еще можете вести бой?

— Работает примерно половина пушек, и несколько снарядов остались. Семьдесят процентов корабля разгерметизировано, дюжина пробоин. Энергии хватает на поддержание высоты, но двигаться вбок мы можем только за счет снижения.

То есть «Победительница» стала практически неподвижной мишенью. Лукас приказал через плечо Каффарду тормозить так, как только корабль выдержит.

— Когда эта развалина появится в поле зрения, начинай кружить рядом, как можно ближе. — Он повернулся к человеку на экране: — Если мы успеем сбросить скорость, мы вас прикроем, как сможем.

— Спасибо даже на том, князь Траск.

— Вот и «Авантура»! — заорал Каффард, украшая эту простую фразу многочисленными непристойными богохульствами. — Идет прямо на нас!

— Так сделай что-нибудь!

Ван Ларч уже занялся своим делом. «Авантура» не вышла невредимой из последней стычки — спектроскопы Корева улавливали за ней кометный хвост утекающего воздуха. «Немезиде» тоже досталось — в нескольких местах пришлось перекрыть входы в клиновидные сегменты из шести—восьми палуб. Между

кораблями опять вспыхнуло зарево взаимоуничтожающихся снарядов. Артиллерийская дузль длилась всего несколько минут.

А тем временем от «Победительницы» отделился тупоносый снаряд и пошел «Авантюре» наперерез. Корабль почти ушел на другую сторону Аудумлы, когда бомба нагнала его. Звездолет скрылся в огненном облаке, и на мгновение всем показалось, что он уничтожен, но «Авантюра» все же уцелела, скрывшись за планетой.

Траск и мардуканский командир пожимали себе руки перед экранами. Офицеры «Немезиды», не стесняясь, кричали: «Отличный выстрел, «Победительница», отличный выстрел!

Потом в виду показался «Йо-Йо», и Ван Ларч прохрипел:

— Хватит, в геенну, наигрались! Сейчас я от этой непечатной отрыжки избавлюсь!

Повинуясь скороговорке приказов, из орудийных портов посыпались снаряды. Большая часть их безвредно взрывалась в пространстве. А потом взорвался «Йо-Йо», неслышно — как и все в безвоздушном пространстве, — но ослепительно-ярко. Наочной стороне планеты стало светло, как днем.

— Это был наш планетолом, — сообщил Ларч. — Чем Дунна на будем бить — право, не знаю.

— Я и не знал, что у нас есть планетолом, — признался Траск.

— Отто заказал парочку на Беовульфе. Там хорошие ядерщики.

«Авантюра» поспешно возвращалась. Ларч выпустил ей на встречу целый рой мелких ракет, спрятав среди них пятидесяти-мегатонную термоядерную бомбу, оснащенную собственными перехватчиками. Она и достигла цели. Установленная на бомбе камера показала крупным планом рваную, с вывернутыми наружу краями дыру на экваторе «Авантюры» — очевидно, снаряд взорвался прямо в пусковой установке. На что похожи после этого внутренности судна и сколько членов экипажа осталось в живых, судить было невозможно. Кто-то из артиллеристов, во всяком случае, уцелел, потому что ракеты продолжали лететь к «Немезиде», чтобы быть сбитыми на полпути. На экране разрастался огромный шар «Авантюры», кратер на месте черного с голубым Дуннанова герба заполнил его целиком, и передача прекратилась.

Обзорные экраны вспыхнули ослепительно-ярко, потом чуть померкли, когда опустились светофильтры, но продолжали сиять, как вечно скрытое облаками солнце Грама в полдень. Пламя угасло, фильтры поднялись, но от «Авантюры» не осталось ничего, кроме раскаленной пыли.

Пэйттрик Морланд колотил Лукаса по спине и что-то кричал в ухо. На экране дюжина офицеров с драконами на кирасах толпилась вокруг принца Бентрика, горланя, как пьяные загонщики бизоновидов в день получки. Лукас смотрел в пустоту.

— Интересно, — пробормотал он неслышно, — узнаю я когда-нибудь, был ли на этом корабле Андрей Дуннан?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАРДУК

Глава 1

Князь Траск Танитский и принц Саймон Бентрик обедали вдвоем на верхней террасе дома, который когда-то, во времена Старой Федерации, являлся обиталищем какого-то плантатора. С тех пор дом поменял много владельцев и предназначений; теперь в нем размещалась мэрия разросшегося в бывшем поместье городка, чудом уцелевшего во время атаки Дуннана. Местечко, где насчитывалось прежде едва десять тысяч жителей, заполонили пятьдесят тысяч беженцев из полулюдины разрушенных городов, теснившихся и в домах, и в спешно построенных шалаших и землянках. Туземцы, мардуканцы и космические викинги бок о бок вели восстановительные работы; два команда впервые со дня битвы нашли время спокойно побеседовать за обедом. Радость принца Бентрика по этому поводу несколько уменьшалась тем фактом, что с террасы была прекрасно видна мертвая туша его судна.

— Не думаю, что мы сможем даже на орбиту ее вывести, не говоря уже о путешествии домой.

— Ну, мы могли бы отвезти вас и ваш экипаж на Мардук. — Обоим приходилось повышать голос, перекривая гул строительных машин. — Надеюсь, вы не подумали, что я вас тут брошу.

— Не знаю, как нас там примут, — задумчиво проговорил Бентрик. — Космические викинги у нас в последнее время не слишком популярны. Возможно, — добавил он с горечью, — вас поблагодарят за то, что доставили меня в трибунал. Да я бы сам расстрелял любого, кто так нелепо потерял корабль. Эти двое уже вошли в атмосферу, а я и не подозревал, что они выскоцили из гиперпространства.

— Думаю, они прилетели на планету еще до вас.

— Ну, князь, это же нелепо! — воскликнул мардуканец. — На планете корабль спрятать невозможно. Во всяком случае, от локаторов Королевского флота.

— У нас и у самих неплохие локаторы, — напомнил ему Траск. — И такое место есть. На дне океана, под парой тысяч

футов воды. Я собирался спрятать так «Немезиду», если прибуду сюда прежде Дуннана.

Принц Бентрик замер, не донеся вилки до рта. Эту теорию он бы с удовольствием принял.

— Но туземцы ничего не знали.

— И правильно. Собственных заатмосферных локаторов у них нет. Выйти прямо над океаном, со стороны солнца, — и корабля никто не заметит.

— Это обычный прием викингов?

— Нет. Я его сам придумал по пути с Сешат. Но если Дуннан хотел застать ваше судно врасплох, он бы тоже до этого додумался. Единственный удобный способ.

Дуннан или Невиль Ормм — Лукас мечтал узнать точно и боялся, что так и умрет, не исполнив этой мечты.

Бентрик оглядел вилку, пораздумав, отложил и глотнул вина.

— Знаете, может оказаться, что на Мардуке вы встретите теплый прием, — признал он. — Эти налеты в последние четыре года стали серьезной проблемой. Я, как и вы, полагаю, что за них несет ответственность один человек — ваш враг. Уже половина Королевского космофлота занята тем, что патрулирует наши торговые планеты. Если этого человека и не было на борту «Авантюры», вы назвали его имя и можете много сообщить о нем. — Он отставил стакан. — Я бы сказал, что он ведет войну с Мардуком, если бы это не было так нелепо.

Траск не видел в этом ничего нелепого. Но ограничился тем, что напомнил о безумии Андрея Дуннана.

«Победительницу» можно было починить, хотя наличных ресурсов для этого не хватало. Полностью оборудованный ремонтный корабль с Мардука мог бы залатать ее корпус, заменить двигатели Эббота и Диллингэма, чтобы крейсер своим ходом мог добраться до доков. Поэтому основное внимание уделили починке «Немезиды», которая была готова взлететь уже через две недели.

Шестисотчасовой перелет до Мардука прошел на удивление приятно. Мардуканские офицеры хорошо сошлись со своими коллегами-викингами. Обе команды привыкли на Аудумле работать совместно и с удовольствием общались в свободные часы, интересуясь чужими хобби и жадно слушая рассказы о родных планетах. Викингов немного удивлял и разочаровывал более низкий интеллектуальный уровень мардуканцев. В конце концов, Мардук ведь считался цивилизованной планетой, разве нет? Мардуканцев же шокировало, что все без исключения викинги вели себя как офицеры. Принц Бентрик, услыхав об этом, тоже выразил вежливое удивление. На мардуканских судах вахтенные считались низшей формой жизни.

— На Клинковых мирах слишком много свободной земли и возможностей, — объяснил Траск. — Никто не тратит времени, чтобы унижаться перед вышестоящими. Все слишком заняты

тем, чтобы выбраться наверх. А те, кто идет в космические викинги, — самые неуправляемые из всех. Думаете, на Мардуке у них будут из-за этого неприятности? Они все непременно станут напиваться в самых гнусных тавернах.

— Неприятностей, полагаю, не будет. Все так удивляется, что космические викинги не двенадцати футов ростом, без трех рогов, как у заратуштранской чертовой скотины, и шипастого хвоста, как у фафнирской мантикоры, что все остальное им сойдет с рук. Может, оно и к лучшему. Кронпринцу Эдварду ваши викинги понравятся. Он против классовых различий и кастовых предрассудков. Утверждает, что от них придется избавиться, прежде чем мы заставим нашу демократию работать.

Мардуканцы очень часто говорили о демократии. Они весьма высоко ставили эту форму правления; их государство являлось представительной демократией. А также наследственной монархии — одновременно. Попытки Траска разъяснить политическую и социальную структуру Клинковых миров встречали со стороны Бентрика такое же непонимание.

— Да это похоже на феодализм!

— Это и есть феодализм, — поправлял его Траск. — Король держится на троне с помощью родовых дворян, которые стоят на плечах баронов и мелких землевладельцев, а те существуют, пока народ им позволяет. Есть пределы, которые ни один из них не смеет перейти, иначе собственные подданные повернутся против него.

— Допустим, народ какого-нибудь баронства взбунтовался. Разве король не пошлет войска в поддержку барону?

— Какие войска? Помимо королевской полиции и личной охраны, у короля нет никакой армии. Если ему нужны солдаты, он должен получить их от пэров королевства, а те — от своих вассальных баронов, набирающих ополчение. — На Граме это служило еще одним источником недовольства королем Энгусом, который укреплял свое войско инопланетными наемниками. — А народ не позволит соседнему барону угнетать своих подданных, потому что следующей может прийти и их очередь.

— Вы хотите сказать, что ваши люди носят оружие? — недоверчиво поинтересовался принц Бентрик.

— О сатана, а ваши — нет?! — Траск удивился не меньше. — Тогда вся ваша демократия — один большой фарс, а народ свободен лишь попущением властей. Если их голоса не подкреплены оружием, они не стоят ничего. Кто же у вас имеет право стрелять?

— Правительство, конечно.

— То есть король?

Принц Бентрик был шокирован. Разумеется, нет. Какая жуткая идея — это... это был бы деспотизм! Кроме того, король — не правительство. Правительство правило от имени короля. Была ассамблея из двух палат — палаты представителей и палаты

делегатов. Народ избирал представителей, те — делегатов, а делегаты избирали канцлера. Еще был премьер-министр; назначал его король, но обязательно из членов партии, набравшей наибольшее число мест в палате представителей. Тот назначал министров, которые осуществляли исполнительную власть. Но их подчиненные в разных министерствах почему-то были чиновниками, выбиравшимися на низшие должности по результатам экзаменов, а на высшие продвигавшимися по бюрократической лестнице.

По мнению Лукаса, мардуканскую конституцию придумал Гольдберг, легендарный терранский изобретатель, который все делал самым сложным способом. «Во имя геенны, как это правительство вообще ухитрялось что-то делать?» — думал он.

Может, оно вовсе ничего и не делало. Возможно, поэтому на Мардуке до сих пор не было деспотизма.

— Ну а что мешает правительству поработить народ? Ведь вы только что говорили, будто простые люди не вооружены, но солдаты правительства имеют оружие.

По временам перевода дыхание, Лукас перечислил все тиарии, о которых когда-либо слыхал, от диктатуры, воцарившейся в Терранской Федерации перед Великой войной, до той, что устроил в Эглонси на Аматерасу Педросан Педро. Преступления Энгуса I перед своими народом и дворянством были бы в этом списке одними из самых мягких.

— А в конце концов, — закончил он, — правительство станет единственным собственником и работодателем на планете, а все остальные будут его невольниками на работах, указанных правительством, в одежде, выданной правительством, на правительственноном пропитании и правительственноном образовании, и никто из них не сойдет с пути, указанного правительством, не прочтет книги и не допустит ни единой мысли, не одобренных правительством...

Большая часть присутствовавших при разговоре мардуканцев уже хохотала. Некоторые укоряли Лукаса, что это даже для шутки уж слишком.

— Да народ и есть правительство. Какой народ сам запряжет себя в ярмо?

Лукас пожалел, что рядом нет Харкамана. Сам он знал из истории только то, о чем прочел в библиотеке Отто или услышал в долгих беседах на борту корабля или вечерами в Ривингтоне. Но он был совершенно уверен, что Харкаман привел бы сотни примеров — на десятках планет на протяжении тысячелетия, — когда народ именно это и делал, даже не соображая, на что себя обрекает.

— Нечто в этом роде случилось на Атоне, — осмелился напомнить один из мардуканцев.

— А, Атон. Да это же обычная диктатура. Банда планетных националистов пришла к власти полвека назад по случаю кризиса из-за войны с Бальдром...

— Их ведь народ выбрал? — поинтересовался Траск.

— Да, — серьезно подтвердил принц Бентрик. — Это была отчаянная мера, и им дали чрезвычайные полномочия. Но когда они получили власть, времененная мера стала постоянной.

— На Мардуке такое невозможно! — провозгласил какой-то юный дворянин.

— Возможно, если на выборах в ассамблею победит Заспар Маканн, — возразил кто-то.

— Ну, тогда мы в безопасности! Скорее солнце взорвется, — ответил один из младших мардуканских офицеров.

Потом беседа как-то незаметно перешла на женщин — тему, ради которой космонавт забудет о любой другой.

Траск мысленно пометил имя Заспара Маканна и при каждом удобном случае вкручивал его в разговор с мардуканскими гостями. Но у каждой пары мардуканцев существовало три точки зрения на этого человека. Маканн был политическим демагогом — в этом сходились все. В остальном мнения разнились.

«Маканн — лунатик, и все его сторонники — такая же горстка ненормальных». — «Может, он и безумец, но последователей у него до нехорошего много». — «Ну, не так много; может, пару мест в ассамблее они и получат, но и то вряд ли — ни в одном районе у них не наберется достаточно сторонников». — «Да он просто мелкий жулик, доит кучку скудоумных плебеев». — «И не только плебеев; его тайно финансируют крупные промышленники в надежде, что он поможет им разогнать профсоюзы». — «Ты псих: всем известно, что профсоюзы как раз и поддерживают Маканна, чтобы тот выбил из работодателей уступки». — «Вы оба психи; его подкармливают торговцы, надеются, что он изгонит с планеты гильгамещцев».

Единственное, за что Маканн заслуживал всеобщей похвалы, — он хотел изгнать с планеты гильгамещцев. В этом тоже сходились все.

В голове у Траска начали всплывать рассказы Харкамана. В первом веке доатомной эры на Терре жил некий Гитлер; это не он дорвался до власти, потому что все были не прочь изгнать христиан, или мусульман, или альбигойцев — в общем, кого-то изгнать?

Глава 2

Из трех лун Мардука две представляли собой двадцатимильные булыжники. На третьей, имевшей в поперечнике полторы тысячи миль, размещалась укрепленная база; на орбите вокруг спутника вращалась пара судов. На выходе из последнего микропрыжка «Немезиду» настигло предупреждение. Оба корабля сошли с орбиты, с планеты поднялось еще несколько.

За экран связи уселся принц Бентрик, и тут же начались проблемы. Командующий базой не мог понять, что ему говорят, даже с третьего раза. То, что корабль Королевского космофлота разгромили в пух и прах какие-то космические викинги — само по себе плохо, но чтобы те же викинги спасли экипаж и вернули на Мардук — такое казалось ему просто немыслимым. Принцу пришлось связаться непосредственно с королевским дворцом в Малвертоне, на самом Мардуке. Вначале он был холодно-вежлив с каким-то чинушей несколькими рангами ниже себя, затем почтительно-вежлив с человеком, которого называл князем Вандарвонтом. Наконец, после нескольких минут ожидания, на экране появился сухонький старик в черной ермолке. Принц Бентрик, а с ним и все мардуканцы в рубке вскочили на ноги.

— Ваше величество! Для меня великая честь...

— Саймон, ты в порядке? — обеспокоенно осведомился старичок. — Они тебе ничего не сделали?

— Они спасли мою жизнь и жизни моих товарищей и обращались со мной как с другом и соратником, ваше величество. Могу я иметь удовольствие представить вам — неофициально — их командующего, князя Траска Танитского?

— Разумеется, Саймон. Я многим обязан этому господину.

— Его величество Михаил Восьмой, планетный король Мардука, — объявил принц Бентрик. — Его высочество Лукас, князь Траск, вице-король танитских владений его величества Энгуса Первого Грамского.

Пожилой монарх слегка склонил голову. Лукас поклонился в ответ.

— Я очень счастлив, князь, как благополучному возвращению моего родича принца Бентрика, так и знакомству с человеком, облеченным доверием моего царственного собрата Энгуса, короля Грамского. Я весьма благодарен вам за помощь, оказанную моему родичу и его подчиненным. Вы должны остановиться во дворце; я распоряжусь, чтобы вас встретили как должно и официально представили мне этим же вечером. — Он секунду поколебался. — Грам... это ведь один из Клинковых миров? — Еще одна пауза. — Князь Траск, а вы *действительно* космический викинг?

Возможно, монарх и сам ожидал, что у викингов три рога на голове и шипастый хвост...

Чтобы выйти на орбиту, «Немезиде» понадобилось несколько часов. Все это время Бентрик провел в рубке связи и вышел из нее с явным облегчением.

— Относительно Аудумлы никто не станет задавать лишних вопросов, — сообщил он. — Будет, конечно, следственная комиссия — боюсь, придется и вас в это дело впутывать. Дело не только в событиях на Аудумле; все, начиная с министра космической обороны и ниже, хотят услышать от вас об этом Дуннане. Я, как и вы, надеюсь, что он отправился на эм-це-квадрат вместе со своим флагманом, но мы не можем быть в этом уверены. Нам

приходится защищать дюжину торговых миров, а он уже разрушил более половины из них.

Несколько витков по сужающейся спирали вывели корабль на орбиту. С каждым оборотом планета внизу казалась все впечатльнее. Конечно, Мардук имел население в два миллиарда человек и оставался цивилизованным, без периодов несварварства, с момента колонизации в IV веке. Но несмотря на это космические викинги были потрясены — хотя упрямо не подавали виду — тем, что открывали им экраны.

— Ты посмотри на этот город! — прошептал Пэйтрак Морланд. — Мы тут болтаем о цивилизованных мирах, но я и не представлял, как они выглядят. Да по сравнению с Мардуком Экскалибур напоминает нашу Танит!

«Этим городом» был Малвертон, столица. Как любой город культуры, использующей контрагравитацию, он лежал неровным кругом; небоскребы поднимались из зелени, окруженные космопортами и промышленными районами. Разница состояла только в том, что любой из этих районов был размером с Камелот на Экскалибре или четыре грамских Уордхейвена, а весь Малвертон — с половину баронства Траскон.

— Они не цивилизованнее нас, Пэйтрак, — ответил Лукас. — Их просто больше. Если бы на Граме жило два миллиарда — надеюсь, так оно и будет, — у нас тоже имелись бы такие города.

Одно было очевидно: мардуканцам волей-неволей приходилось обходиться общественным строем посложнее обычного клинковского феодализма. «Быть может, — подумал Траск, — эта их гольдбергократия — всего лишь ответ на колossalную сложность проблем огромного населения?»

Алвин Каффард оглянулся, чтобы убедиться, что рядом нет мардуканцев.

— Неважно, сколько у них народу, — пробормотал он. — Мардук можно тряхнуть. Волку все равно, сколько овец в стаде. С двадцатью кораблями эту планету можно расколоть, как Эглонсби. Потерь, конечно, не избежать, но стоит нам высадиться, и им каюк.

— А где ты возьмешь двадцать кораблей, Алвин? — осведомился Лукас.

Танит при большой нужде могла выставить пять или шесть, включая свободных викингов, пользующихся ремонтными доками базы; пару придется оставить для охраны планеты. Беовульф заканчивал второй корабль, Аматерасу запустила первый. Но собрать армаду из двадцати звездолетов... Лукас покачал головой. Настоящей причиной того, что викинги никогда не грабили цивилизованные миры, всегда была их неспособность объединить под одним командованием достаточные силы.

Кроме того, он не хотел грабить Мардук. Успешный налет принес бы несметные сокровища, но разрушений было бы в

сотни, тысячи раз больше, а Лукас не хотел уничтожать никаких ростков цивилизации.

Когда корабль приземлился, посадочную площадку окружал народ; вдалеке, за полицейским кордоном, тучей кружили аэромобили. Лукаса отвели в предназначенные ему апартаменты, неимоверно роскошные, но по комфорту едва ли превосходившие хороший клинковский отель. Неожиданное множество живых слуг путалось под ногами, унижаясь, подличая и выполняя работу, которую робот сделал бы лучше. Те роботы, что попадались Лукасу на глаза, были скверного качества; силы, которые ушли на придание им человекоподобного обличья, лучше было бы пустить на усовершенствование конструкции.

Избавившись от большей части надоедливых слуг, Лукас включил телезкран и принялся просматривать новости. Показывали «Немезиду», снятую телескопической камерой с орбиты, показывали высадку офицеров и космонавтов с «Победительницы». Потом кадр сменился; показали их уже на какой-то базе Флота, репортеров отгоняла военная полиция. Потом пошли комментарии.

Правительство уже заявило, что: а) принц Бентрик не захватил «Немезиду» и не привел ее на родину как трофеи и б) космические викинги не захватили принца Бентрика и не требуют за него выкупа. Все остальное явно пытались замять. Оппозиция намекала на грязные сделки и зловещие заговоры. Принц Бентрик вошел как раз посреди страстной тирады, направленной против малодушных предателей в окружении его величества, предающих Мардук в грязные лапы космических викингов.

— Да почему ваше правительство не откроет правду и не положит конец этой белиберде? — спросил Лукас.

— Пусть бесятся, — ответил Бентрик. — Чем дольше станет выжидать правительство, тем смешнее они станут выглядеть, когда правда откроется.

«Или тем больше людей поверят, будто правительство что-то скрывает от них, — подумал Траск, — и потратило эти часы, чтобы соорудить правдоподобное вранье». Мысль эту он оставил при себе. В чужой монастыре со своим уставом не лезут. Обнаружилось, что робота-бармена нет, и напитки пришлось требовать у слуги-человека. Лукас напомнил себе, что следует привезти с «Немезиды» несколько роботов.

Представить монарху Лукаса должны были вечером, после банкета. Поскольку Траска еще не представили официально, обедать с королем он не мог, но как вице-король (хотя бы по его словам) Танитский и лицо государственное он мог сидеть за одним столом с кронпринцем, которому был предварительно представлен неофициально.

Когда Лукас вошел в небольшую комнату рядом с банкетным залом, кронпринц с супругой и принцессой Бентрик уже ждали его. Кронпринц оказался средних лет мужчиной с седоватыми

висками и стеклянным взором, выдающим контактные линзы. Сходство с отцом было явным: выражение лиц обоих было одинаково задумчивым и непрактичным. Оба могли сойти за профессоров с одной кафедры. Кронпринц пожал гостю руку и заверил его в благодарности королевской семьи и двора.

— Знаете, — сказал он, — Саймон идет в ряду претендентов на трон следующим за мной и моей дочерью. Это слишком близко, чтобы рисковать его жизнью. — Он повернулся к Бентрику: — Боюсь, на этом твои космические похождения закончены, Саймон. Придется тебе стать наземным космонавтом.

— Ничуть не жалею, — заметила принцесса Бентрик. — И если кто-то здесь благодарен князю Траску, то это я. — Она тепло пожала Лукасу руку. — Князь, вы непременно должны познакомиться с моим сыном. Ему десять лет, и он думает, что космические викинги все сплошь романтические герои.

— Ему бы стоило посмотреть на них в деле, — отозвался Траск. «И увидеть, что остается от планеты, когда по ней прошли викинги».

На главном конце стола сидели в основном дипломаты — послы с Одина, Бальдра, Изиды, Иштар, Атона и других цивилизованных миров. Без сомнения, эти не ожидали ни рогов, ни копыт, но, в конце концов, космические викинги — это же просто неоварвары какие-то, верно? Однако все видели съемки «Немезиды» и слышали похвалы ей, знали о битве при Аудумле, а кроме того, этот князь Траск — «князь викингов» звучит почти цивилизованно — спас человека, которого отделяют от трона всего три человеческие жизни, а это не так много. И все знали о разговоре с королем Михаилом. Так что послы были дружелюбно-вежливы и старались пристроиться поближе к Лукасу, когда после банкета процессия проследовала в тронный зал.

Король Михаил был облачен в обшитую мехами мантию, которая была тяжелее скафандра, и носил золотую корону с гербом планеты, которая весила вдвое больше защитного шлема. До регалий Энгуса Первого Грамского им, впрочем, было далеко. Чтобы пожать принцу Бентрику руку, монарх встал с трона и публично назвал принца «дорогим родичем», поздравляя с доблестью в бою и счастливым избавлением. О трибунале можно было забыть. Траска король тоже приветствовал стоя и назвал «бесценным другом мне и моему роду». Первое лицо единственного числа; это вызвало немалое удивление.

Потом король сел, а остальные представляемые выстроились в очередь. Когда она закончилась, монарх встал и вышел, сопровождаемый свитой, пока приглашенная публика кланялась. Через некоторое время кронпринц Эдвард провел Лукаса и Саймона Бентрика тем же путем в бальный зал, где играла негромкая музыка и подавались закуски. От дворцового приема на

Экскалибуре сцена отличалась только тем, что напитки и канапе разносили живые слуги.

«Интересно, — подумал Лукас, — какие приемы устраивает сейчас Энгус Первый Грамский?»

Примерно через полчаса к Лукасу подошел целый отряд придворных, дабы объявить, что его величество соблаговолил принять князя Траска в своих личных покоях. Зал вздохнул: очевидно, это была редкая честь. Кронпринц Эдвард и принц Бентрик пытались сдержать ухмылки. Сопровождаемый взглядами Лукаса вышел из зала.

Старый король Михаил принял его в маленькой, уютно захламленной комнатушке, путь в которую лежал через полдюжины неимоверно помпезных залов. Монарх был облачен в отороченный мехом халат и теплые тапочки. О его титуле напоминала только черная шапочка с символической золотой короной. Траска он встретил стоя; когда придворные удалились, он усадил викинга в кресло у низенького столика, на котором стояли графины, стаканы и коробки сигар.

— Я воспользовался своей королевской властью, чтобы оторвать вас от бала, — сказал Михаил, когда стаканы были наполнены. — Вы, знаете ли, стали центром внимания.

— Должен поблагодарить ваше величество. Здесь тихо, удобно и можно присесть. В тронном зале в центре внимания были ваше величество, но покинули ее, кажется, со вздохом облегчения.

— Я пытаюсь притворяться, но не очень получается. — Король снял свою шапочку с нашитой короной и повесил на спинку кресла. — Знаете, монаршье достоинство так утомляет.

И поэтому король нашел место, где можно снять это достоинство вместе с короной. Лукас почувствовал, что от него тоже требуется подобный символический жест. Он отцепил с пояса кортик вместе с ножами и положил на стол. Король кивнул.

— А теперь, — сказал он, — мы можем побывать просто двумя честными торговцами, чьи лавки закрыты на ночь, и расслабиться над вином и сигарами. Верно, йомен Лукас?

Это походило на обряд принятия в некое секретное общество, о ритуалах которого приходилось только догадываться.

— Верно, йомен Михаил.

Они чокнулись и выпили. Йомен Михаил предложил сигары, а йомен Лукас поднес ему зажигалку.

— Я слыхал немало дурного о вашем ремесле, йомен Лукас.

— Все, что вы слышали, — правда, и весьма смягченная. Мы, как выразился один мой коллега, профессиональные грабители и убийцы. И худшее здесь в том, что грабеж и убийство стали тем, чем назвали их вы, — ремеслом, как починка роботов или торговля булочками.

— И все же вы сражались с двумя собратьями-викингами, чтобы прикрыть разбитую «Победительницу». Зачем?

Лукасу пришлось вновь пересказать свою историю. Теперь это получалось у него спокойно и гладко. Сигара короля Михаила за время рассказа успела потухнуть.

— И вы с тех пор за ним охотитесь? А теперь не можете быть уверены, мертв этот человек или нет?

— Боюсь, что нет. Тип, появившийся на экране, — единственный, кому Дуннан мог по-настоящему доверять. А кто-то из них двоих должен был постоянно находиться на его базе.

— Что будет, когда вы его убьете?

— Продолжу делать из Танит цивилизованный мир. Рано или поздно с меня хватит свар с королем Энгусом, и тогда мы будем его величеством Лукасом Первым Танитским, будем сидеть на троне и принимать подданных, и я буду чертовски рад, когда смогу снять корону и поболтать с теми немногими, кто может назвать меня не «ваše величество», а просто «приятель».

— Конечно, с моей стороны будет нарушением профессиональной этики советовать изменить своему сузерену, но это лучшее, что вы можете сделать. Вы, кажется, встречали за обедом посла с Итаволя? Триста лет назад Итаволь был мардуканской колонией — кажется, ныне мы не можем позволить себе иметь колонии — и отделился. В те времена это была планета вроде вашей Танит. Теперь это цивилизованный мир и один из самых дружественных Мардуку. Знаете, мне кажется, что в Старой Федерации один за другим вновь вспыхивают огни. И зажигать их помогают космические викинги.

— Вы имеете в виду наши базы и обучение туземцев?

— И это тоже. Цивилизации нужны технологии. Но использовать их тоже нужно цивилизованно. Вы слыхали о налете викингов на Атон? Это было лет сто назад.

— Шесть звездолетов с Альтеклера: четыре уничтожено, два вернулись в пробоинах и без добычи.

Король покивал.

— Этот налет спас цивилизацию на Атоне. Там было четыре страны. Две самые большие находились на грани войны, остальные выжидали, чтобы наброситься на ослабленного победителя, а потом передраться из-за добычи. Космические викинги заставили их объединиться. Из временного союза выросла Лига совместной защиты, а из нее — Планетная республика. Теперь это диктаторский режим, между нами, йоменами, говоря, довольно мерзкий, и правительству нашего величества он совсем не нравится. Рано или поздно его свергнут — так всегда бывает, — но к национализму они не вернутся уже никогда. Космические викинги выбили из них это стремление террором. Возможно, этот ваш Дуннан окажет такую же услугу Мардуку.

— У вас проблемы?

— Вы видели децивилизованные планеты. Как это произошло? — спросил король вместо ответа.

— Я видел это много раз. Война. Разрушение городов и фабрик. Уцелевшие среди руин слишком озабочены собственным выживанием, чтобы поддерживать цивилизацию. А потом забывается само это слово.

— Это катастрофическая ситуация. Но цивилизация может погибнуть и в результате эрозии, так что никто не замечает этого. Все так гордятся своей цивилизованностью, богатством, культурой. Но торговля чахнет, и с каждым годом все меньше кораблей приходят в порты. Тогда начинаются хвастливые разговоры о планетной самодостаточности: кому вообще нужна эта межпланетная торговля? У всех есть деньги, а правительство постоянно разорено. Дефицит бюджета — и все больше «жизненно необходимых» социальных программ, на которые уходят деньги. А самая необходимая — покупка голосов избирателей, чтобы правительство оставалось у власти. И чем дальше, тем сложнее правительству хоть что-то сделать.

Солдаты неуклюжи, а их оружие и мундиры — грязны. Гражданские наглеют. Все больше городских районов становятся небезопасны — сначала ночью, потом и днем. Уже много лет не строилось новых домов, а старые никто не ремонтирует.

Траск закрыл глаза. Ему казалось, что спину его греет мягкое солнце Грама, с нижней террасы доносится смех, а он беседует с Лотаром Фэйлом, Ровардом Грауффисом, Алексом Горрамом, кузеном Никколаем и Отто Харкаманом.

— И наконец, — закончил он, — никто уже не дает себе труда привести что-то в порядок. Реакторы останавливаются, и никто не умеет запустить их снова. На Клиновых мирах до этого пока не дошло.

— На Мардуке тоже. Пока. — Йомен Михаил пропал. На своего гостя глядел король Михаил Восьмой. — Князь Траск, вы слыхали о человеке по имени Заспар Маканн?

— Иногда, и ничего хорошего.

— Он самый опасный человек на планете, — сказал король. — Но никто в это не верит. Даже мой сын.

Глава 3

Граф Стивен Равари, десятилетний сынишка принца Бентрика, был облачен в мундир мичмана Королевского космофлота. За его спиной маячил домашний учитель, немолодой флотский капитан. Входя в апартаменты Траска, мальчик ловко отсалютовал.

— Разрешите вступить на борт, сэр? — спросил мальчик.

— Добро пожаловать, граф, капитан. Оставьте церемонии, присаживайтесь. Вы как раз послели ко второму завтраку.

Пока гости рассаживались, Лукас навел ультрафиолетовый сигнальный фонарик на робота-стюарда. В отличие от мардуканских роботов — этаких сюрреалистических пародий на рыцарей

доатомной эры — это был яйцевидный аппарат, паривший в нескольких дюймах над полом на собственных контрагравитаторах. Верхние панели разошлись, как надкрылья жука, и на свет явился поднос с тарелками.

Мальчуган глядел на это с восхищением.

— Это клинковский робот, сэр, или вы его где-то добыли?

— Это наша продукция. — Прозвучавшая в голосе Лукаса гордость была вполне простительна; робота собрали на Танит еще год назад. — Внизу ультразвуковая мойка, а сверху — печь и автоповар.

Пожилой капитан был впечатлен еще сильнее, чем его подопечный, если это возможно. Он-то понимал, какой технологии требует создание подобного робота и насколько развитое общество для этого нужно.

— Полагаю, с такими роботами у вас немного нужды в живых слугах, — заметил он.

— Почти нет. Население наших миров невелико, и никто не хочет быть слугой.

— А у нас на Мардуке слишком много народа, и все хотят быть слугами при дворянах и ничего не делать, — вздохнул капитан. — Те, кто вообще хочет работать.

— Это потому, что вам все мужчины нужны как бойцы? — спросил юный граф.

— Ну, бойцов нужно много. Самый маленький из наших кораблей несет пятьсот человек, а на основном — не менее восьми сотен.

Капитан поднял бровь — команда «Победительницы», флагмана флота, составляла триста человек, — потом кивнул.

— Конечно. Большинство — это десантники.

Эти слова нашли в душе графа Стивена горячий отклик. Пояснились вопросы: о битвах, о налетах, о добыче, о планетах, которые Траск успел повидать.

— Если бы я был космическим викингом! — воскликнул мальчик.

— Вы не можете быть викингом, граф Равари, — ответил Лукас. — Вы офицер Королевского космофлота. Ваш долг — сражаться с викингами.

— С вами я сражаться не стану!

— Если король прикажет — придется, — напомнил пожилой капитан.

— Нет. Князь Траск — мой друг. Он спас жизнь моему папе.

— Я тоже не стану с вами сражаться, граф. Мы устроим большой фейерверк, разлетимся по домам и будем говорить, что победили. Подходит?

— Я о таком слыхивал, — заметил капитан. — Семьдесят лет назад мы воевали с Одином. Почти все битвы так и проходили.

— А ведь король тоже друг князя Траска, — настаивал мальчик. — Папа и мама слышали, как он это говорил, сидя на троне. Короли ведь не лгут, сидя на троне, правда?

— Хорошие — нет, — согласился Траск.

— Наш король — лучший, — провозгласил юный граф Равари. — Я сделаю все, что прикажет мой король. Только не стану сражаться с князем Траском. Мой род у него в долгу.

Траск одобрительно кивнул.

— Так мог бы сказать и клинковский дворянин, граф, — ответил он.

Следственная комиссия, собравшаяся после полудня, более походила на участников тихого коктейль-вечера. Председательствовал, хотя и незаметно, некий адмирал Шефтер, по всей видимости, очень высокий чин. От «Немезиды» присутствовали Алвин Каффард, Ван Ларч и Пэйтрик Морланд, от «Победительницы» — принц Бентрик и несколько офицеров. Еще присутствовало несколько офицеров флотской разведки, пара человек из отделов штабного планирования, судостроительства и научно-исследовательского. Некоторое время тянулась обманчиво спокойная беседа, потом Шефтер сказал:

— Что ж, ничего постыдного в том, что коммодор Бентрик был захвачен врасплох, нет. И взыскания применяться к нему не будут. Избежать ошибки было невозможно. — Адмирал покосился на представителя исследовательского отдела. — Но больше такое повториться не должно.

— Не повторится, сэр. Полагаю, на создание системы подводного обнаружения нам потребуется месяц, а затем нас ограничит только время их изготовления и установки.

Судостроители заявили, что много времени это не займет.

— Я прослежу, чтобы вы получили полную информацию об этой системе, князь Траск, — пообещал Шефтер.

— Надеюсь, господа, вы понимаете, что информацию надо держать под шлемом, — напомнил офицер разведки. — Если обнаружится, что мы снабжаем космических викингов нашими техническими секретами... — Он многозначительно потрогал свой загривок, и у Лукаса возникло подозрение, что основным видом смертной казни на Мардуке было отсечение головы.

— Надо выяснить, где у этого бандита база, — заметил штабист. — Вы, князь Траск, полагаю, не станете считать, что он находился на борту своего флагмана и вы с ним уже разделались раз и навсегда?

— О нет. Я предполагаю как раз обратное. Я не верю, что они с Орммом могли лететь на одном корабле после того, как Дуннан обустроил свою базу. Одному из них придется постоянно оставаться дома.

— Что ж, мы сообщим вам об их налетах все, что сможем, — сказал Шефтер. — Большая часть информации совершенно

секретна, и я прошу вас о ней не распространяться. Я уже просмотрел резюме вашего сообщения; полагаю, мы сможем сообщить друг другу много интересного. У вас есть какие-то предложения, князь?

— Только одно. Его база находится на нетеррестроидной планете. — Лукас рассказал о закупках Дуннаном установок регенерации воды и воздуха, баков культуры и гидропоники. — Это, конечно, нам очень поможет...

— Да, в пространстве Старой Федерации «всего-навсего» пять миллионов планет, где можно жить в искусственной среде. Включая несколько полностью покрытых водой, где при наличии времени и материала можно строить подводные купола, — отозвался штабист.

Один из разведчиков, долгое время лелеявший недопитый стакан коктейля, внезапно прикончил остаток, налил себе еще, мрачно глянул на стакан и осушил единым глотком.

— Что бы мне хотелось знать, — выговорил он, — так это то, как эта сволочь нецензурная Дуннан узнал, что мы пошлем корабль на Аудумлу. Вы мне напомнили об этом своими подводными городами. Не верю, что он выбрал планету наугад и ждал там год-полтора, пока не покажется наш звездолет. Я думаю, он знал, что «Победительница» прилетит на Аудумлу и когда.

— Мне не нравится эта мысль, коммодор, — заметил Шефтер.

— А мне что — нравится? — огрызнулся разведчик. — Но факт остается фактом.

— Верно, — согласился адмирал. — Займитесь этим, коммодор. Думаю, не стоит напоминать, чтобы вы тщательно проверили всех причастных к делу. — Он заглянул в собственный стакан — на дне плескались несколько капель — и медленно и осторожно наполнил его. — Давно уже флоту не приходилось беспокоиться о шпионаже. — Он повернулся к Траску: — Полагаю, я смогу связаться с вами во дворце в любое время?

— Мы с князем Траском приглашены в охотничий домик принца Эдварда, — сказал Бентрик и тут же поправился: — Простите, барона Крэгдейла. Мы отправляемся туда сразу же после заседания.

— А... — Адмирал чуть улыбнулся. Кроме того, что у него отсутствовали рога и шипастый хвост, этот викинг отличался тем, что был вхож в королевскую семью. — Что ж, тогда до встречи, князь.

Охотничий домик, где кронпринц Эдвард мог побывать просто бароном Крэгдейлом, располагался над узкой горной долиной, на дне которой клокотала река. По обе стороны вздымались горы, одетые вечными снегами; по склонам их сползали льды. Острый пик, у основания которого зарождалась река, покрывали малиново-алые альпийские луга, ниже начинался пояс густых лесов. В первый раз за год рядом с Лукасом стояла Элейн, глядя

его глазами на красоту гор. Ему уже начинало казаться, что она ушла навсегда...

Охотничий домик как таковой не совсем соответствовал тому, что понимает под этими словами обычный клинковец. Сверху архитектурный ансамбль напоминал солнечные часы: хрупкая башня, как гномон, возвышалась в центре круга, образованного низенькими пристройками и садами. Лодка приземлилась у основания башни. Как только Лукас, супруги Бентрик и их сын с воспитателем вышли, вокруг тут же заметались слуги; наверху уже кружила вторая лодка, с багажом и личной прислугой Бентриков. Элейн исчезла.

Лукаса провели в шахту подъемника. Слуги показали ему апартаменты, разложили вещи, наполнили ванну, попытались даже помочь принять ее и без умолку квохтали вокруг, пока Лукас одевался.

К обеду собралось два десятка гостей. Бентрик уже предупредил Лукаса, что среди них могут попадаться самые странные типы и не всегда высокородные. Из простонародья присутствовали несколько профессоров, большей частью гуманитариев, профсоюзный лидер, пара членов палаты представителей, один делегат и несколько «социальных работников» (это звание Лукас не совсем понял).

Его соседкой за столом оказалась госпожа Валери Альварат. Она была красива — черные волосы и пронзительно-синие глаза, комбинация, необычная на Клинковых мирах, — и умна, или, по крайней мере, умно разговорчива. Представили ее как дуэнью дочери кронпринца. Когда Лукас спросил, а где же дочь, Валери рассмеялась:

— Ей еще долго не придется развлекать космических викингов, князь Траск. Ей ровно восемь лет; я проследила, чтобы ее уложили в кровать, прежде чем спуститься сюда. После обеда я к ней еще загляну.

Потом кронпринцесса Мелани, сидевшая по другую руку, задала ему какой-то вопрос о придворном этикете Клинковых миров. Лукас ограничился общими фразами и тем, чего поднабрался в студенчестве на приемах при дворе короля Экскалибура. Самодержавие на Мардуке существовало до того, как был колонизирован Грам, и Лукас не сбирался признаваться, что монархия на его родине появилась после того, как он сам отправился в космос. Стол был достаточно мал, чтобы все могли слышать его ответы и задавать вопросы. Так что Лукас не мог закрыть рот ни за обедом, ни после того, как все перешли в библиотеку пить кофе.

— А как насчет вашего правительства, вашей общественной структуры и тому подобного? — спросил кто-то, устав выслушивать описания мелочей дворцового быта.

— Мы редко употребляем слово «правительство», — ответил Лукас. — Мы много — боюсь, что даже слишком, — говорим о

власти и сюзеренитете, но правительство для нас — сюзерен, который лезет не в свое дело. До тех пор пока власть поддерживает некое подобие общественного порядка и делает самые серьезные преступления опасными для жизни преступников, нас это устраивает.

— Но это чисто негативное описание. А что хорошего делает для народа правительство?

Лукас попытался объяснить феодальную систему Клинковых миров. Оказалось, что очень трудно объяснить то, что ты всю жизнь считал единственным правильным, тому, кто не имеет об этом и понятия.

— Но правительство — или сюзерен, если так вам больше нравится, — ничего не делает для народа! — возразил какой-то профессор. — Все социальные службы отданы на милость отдельно взятого лорда или барона.

— И народ не имеет права голоса. Это же просто тирания! — добавил делегат ассамблеи.

Лукас попытался объяснить, что голос народа является как раз решающим и что любой барон или лорд, который хочет жить долго, к нему прислушивается. Делегат изменил свое мнение: это не тирания, а анархия какая-то. А профессор никак не мог успокоиться: кто же занимается социальными услугами?

— Если вы имеете в виду школы, больницы и уборку мусора, то люди этим занимаются сами. А правительство, если вам так хочется употребить это слово, только присматривает, чтобы в них при этом никто не стрелял.

— Профессор Пулвелл имеет в виду не это, Лукас, — пояснил Бентрик. — Он имеет в виду пенсии по старости. Как те, о которых кричит Заспар Маканн.

Об этих пенсиях Лукас наслушался еще по дороге с Аудумлы. Каждый мардуканец, отработавший тридцать лет или достигший шестидесятилетнего возраста, должен был получить право уйти на пенсию. Когда Лукас поинтересовался, а откуда взять столько денег, ему ответили, что будет введен налог с оборота. Пенсии следовало полностью потратить в течение тридцати дней, что будет стимулировать предпринимательство, а рост деловой активности увеличит налоги, которые пойдут на выплаты пенсий.

— У нас ходит анекдот о трех гильгамещах, застрявших на необитаемой планете, — ответил он. — Через десять лет, когда их спасли, все трое сколотили огромные состояния, продавая друг другу свои ермолки. Вот так будут работать и ваши пенсии.

Дама из службы соцобеспечения всхлинула — нехорошо шутить над национальными меньшинствами. Один из профессоров встал на дыбы — это, дескать, вовсе не аналогия, и «самообеспечивающийся пенсионный план» вполне возможен. Траск с ужасом сообразил, что беседует с профессором экономики.

«Алвину Каффарду не нужны и двадцать кораблей, чтобы захватить Мардук, — подумал он. — Хватит сотни умелых жуликов. Через год они просто купят всю планету».

Разговор перешел на Заспара Маканна. Кое-кто полагал, что у него есть и хорошие идеи, но собственный экстремизм ему вредит. Дворянин побогаче заметил, что Маканн — это позор для правящего класса: вина правителей в том, что такой тип сумел набрать столько последователей. Какой-то старичок ляпнул было, что гильгамешцы отчасти и сами повинны в нарастающей к ним враждебности, но на него тут же накинулись остальные и, выражаясь фигурально, разорвали в клочья.

Траск решил, что цитировать этой своре слова Йомена Михаила не стоит. Поэтому он взял ответственность на себя, сказав:

— Насколько я могу судить, этот человек — самая серьезная угроза цивилизованному обществу на Мардуке.

Сумасшедшим его никто не назвал — в конце концов, он гость; но спросить, что Лукас имеет в виду, никому не пришло в голову. Было заявлено, что Маканн — безумец, за которым следует горстка полуидиотов, что и покажут ближайшие выборы.

— Я склонен согласиться с князем Траском, — сухо заметил Бентрик. — И боюсь, что результаты выборов удивят не Маканна, а нас.

На корабле он разговаривал иначе. Возможно, после возвращения ему довелось оглядеться повнимательнее. Или побеседовать с Йоменом Михаилом. В комнате имелся телезкран. Бентрик кивнул в его сторону.

— Сейчас Маканн читает речь на митинге Партии народного благосостояния в Дрепплине, — сказал он. — Могу я включить, дабы вы увидели, что я имею в виду?

Кронпринц кивнул. Бентрик нажал на кнопку и пощелкал селектором.

С экрана глянуло лицо. Оно ничем не напоминало Андрея Дуннана — губы полнее, скулы шире, подбородок безвольнее, — но глаза были те же. Такие же глаза были у Дуннана, стоявшего на террасе дома Карвалей. Безумные глаза.

«Наш возлюбленный монарх — пленник! — визжал пронзительный голос. — Он окружен предателями! Министерства полны изменников! Все они изменники! Кровожадные реакционеры из так называемой Партии верных монархистов! Жадная клика межзвездных банкиров! Грязные гильгамешцы! Все они! Объединены! В омерзительном! Заговоре! А теперь этот космический викинг, это кровавое чудовище с Клинковых миров...»

— Выключите этого мерзкого типа! — проворчал кто-то, будто пытался перекричать гипнотически мерные вопли с экрана.

Проблема в том и состояла, что выключить можно было только экран. А Заспар Маканн будет орать по-прежнему, и вся планета будет его слушать. Бентрик пощелкал селектором. Голос умолк, потом завизжал снова. На сей раз камера показывала толпу сверху. Огромный парк был до отказа забит людьми, в большинстве одетых так, как на Граме не оденется и самый нищий батрак. Но кое-где попадались группы людей в почти — но не совсем — военных мундирах, с короткими шипастыми дубинками в руках. По другую сторону парка стоял огромный экран, на котором был виден бюст демагога. И стоило Заспару Маканну прерваться, как люди в мундирах заводили мерный клич: «Ма-канн! Ма-канн! Вождь Ма-канн! Власть Ма-канн-у!»

— Вы позволяете ему держать личную армию? — спросил Лукас кронпринца.

— А, эти клоуны в опереточных мундирах? — Кронпринц поклонился плечами. — Они безоружны.

— С виду, — согласился Лукас. — И пока.

— Не представляю, откуда они могут взять оружие.

— Я тоже, ваше высочество, — заметил принц Бентрик. — Это меня и путает.

Глава 4

На следующее утро Лукасу удалось наконец убедить окружающих, что он хочет побыть один, посидеть немного в саду и полюбоваться радугами, играющими над водопадом в другом конце долины. Элейн понравилось бы, но ее не было рядом.

Погрузившись в раздумья, Лукас вдруг осознал, что кто-то зовет его тихим голоском. Он повернулся и увидел девчушку в шортах и майке. На руках у девочки вертелся пушистый лопоухий щенок, пытаясь глянуть на хозяйку умоляющими глазищами.

— Здравствуйте оба, — произнес Лукас.

Щенок извернулся и попытался облизать девочке щеку.

— Не делай так, Мопсик, — укорила его девочка и обратилась к Траску: — Ты действительно, правда космический викинг?

— Действительно и правда. А кто вы двое?

— Я Мирна. А это Мопсик.

— Здравствуй, Мирна. Здравствуй, Мопсик.

Услышав свое имя, щенок вывернулся из рук хозяйки, подумал немного, прыгнул Лукасу на колени и попытался облизать лицо. Пока Траск возился с собачкой, девчушка подошла и села рядом на скамейке.

— Ты Мопсику нравишься, — заметила она. И добавила: — Мне тоже.

— А ты нравишься мне, — не остался в долгу Лукас. — Не хочешь быть моей девушкой? Знаешь, у космического викинга

должно быть по девушке на каждой планете. Что бы ты сказала, если бы я предложил тебе стать моей девушкой на Мардуке?

Мирна старательно обдумала предложение.

— Хорошо бы, но мне нельзя. Понимаешь, я когда-нибудь стану королевой.

— О?

— Да. Сейчас король — дедушка, а когда он не будет больше королем, им будет папа, а когда и он больше не сможет быть королем, я ведь не смогу стать королем, потому что девочка, и стану королевой! И мне нельзя быть чьей-нибудь девушкой, потому что замуж придется выйти за кого-нибудь, кого я совсем не знаю, по государственным интересам. — Девочка помолчала немного и шепотом произнесла: — Я тебе открою большой секрет. Я уже королева.

— Да ну?

Девочка серьезно кивнула:

— Мы — законная королева нашей Королевской Спальни, Королевской Детской и Королевской Ванной. А Мопсик — наш верный подданный.

— И ваше величество владеет своим царством безраздельно?

— Нет. — Мирна скривила гримаску. — Мы должны всегда прислушиваться к советам королевских министров, как дедушка. Это значит, что я должна их слушаться. Их — это госпожу Валери, и Марго, и даму Евницию, и сэра Томаса. Но дедушка говорит, что они мудрые и хорошие министры. А ты правда князь? Я не знала, что у космических викингов есть князья.

— Ну, так говорит мой король. И я правлю своей планетой. Открою тебе тайну: я никого не обязан слушаться.

— У-ух! Так ты тиран? Ты очень высокий и сильный. Держу пари, ты убил сотни злобных и страшных врагов.

— Тысячи, ваше величество.

Если бы это только не было правдой. Лукас не мог бы сказать, сколько из этих врагов были маленькими девочками и собачками — как Мирна и Мопсик. Он обнаружил, что крепко обнимает обоих.

— Но тебе это вовсе не понравилось, — сказала девочка.

«Черт, эти дети, наверное, телепаты...»

— Космическому викингу, особенно князю, приходится делать многое, что ему не нравится.

— Знаю. Королевам тоже приходится. Хорошо бы дедушка и папа еще долго были королями. — Девочка оглянулась. — Ох! Вот и сейчас придется. Уроки.

Лукас проследил за ее взглядом. К ним торопливо приближалась его соседка по обеденному столу. Одета она была в легкое платье цвета закатного тумана и широкополую шляпу. За ней вышагивала женщина постарше в одежде старшей горничной.

— Госпожа Валери, — прошелестал Лукас. — А кто с ней?

— Марго. Моя няня. Страшно строгая, но добрая.

— Князь Траск, — произнесла Валери, подбежав, — ее высочество вас не беспокоила?

— Нет-нет. — Лукас встал, не сообразив, что все еще держит в руках забавного щенка. — Но вам следовало бы сказать «ее величество». Она сообщила мне, что является монархом трех владений и одного любящего подданного.

Подданного передали сюзерену из рук в руки.

— Вам не следовало говорить этого князю Траску, — укорила девочку Валери. — Вне своих владений ваше величество должны оставаться инкогнито. А теперь вашему величеству пора отправляться вслед за министром спальни: министр образования ожидает аудиенции.

— Держу пари, арифметика. До свидания, князь Траск. Надеюсь, мы еще встретимся. Скажи «до свидания», Мопсик.

Девочка ушла с няней. Щенок выглядывал из-за ее плеча.

— Я вышел полюбоваться садом в одиночестве, — заметил Лукас, — а оказалось, что в обществе он нравится мне больше. Не составите ли мне компанию, если министерские обязанности позволяют?

— С удовольствием, князь. Ее величество будет занята серьезными государственными делами. Квадратный корень. Вы не видели гроверов? Они вон там.

После обеда Лукаса поймал адъютант и сообщил, что барон Крэгдейл будет признателен, если князь Траск найдет время побеседовать с ним наедине. Впрочем, уже после нескольких минут беседы барон Крэгдейл внезапно превратился в кронпринца Эдварда.

— Князь, адмирал Шефтер сообщает, что вы с ним вели неофициальные переговоры о совместных действиях против общего врага, Дуннана. Это превосходно; действия адмирала одобряем и я, и премьер-министр князь Вандарвант, и, могу добавить, йомен Михаил. Однако, по моему мнению, этого мало. Официальный договор между Танит и Мардуком пошел бы на пользу обеим сторонам.

— Я вполне с вами согласен, ваше высочество. Но не слишком ли это поспешный брак? «Немезида» стоит на орбите всего пятьдесят часов.

— Ну, мы и раньше слыхали о вас и вашей планете. На Мардуке живет большая гильгамешская diáspora, а на Танит они ведь тоже есть? Так вот, то, что известно одному гильгамешу, — известно всем. А наши активно сотрудничают с флотской разведкой.

Вот еще почему Андрей Дуннан не имел никаких дел с гильгамешами. Заспар Макани, вероятно, именно это и имел в виду, крича о гильгамешском межзвездном заговоре.

— Я понимаю выгоды подобного сотрудничества. Подобный договор я поддержал бы с радостью. Совместные действия про-

тив Дуннана, конечно, взаимные права на торговлю с торговыми планетами, прямые рейсы между Танит и Мардуком, а также Беовульфом и Аматерасу. А король и премьер-министр тоже одобрили такой договор?

— Йомен Михаил «за», но между ним и королем, как вы успели заметить, есть разница. Король не может ничего поддерживать, пока своего мнения не высажут ассамблея или канцлер. Князь Вандарвант лично тоже «за», но как премьер-министр пока воздерживается. Прежде чем занять решительную позицию, он должен заручиться согласием большинства в Партии верных монархистов.

— Ну, барон Крэгдейл, как барон Траск Трасконский могу предложить следующее: давайте выработаем общие положения договора и неофициально посоветуемся с несколькими доверенными лицами, чтобы в наилучшем свете представить договор правительенным чиновникам...

Тем же вечером в Крэгдейл прибыл инкогнито премьер-министр в сопровождении нескольких вожаков Партии верных монархистов. В принципе все выступали за договор с Танит, но с точки зрения политики все сомневались — уж очень противоречивая тема. Оказалось, что слово «противоречивый» в мардуканской общественной жизни превратилось в страшнейшее ругательство. Договор отпугнет профсоюзы: те решат, что увеличение импорта снизит занятость в мардуканской промышленности. Некоторые компании, занятые межзвездной торговлей, ухватятся за шанс попасть на танитские планеты, другие будут против, не желая пускать в сферы своего влияния танитские корабли. А партия Заспара Маканна уже бурно протестовала против починки «Немезиды» за счет космофлота.

Пара членов ассамблеи из числа сочувствующих Маканну представила на обсуждение резолюцию, призываю к трибуналу над принцем Бентриком и ставя под вопрос благонадежность адмирала Шефтера. Кто-то еще — видимо, нанятый Маканном — заявлял, что Бентрик просто продал «Победительницу» викингам, а битву при Аудумле снимали с помощью моделей на лунной базе флота.

Адмирал Шефтер, с которым Траск встречался на следующее утро, взирал на эту суetu с презрением.

— Не обращайте внимания. Такое начинается перед каждыми всеобщими выборами. На этой планете всегда можно безнаказанно пинать гильгамешцев и флотских: ни те ни другие не голосуют и не могут дать пинка в ответ. На следующий после выборов день об этом забудут. Не в первый раз.

— Это если Маканн не победит на выборах, — уточнил Траск.

— Да кто бы ни победил. Ни один из них без флота не обойдется, и все это, черт бы их подрал, знают.

Траск поинтересовался успехами разведки.

— Насчет того, как Дуннан узнал, что «Победительница» окажется близ Аудумлы — ничего, — ответил Шефтер. — В секрете это никто не держал, знала тысяча человек, от меня до уборщика, едва приказ был подписан. Придется затянуть кое-какие болты.

А вот по тому списку судов, что вы мне дали, есть новости. Одно из них регулярно бывает на Мардуке. Только вчера оно отбыло с планеты. «Честный Чоррис».

— О сатана! И вы ничего не сделали?

— Я не знаю, что мы можем сделать. Расследование идет, но... Видите ли, этот кораблик впервые явился сюда четыре года назад. Командовал им какой-то неоварвар — не гильгамеш — по имени Чоррис Сасстроф. Утверждал, что прилетел со Скати; у тамошних жителей и вправду есть пара кораблей. Лет сто назад там располагалась база космических викингов. Документов, естественно, нет. Торгуя среди неоварваров, можно десятилетиями не залетать на планеты, где слыхали о документах.

Корабль в безобразном состоянии — должно быть, его бросили на Скати лет сто назад как металлом, а туземцы кое-как подлатали корпус. Залетал он к нам дважды, судя по записям на таможне, и во второй раз не мог даже подняться в космос. Денег на ремонт у Сасстрофа не было, так что корабль забрали в счет портового сбора и продали. Купила его какая-то захудалая торговая фирма, починила и тут же обанкротилась. «Честного Чорриса» перекупила другая компания, «Звездная торговля», и пустила на регулярные рейсы отсюда на Гимли. Вроде бы они действуют по закону, но мы продолжаем искать. Хотели бы допросить Сасстрофа, но он как в воду канул.

— Вы могли бы послать корабль на Гимли и выяснить, слышали ли там о «Честном Чоррисе». Очень может быть, что и нет.

— Могли бы, — согласился адмирал. — Так и сделаем.

О предполагаемом договоре с Танит весь Крэгдейл знал на следующее утро после того, как принц затронул эту тему в разговоре. Государыня королевской спальни, королевской детской и королевской ванной настаивала, чтобы ее владения тоже заключили договор с Танитским княжеством.

Траску уже начинало казаться, что этот договор так и останется единственным, который он подпишет на Мардуке.

— Думаете, это разумно? — спросил он Валери Альварат.

Королева трех комнат и одного четвероногого подданного уже решила, что госпожа Валери станет девушкой князя космических викингов на планете Мардук.

— Если об этом прознает Партия народного благосостояния, эти маньяки и тут усмотрят следы зловещего заговора.

— О, я полагаю, что ее величество может подписать договор с князем Траском, — решила премьер-министр ее величества. — Но держать это придется в глубокой тайне.

— Ух ты! — Глаза у Мирны сделались огромными и круглыми. — Настоящий тайный сговор, точно как у злобных старых диктаторов! — В порыве чувств она стиснула в объятиях своего подданного. — Держу пари, у дедушки и то не было секретных договоров!

Через пару дней о договоре знал уже весь Мардук. А если кто-то и не знал, то не по вине партии Заспара Маканна. На удивление большое число телестанций плясало под их дудку, заливая эфир рассказами о неописуемых жестокостях космических викингов и поношениями в адрес благоразумно неназываемых предателей, окруживших короля и кронпринца и готовых отдать планету на грабеж и растерзание. Утечка информации шла, очевидно, не из Крэгдейла, поскольку считалось, что Лукас все еще находится в королевском дворце в Малвертоне. Во всяком случае, именно там проводили свои демонстрации маканисты.

За одной такой демонстрацией Лукас пронаблюдал. Камера, откуда шла передача, была установлена на одной из посадочных площадок дворца и давала панораму раскинувшегося вокруг парка. На жидкий полицейский кордон двигалась плотная толпа. Передние ряды напоминали шахматную доску — несколько человек в штатском, потом группа Народной Стражи Заспара Маканна в своих до нелепого женственных мундирах, потом опять штатское, потом снова мундиры. Над толпой реяли на контрагравитационных площадках огромные динамики, ревущие:

— ВИ-КИН-ГОВ ВОН! ВИ-КИН-ГОВ ВОН!

Полицейские стояли неподвижно, как на параде, а толпа приближалась. Когда до кордона оставалось полсотни ярдов, «народные стражники» вышли вперед и рассредоточились, образовав сплошную шеренгу в шесть рядов. Из задних рядов, расталкивая простых демонстрантов, пробивались вперед все новые «стражники». С каждой секундой Траск ненавидел их все больше, но не мог не признать ловкости и дисциплины, с которой был проведен этот маневр. Интересно, долго ли они тренировались?

Толпа наступала на отшатнувшихся полицейских.

— ВИ-КИН-ГОВ ВОН! ВИ-КИН-ГОВ ВОН!

— Огонь! — услышал Лукас собственный крик. — Не подпустите их ближе! Стреляйте!

Но стрелять было нечем. Полиция была вооружена только дубинками — оружием не лучшим, чем шипастые кастеты Народной Стражи. Кордон был смят во мгновение ока, и штурмовики Маканна даже не замедлили шага.

И это было все. Толпа ударила о запертые дворцовые ворота и остановилась. Громкоговорители продолжали реветь.

— Этих полицейских, — прохрипел Лукас, — убили. Их убил человек, который отравил их в кордон безоружными.

— Это князь Найднаир, министр безопасности, — укорил его кто-то.

— Значит, его и надо за это повесить.

— А что бы вы сделали на его месте? — парировал кронпринц Эдвард.

— Вывел бы полсотни боеходов. Провел бы черту, и как только толпа пересечет ее — открыл бы пулеметный огонь и стрелял бы, пока уцелевшие не унесут ноги. Потом вывел бы остальные машины на улицы и расстреливал бы любого, кого застанут в форме Народной Стражи. Через сорок восемь часов не было бы ни Партии народного благосостояния, ни Заспара Маканна.

Лицо кронпринца застыло.

— Возможно, так поступают у вас на Клинковых мирах, князь Траск. На Мардуке так не делается. Наше правительство не может проливать кровь собственного народа.

Лукас хотел было огрызнуться: мол, иначе народ прольет вашу. Но вместо этого сказал мягко:

— Простите, принц Эдвард. Вы, мардуканцы, построили замечательную цивилизацию. Вы могли бы добиться с ней почти чего угодно. Но теперь слишком поздно. Вы распахнули ворота варварам, и они вошли.

Глава 5

Многоцветные блики рассеялись в серой мгле гиперпространства. Пятьсот часов до Танит. Гуат Кирби запирал панель управления, торопясь вернуться к своей музыке. Ван Ларч направился к мольберту и краскам, Алвин Каффард — к неоконченной работающей модели чего-то, что он так и не успел собрать, когда «Немезида» завершила прыжок у Аудумлы.

Траск же направился в корабельную библиотеку и запросил список книг на тему «История, старотерранская». Список, благодаря усилиям Харкамана, оказался длинным, и Лукас ввел дополнительное условие: «Гитлер Адольф». Харкаман оказался прав — все, что может произойти в истории человеческого общества, уже где-нибудь и когда-нибудь произошло. Гитлер мог помочь Лукасу понять Заспара Маканна.

К тому времени когда на экранах засияло золотое танитское солнце, Лукас уже знал почти все об Адольфе Гитлере, именуемом также Шикльгрубером, и с сожалением понял, что огни цивилизации на Мардуке скоро погаснут.

Кроме «Ламии», лишенной привода Диллингема и набитой под завязку тяжелыми ракетами и системами дальнего обнаружения, на орбитальном дежурстве над планетой стояли «Королева Флавия» и «Бич пространства». Полдюжины судов крутилось над самой границей атмосферы: гильгамеш, один из грузовиков на линии Грам—Танит, пара свободных викингов и новый звездолет незнакомой Лукасу конструкции. Запросив лунную базу, он узнал, что это «Богиня солнца» с Аматерасу.

Тамошние жители на год обогнали самые смелые надежды Лукаса. Отто Харкаман ушел на «Корисанде» грабить и торговать.

В Ривингтоне Лукаса ждал его кузен, Никколай Траск. Когда Лукас спросил его, а как же баронство, Никколай выругался.

— Не знаю я ничего о Трасконе. Я вообще больше к Траскону касательства не имею. Траскон теперь находится в собственности нашей возлюбленной — точнее сказать, траханной — королевы Эвиты. Теперь у Трасков на Граме не хватит своей земли, чтобы могилу выкопать. Видишь, что ты наделал? — горько добавил он.

— Не надо тыкать меня носом, Никколай, — ответил Лукас. — Если бы я остался на Граме, то помог бы возвести Энгуса на трон, и все кончилось бы примерно так же.

— Все могло обернуться и иначе, — возразил кузен. — И теперь ты можешь привести на Грам свои корабли и сесть на трон сам.

— Нет. На Грам я не вернусь. Танит теперь мой мир. Но от подчинения Энгусу я откажусь. Торговать я могу с Морглесом, Жуайёзом или Фламбержем.

— Не стоит. Ты можешь сажать корабли в Ньюхейвене или Бигтльспорте. Граф Лионель и герцог Джорис отказались поддерживать Энгуса. Они не отправляют ему солдат, изгнали его сборщиков налогов — тех, кого не повесили, — и оба строят собственные корабли. Энгус их тоже строит. Не знаю, хочет ли он завоевать Бигтльспорт и Ньюхейвен или же напасть на тебя, но года не пройдет, как начнется война.

«Добрая надежда» и «Попутный ветер» вернулись на Грам — их капитаны были из числа новых фаворитов короля Энгуса. «Черная звезда» и «Королева Флавия» (капитан которой с презрением игнорировал приказ перекрестить ее в «Королеву Эвиту») остались. Теперь оба корабля подчинялись Танит, а не Граму. Капитан уордхейвенского грузовика отказался везти груз в Ньюхейвен — дескать, зафрахтовал его король Энгус, и прочие ему не указ.

— Ладно, — ответил ему Траск. — Тогда можешь больше в этой системе не появляться. Приведешь свою посудину под гербом Энгуса Уордхейвенского — будем стрелять.

Он приказал стряхнуть пыль с регалий, которые надевал при съемках последнего послания к Энгусу. Поначалу он хотел объявить себя королем Танитским, но лорд Вальпрай, барон Ратмор и кузен Никколай дружно отсоветовали.

— Назовись просто князем Танитским, — порекомендовал Вальпрай. — На твою здешнюю власть титул никак не повлияет, а если ты предъявишь права на грамский трон, никто не скажет, что ты чужепланетный король, аннексирующий чужие владения.

Ничего подобного Лукас делать не собирался, но Вальпрай был так серьезен, что оставалось только пожать плечами. В конце концов, титул ничего не решает.

Так что он взошел на трон независимого княжества Танитского и отказался от сюзеренитета «Энгуса, герцога Уордхейвенского, самозваного короля Грамского». Сообщение послали с пустым грузовиком, а копию отправили графу Ньюхейвенскому вместе с товаром на «Богине солнца», первым звездолетом, привывшим на Грам из Старой Федерации.

Через семьсот пятьдесят часов после возвращения «Немиды» из последнего микропрыжка вышла «Корисанда-2». Харкаману тут же сообщили и о битве у Аудумлы, и о разрушении «Йо-Йо» и «Авантюры». Сам он поначалу сказал только, что удачно пограбил и привез немалую добычу. До странного разнообразную, как подметил Лукас, стоило капитану начать перечисление.

— Ну да, — ответил Харкаман. — Из вторых рук добыча. Мы ее взяли на Дагоне.

Дагон был базой космических викингов, основанной неким Федригом Баррагоном. К ней было приписано несколько кораблей, включая пару под командованием сыновей-полукровок Баррагона.

— Корабли Федрига напали на одну из наших планет, — объяснил Харкаман. — Ганпат. Два города разграбили, один спалили, убили уйму туземцев. Я узнал об этом от капитана Равалло с «Черной звезды» на Индре; он только что вернулся с Ганпата. Беовульф был по дороге, так что мы завернули туда и обнаружили, что «Погибель Гренделя» готова к полету. — Так называлася второй из построенных на Беовульфе кораблей. — Втроем мы отправились на Дагон, разнесли один из кораблей Баррагона, второй вывели из строя и выпотрошили базу. Тамошнюю колонию гильгамешцев трогать мы не стали — пусть разнесут на хвосте, что мы сделали и почему.

— Князю Виктору Шочитльскому будет о чем подумать, — ответил Траск. — А где остальные корабли?

— «Погибель Гренделя» вернулась на Беовульф с заходом на Аматерасу. А «Черная звезда» пошла на Шочитль. С визитом вежливости к князю Виктору. Равалло заснял почти всю дагонскую операцию на пленку. Потом он еще на Джаганнат завернет, к Никки Грэфему.

Действия Лукаса в отношении его величества короля Энгуса Харкаман одобрил.

— Нам вообще нет нужды связываться с Клинковыми мирами. Промышленность у нас своя, мы обеспечиваем себя сами. А торговать можно с Беовульфом и Аматерасу, и с Шочитль, Джаганнатом и Хотом, если уговорим торговые миры оставить друг друга в покое. Жаль, что с Мардуком не удалось заключить договор. — Харкаман вздохнул и пожал плечами. — Наши внуки, наверное, будут грабить Мардук.

— Думаешь, дойдет до этого?

— А как по-твоему? Ты был там и видел все сам. Варвары набирают силу; у них есть вождь, и они объединились. Любое общество зиждется на фундаменте варварства. На людях, которые не понимают цивилизации, а если бы поняли — отказались бы с отвращением. Автостопщики. Они не создают ничего и не ценят созданного другими. Они думают, что цивилизация просто существует, а им остается лишь наслаждаться ее плодами — роскошью, комфортом, высокой платой за ничтожный труд. Ответственность? Ха! А правительство на что?

Траск кивнул.

— А теперь автостопщики решили, что знают аэромобиль лучше тех, кто его создал, и тянутся к рулю. Заспар Маканн сказал, что разрешает, а он же вождь! — Лукас прервался, чтобы налить бренди из графина. Графин они взяли на Пушане. Четыреста лет назад на этой планете республику свергла диктатура, та раскололась на дюжину локальных диктатур, и теперь планета скатилась на доиндустриальный уровень. — Но я все равно не понимаю. По пути домой я много читал об этом Гитлере. Не удивлюсь, если и Маканн читал — он пользуется всеми его трюками. Но Гитлер пришел к власти в стране, раздавленной поражением в войне. На Мардуке войны не было уже два поколения, да и та не лучше фарса.

— Гитлера к власти привела не война, а то, что потерял доверие правящий класс его страны, те, кто движет культурой. Не нашлось никого, кто взял бы на себя ответственность, от которой отказались самозванные варвары. На Мардуке правящий класс дискредитировал себя сам. Он стыдится своих привилегий и уклоняется от обязанностей. Он начинает полагать, что массы ничуть не хуже его, хотя это, очевидно, не так. Он отказывается применить силу даже для самосохранения. А их демократия позволяет своим врагам прикрываться ее же принципами.

— Слава Богу, такой демократии, если можно применить это слово, у нас на Клинковых мирах нет, — ответил Лукас. — И наши правители не стесняются своей власти, наш народ не пытается проехать за чужой счет и не лезет к власти, если его не притеснять. А у нас тоже не все ладно.

Династическая война двухвековой давности на Морглесе, все еще вспыхивающая порой. Война Оаскарсанов с Элмерсанами на Дюрандале, в которую ввязался Фламберж, а теперь и Жуайёз. Ситуация на Граме, быстро приближающаяся к критической.

Харкаман согласно кивнул:

— А знаешь почему? Наши правители сами варвары. Ни один из них — ни Напольон Фламбержский, ни Родольф Экскалибурский, ни Энгус полу-Грамский — не предан цивилизации, да и вообще чему бы то ни было, кроме собственной персоны. Это верный признак варвара.

— А чому предан ты, Отто?

— Тебе. Ты мой вожак. И это тоже признак варвара.

Прежде чем Лукас покинул Мардук, адмирал Шефтер отправил на Гимли корабль, чтобы расследовать деятельность «Честного Чорриса»; пинас с небольшим экипажем должен был дождаться прибытия корабля с Танит. Лукас отправил туда Боука Вальканхайна.

С Грама прибыла «Синяя комета» Лионеля Ньюхейвенского с грузом бытовых товаров. Капитан хотел купить гадолиния и плутония: граф Лионель спешно строил новые корабли. Ходил слух, что Омфрей Гласпитский предъявил права на трон Грама — сестра его прабабушки была замужем за прадедушкой Энгуса. Права были сугубо формальные, если бы претендента не поддерживал людьми и кораблями король Конрад Альтеклерский.

Барон Ратмор, лорд Вальпрай, Лотар Фэйл и прочие беженцы с Грама подняли шум, требуя от Лукаса собрать флот, вернуться и сесть на трон самому. Харкаман, Каффард, Вальканхайн и прочие викинги так же бурно выступали против. Харкаман еще не забыл, как лишился первой «Корисанды» на Дюрандале, а остальные не желали вмешиваться в клиновские дрязги. Вновь послышались голоса, призывающие Лукаса называться королем Танитским.

Ни того ни другого Лукас делать не стал. В результате разочарованы оказались обе стороны. На Танит наконец-то пришла большая политика — возможно, то был знак прогресса.

А еще был заключен Хеперанский договор между Княжеством Танит, Содружеством Беовульфа и Планетной лигой Аматерасу. Хеперане согласились допускать на своей территории строительство военных баз, обеспечивать их рабочей силой и посыпать в более развитые миры студентов. Танит, Беовульф и Аматерасу обязались совместно защищать Хеперу, свободно торговать друг с другом и помогать военной силой.

Это был знак прогресса, без всякого сомнения.

С Гимли вернулся «Бич пространства», и Вальканхайн доложил, что о «Честном Чоррисе» на планете и не слыхали. Викингов поджидал пинас мардуканского космофлота, команда которого состояла исключительно из офицеров, в основном разведчиков. Судя по их словам, расследование зашло в тупик. Капитан «Чорриса» заявлял, что он простой межзвездный торговец, и подтверждал это документами на владение кораблем и напирал на то, что является гражданином Планетной республики Атон. В результате не успела разведка его как следует допросить, как «Чорриса» спас атонский посол, направивший мардуканскому министру иностранных дел многословный протест. Партия народного благосостояния тут же накинулась на этот случай и окрестила следствие необоснованным преследованием гражданина дружественной державы по наущению продажных шавок Гильгамешского межзвездного заговора.

— Вот так, — подытожил Вальканхайн. — Иными словами, на носу выборы и власти боятся испугать потенциальных избирателей. Так что флот закрыл расследование. Весь Мардук боится Маканна. А что, если между ним и Дуннаном существует связь?

— Это мне уже приходило в голову. После битвы при Аудумле на торговые планеты Мардука нападений не случалось?

— Парочка. «Болид» заявил недавно на Аудумлу, но там столкнулся с парой мардуканцев, да и «Победительницу» подлатали достаточно, чтобы поднять с планеты. Так что «Болид» удрал.

Рассчитав время между уничтожением «Авантюры» и «Йо-Йо» и появлением «Болида», Лукас вычислил максимальное расстояние от Аудумлы, на котором могла находиться база — семьсот световых лет. В этом радиусе находилась и сама Танит.

Он послал Харкамана на «Корисанде» и Равалло на «Черной звезде» посетить торговые миры Мардука в поисках кораблей Дуннана и обменяться информацией с мардуканским космофлотом. Об этом решении он пожалел почти сразу же; гильгамешский корабль, вышедший на орбиту Танит, принес весть, что князь Виктор собирает на Шочитль флот. Траск послал предупреждения на Аматерасу, Бевульф и Хеперу.

Из Биггльспорта на Граме прибыл тяжеловооруженный грузовик. В дюжине округов планеты вспыхивали бои — сопротивление попыткам короля Энгуса собрать хоть какие-то налоги, налеты неизвестных лиц на поместья, конфискованные у предполагаемых предателей Гарваном Спассо, удостоенным уже графского титула. Ровард Грауффис был мертв — отправлен, по слухам, не то Спассо, не то королевой Эвитой, не то обоими. Несмотря на угрозу с Шочитль, некоторые бывшие уордхайвенцы стали поговаривать о том, чтобы послать флот на Грам.

Менее чем через тысячу часов после отлета вернулся Равалло на «Черной звезде».

— Я отправился на Гимли, — сказал он, — и не пробыл там пятидесяти часов, как явился мардуканский звездолет. Они были рады меня видеть; им не пришлось посыпал на Танит пинас. Я привез тебе новости и пару пассажиров.

— Пассажиров?

— Да. Узнаешь, когда приземлимся. И не позволяй господам в сюртуках и с бакенбардами к ним приближаться, — посоветовал капитан. — А то разнесут еще по всей Галактике.

Пассажирами оказались Люсиль, принцесса Бентрик, и ее сын, юный граф Равари. Траск немедленно приказал подать обед к себе в апартаменты; кроме него и гостей, присутствовал только капитан Равалло.

— Я не хотела покидать мужа и особенно не хотела докучать вам здесь, князь Траск, — начала принцесса, — но муж настоял.

Всю дорогу от Гимли мы прятались в капитанской каюте; о нашем присутствии на борту знали лишь несколько офицеров.

— Маканн победил на выборах, верно? — спросил Лукас. — И принц Бентрик не хочет, чтобы вас и Стивена использовали как заложников?

— Верно, — согласилась принцесса. — Маканн не победил формально, но фактически — да. Большинства в палате представителей не набрал никто, но Маканн организовал коалицию с несколькими мелкими партиями и, стыдно признаться, с немалой частью Партии верных монархистов — неверных монархистов, я их зову. Они тут же выдумали какой-то новый лозунг насчет «политики завтрашнего дня» — интересно, что это значит?

— Если не можешь побить их — иди за ними, — перевел Траск.

— Если не можешь побить их — прислуживай им, — вставил граф Равари.

— Мой сын озлоблен, — вздохнула принцесса. — Да и я чувствую горечь.

— Но это представители, — сказал Лукас. — А что остальное... правительство?

— При поддержке мелких партий и наших неверных монархистов Маканн получил большинство в палате делегатов. Месяц назад большинство из них откrestилось бы от Маканна как от чумы, а теперь из ста двадцати делегатов его поддерживают сто. Маканн, конечно, стал канцлером.

— А премьер-министром? — осведомился Траск. — Андрей Дуннан?

Принцесса недоуменно глянула на него:

— О нет. Премьер-министр — кронпринц Эдвард. Нет, барон Крэгдейл. Это не королевский титул, поэтому он является премьер-министром не как член королевского рода, хотя я даже не пытаюсь понять, как такое возможно.

— Если не можешь... — начал мальчик.

— Стивен! Я запрещаю тебе говорить такие вещи о... бароне Крэгдейле. Он искренне верит, что выборы выражают народную волю, и его долг — склониться перед ней.

Лукас хотел бы, чтобы рядом сидел Отто Харкаман. Тот бы мог, не переводя дыхания, перечислить сотню великих держав, рассыпавшихся в прах, потому что их правители верили, будто их долг — склоняться, а не править, и не могли пролить кровь своего народа. Эдвард был бы достоен восхищения и уважения как мелкопоместный барон. Но то, что он занял пост премьер-министра, было катастрофой.

Лукас поинтересовался, вытащили ли уже «народные стражники» пистолеты из подпола.

— О да. Вы оказались правы — они были вооружены с самого начала. И не только пистолетами. У них имелись боеходы и

пушки. Как только сформировалось новое правительство, им предоставили статус отдельного рода войск в планетной армии. Они заняли все полицейские участки планеты.

— А король?

— Он терпит, пожимает плечами и бормочет: «Я тут просто царствую». А что ему еще остается? Мы разбазаривали власть монарха последние три столетия.

— А что делает принц Бентрик? И почему он решил, что вас могут взять в заложники?

— Он будет драться, — ответила принцесса. — Не спрашивайте, как и чем. Может, станет партизаном в горах. Не знаю. Но даже если он не сможет победить их, он не пойдет за ними. Я хотела остаться и помочь ему, но он сказал, что лучше всего будет, если мы с сыном уедем в укромное местечко, чтобы он не боялся за нас обоих.

— Я тоже хотел остаться, — добавил мальчик. — Я бы дрался с ним вместе. Но папа велел мне заботиться о маме. И если его убьют, я должен отомстить за него.

— Вы говорите как клинковец, я это заметил еще раньше, — сказал ему Лукас. Поколебавшись, он повернулся к принцессе Бентрик. — Как малышка Мирна? — спросил он и осторожно добавил: — И госпожа Валери?

Она казалась ему такой близкой, реальной: синие глаза, смоляные волосы — куда реальнее, чем долгие годы была для него Элейн.

— В Крэгдейле, — ответила принцесса. — Там они в безопасности. Надеюсь.

Глава 6

Попытка скрыть присутствие на Танит жены и сына принца Бентрика была, конечно, излишней предосторожностью. Даже если новости и просочатся на Мардук через Гильгамеш, им придется преодолеть вначале семьсот световых лет, а потом еще тысячу. Для принцессы Люсиль лучше было наслаждаться ривингтонским светским обществом (пусть немногочисленным) и хоть ненадолго забыть о тревоге за мужа. Юного графа Равари в его десять лет — нет, уже двенадцать: Лукас покинул Мардук полтора года назад — отвлечь было легче. Он наконец попал к настоящим космическим викингам, на планету викингов, и теперь пытался побывать везде и увидеть все одновременно. Без сомнения, он уже представлял себя могучим викингом, возвращающимся на Мардук во главе огромной армады, чтобы спасти отца и короля из лап Заспара Маканна.

Траск был этому только рад; его способность представлять из себя радушного хозяина оставляла желать лучшего. У него хватало забот, и все они носили одно и то же имя: князь Виктор Шочитльский. Лукас подробно расспросил Манфреда Равалло. Тот удостоился беседы с князем, во время которой тот был хо-

лодно-вежлив и говорил о пустяках. Подчиненные князя были настроены откровенно враждебно. Помимо гильгамешцев и странствующих торговцев, на орбите и в порту Шочитль находилось пять звездолетов, из них два принадлежащих самому Виктору плюс большой вооруженный грузовик, прибывший с Альтеклера, когда «Черная звезда» уже улетала. Вокруг доков и посадочных площадок наблюдалась странная суeta — видимо, шли приготовления к какой-то серьезной операции.

От Шочитль до Танит более тысячи световых лет. Так что мысль о превентивном ударе Лукас отбросил сразу же. Его корабли могли прилететь на незащищенную Шочитль, а вернувшись, обнаружить Танит разбомбленной врагом. В космических войнах такое бывало не раз. Оставалось только терпеливо ждать атаки Виктора и, отбив ее, контратаковать, если останется чем. Князь Виктор, вероятно, рассуждает так же.

Об Андрее Дуннане вспоминать совершенно не оставалось времени; лишь изредка Лукас мечтал, чтобы Харкаман прекратил бесполезную охоту и вернул наконец «Корисанду» на базу. Он нуждался в пушках корабля, но еще больше — в уме и хитрости капитана.

С Шочитль через гильгамешцев просачивались новости. На планете остались только два корабля — вооруженные торговцы. Князь Виктор и остальные ушли в гиперпространство приблизительно за две тысячи часов до того, как новость нагнала Лукаса. Чтобы долететь со своей базы до Танит, князю Виктору потребовалось бы вдвое меньше времени. На Беовульф он тоже не полетел — оттуда до Танит было шестьдесят пять часов лету. Не было его ни на Аматерасу, ни на Хепере. Сколько кораблей составляло эскадру Виктора, в точности никто не знал — минимум пять, возможно, и больше. Они могли проскользнуть незамеченными в систему Танит и затаяться на внешних мирах. Лукас послал Вальканхайна и Равалло проверить одну за другой все планеты системы, но они ничего не нашли. Во всяком случае, Виктор Шочитльский не притаился за углом, только и выжидая случая напасть на беззащитную Танит.

Но куда-то он все же летел и вряд ли с добрыми намерениями. Предугадать, когда корабли Виктора появятся на Танит, было невозможно. Оставалось ждать. Лукас не сомневался, что любой захватчик, выйдя из гиперпространства, нарвется на серьезные неприятности. Вокруг Танит кружили «Немезида», «Бич пространства», «Черная звезда» и «Королева Флавия», переоборудованная «Ламия» и несколько свободных викингов, в том числе «Чертова скотина» Роджера-фан-Морвилла Эстерсана, вызвавшихся остаться и помочь в обороне — не из чистого альтруизма. Если флот Виктора отправится на эм-це-квадрат, Шочитль останется незащищенной, а добычей оттуда можно набить трюмы всех кораблей эскадры... которые переживут битву при Танит.

Перед принцессой Бентрик Лукас извинялся:

— Мне очень жаль, что вы попали из огня Заспара Маканна да в полымя князя Виктора.

Принцесса только посмеялась:

— Предпочитаю второе. По крайней мере, здесь хватит защитников. Вы проводите Стивена в безопасное место, если битва начнется?

— В космическом бою безопасных мест нет. Мальчик будет рядом со мной.

Юный граф Равари интересовался, к какому кораблю его приведут, чтобы знать, где ему находиться в бою.

— Вас, граф, — серьезно ответил Лукас, — я прикомандирую к моему штабу.

Через два дня из гиперпространства вышла «Корисанда». Во время сеансов видеосвязи Харкаман был осторожно неразговорчив. Это заставило Траска вылететь навстречу прибывающему звездолету на челноке.

— Мардуканцы нас больше не любят, — сообщил Харкаман. — На всех их торговых мирах дежурят корабли с приказом открывать огонь по любым, повторяю, любым кораблям викингов, включая находящиеся под командованием самозваного князя Танитского. Это мне сообщил капитан Гарравей с «Победоносца». Поговорив, мы с ним устроили уютный атомный фейерверк на потребу его начальству. От настоящего сражения и не отличишь.

— Приказ отдан Маканном?

— Нет, адмиралом-главнокомандующим. Не нашим другом Шефтером; тот ушел в отставку по причине — цитирую — «слабого здоровья» и находится — цитирую — «в больнице».

— А где принц Бентрик?

— Никто не знает. Он был обвинен в государственной измене и исчез. Ушел в подполье или тайно арестован и казнен — можешь выбирать.

Лукас с ужасом подумал, что же он скажет принцессе Люсиль и графу Стивену.

— Их корабли стоят на всех торговых мирах — на всех четырнадцати. Это не охота на Дуннана. Флот отводят от Мардука. Маканн не доверяет флоту. Принц Эдвард все еще премьер-министр?

— По сведениям Гарравея — да. Похоже, Маканн ведет себя исключительно корректно, за тем исключением, что сделал своих «народных стражников» частью вооруженных сил. Заверяет в преданности короне, стоит ему рот открыть.

— Интересно, когда случится пожар?

— Что? А, ты тоже читал о Гитлере. Не знаю. Думаю, уже горит.

Принцессе Люсиль Лукас сообщил только, что ее муж ушел в подполье; он так и не понял, расстроило ее это сообщение или

принесло ей облегчение. Мальчик был уверен, что его отец занят чем-то очень героическим и романтическим.

Несколько добровольцев устали ждать и ушли в гиперпространство. С Беовульфа прибыл «Дар викинга», разгрузился и встал на орбиту. С Аматерасу прилетел гильгамеш, сообщил, что там все спокойно, продал свой груз и улетел так поспешно, что убедил всех в том, что до атаки остались считанные часы.

Это была ошибка.

Прошло три тысячи часов после того, как первое предупреждение достигло Танит, и почти пять тысяч — с тех пор, как флот Виктора покинул Шочитль. Нашли уже те — среди них Боук Вальканхайн, — кто сомневался, что это вообще случилось.

— Вся эта история, — заявлял он, — одна большая гильгамешская ложь. Заплатил им кто-то — Никки Грэфем, или Эверарды, или сам Виктор — чтобы запереть наши корабли на базе. А сами тем временем, наверное, трясут наши торговые миры!

— Да пойти в гетто и вытряхнуть всю эту сюргучную банду! — подхватил кто-то. — Они же все заодно.

— Да в Ниффльхейм вас всех! Полетели на Шочитль! — предложил Манфред Равалло. — У нас хватит кораблей, чтобы нападать Виктора на Танит или разгромить его на пороге дома.

Лукас как-то исхитрился отговорить их от поспешных действий — в конце концов, кто он такой: независимый князь Танитский, или неправящий король Мардука, или просто вожак неорганизованной банды варваров? Один независимый викинг плонул на все и улетел. На следующий же день прибыли еще двое, продали добычу, взятую на Браги, и решили остаться, посмотреть, чем все кончится.

А еще через четыре дня близ Танит показалась пятисотфутовая межзвездная яхта с кинжалами и эполетами Биггльспорта на обшивке. Едва выйдя из последнего микропрыжка, экипаж запросил связи.

Лукас не был знаком с появившимся на экране человеком, зато Хью Ратмор узнал его. Это был личный секретарь герцога Джориса.

— Князь Траск, я должен немедленно переговорить с вами, — начал он, заикаясь от волнения. Что бы ни погнало его в этот полет, даже три тысячи часов в гиперпространстве не ослабили напряжения. — Это исключительно важно...

— Вы со мной говорите. Эта линия связи защищена. А что до важности, то, чем быстрее вы мне расскажете...

— Князь Траск, вы должны лететь на Грам, со всеми своими кораблями и солдатами. Один сатана знает, что творится там сейчас, но три тысячи часов назад, когда герцог посыпал меня к вам, в Уордхейвене начали высадку солдаты Омфрея Гласпитского! Родич его жены, король Альтеклера, предоставил ему флот

из восьми кораблей под командованием космического викинга, кузена короля Конрада, князя Шочитльского!

Лукас не понял, почему лицо человека на экране приобретает выражение оскорбленного изумления, пока не сообразил, что хохочет в голос, откинувшись в кресле. Секретарь герцога обрел потерянный дар речи раньше, чем Лукас успел извиниться.

— Я знаю, ваша светлость, у вас нет причин любить короля Энгуса — бывшего, а возможно, уже покойного, — но Омфрей Гласпитский, этот кровавый убийца...

Объяснять юмор ситуации личному секретарю герцога Бигтльс-портского пришлось долго.

Нашлись в Ривингтоне и другие, кому положение не казалось смешным. Профессиональные викинги, вроде Вальканхайна, Равалло и Каффарда, плевались: как же так — они столько месяцев сидели в ожидании боя, когда могли разграбить Шочитль дотла и еще успеть вернуться. Грамцы возмущались: Энгус Уордхейвенский, с дурной наследственностью безумного барона Блэклиффа и жадной толпой родственников королевы Эвиты, был плох, но даже он был лучше маньяка-злодея (некоторые предпочитали выражение «дьявол в человеческом обличье») Омфрея Гласпитского.

Обе стороны, само собой, точно знали, в чем заключается долг их князя. Первые настаивали, что весь Танитский флот надо срочно отправить к Шочитль и вывезти оттуда все, что можно, кроме особо крупных деталей рельефа. Вторые столь же шумно и яростно заявляли, что всех танитцев, способных нажать на курок, следует гнать в крестовый поход за освобождение Грама.

— Ты, как я понял, ни того ни другого не хочешь? — спросил Харкаман, когда к исходу второго дня ссор и раздоров они смогли поговорить наедине.

— Ниффльхейм, нет! Эта банда, которая требует напасть на Шочитль, — они представляют, что случится?

Харкаман промолчал, давая Лукасу продолжить.

— Через год четыре-пять мелких хозяев баз, вроде Грэфема и Эверардов, объединятся и сделают из Шочитль гору шлака.

Харкаман согласно кивнул.

— С тех пор как мы его предупредили, Виктор держался по дальше от наших планет. Если мы сейчас, без провокации, нападем на Шочитль, нам больше никто не поверит. Такие парни, как Никки Грэфем, Тоббин с Нергала и Эверарды с Хота, начнут нервничать. А когда они нервничают, у них палец на спусковом крючке зудит. — Он затянулся дымом. — Так ты вернешься на Грам?

— Сомнительно. То, что Вальканхайн, Равалло и их банда не правы, не означает, что правы Вальпрай, Ратмор и Фэйл. Ты же слышал, что я им говорил на террасе дома Карвалей, когда мы познакомились. И посмотри, что сталося с тех пор.

Отто, Клинковым мирам конец. Они уже наполовину дезивилизовались. Цивилизация живет и развивается здесь, на Танит. Я хочу остаться здесь и выхаживать ее.

— Слушай, Лукас, — сказал Харкаман, — ты у нас князь Танитский, а я всего лишь адмирал. Но имей в виду, если ты сейчас не примешь решения, все развалится. Ты можешь или напасть на Шочитль, и желающие вернуться на Грам согласятся, или уйти в крестовый поход против Омфрея Гласпитского, и желающие ограбить Виктора тоже согласятся. Но если разброд будет продолжаться, тебе перестанут подчиняться обе стороны.

— И тогда конец придет мне, а через пару лет — и Танит. — Лукас встал и прошелся по комнате. — Что ж, Шочитль грабить я не стану; мы уже договорились почему. И губить людей, корабли и богатства Танит в клиновских династических сварах я не намерен. Клянусь сатаной, Отто, ты же видел Дюрандальскую войну. Здесь то же самое. Дым не уляжется еще с полвека.

— Так что ты будешь делать?

— Я ведь прилетел сюда за Андреем Дуннаном, разве нет? — усмехнулся Лукас.

— Боюсь, что ни Равалло с Вальканхайном, ни Вальпрея с Морландом он так не интересует.

— А я их заинтересую. Помнишь, я по дороге с Мардука читал о Гитлере? Так вот, я предложу им большую ложь. Такую большую, что никто не осмелится в ней усомниться.

Глава 7

— Думаете, я боюсь Виктора Шочитльского? — риторически спросил Лукас. — Полдюжины кораблей — да мы бы из них сделали новый пояс Ван Аллена. Наш настоящий враг на Мардуке, не на Шочитль. Его имя Заспар Маканн. А еще — Андрей Дуннан, человек, за которым я охочусь с самого Грама. Они заключили союз. Больше того — Дуннан сам на Мардуке!

На грамскую делегацию, прибывшую с яхтой герцога Биггльс-портского, это не произвело особого впечатления. Мардук был для них лишь славным именем, знаменитой цивилизованной планетой Старой Федерации, где ни один клинковец не бывал. О Заспаре Маканне они и не слышали. А на Граме со временем убийства Элейн Карваль и угона «Авантюры» произошло столько событий, что об Андрее Дуннане совершенно забыли. Это им мешало. Полсотни новоявленных танитских дворян, которых посланцам предстояло убедить, говорили на другом языке. Предложения Лукаса грамцы просто не поняли и выступать «против» не могли.

Пэйтник Морланд, прежде предлагавший вернуться во главе флота и разделаться с Омфреем Гласпитским и его приспешниками, сменил точку зрения сразу же. Он бывал на Мардуке и знал, кто такой Маканн; он сдружился с мардуканскими офицерами

и был потрясен, узнав, что тех сделали его врагами. Манфред Равалло и Боук Вальканхайн, самые активные сторонники рейда на Шочитль, подхватили идею тут же и вели себя так, словно сами ее и придумали. Вальканхайн был на Гимли и разговаривал с мардуканскими офицерами, Равалло привез на Танит принцессу Бентрик и по дороге выслушивал ее рассказы. Оба наперебой приводили аргументы в поддержку Траска. Конечно, Дуннан и Маканн стакнулись. Кто подсказал Дуннану, что «Победительница» на Аудумле? Маканн, у него шпионы во флоте. А «Честный Чоррис»? Разве не Маканн остановил расследование? Почему адмирала Шефтера отправили в отставку, стоило Маканну прийти к власти?

— Э, ну... мы ничего не знаем об этом Заспаре Маканне... — начал было личный секретарь и представитель герцога Бигтльс-портского.

— Вот именно, — подтвердил Отто Харкаман. — Так что советую помолчать, пока не узнаете хоть что-нибудь.

— Я не удивлюсь, если Дуннан сидел на Мардуке, пока мы за ним охотились, — заметил Вальканхайн.

Траск начал нервничать. Что сделал бы Гитлер, если бы хоть одна его большая ложь обернулась правдой? А если Дуннан и впрямь на Мардуке... Нет. Не смог бы он спрятать полдюжины звездолетов на цивилизованной планете. Даже на дне морском.

— А я не удивлюсь, — перекрикивал его Алвин Каффард, — если Заспар Маканн *и есть* Андрей Дуннан! Я знаю, что они не похожи, сам видел, но ведь существует же косметическая хирургия!

Это было уже слишком. Заспар Маканн был ниже Дуннана на добрых шесть дюймов; всякой хирургии есть пределы. Пэйт-рик Морланд, видавший и Дуннана, и Маканна, мог бы это сообразить, но он то ли не задумывался, то ли не хотел подрывать дело, за которое боролся.

— Сколько я знаю, о Маканне начали говорить пять лет назад, — заметил он. — Как раз, когда Дуннан мог прилететь на Мардук.

К этому времени зал совета походил на стройку в Вавилоне — каждый пытался убедить остальных, что он подумал об этом первым. Партия «Назад, на Грам!» получила свой *soup de grace** от Лотара Фэйла, от которого посланники герцога Джориса более всего ожидали поддержки.

— Вы хотите, чтобы мы бросили мир, который создали из ничего, вложив в него столько времени и денег, вернулись на Грам и таскали для вас каштаны из огня?! Да идите вы в геенну!

* Буквально — «удар милосердия», которым добивали смертельно раненного противника (*фр.*).

Мы останемся здесь и будем защищать свое. И если у вас имеется хоть капля мозгов, вы останетесь с нами!

Биггльспортская делегация еще пыталась набрать на Танит наемников у короля города Торгового и спорила с гильгамешцами о стоимости их транспортировки, когда большая ложь обернулась правдой.

Наблюдательный пост на танитской луне засек неизвестное тело в двадцати световых минутах от северного полюса планеты. Получасом позже сигнал поступил с пяти световых минут, а потом — с пяти светосекунд. Радар определил тело как корабельный пинас. Лукас испугался, что о помощи просят Аматерасу или Беовульф. Кто-нибудь вроде Грэфема или Эверардов мог воспользоваться мобилизацией на Танит. Потом вызов с пинаса переключили на личный канал Траска, и на экране появился принц Саймон Бентрик.

— Как я рад вас видеть! — восхликал Лукас. — Ваши жена и сын здесь, очень о вас беспокоятся, но в остальном в порядке. — Он обернулся, чтобы приказать кому-нибудь найти графа Стивена и пусть тот приведет маму. — Как вы?

— Сломал ногу, когда улетал с лунной базы, но она уже срослась, — ответил Бентрик. — Со мной маленькая принцесса Мирна. Возможно, теперь она — королева Мардука. — Он слогнул. — Князь Траск, мы пришли как нищие. Мы молим о помощи нашей планете.

— Вы прибыли как почетные гости и получите любую помощь, какая в наших силах, — ответил Лукас, мысленно благословляя и предполагавшееся вторжение князя Виктора, и большую ложь, стремительно превращавшуюся в правду. На Танит хватало и людей, и кораблей, чтобы начать действовать. — Что случилось? Маканн сверг короля?

По словам Бентрика, получалось почти так. Все началось еще до выборов. «Народные стражники» получили оружие, совершенно легально закупленное на Мардуке для торговли с неоварварами и тайно переданное в арсеналы Партии народного благосостояния. Часть полицейских перешла на сторону Маканна, остальных запугали до полного бездействия. В рабочих районах всех крупных городов прогремели восстания, использованные для ужесточения террора. Выборы стали фарсом подкупа и запугиваний. И даже несмотря на это, партия Маканна не смогла получить убедительного большинства в палате представителей и вынуждена была вступить в шаткую коалицию, чтобы захватить палату депутатов.

— И, конечно, Маканна избрали канцлером, — рассказывал Бентрик. — Тут-то все и началось. Всех лидеров оппозиции в палате представителей арестовали по каким-то нелепым обвинениям — взяточничество, непристойное поведение, шпионаж в пользу инопланетных держав, но ничего совсем уж абсурдного.

А потом со скрипом протащили закон, позволяющий канцлеру заполнять вакансии в палате представителей своим указом.

— А как случилось, что кронпринц пошел на такое?

— Он надеялся, что сможет влиять на ход событий. Королевская семья для нас почти религиозный символ. Даже Маканн был вынужден изображать верность королю и кронпринцу...

— Это не помогло. Эдвард только сыграл ему на руку. И что случилось?

Кронпринц был убит. Неизвестный убийца, предположительно гильгамешец, был немедленно расстрелян охранявшими принца Эдварда «народными стражниками». Вслед за этим Маканн захватил королевский дворец — якобы для защиты монарха, — и началась бойня. Мардуанская армия прекратила существование; Маканн заявил, что раскрыт заговор военных против его величества. Разбросанные по всей планете ничтожные гарнизоны были уничтожены в течение двух ночей и одного дня. Потом Маканн восстановил армию — теперь целиком из членов Партии народного благосостояния.

— Но вы ведь не сидели сложа руки?

— О нет, — ответил принц Бентрик. — Я делал то, на что все не считал себя способным — организовывал бунтовщиков в космофлоте. Когда адмирала Шефтера отправили в психиатрическую клинику, я исчез, превратившись в гражданика оператора контрагравподъемников в Малвертонских военных доках. Когда меня начали подозревать, один из офицеров — его запытывали за это до смерти — протащил меня в челнок, идущий на лунную базу. Там я стал фельдшером в медчасти. В день убийства кронпринца мы восстали. Расстреляли всех маканистов. И с тех пор лунная база подвергается непрерывным атакам.

За спиной Лукаса послышались шаги; обернувшись, он увидел, что в комнату входят принцесса Бентрик и ее сын. Он поднялся на ноги:

— Об этом мы поговорим позже. К вам гости...

Лукас пропустил принцессу Люсиль к экрану и отвернулся, знаками выгоняя всех остальных из комнаты.

Пинас еще не сел, а новости уже разлетелись по всему Ривингтону и всей Танит. В космопорту собралась огромная толпа, глядя, как опускается на посадочные опоры маленький кораблик с оседлавшим планету драконом на борту; репортеры Танитской службы новостей наводили камеры. Лукас встретил принца Бентрика первым и успел прошептать ему на ухо:

— Когда будете говорить с моими людьми, имейте в виду: Андрей Дуннан работает на Заспара Маканна и, как только Маканн укрепится на Мардуке, вышлет экспедицию против Танит.

— Да как вы это вызнали? — изумился Бентрик. — У гильгамешцев?

Но тут толпой налетели Харкаман, Ратмор, Вальканхайн, Лотар Фэйл; из пинаса выходили пассажиры, а принц Бентрик пытался обнять жену и сына одновременно.

— Князь Траск.

Лукас вздрогнул; из-под черной челки на него глядели синие глаза.

— Валери! — воскликнул он, но тут же поправился: — Госпожа Альварат. Очень рад видеть вас здесь. — Потом он увидел, кто стоит рядом, и почтительно присел на корточки. — И принцессу Мирну. Добро пожаловать на Танит, ваше высочество!

Девчушка повисла у него на шее.

— Ох, князь Лукас! Я так рада, что вас вижу! Мне было так страшно!

— Здесь с вами ничего страшного не случится, принцесса. Вы среди друзей. И у нас с вами заключен договор, помните?

По лицу Мирны покатились горькие слезы.

— Я тогда была королевой понарошку. Теперь я понимаю, что значило, когда они говорили, что дедушка и папа больше не будут королями... Папа даже не успел стать королем!

Между ними попытался втиснуться кто-то большой, мохнатый и теплый — здоровый лопоухий пес. Просто удивительно, как вырастают за полтора года маленькие щеночки. Мопсик попытался вылизать Лукасу нос; тот поймал пса за ошейник и выпрямился.

— Пойдемте с нами, госпожа Валери, — предложил он. — Мне надо подыскать апартаменты для принцессы Мирны.

— Она принцесса Мирна или уже королева Мирна? — спросил он принца Бентрика.

Тот покачал головой:

— Не знаю. Когда мы покидали лунную базу, король был жив, но с тех пор прошло пятьсот часов. О ее матери мы тоже ничего не слыхали. В день убийства кронпринца она находилась во дворце, и больше никаких сведений о ней не поступало. Король появлялся пару раз на экранах, повторяя то, что подсказывал ему Маканин. Под гипнозом, если не хуже. Его превратили в зомби.

— А как Мирна попала на лунную базу?

— Это заслуга госпожи Валери. Ее, сэра Томаса Коббли и капитана Райнера. Они вооружили крэгдейлских слуг охотничими ружьями и всем, что попалось под руку, захватили космическую яхту принца Эдварда и взлетели. Получили пару попаданий от наземных батарей и от кораблей, осаждающих базу. Кораблей Королевского космофлота! — добавил он яростно.

Пинас, на котором они прибыли, тоже получил несколько повреждений, прорываясь через кольцо блокады; впрочем, немного — капитан почти сразу бросил судно в гиперпространство.

— Яхту отправят на Гимли, — сообщил Бентрик. — Там мы попытаемся собрать все корабли космофлота, которые не перешли на сторону Маканна. Они будут ожидать моего возвращения в системе Гимли. Если я не вернусь через полторы тысячи часов, им разрешено поступать по своему усмотрению. Скорее всего они пойдут в атаку на Мардук.

— Больше шестидесяти дней, — прикинул Харкаман. — Может ли база на спутнике столько продержаться против целой планеты?

— Это крепкая база. Ее построили четыре века назад, когда Мардук воевал с коалицией шести миров. Однажды она выдержала год непрерывной осады. И с тех пор ее постоянно укрепляли.

— А что противник может бросить в бой? — не сдавался Харкаман.

— Когда я улетал, на сторону Маканна уже перешли шесть кораблей бывшего Королевского космофлота. Четыре класса «Победительницы» и два поменьше. И плюс к ним четыре корабля Дуннана...

— Так он и *вправду* на Мардуке?

— Я думал, вы знаете, и удивлялся откуда. Да. «Фортуна», «Болид» и два вооруженных торговца, бальдрский корабль «Надежный» и наш старый друг «Честный Чоррис».

— Так вы не верили, что Дуннан на Мардуке? — изумился Боук Вальканхайн.

— Вообще-то нет. Мне надо было что-то придумать, чтобы отговорить эту толпу от войны с Омфреем Гласпитским. — Настойчивые попытки самого Вальканхайна ввязаться в войну с Шочитль Лукас предпочел не упоминать. — Но я не удивлен, что это оказалось правдой. Когда-то давно мы решили, что Дуннан хочет разграбить Мардук. Мы его недооценили. Может быть, он тоже читал о Гитлере... Он планировал не налет; он организовал завоевание, единственным способом, каким только можно подчинить великую державу, — изнутри.

— Да, — вставил Харкаман, — пять лет назад, когда Дуннан начал осуществлять свой план, кем был этот ваш Маканн?

— Никем, — ответил Бентрик. — Маньяком-агитатором в Дрепплине. Собирал кружок таких же психов в салуне и снимал кабинет размером с коробку из-под сигар. На следующий год у него была шикарная контора и эфирное время на паре каналов телевещания. Еще через год он имел три собственные телестанции, а на его митинги сходились тысячи сторонников. И так далее.

— Верно. Его финансировал Дуннан, постепенно смешая его, как Маканн смешал короля. Потом Дуннан пристрелит его, как кронпринца Эдварда, и использует убийство как предлог для ликвидации личных друзей Маканна.

— И тогда Мардук будет принадлежать ему, — закончил Вальканхайн. — А мы увидим, как в небе над Танит появляется мар-

дуканский космофлот. Так что мы отправимся на Мардук и разгромим его, пока он не вошел в силу.

Многие в свое время хотели поступить так с Гитлером, а еще больше потом пожалели, что никто этого не сделал.

— «Немезида», «Бич пространства» и «Корисанда», конечно? — спросил Лукас.

Капитаны кивнули. Вальканхайн считал, что «Дар викинга» с Беовульфа тоже пойдет, а Харкаман был почти уверен в «Черной звезде» и «Королеве Флавии». Лукас повернулся к Бентрику:

— Отправьте свой пинас к Гимли. Если можно, в течение часа. Мы не знаем, сколько кораблей там собралось, но я не хочу тратить их в атаках малыми силами. Передайте тамошнему командующему, что с Танит идет подкрепление. Пусть дождется нас.

Полторы тысячи часов... минус те пятьсот, что Бентрик летел сюда с Мардука. Время полета на Гимли с других торговых миров не знал никто, и никто не мог предугадать, сколько кораблей откликнется.

— Чтобы собрать флот, нам потребуется некоторое время, — предупредил Лукас своего гостя. — Даже когда мы закончим спорить на эту тему. Споры, к сожалению, присущи не только демократии.

Споров было на удивление мало — в основном среди самих мардуканцев. Принц Бентрик настаивал на том, чтобы взять кронпринцессу Мирну с собой. Король Михаил к их прилету будет или мертв, или низведен до полного идиотизма, и кому-то придется занять трон. Госпожа Валери Альварат, учитель сэр Томас Коббли и няня Марго решительно отказались расставаться с девочкой. Принц Бентрик не менее решительно настаивал на том, чтобы его жена и сын оставались на Танит, но успеха не добился. В конце концов порешили, что вся мардуканская делегация полетит на борту «Немезиды».

Глава биггльспортской делегации выдал страстную тираду, смысл которой сводился к тому, что Танит приходит на помощь чужакам, в то время как родная планета стонет под игом захватчиков. Его зашикали, сообщив, что Танит всего лишь защищается там, где это делает любая достойная держава — на чужой земле. Выйдя из зала заседаний, биггльспортцы обнаружили, что их яхту откомандировали на Беовульф и Аматерасу за помощью, наемников из города Торгового перекупили ривингтонские власти, а гильгамешский транспорт, который они наняли для транспортировки на Грам, отвезет их разве что на Мардук.

Проблема распадалась на две части: чисто военную — разбить звездолеты Дуннана и Маканна и снять осаду с лунной базы, и десантно-политическую — уничтожить части маканнистов и восстановить на планете монархию. Большая часть мардукан с радостью восстанет против режима Маканна, если у них будет оружие и поддержка. Но боевое оружие на планете не носил

никто, и даже спортивное было редкостью. Пришлось собирать и грузить на корабли все пистолеты, автоматы и легкую артиллерию.

Прибыли «Погибель Гренделя» с Беовульфа и «Богиня солнца» с Аматерасу. Присоединились к экспедиции три независимых викинга, все еще стоявших на орбите. На Мардуке с ними придется тяжело: они непременно захотят пограбить — но пусть об этом беспокоятся мардуканцы. Сочтем это платой за глупость, позволившую Заспару Маканну прийти к власти.

За танитской луной выстроилось двенадцать звездолетов, считая троих независимых викингов и насиленно экспроприированный гильгамешский транспорт; самый крупный флот, когда либо собранный космическими викингами, как заметил Альвин Каффард, наблюдая за ним с экрана.

— Это не флот космических викингов, — возразил принц Бентрик. — Викингов в нем только трое. А остальные суда принадлежат трем цивилизованным планетам — Танит, Беовульфу и Аматерасу.

Каффард изумленно взорвался на него:

— Вы хотите сказать, что мы — цивилизованная планета? Как Мардук, или Бальдр, или Один...

— А разве нет?

Лукас улыбнулся про себя. Он еще пару лет назад начал подозревать нечто в этом роде, но до сих пор не был уверен.

Младшему офицеру его штаба графу Стивену Равари комплимент не понравился.

— Мы — космические викинги! — твердо заявил он. — И летим сражаться с несоварварами Заспера Маканна!

— С этим поспорить трудно, Стивен, — согласился с ним отец.

— Кончили вы уже спорить, кто тут более цивилизованный? — съехидничал Гуат Кирби. — Тогда командуйте. Все корабли готовы к прыжку.

Траск нажал на кнопку на пульте. На контрольной панели перед Кирби вспыхнул, как и в рубках всех кораблей эскадры, алый огонек.

— Пуск, — прощедил астрогатор через мундштук обкуренной трубки и резко дернул красный рычаг.

Четыреста пятьдесят часов в маленькой вселенной «Немезиды». Снаружи не было ничего; внутри корабля тянулось ожидание, а каждый час приближал эскадру на шесть триллионов миль к планете Гимли. Жестокий и безжалостный викинг Стивен, граф Равари, поначалу был страшно взволнован, но очень скоро осознал, что волноваться нет повода — всего лишь еще один межзвездный полет, не в первый раз. Ее высочество кронпринцесса Мирна (а может, и ее величество короля Мардука) пришла в себя к этому же времени, и они много играли втроем —

Стивен, Мирна и Мопсик. Конечно, Мирна была всего лишь девчонкой, да еще на два года моложе, но, с другой стороны, она была — или могла быть — его королевой, а кроме того, побывала в настоящем космическом бою — если пространство между планетой и ее луной можно назвать космосом, а обстрел без малейшей возможности ответить — боем, в то время как Некротимому Равари, Ужасу Межзвездных Трасс, такого шанса не выдалось. Это компенсировало недостатки: и возраст, и презренный женский пол.

Зато не было уроков. Сэр Томас Коббли почитал себя пейзажистом и большую часть времени тратил на споры с Ваном Ларчем о технике живописи, а капитан Райннер был астрогатором-нормальщиком и нашел родственную душу в Шарле Реннере. Неустроенной оставалась одна Валери Альварат. Нашлось бы немало желающих помочь ей провести время, но положение дает привилегии: Лукас сам взялся следить, чтобы дама не страдала от полетной скуки.

За несколько сот часов до выхода в нормальное пространство к потягивающему предобеденный коктейль Лукасу подошли Шарль Реннер и капитан Райннер.

— Кажется, мы нашли базу Дуннана, — сообщил Райннер.

— Чудно. — Базу Дуннана «находил» каждый, но все на разных планетах. — И где она по-вашему?

— На Абаддоне, — ответил учитель графа Стивена и, видя, что имя Траску ничего не говорит, пояснил с отвращением: — Девятая внешняя планета системы Мардука.

— Да-да, — поддержал его Реннер. — Помнишь, как Боук и Манфред проверяли наши внешние планеты — не спрятался ли там принц Виктор? Так вот, учитывая фактор времени и то, как «Честный Чоррис» мотался с Мардука куда-то, но не на Гимли, и то, что Дуннан смог ввести свой флот в действие, едва на Мардуке началась стрельба, — мы думаем, что его база находится на окраинах системы самого Мардука.

— Не знаю, как это нам самим в голову не пришло, — сокруশенно добавил Райннер. — Наверное, потому что об Абаддоне вспомнить трудно. Планета маленькая, едва четыре тысячи миль в попечнике, а от солнца до нее три с половиной миллиарда миль — от Мардука чуть меньше. Она промерзла до самого ядра. Чтобы долететь туда на двигателе Эббота, уйдет год, а если у вас есть гипертряга, почему не отправиться в более приятное место? Так что никто туда не заглядывает.

А для Дуннана это была идеальная база. Лукас вызвал принца Бентрика и Алвина Каффарда; оба нашли идею убедительной. Они обсудили ее за обедом, потом провели общее обсуждение. Возражений не нашлось даже у корабельного пессимиста Гуата Кирби. Траск и Бентрик тут же начали составлять планы боя. Каффард предложил подождать, пока эскадра не доберется до Гимли, чтобы созвать совет капитанов.

— Нет, — сказал Лукас. — Это флагман. Команды отдаются здесь.

— А что мардуканский флот? — спросил капитан Райнер. — Сколько я знаю, командует на Гимли адмирал Баргем.

Принц Саймон Бентрик помолчал, словно осознавая с большой неохотой, что откладывать решение больше нельзя.

— Сейчас — он. Но только до моего прибытия.

— Но... ваше высочество, он адмирал. А вы лишь коммодор.

— Я не просто коммодор. Король в плену, быть может, даже мертв. Кронпринц мертв. Принцесса Мирна еще ребенок. Я принимаю пост регента и принца-протектора державы.

Глава 8

С адмиралом Баргемом на Гимли пришлось повозиться. Коммодоры адмиралам не приказывают. Ну, регенты, может, и приказывают, но кто дал принцу Бентрику право называться регентом? Регентов избирает палата делегатов или назначает канцлер.

— Это кто — Заспар Маканн и его громилы? — рассмеялся ему в лицо Бентрик.

— Ну, по конституции... — Адмирал оборвал себя, прежде чем его успели спросить, а что за конституция. — В общем, регента избирают. Даже члены королевского рода не могут просто так стать регентами.

— Я — могу. И стал. И выборов в ближайшее время мы увидим немного. Не раньше чем мардуканцам вновь можно будет доверить самоуправление.

— Ну... э-э-э, пинас с лунной базы сообщил, что их атакуют шесть кораблей Королевского космофлота и еще четыре неизвестной принадлежности, — сопротивлялся Баргем. — У меня тут только четыре корабля. Я послал за подкреплением на другие торговые планеты, но пока безрезультатно. Мы не можем идти туда всего на четырех кораблях.

— На шестнадцати, — безжалостно поправил Бентрик. — Нет, на пятнадцати и том гильгамешце, что мы переделали в десантный корабль. Этого хватит. Вы, адмирал, так или иначе останетесь на Гимли; как только подойдет подкрепление, вместе с ним отправитесь на Мардук. Я сейчас провожу совещание на борту танитского флагмана «Немезида». Вашим четырем капитанам немедленно подняться на борт. Вас не включаю — вы остаетесь на планете, а мы отываем немедленно по завершении совещания.

На самом деле эскадра отбыла раньше. Совещание тянулось все триста пятьдесят часов полета к Абаддону. Если у капитана хороший первый помощник — как обычно на мардуканских звездолетах, — то все, что от него требуется, это посидеть с умным видом, пока астрогатор нажимает на рубильник, после чего весь путь в гиперпространстве он может изучать историю средне-

вековья — или чем он там еще увлекается. Чтобы сберечь триста пятьдесят часов драгоценного времени, все шестнадцать капитанов передали свои суда помощникам, а сами остались на «Немезиде». Офицерские сектора «севернее» двигательного отсека были набиты, как курортный отель в сезон. Одним из четырех мардуканцев был капитан Гарравей, тот, что вывез с Мардука жену и дочь принца Бентрика; остальные трое тоже были за Бентрика, за Танит, против Маканна и — из принципа — против Баргема. С адмиралом, оставшимся на посту после прихода к власти Маканна, определенно что-то не то.

Уход в гиперпространство отметили вечеринкой. Потом начались приготовления к битве при Абаддоне.

Битвы не вышло.

То была мертвая планета. Одну сторону скрывала ночь, другую окутывали тусклые сумерки. Над иззубренными горами от полюса до полюса вставало крохотное солнышко, до которого оставалось три с половиной миллиарда миль. Вершины покрывал сухой лед. Судя по показаниям термопар, на поверхности было меньше -100°C. И ни одного корабля на орбите. Слабая радиация — не больше, чем от естественных урановых руд. Никакого электромагнитного излучения.

Рубка управления «Немезиды» гремела руганью. С других кораблей Траска засыпали вопросами — что делать?

— Искать, — отвечал он. — Обшарить всю планету, хоть с расстояния мили. Они могут где-то прятаться.

— Да уж не на морском дне, — заметил кто-то. Это оказалась одна из тех нелепых шуток, что вызывают всеобщий смех, потому что больше в ситуации нет совершенно ничего смешного.

Базу обнаружили на северном полюсе, где было не холоднее, чем в любой другой точке планеты. Вначале засекли утечку радиации — как от остановленного ядерного реактора, потом слабое электромагнитное излучение, а затем телескопические объективы нашарили космопорт — огромную чашу, высеченную в дне долины между двумя горными целями.

Ругани в рубке не убавилось, но тон ее значительно изменился. Просто удивительно, какой диапазон чувств могут выражать несколько простеньких богохульств и непристойностей. Все, только что поносившие Шарля Реннера, теперь превозносили его до самых небес.

Но база была пуста. Корабли затмили над ней небо, опускались десантные катера, полные бойцов в скафандрах. В рубках зажигались экраны, принимающие передачи с поверхности. Углекислотный снег еще не замел вмятины там, где посадочные опоры звездолетов касались земли. Ряды орбитальных челноков на взлетном поле. И по всему периметру базы — герметичные шлюзы, ведущие в подземные коридоры. Очень много рабочих с очень хорошим оборудованием трудилось здесь с тех пор, как

шесть лет назад Андрей Дуннан — или кто-то еще — основал эту базу.

Дуннан. Десантники нашли его герб, голубой полумесяц на черном. Нашли оборудование, в котором Харкаман признал часть первоначального груза «Авантурьи». Нашли даже увеличенную фотографию Невиля Ормма в траурной рамке. Но на всей базе не было ни единой машины, которую можно протащить в грузовой люк, ни единой пушки, ни единого пистолета или гранаты.

Дуннан ушел. Но всем было ясно, куда и где его искать. Завоевание Мардука вступило в завершающую фазу.

Мэрдук находился по другую сторону от солнца, в девяносто пяти миллионах миль от него — близко, но не слишком, подумал Траск, места хватит. Гуат Кирби и помогавший ему мардуканский астрогатор вывели корабль из прыжка в световой минуте от планеты. Мардуканец счел, что это нормально, Кирби с ним не согласился. После второго нырка в гиперпространство до планеты оставалось полторы светосекунды, и даже Кирби не смог найти повода придраться. И стоило экранам расчиститься, как стало ясно, что эскадра едва не опоздала. Мардуанская луна вела отчаянный и неравный бой.

Обе стороны имели детекторы. Лукас ясно представлял, что они сейчас видят — шестнадцать зияющих разрывов в ткани пространства-времени, через которые корабли вломились в нормальный континуум. Принц Бентрик включил экран, но тот остался пуст.

— Саймон Бентрик, принц-протектор Мардука, вызывает лунную базу. — Он медленно повторил видеокод. — Лунная база, отвечайте, вызывает Саймон Бентрик, принц-протектор.

Он выждал десять секунд и был готов уже начать снова, как экран моргнул, и на нем появился человек в мундире мардуканского космофлота, небритый, но счастливо улыбающийся. Бентрик поприветствовал его, назвав по имени.

— Привет, Саймон! Рад тебя снова видеть, — ответил офицер. — Э-э-э, то есть вас, ваше высочество. И что значит «принц-протектор»?

— Кому-то надо этим заняться. Король еще жив?

Улыбка покинула взгляд офицера и медленно сползла с лица.

— Мы не знаем. Поначалу Маканн выводил его на экран — ты должен помнить, — чтобы тот призывал всех повиноваться «нашему верному и почтенному канцлеру». А сам всегда появлялся рядом.

Бентрик кивнул:

— Я помню.

— Пока ты был здесь, Маканн молчал, позволяя королю произносить речь. Потом король уже не мог говорить внятно, заикался и сбивался с темы. Еще позже все речи произносил

Маканн, потому что король не мог даже повторять слова радиосуфлера. А затем король вовсе перестал появляться на публике — должно быть, физические симптомы скрыть было невозможно. — Бентрик тихо и страшно ругался. Офицер кивнул: — Для его же блага надеюсь, что он мертв.

Бедный Йомен Михаил.

— Я тоже, — ответил Бентрик.

— В течение сотни часов после вашего отлета мы взорвали еще два звездолета маканистов, — сообщил офицер с лунной базы. — И один корабль Дуннана, «Фортуну». Мы разбомбили Малвертонские военные доки. Антарктическую базу они еще используют, но мы ее сильно повредили. Мы разнесли «Честного Чорриса». Противник дважды пытался высадить десант и потерял еще пару кораблей. Но восемьсот часов назад к ним присоединился остаток дуннановского флота — пять судов. Они высадились в Малвертоне, пока луна была по другую сторону планеты. Маканн объявил, что это корабли Королевского космофлота прибыли с торговых миров. Думаю, наземники это проглотят. А еще он объявил, что их командир, адмирал Дуннан, возглавляет теперь Народную армию.

Значит, десантники Дуннана заняли Малвертон. Скорее всего теперь Маканн у них в руках так же, как король Михаил Восьмой был в руках у Маканна.

— Значит, Дуннан завоевал Мардук, — тяжело произнес Лукас. — Теперь ему осталось удержать завоеванное. Вокруг лунной базы я вижу четыре корабля; что остальные?

— Это дуннановские «Болид» и «Затмение» и два бывших корабля Королевского космофлота, «Поборник» и «Защитник». На орбите планеты стоят еще пять: экс-ККФ «Паладин» и дуннановские «Попрыгунчик», «Баньши», «Надежный» и «Экспорт». Последние два считаются торговыми, но ведут себя как обычные боевые корабли.

Четыре звездолета, осаждавшие лунную базу, сошли с орбиты и двинулись в сторону атакующих; один получил снаряд в корму, вздрогнул всем корпусом, но не взорвался. Еще два корабля сошли с орбиты самого Мардука. В рубке стояла тишина, только пощелкивали компьютеры, оценивая исход боя по имеющимся данным и формулам теории игр. Остальные три корабля противника двинулись вслед товарищам; два судна, шедших с Мардука, уменьшили ускорение, чтобы те смогли догнать их. Лукас предпочел бы встретить четыре звездолета, идущие со стороны базы, первым, но компьютеры утверждали, что обе группы успеют соединиться.

— Ладно, — пробормотал Лукас, — сложим все тухлые яйца в одну корзину. Ударим по ним, как только это будет возможно.

Снова защелкали компьютеры. Сновали роботы-стюарды, разнося кофе. Сын принца Бентрика сел рядом с отцом; теперь он был уже не Неукротимым Равари, Ужасом Межзвездных

Трасс, а совсем юным офицером, идущим в свой первый бой, перепуганным до смерти и до смерти счастливым. Капитан Гарравей с «Победоносца» передал другим судам с Гимли: «Начинаем с предателей!» Лукас понимал его и сочувствовал, хотя и не одобрял; чтобы личная месть не мешала бою, он по направленному лучу передал Харкаману приказ затыкать любые дыры в строю, если мардуканцы разлетятся в поисках мести. «Черной звезде» и «Богине солнца» он приказал вывести из боя легко вооруженного и набитого десантниками гильгамешца. Две группы кораблей противника быстро сближались. Алвин Каффард орал в интерком, чтобы увеличили ускорение.

Ракеты были выпущены, когда между кораблями оставалась тысяча миль. Союзный флот и две группы маканистов к этому моменту находились в вершинах стремительно уменьшавшегося равностороннего треугольника. Из ослепительно белых семян ракет-перехватчиков распустились первые огненные цветы. Вспыхнул на контрольной панели алый огонь. Корабль противника поразил снаряд. Вышел на связь капитан «Королевы Флавии» — его судно получило серьезную пробоину. Три корабля с мардуканскими драконами на бортах кружились на расстоянии вытянутой руки друг от друга; два из них осипали снарядами слабо отстреливающийся третий. Потом третий взорвался, и кто-то заорал с экрана: «Конец предателю!»

Вспыхнул еще один корабль и еще. «Один из наших», — услыхал Лукас и подумал: «Какой же?» Только бы не «Корисанда»... Нет, не она. Корабль Харкамана преследовал двух маканистов, мчавшихся к «Богине солнца», «Черной звезде» и гильгамешскому грузовозу. Потом «Немезида» пролетела мимо «Попрыгунчика», и экраны застлало пламя.

Битва превратилась в клубок плюющихся огнем звездолетов, катящийся к разрастающейся на обзорных экранах планете. К тому времени когда корабли вошли в экзосферу, клубок начал распутываться. Корабль за кораблем выходили на орбиту — часть из-за повреждений, часть в погоне за недобитыми противниками. Часть занесло на другую сторону Мардука. К «Немезиде» приближались три корабля — «Корисанда», «Богиня солнца» и гильгамешец. Лукас вызвал Харкамана.

— Где «Черная звезда»? — спросил он.

— Ушла в эм-це-квадрат, — ответил Харкаман. — Мы уничтожили двоих противников, «Болид» и «Надежного».

Юный граф Равари, следивший за межкорабельной связью, крикнул, что вызывает капитан Гомперц с «Погибели Гренделя», и в тот же миг кто-тозвыл: «Вот опять этот недоделанный «Попрыгунчик»!»

— Пусть Гомперц подождет, — бросил Лукас. — У нас проблема...

«Немезида» и «Попрыгунчик» осыпали друг друга снарядами и отстреливались ракетами-перехватчиками, а потом «Попрыгунчик» неожиданно отправился в эм-це-квадрат.

Очень много «эм» сегодня превратилось в «э» на орбите Мардука. Включая Манфреда Равалло. Это печалило Лукаса; Манфред был хорошим человеком и хорошим другом. В Ривингтоне у него осталась девушка... Ниффльхейм, на «Черной звезде» было восемь сотен хороших парней, и у большинства из них на Танит остались девушки. Как там говорил Отто Харкаман? Космические викинги редко умирают от старости?

Потом он вспомнил, что его вызывал Гомперц с «Погибели Грэнделя», и попросил графа Стивена наладить связь.

— Мы только что потеряли одного из наших мардуканцев, — сообщил Гомперц на отрывистом беовульфском диалекте. — Кажется, «Поединника». Достал ее, по-моему, «Баньши»; я иду наперехват.

— Где это, над западным полушарием? Сейчас буду, капитан.

Это походило на кроссворд, когда сидишь, выискивая незаполненные клеточки, и вдруг понимаешь, что их нет и головоломка решена. Вот так закончилась и битва при Мардуке — над Мардуком. Внезапно погасли огненные шары, перестали летать ракеты, больше не было вражеских кораблей. Пришло время подсчитать потери и приступить к битве на Мардуке.

«Черная звезда» погибла, а с ней и мардуканские корабли «Поединник» и «Конкистадор». «Бич пространства» еле держал воздух — по словам Боука Вальканхайна, хуже, чем после налета на Беовульф. Сильно повреждены были «Дар викинга», «Корисанда» и, судя по расцвеченному алым контрольной панели, «Немезида». А три корабля просто пропали — независимые викинги «Гарпия», «Проклятье Кагна» и «Чертова скотина» Роджера-фандорвилла Эстерсана.

Принц Бентрик, узнав об этом, нахмурился:

— Поверить не могу, что можно было уничтожить три звездолета так, чтобы никто этого не заметил.

— Я тоже, — ответил Лукас. — Зато могу представить, что эта троица вышла из боя и тихо высадилась на планете. Они ведь не освобождать Мардук прилетели, а набивать трюмы. Надеюсь только, что те, кого они грабят, голосовали за Маканна. Оружие имеют только штурмовики Маканна и пираты Дуннана; их и будут убивать, — высказал он единственный приятный вывод.

— Я больше не хочу убивать людей... — Принц Саймон внезапно прервался. — Я начинаю говорить, как покойный кронпринц Эдвард. Он тоже не хотел кровопролития, и посмотрите, что из этого вышло. Но если они заняты тем, что вы подумали, придется нам убить и нескольких ваших викингов.

— Они не *мои* викинги. — Лукаса немного удивило, что он еще может называть так других после того, как сам в течение

восьми лет носил это клеймо. Что ж, почему нет? Разве он не правитель цивилизованной планеты Танит? — И давайте не ссориться, пока война не окончена. Эти трое — всего лишь насморк, тогда как Дуннан и Маканн — чума.

Чтобы сбросить скорость и опуститься, потребовалось четыре часа. За это время корабли передали на поверхность записи, сделанные по дороге с Гимли. Говорил принц-протектор Саймон Бентрик:

— Незаконное правление предателя Маканна закончено. Его обманутых последователей я призываю сохранить верность короне. Народной Страже приказано сдать оружие и самораспуститься; там, где этот приказ не будет выполнен, я призываю верных подданных короны сотрудничать с законными вооруженными силами в их уничтожении, для каковой цели им будет выдано оружие.

Говорила маленькая принцесса Мирна:

— Если мой дедушка жив, он ваш король. Если нет, я — ваша королева, и до тех пор пока я не повзрослею и не смогу править сама, я признаю принца Саймона регентом и протектором королевства и призываю всех вас подчиняться ему.

— Я не услышал ни слова о народном правительстве, демократии или конституции, — заметил Траск. — И вы сказали «править», а не «царствовать».

— Верно, — сознался самозваный принц-протектор. — В демократии есть что-то дурное. Иначе ее не смогли бы победить такие люди, как Маканн, нападая на нее изнутри. Мне не кажется, что она совсем не может действовать, но, как говорят инженеры, «проект недоработан». На сломанной машине опасно ездить, пока поломку не нашли и не устранили.

— Надеюсь, вам не кажется, что феодализм по-клиновски лишен недоделок? — Лукас привел пару примеров и процитировал фразу Харкамана о варварстве, идущем сверху вниз, а не снизу вверх.

— Может быть, — добавил он, — в самом понятии правительства есть что-то, не способное работать. До тех пор пока *Homo sapiens terra* остается диким зверем — каким он был и будет, пока через миллион лет не превратится во что-то иное, — стабильное правительство, полагаю, останется квадратурой круга политологии, как было невозможным превращение элементов, пока его пытались осуществить химическими методами.

— Тогда будем жить, как сможем, и надеяться, что в следующий раз получится лучше, — ответил Бентрик.

На телескопических экранах рос Малвертон. Флотский космопорт, где Лукас приземлялся два года назад, лежал в руинах, засыпанный обломками разбомбленных на земле кораблей и опаленный термоядерным огнем. В самом городе — в воздухе, на земле, на крышах домов — шли бои. Видимо, их вели независимые викинги. Королевский дворец, еще не взятый, стоял в цен-

тре одного из водоворотиков, на которые распалась наземная битва.

Пэйтник Морланд отправился с первой волной десантников с «Немезиды». Гильгамешец, как и положено грузовому, имел большие грузовые люки. Теперь из них посыпались машины — от десантных катеров и стофутовых воздушных лодок до воздушной кавалерии. Потом первые машины коснулись земли, обстрел с воздуха прекратился, и десантники, то и дело отстреливаясь, начали расходиться по периметру.

Траск и Бентрик уже надевали боевые скафандры, когда в оружейную зашел двенадцатилетний граф Равари и приняллся подбирать себе шлем по размеру.

— Никуда ты не пойдешь, — начал его отец. — Не хватало мне еще за тебя волноваться...

Это был неверный подход.

— Граф, — перебил Лукас, — вам придется остаться на борту. Как только положение стабилизируется, принцесса Мирна спустится на землю, и вы будете ее лично сопровождать. И не думайте, что вас затирают. Она кронпринцесса и через несколько лет станет королевой, если уже не стала. Это будет отправная точка вашей военной карьеры. Во всем флоте не найдется офицера, который бы не позавидовал вам.

— Вы правильно с ним обошлись, Лукас, — заметил Бентрик, когда мальчик ушел, страшно гордый возложенной на него ответственностью.

— Я сказал ему чистую правду, — ответил Траск и секунду помолчал, ошарашенный пришедшей в голову мыслью. — Знаете, через пару лет она станет королевой. Королевам нужны принцы-консорты. Ваш сын — отличный паренек; мне он понравился с первого взгляда, а теперь просто полюбился. Ему самое место на троне рядом с королевой Мирной.

— Нет, это невозможно. Дело не в родстве — они, кажется, шестнадцатиородные кузены. Но люди скажут, что я воспользовался своим положением, чтобы посадить сына на трон.

— Саймон, как монарх монарху — вам еще многому надо научиться. Один урок вы уже усвоили — правитель должен быть готов применить силу и пролить кровь для укрепления своей власти. Но вам надо понять еще одно — правитель не имеет права бояться, что скажет о нем народ. И даже что скажет о нем история. Единственный судья правителя — это его совесть.

Бентрик подвигал вверх-вниз транспексовое лицевое стекло шлема, проверил патроны.

— Для меня главное — мир и процветание Мардука. А этот вопрос я обсужу... со своим судьей. Пошли.

Когда аэромобиль приземлился, верхняя терраса дворца уже была освобождена от противника. Все новые машины выгружали десант на крышу и спускались к земле. На нижних террасах еще трещали пистолетные и пулеметные выстрелы, гремели взрывы.

Машина спускалась в одну из шахт, пока не достигла зоны перекрестного огня снизу, потом резко свернула в широкий туннель на самом фронте наступления. Лукасу показалось, что именно в этой части дворца он жил, будучи гостем, но скорее всего показалось.

Они достигли спешно сооруженных баррикад из мебели и статуй, за которую цеплялись, отступая, «народные стражники» Маканна и викинги Дуннана. В комнатах столбом стояли пыль и едкий пороховой дым, валялись трупы. Мимо проезжали гравитележки с ранеными. Вокруг толпились десантники. «Руки убери, мы не грабить сюда пришли! — «Кретин, а если там кто-то прячется?» В один из залов — не то концертный, не то бальный — согнали пленных, и люди с «Немезиды» устанавливали полиэнцефалографические веридикаторы, тяжелые кресла с установленными на них шлемами и прозрачными шарами. Пара людей Морланда пристегивала к веридикатору «народного стражника».

— Знаешь, что это такое? — спрашивал один из них. — Это веридиктор. Шар светится синим. Как только ты попытаешься солгать, он покраснеет. А стоит ему покраснеть, как я тебе зубы в глотку выбью.

— Узнали что-нибудь о короле? — спросил Бентрик.

Десантник обернулся:

— Нет. Все, кого мы успели опросить, видели его не позже чем месяц назад. Он просто исчез. — Он хотел продолжить, но, увидев лицо Бентрика, смолчал.

— Он мертв, — тупо произнес Бентрик. — Они пытали его, промыли мозги, использовали как марионетку чревовещателя, пока могли; а когда его уже нельзя было показывать народу, запихали в мусорную печь.

Несколько часов спустя нашли Заспара Маканна. Этот, наверное, мог бы рассказать немало интересного, если бы был жив. Но он вместе с несколькими фанатичными сторонниками забаррикадировался в тронном зале и был убит при штурме. Его нашли на троне с простреленной головой. Мертвая рука сжимала пистолет. Корона лежала на полу; бархатная подкладка была порвана, залепана мозгами и кровью. Принц Бентрик поднял ее и брезгливо осмотрел.

— Надо будет как-то привести ее в порядок, — заметил он. — Я и не предполагал, что он ее наденет. Мне казалось, он хотел уничтожить трон, а не сесть на него.

Зал Совета министров во время боев не пострадал — только сломался подсвечник и несколько трупов пришлось вынести. Там и устроили штаб. К Лукасу и Бентрику присоединились Вальканхайн и еще несколько капитанов. Во дворце продолжались бои, город по-прежнему бурлил. Кто-то ухитрился связаться с капитанами «Чертовой скотины», «Гарпии» и «Проклятия Каг-

на» и привести их во дворец. Траск попытался с ними договориться, но безуспешно.

— Слушай, Лукас, ты мой друг, — сказал Роджер-фан-Морвилл Эстерсан, — и мы всегда вели дела честно. Но ты же знаешь, насколько капитан управляет своей командой. Эти ребята прилетели не политические ошибки мардуканцев исправлять, а за добычей. Если я попробую их остановить, они и меня пристрелят...

— А я не стану и пытаться, — добавил капитан «Проклятия Кагна». — Я и сам прилетел за добычей.

— Попробуйте, остановите их сами, — предложил капитан «Гарпии». — Завязнете по уши.

Траск проглядел приходившие со всей планеты сообщения. Харкаман приземлился на востоке; тамошние жители восстали против маканнистов и, когда им дали оружие, помогли отстрелять «народных стражников». Первый помощник Вальканхайна опустил корабль близ концентрационного лагеря, где сидело десять тысяч политических противников Маканна; он уже раздал все наличное оружие и просил прислать еще. Гомперц на «Погибели Грэнделя» сел в Дрепплине и сообщал совершенно противоположное: народ поднялся в защиту маканновского режима, и капитан просил разрешения на ядерную бомбардировку.

— А можете вы уговорить своих ребят переместиться в другой город? — спросил Траск у капитанов. — Крупный промышленный центр. Будет что взять. Называется Дрепплин.

— Там тоже живут мардуканцы... — начал было Бентрик, потом пожал плечами. — Делаем не что хотим, а что приходится. Безусловно, господа. Ведите своих людей на Дрепплин, и никто не станет возражать.

— А когда обчистите город дотла, — продолжал Лукас, — попробуйте Абаддон. Вы там высаживались, капитан Эстерсан. Вы помните, сколько добра там оставил Дуннан.

Пара викингов — нет, солдат Королевской армии Танит — ввела грязную, валявшуюся с ног от усталости старуху в лохмотьях.

— Эта вот хочет говорить с принцем Бентриком и ни с кем иным. Вроде бы знает, где король.

Бентрик вскочил с кресла, усадил старуху и сам поднес ей вина.

— Он еще жив, ваше высочество, — прощептала она. — Мы с кронпринцессой Мелани... простите, ваше высочество, вдовой кронпринца — заботились о нем как могли. Только поторопитесь...

Михаил Восьмой, король планеты Мардук, лежал на замызганном матрасе в комнатушке за энергоконвертером, уничтожавшим мусор и отбросы и одновременно снабжавшим энергией средние этажи восточного крыла дворца. Рядом стояло ведро воды, на деревянной скамье лежал узелок с едой. На скамье

сидела изможденная, растрепанная женщина в замасленном комбинезоне механика на голое тело — кронпринцесса Мелани, очаровательная и элегантная хозяйка Крэгдейла. Она попыталась встать и едва не упала.

— Принц Бентрик! И князь Траск Танитский! — воскликнула она слабо. — Скорее! Унесите его отсюда! И позаботьтесь о нем. Пожалуйста.

Она опустилась на пол и потеряла сознание.

Что с ними случилось, выяснить так и не удалось. Принцесса Мелани так и не пришла в чувство, ее компаньонка, как оказалось, одна из придворных, бормотала что-то невнятное. А король лежал, вымытый, накормленный, в чистой постели и взирал на мир удивленными глазами, точно увиденное не несло для него никакого смысла. Врачи разводили руками.

— У него осталось разума не больше, чем у новорожденного, — сказал врач. — Мы можем поддерживать в нем жизнь сколь угодно долго — это наша обязанность. Но по отношению к его величеству это... жестоко.

К следующему утру последние очаги сопротивления во дворце были подавлены, кроме одного, глубоко под землей, под главным реактором. Пытались применить сонный газ, но защитники выдули его наверх вентиляторами. Пробовали взрывать, но каркас здания имел ограниченную прочность. А сколько может противник просидеть в осаде, не знал никто.

На третий день из туннеля выполз человек, размахивая привязанной к дулу винтовки белой рубашкой.

— Есть тут князь Лукас Траск Танитский? — спросил он. — Ни с кем другим мы говорить не будем.

Привели Траска. Парламентер забился в груду щебня так, что торчал только импровизированный белый флаг, и высунулся, лишь когда Лукас окликнул его.

— Князь Траск, с нами Андрей Дуннан. Он вел нас, но мы его схватили и разоружили. Если мы выдадим его, вы нас отпустите?

— Если вы выйдете без оружия и приведете Дуннана, я обещаю, что остальные смогут беспрепятственно выйти из дворца.

— Ладно. Через минуту будем. — Он склонился вниз и крикнул: — Они согласны! Ташите его!

Задыхающихся защитников осталось менее полусотни. Некоторые носили мундиры высоких чинов Народной Стражи или Партии народного благосостояния, другие — расшифрованные куртки викингов. Вперед вытолкнули тонколицего типа с козлиной бородкой, и Лукасу пришлось взглянуться, прежде чем он узнал Андрея Дуннана. Теперь безумец больше походил на Энгуса Уордхейвенского, каким запомнил того Лукас. Дуннан бросил на него скучающее-презрительный взгляд.

— Ваш король-маразматик не мог править без Заспара Маканна, а Маканн не мог править без меня, как и вы, — заявил он внезапно. — Расстреляйте эту банду перебежчиков, и я буду править Мардуком за вас. — Он снова глянул на Лукаса. — Кто ты? — спросил он требовательно. — Тебя я не знаю.

Лукас вытащил пистолет и снял с предохранителя.

— Я Лукас Траск, — ответил он. — Ты слыхал это имя. Расступитесь, там, сзади.

— А, да. Тот дурачок, что хотел жениться на Элейн Карваль. Не получится, лорд Траск Трасконский. Она любит меня. Она ждет меня на Граме.

Траск выстрелил ему в голову. Глаза Дуннана блеснули мгновенным недоумением, потом колени его подогнулись, и он упал лицом вниз. Траск сунул пистолет в кобуру и оглядел распостертое на бетоне тело.

— Унесите эту падаль и засуньте в конвертер, — приказал он. — И больше никогда, никогда не упоминайте при мне имя Андрея Дуннана.

Он не стал смотреть, как труп утаскивают на гравитележке, зато пронаблюдал, как пятьдесят членов свергнутого не-правительства Мардука ковыляют к выходу под конвоем десантников Морланда. Вот за это стоило себя укорить; оставив каждого из них в живых, Лукас совершил преступление против мардуканского народа. Еще до заката они займутся какими-нибудь пакостями, если только снаружи их не узнают и не пристрелят. Впрочем, это уже забота короля Саймона Первого.

Лукас вздрогнул, осознав, как назвал мысленно своего друга. Что ж, почему нет? Разум Михаила мертв, и тело переживает его не больше, чем на год. Остаются королева-девочка и долгое, опасное регентство. Лучше быть королем не только по власти, но и по титулу. А подтвердить права на трон можно, женив Стивена на Мирне. Девочка уже в восемь лет поняла, что ей придется выйти замуж в интересах государства — так почему не за Стивена, товарища ее детских игр?

Саймон Бентрик поймет необходимость этого шага. Он не дурак и не трус; он всего лишь медленно принимает новые идеи.

Мразь, выкупившая свои шкуры ценой жизни вожака, скрылась за поворотом. Лукас медленно побрел за ними, размышляя.

«Не давить на Саймона; пусть попривыкнет к этой мысли. И заключить договор — Танит, Мардук, Бевульф, Аматерасу, а потом и другие цивилизованные планеты». В мозгу его уже зарождалась туманная идея Лиги цивилизованных миров.

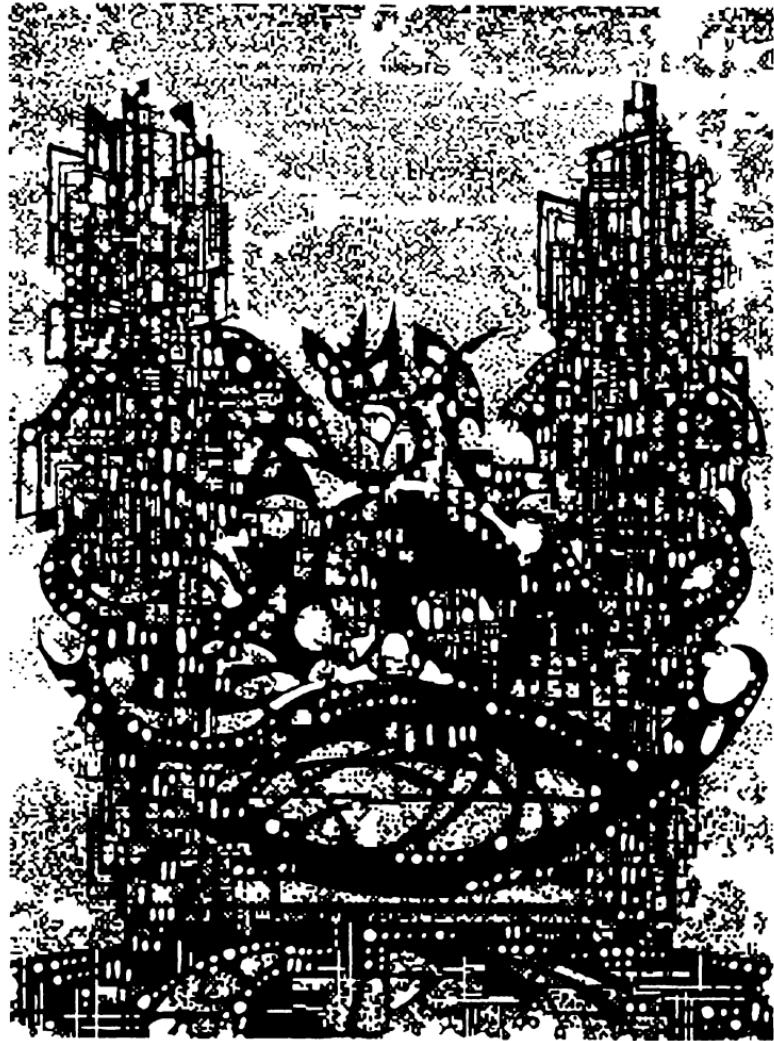
А самому — стоит принять титул короля Танитского, порвать связи с Клинковыми мирами, особенно с Грамом. Пусть Виктор Шочитльский им займется. Или Гарван Спассо, милости просим. Виктор не останется последним космическим викингом,

повернувшим свои корабли против Клинковых миров. Рано или поздно цивилизованные миры Старой Федерации погонят викингов грабить миры, породившие их.

А раз он станет королем — разве ему не нужна королева? Нужна. Лукас вошел в кабину лифта и начал медленно подниматься. Валери Альварат; они прекрасно провели время на «Немезиде». Не захочет ли она остаться с ним навсегда... даже на троне...

Рядом с ним стояла Элейн. Он ощущал ее присутствие почти физически. «*Она любит тебя, Лукас,* — прошептал ее голос. — *Она согласится. Будь добр с ней, и вы будете счастливы*». Потом ее не стало, и Лукас понял, что она уже не вернется.

Прощай, Элейн.

ИМПЕРИЯ

РАБ ОСТАЕТСЯ РАБОМ

Юрген, князь Треваньон, взял чашку, поднес к губам и отставил. Флотские роботы всегда наливали слишком горячий кофе. Космонавты должны иметь луженые глотки, чтобы пить такой. Он стукнул по кнопке на панели управления робота и, поставив чашку на пульт, взял зажженную сигарету.

Напряжение в штабе начинало спадать. Ощущение кромешного ада последних трех часов улетучилось. Офицеры в красных, синих, желтых и зеленых комбинезонах поднимались с кресел, покидая рабочие места, собирались в группы. Слышался смех, излишне громкий. Князь вдруг почувствовал их волнение и подумал, а не встревожен ли он сам? Нет. Не было ничего, что могло бы вызвать беспокойство. Он снова взял чашку и осторожно пригубил.

— Это все, что мы можем сейчас сделать, — сказал человек за его спиной. — Теперь нам остается просто сидеть и ждать следующего хода.

Как и все остальные, линейный коммодор Вэнн Шатрек был одет в боевую форму корабля — черный комбинезон, на груди и плечах украшенный золотыми знаками его ранга. Абсолютно лысая голова выглядела почти шарообразной. Крючковатый нос оттягивал вниз дугу бровей, а прямые линии рта и подбородка, вырубленные под ним, скорее усиливали, чем портили впечатление. Взяв кофе, он выпил его залпом.

— Это была ловкая работа, коммодор. Я никогда не видел, чтобы десантная операция шла так гладко.

— Слишком гладко, — возразил Шатрек. — Я плохо верю в такую удачу. — Он с подозрением взглянул на смотровые экраны.

— Это было абсолютно необязательно! — заявил молодой Обрей, граф Эрскилл, который сидел слева от коммодора.

Он был на поколение моложе князя Треваньона, в то время как Шатрек — на поколение старше. Оба были бритыми, поскольку бороды входили и выходили из моды в нечетных

поколениях. Граф тоже волновался во время высадки десанта, хотя и по другой причине, нежели остальные. Поэтому он так злился.

— Я говорил вам с самого начала, что это неизбежно. Вы видите? Они даже не могли защищаться. Позволить одним...

Видеотелефон Треваньюна зажужжал, и князь, отставив кофе, щелкнул переключателем. Его вызывал Лэнзи Дежбренд. В отчетах он значился помощником правительского секретаря, на деле же являлся противником в шахматных партиях, партнером в острословии, правой рукой, третьим глазом и ухом, а иногда и пальцем на спусковом крючке. На нем была форма офицера десантных войск флота, стальной шлем с поднятым забралом, на плече висел карабин. Он излишне подчеркнуто отдал честь. Князь улыбнулся:

— Гляжу на вас и восхищаюсь. Прекрасный образец костюма для дипломата, не правда ли?

— Знаете, сэр, боюсь, что для этой планеты так оно и есть, — ответил Дежбренд. — Полковник Рэвни настаивал на такой одежде. Он говорит, что ситуация внизу все еще меняется. Я имею в виду, что там все во всех стреляют. Занята главная телестанция в большом здании, которое местные жители называют Цитаделью.

— О, отлично. Передайте наше сообщение, как только удастся. Номер пять. Вы и полковник Рэвни можете внести необходимые поправки, соответственно ситуации.

— Номер пять. Действительно жестко, — признал Дежбренд. — Полагаю, под этими поправками вы не подразумеваете послаблений?

— О нет! Сглаживать не надо. Лучше заострить.

Лэнзи Дежбренд улыбнулся, снял с плеча карабин и встал по стойке «смирно». Он оставался в этой позе, пока Треваньюн не выключил экран.

— Это все равно не оправдывает бессмысленной и неспровоцированной агрессии! — продолжал возмущаться Эрскилл. Его худощавое лицо пылало, голос дрожал от негодования. — Мы прибыли сюда, чтобы помочь этим людям, а не убивать их.

— Мы прилетели не за тем и не за этим. Мы должны захватить планету и присоединить ее к Империи, хотя они этого или нет. Коммодор Шатрек применил самый быстрый и эффективный метод. Переговоры с орбиты ни к чему бы не привели. Вы же слышали их телетрансляции...

— Авторитарно, — сказал Шатрек и напыщенно передразнил: — «Всем сохранять спокойствие. Правительство принимает меры. Совет Повелителей проводит специальное заседание. Они решат, что делать с захватчиками. Администраторов отправляют для успокоения надзирателей, надзиратели будут следить за рабочими на местах. К тем, кто не подчинится приказам, применят жесткие меры».

— И слишком примитивно. За последние пятьсот лет в этой системе не наблюдалось ни одного корабля. Предполагаю, что Совет Повелителей, приравненный к парламенту, не собирался на специальное заседание лет этак двести пятьдесят.

— Да. Я никогда не завоевывал планет с таким парламентом, — задумчиво произнес Шатрек. — С ними нечего спорить. Нужно просто захватить центральную власть — быстро и жестко.

Граф Эрскилл промолчал. Он был против применения силы и с начала операции повторял это довольно часто. Насилие, на его взгляд, — свидетельство некомпетентности. Конечно, он был абсолютно прав, хотя и не в том смысле, который вкладывал в это. Только полный дилетант станет откладывать применение силы до последнего — до тех пор, когда поздно уже и молиться.

В то же время он был против авторитаризма. Исключая, разумеется, случаи, когда это действительно во благо людей. Он не любил правителей, величавших себя Повелителями. Настоящие руководители-демократы считали себя слугами народа. Потому-то Обрей и молчал, вглядываясь в экраны.

Одна из видеокамер, установленная с внешней стороны на «Императрице Эвлалии», давала общее впечатление о планете, на сотни миль вокруг. Континент внизу тянулся к далекому морю, искрящемуся под лучами солнца. За дугой горизонта виднелось черное небо, усыпанное звездами. Пятьюдесятью милями ниже «Императрицы» сверкали два трехтысячесуточных шара транспортных крейсеров «Канопус» и «Мицар».

Другой экран — с «Мицара» — высвечивал отдельные части поверхности: утопающую в зелени местность, испещренную реками и придавленную горами; маленькие городки, не больше точки; россыпь белых облаков. На этой планете не было коренной разумной расы, и на протяжении тринацати веков колонизации терранская популяция никогда не отказывалась от применения контрагравитационных средств передвижения. На том же экране виднелись четыре истребителя — «Ирма», «Ирен», «Изабель» и «Ирис», казавшихся крохотными огоньками.

Видеокамеры «Ирен» передавали увеличенный вид города. На картах, составленных восемьсот лет назад, город назывался Зеггенсбургом. Он был построен во время первой колонизации планеты старой Терранской Федерацией. Высотные дома поднимались над лужайками, парками и садами, а в самом центре, значительно отдаленном от всего остального, возвышалась мощная Цитадель. Это была огромная цилиндрическая башня, окруженная группой цилиндров поменьше. Здесь располагалась просторная посадочная площадка с недавно водруженным флагом Империи.

Город походил на полумесяц, ориентированный на юг и восток. Согласно старым картам, тут находился космодром Зеггенсбурга, но от него не осталось и следа. Теперь здесь был промышленный район, расположенный так, чтобы господствующие ветры уносили пыль и дым. А их здесь было предостаточно.

Что было удивительно — так это улицы. Длинные и извилистые пересекались более короткими через определенные промежутки, образуя кварталы. Треваньон никогда прежде не встречал городов с улицами и сомневался, видел ли их кто-нибудь из прибывших на имперских кораблях. По длинным бульварам мог беспрепятственно передвигаться низколетящий транспорт. Как, впрочем, и по пешеходным улицам, хоть и не так легко. Картинка, безусловно, характерная для городов, покоренных при Федерации или даже еще раньше — во времена доатомной Терры. Но эти люди знакомы с контрагравитацией, и башня на огромной площади рядом с этим анахронизмом из сетки улиц — яркое тому доказательство.

Пришельцы слишком мало знали о планете, которую должны были присоединить к Империи. Она была завоевана тринацать веков назад во время последней вспышки экспансии перед началом звездных войн и распадом Терранской Федерации. Планета была названа Адитьей — по моде того времени присваивать имена забытых божеств из древнего и мрачного политеизма. Столетием, или около того, позже, она была покинута Федерацией, а потом пришла в упадок. То, что планета до сих пор существует, свидетельствует о том, что они многое переняли от Старой Федерации. После этого — темнота, освещаемая иногда короткими вспышками рапортов, приходящих на Морглес.

Морглес был одним из Клинковых миров. Его населяли повстанцы, сбежавшие с других планет системы. В основном это были солдаты и астронавты, а с ними много женщин, квалифицированных техников, инженеров и ученых. Они владели разнообразным оборудованием, прихваченным с других планет, и триста лет жили в изоляции, распространяя свое влияние на еще дюжину не открытых до того планет. Экскалибур, Тизона, Грам, Морглес, Дюрандаль, Фламберж, Кортана, Квернбитер — эти миры носили имена легендарных мечей из сказаний старой Терры.

А потом произошло извержение — неожиданное и бедственное, и они вернулись в Терранскую Федерацию космическими викингами, грабя и разрушая все вокруг до тех пор, пока новорожденная Империя не окрепла настолько, чтобы противостоять им. В шестом веке до возникновения Империи одна из их флотилий прибыла с Морглеса на Адитью. Адитянцы в то время были едва ли не варварами. Потомки коренных поселенцев были порабощены другими варварами, которые приходили как наемники к тому или иному вождю, да так и оставались грабить и властвовать. Покорить их оказалось просто, и космические викинги сделали Адитью своим домом. Несколько веков они поддерживали связь с родной планетой, а потом Морглес ввязался в одну из межзвездных династических войн, что привело к упадку космических викингов, и Адитья опять выпала из истории.

До сегодняшнего утра, когда история вернулась на черных кораблях Империи.

Треваньон погасил сигарету и велел роботу подать другую.

— Видите ли, граф Эрскилл, мы действительно выбрали этот путь для их же блага. — Он не собирался верить в хитрость коммодора. Так, по мнению Обрея Эрскилла, что угодно можно оправдать, если это кому-то на пользу. — Что такого мы сделали? Мы просто внезапно высадили десант, разбили их армию и захватили центральную власть до того, как кто-либо что-либо успел предпринять. При вашем варианте не обошлось бы без кровопролития, гибели пяти-шести тысяч человек, разрушения городов и потери наших людей. Вы можете им сказать, что мы спасли их от самих себя.

Обрей явно собирался возразить, но всех отвлек видеофон Шатрека. Коммодор щелкнул переключателем, и на экране появился его строевой офицер, капитан Патрик Морвилл.

— Мы только что получили сообщение, сэр, что люди Рэвни захватили полдюжины стартовых комплексов, окружающих город. Воздушная разведка сообщает, что это их основная часть. Рядом со мной офицер, который принимал участие в операции. Вам стоило бы его выслушать.

— Отлично, — с облегчением выдохнул Вэнн Шатрек. — Признаюсь, я немного беспокоился.

— Ну, так как, вы выслушаете лейтенанта Кармаса? — Морвилл, похоже, едва сдерживал смех. — Вы готовы, коммодор?

Шатрек кивнул. Морвилл дал знак и исчез в мерцании цветной радуги.

На экране появился молодой офицер десантных войск в боевой форме. Он отдал честь, назвал свое имя, звание и подразделение.

— Эти ракетные комплексы, сэр, занимал я. Они находятся в двадцати милях к северо-западу от города. Мы взяли их полчаса назад без всякого сопротивления. Там находилось около четырехсот человек. Двенадцать из них, в общем, дюжина — солдаты. Остальные — гражданские. Десять рядовых, двое вроде офицеров. У офицеров — заряженные пистолеты. У рядовых — пустые автоматы с двумя обоймами на ремне. У гражданских — ружья без патронов. Офицеры не знали, где хранятся ружейные патроны.

Шатрек выругался. Лейтенант кивнул:

— Вот и я так же отреагировал. Тамошнее место замечательно выглядит. Газоны подстрижены, деревья подрезаны. Все вылизано, как в утре перед проверкой. Здесь же находится здание штаба, вроде как для дивизии.

— Что с вооружением, лейтенант? — Шатрек едва сдерживался.

— Ах да, сэр, вооружение. Восемь больших пусковых установок для межпланетных или орбитальных ракет. Все сверкают, как бриллианты на короне. И ни одной — повторяю! — ни одной исправной! И ни одной ракеты на установке.

На лице Шатрека не дрогнул ни один мускул.

— Лейтенант Кармас, я не сомневаюсь, что правильно вас понял, но давайте уточним. Вы сказали...

Он повторил рапорт лейтенанта слово в слово. Кармас утвердительно кивнул:

— Да, так и было, сэр. Хранилище для реактивных снарядов заполнено старыми фотогравюрами, записями, бобинами микрофильмов. Системы слежения и управления во всех установках отсутствуют. В пускателях нет основных частей. Там имеется сложное оборудование для слежения, но оно не способно ничего выследить. Я видел пару биноклей — полагаю, с их помощью нас и обнаружили.

— Теперь об офисе. Похоже, они принимали по пять документов в минуту и подписывали, не просматривая и не прослушивая.

— Я пока не проверял, сэр. Если вы собираетесь держать пари, пожалуйста, не рассчитывайте на мою поддержку.

— Хорошо, спасибо, лейтенант Кармас. Держитесь поблизости, я пошлю команду специалистов взглянуть на то, что там осталось. А пока выберите кого-нибудь, кто кажется сильно встревоженным, и поинтересуйтесь, на кой Ниффльхейм здесь эта станция.

— Думаю, могу ответить вам уже сейчас, коммодор, — обратился князь Треваньюн к Шатреку, когда тот выключил экран. — Мы столкнулись с закостенелым авторитаризмом. Вполне подходящий режим при олигархии. Предполагаю, что на своих заседаниях они говорят об объединении господствующих классов, все имеют равные голоса, но никто не возьмет на себя ответственность что-либо предпринять. Главная задача правительства — убедить корпус бюрократов поддержать его. Поднажать на колеблющихся, припугнуть критикой и прозябанием на жалкую пенсию. Я уже видел такие формы правления. — Он назвал несколько. — И еще. Однажды такое правительство палками загнали в Империю. Позже с ним было много хлопот.

— Судя по этим станциям, они вряд ли в состоянии сообразить, как устроить заварушку или хотя бы начать ее. Полагаю, — продолжал Шатрек, — здесь вас ждет легкое и приятное проконсульство, граф Эрскилл.

Тот хотел сказать, что не сомневается в словах Шатрека, но желал бы не легкого проконсульства, а возможности оказать людям своевременную помощь, но жужжание видеофона спасло графа.

Это был полковник Пьер Рэвни, командир десантных войск флота. Как и все, кто брал Зеггенсбург, он был в военной форме и при оружии. Стальное забрало шлема было поднято. Он выглядел моложе Шатрека, старше Эрскилла и щеголял роскошными усами и заостренной бородкой. Темные глаза на утонченном лице в обрамлении всей этой растительности придавали его внешности нечто мефистофельское. Он усмехнулся:

— Можно считать задание выполненным. Здесь находится делегация, которая хотела бы обратиться к господам Повелителям

на кораблях от имени господ Повелителей из Совета. Их двое и дюжина портфеленосцев и протоколистов. Я не слишком силен в lingua terra, исключая самую простейшую форму, которая от него достаточно далека, но понял — это чиновники, представляющие господ Повелителей.

— Мы хотим с ними разговаривать? — спросил Шатрек.

— Мы желаем иметь дело только с фактической, официальной властью, руководителями правительства — Советом Повелителей, — неожиданно протокольно возразил граф Эрскилл. — Мы не можем вести переговоры с подчиненными.

— А кто говорит о переговорах? Здесь не о чем договариваться. Адитья отныне часть Империи. Если существующий режим их устраивает, его можно оставить. Если нет — свергнем его и поменяем правительство. Мы примем эту делегацию, проинформируем обо всем и отправим назад к господам Повелителям. — Треваньон повернулся к коммодору: — Я могу поговорить с полковником Рэвни?

Шатрек кивнул. Треваньон поинтересовался, где сейчас находятся господа Повелители.

— Здесь, в Цитадели, где располагается зал заседаний. Собравшись тысяча людей, все кричат друг на друга, обвиняют. Шум, как во время кормежки в имперском зоопарке. Мне кажется, им всем хочется сдаться, но никто не решается предложить это первым. Я только что поставил охрану и установил ограничения на вход и выход.

— Хорошо придумано, полковник. Я полагаю, Цитадель забита бюрократами и люмпенами?

— Их буквально тысячи. Здание трещит по швам. Лэнзи Дебренд, командир Дуврин и другие пытаются добиться вразумительного ответа хоть от кого-нибудь.

— Да, насчет делегации. Как вы собираетесь их сюда перевозить?

— На челноке до «Изабели» — там много места.

Треваньон посмотрел на часы:

— Не сильно торопитесь. Мы не хотим их видеть до вечера. Задержите их на «Изабели». Покормите, развлеките образовательными фильмами. Чем-нибудь, что убедит их в том, что Империя — это немножко больше, чем один линейный корабль, два крейсера и четыре истребителя.

Граф Эрскилл был раздосадован. Он хотел видеть делегацию сразу и договориться о встрече с их верхушкой. Кроме того, граф был фанатиком. Треваньон этого не одобрял. Фанатизм государственных деятелей, возможно, принес Галактике вреда больше, чем что-либо еще.

Имперский линейный корабль, диаметром в милю, был значительно больше любого боевого судна, что имело и политический смысл. Пышный салон с внешней стороны, где кривизна

поля ощущалась меньше всего, был столь же великолепен, как некоторые залы в императорском дворце Асгарда на Одине. Половы устланы роскошными коврами, а зеркала на стенах чередовались с художественными полотнами. Передвижная мебель менялась в зависимости от случая. Сейчас она была представлена пустым столом, тремя стульями и тремя роботами-секретарями. Их черные прямоугольные футляры блестели так же ярко, как герб Империи — солнце и шестеренка. В противоположном конце салона, по обеим сторонам двери, стояли в карауле астронавты в форме и при оружии.

В принципе присоединение планеты к Империи было делом несложным. Но как часто простота обманчива! Треваньон подозревал, что сегодняшняя ситуация — не исключение.

Самое простое — объявить правительству планеты, что отныне она является субъектом верховной власти его величества императора Галактики. Подобную информацию всегда передает правительственный секретарь, который подчиняется непосредственно премьер-министру и на иерархической лестнице стоит лишь на ступеньку ниже императора. На сегодняшний день эту должность занимает Юрген, князь Треваньон. Для убедительности сие приятное известие сначала прозвучало в сопровождении имперского космического флота. Его представлял коммодор Вэнн Шатрек с эскадрой из семи боевых кораблей и двумя тысячами десантников.

Когдаaborигены в достаточной степени осознавали ситуацию — после неизбежного кровопролития, хотя по этому поводу всегда велись споры, — назначался имперский проконсул. В данном случае — Обрей, граф Эрскилл. Эта должность не подразумевала управления планетой. Имперская конституция регулировала этот пункт. Каждое правительство имело право самостоятельно решать свои внутрипланетные дела. Проконсул в узких и совершенно негибких рамках просто направлял деятельность правительства.

Несчастный граф Эрскилл, похоже, ничего не понимал. Ему казалось, что он светоч имперской цивилизации или что-то вроде того, столь же живописное и метафоричное. Он считал, будто назначение Империи — преображать отсталые планеты, вроде Адиты, в подобие Одина, Мардука, Осириса или Бальдра, а лучше всего — его родины Атона.

Это было первое назначение Обрея проконсулом, которое граф получил благодаря влиянию семьи, и это оказалось ошибкой. Впрочем, в такой большой и сложной структуре, как Империя, ошибки неизбежны. Целые институции существовали за счет того или иного влияния, семейное — ничем не хуже других. Случилось так, что крайне консервативный герцог Джарви, представитель Эрскиллов Атонских, происходящих от старого Эррола, был встревожен радикализмом молодого Обрея. И как только тот закончил университет на Нефертити, уговорил премьер-

министра отослать родича подальше от Атона. В это время как раз готовилась аннексия Адиты, и Обрея Эрскилла назначили проконсулом.

Это-то и было ошибкой. Его следовало послать на планету, уже занятую Империей, где все шло само собой, по наезженной колее, чтобы граф мог не торопясь войти во власть и отвыкнуть от некоторых нелепостей, внущенных университетскими профессорами, слишком далекими от реальной политики.

Охранники зашевелились, защелкали забралами шлемов, зашаркали ногами. Они одеревенели от напряжения. Большие двери в противоположном углу салона мягко отворились, и охрана взяла на караул перед входящей делегацией.

Адитью представляли четырнадцать человек. Все были в одеяниях длиной до голени и с выбритыми головами. Один из них, в бледно-зеленом платье, вел группу за собой. Это явно был герольд. За ним следовали двое в белом со скрещенными на груди руками. Один — жирный, с лохматыми бровями, выпученными глазками и узкими поджатыми губами. Второй — тощий и смертельно бледный, с костиистым, почти бесплотным лицом. Остальные — в темно-зеленом и блекло-голубом — портфеленосцы и протоколисты. На их шеях что-то блестело. Когда посланники приблизились, князь заметил, что на каждом — серебряное ожерелье. Они остановились вдвадцати шагах от стола и струдились вокруг герольда.

— Я хочу представить восхитительного и наинадежнейшего Чала Хоужета, личного раба-распорядителя господина Повелителя Олвира Никколона, председателя президиума Совета Повелителей. А также Грегора Чмидда — раба-распорядителя господина Повелителя Роварда Джавасана, главы правительства. — Герольд в нерешительности умолк, переводя взгляд с одного присутствующего на другого. Но, взглянув на Вэнна Шатрека, просветился. — Не вы ли раб-распорядитель господина Повелителя на этом корабле?

Лицо Шатрека сначала порозовело, а потом налилось краской. И он назвал все это одним словом. Абсолютно непечатным. Такими же, исключая местоимения и предлоги, были последующие пятьдесят использованных им слов.

Герольд оцепенел. Двое депутатов застыли в ужасе. Портфеленосцы опасливо поглядывали вокруг.

— Я, — подытожил Шатрек, — офицер космического флота его императорского величества. Командир этого боевого подразделения. И я, — он снова ввернул неприличное слово, — не раб.

— Вы хотите сказать, что вы тоже господин Повелитель? — Сей факт, казалось, шокировал герольда больше, чем непристойности Шатрека. — Простите меня, не думал.

— Заметно, что не думал. И не смей называть меня господином Повелителем, а не то...

— Секунду, коммодор. — Треваньон отвернулся от герольда и обратился по-террански к людям в белых одеждах: — Это корабль галактической Империи. А в Империи нет рабов. Вы меня понимаете?

Похоже, гости не понимали. Тот, что потолще, повернулся к Чалу Хоужету:

— Они, похоже, все тут господа Повелители. — Но тут же увидел в этом противоречие. — Хотя как они могут повелевать, если нет рабов?

Потрясенным выглядели не только визитеры. Граф Эрскилл оглядел делегацию и в изумлении выдохнул: «Рабы!» За всю свою недолгую жизнь он ни разу не видел рабов.

— Нет, не может быть, — произнес Чал Хоужет. — Господин Повелитель должен владеть рабами. — Он немного посоображал. — Но если они не Повелители, то, стало быть, рабы, и... Нет, они и не рабы. Но рабы — это единственное, что делает повелителя Повелителем...

Метод исключения третьего. Доатомная формальная логика пробралась на Адитью. Чмидд, оглянувшись, кивнул на астронавтов, стоявших в карауле.

— Они тоже не рабы? — спросил он.

— Это астронавты императорского флота, — зарычал Шатрек. — Назовите их в лицо рабами — и получите прикладом по голове. А я не пошевелю пальцем, чтобы помешать. — Он свирепо посмотрел на Чмидда и Хоужета. — Кому пришла в голову бредовая идея послать рабов на переговоры с Империей? Этот господин нуждается в хорошем уроке.

— Ну, меня послал господин Повелитель Олвир Никколон, а...

— Чал! — прошипел Чмидд. — Мы не можем разговаривать с господами Повелителями. Мы должны говорить с их рабами-распорядителями.

— Но у них нет рабов, — возразил Хоужет. — Ты разве не слышал, что этот, с маленькой бородкой, сказал?

— Но это же смешно, Грегор. Кто же руководит и отдает им приказания? И кто их прислал сюда?

— Нас прислал император. Вот его портрет передо мной. Но мы не его рабы, просто он самый главный для нас человек. Среди ваших Повелителей нет самого главного?

— Все правильно, — сказал Чмидд Хоужету. — На заседании Совета твой господин Повелитель главный, а в правительстве — мой, Ровард Джавасан.

— Но они не указывают другим господам Повелителям, что делать. А на заседании Совета другие Повелители им указывают....

— Это то, что я называю олигархией, — прошептал Треваньон Эрскиллу с высоты своих имперских амбиций.

— Может, пусть Рэвни посадит всех этих господ Повелителей в несколько космолетов и доставит сюда? — предложил Шатрек на простейшем терранском достаточно громко.

— Думаю, обойдемся. — Треваньон повысил голос, обращаясь к делегации на терранском: — Не имеет значения, говорили эти рабы с нами или нет. Отныне правитель планеты — его императорское величество Родрик III. Если Повелители желают управлять планетой под эгидой императора — пожалуйста. Если нет — мы прекратим существование правительства и назначим новое.

Он сделал паузу. Ошеломленные Чмидд и Хоужет смотрели друг на друга в недоумении.

— Чал, — пробормотал Чмидд, — как они сказали, так и сделают.

— Нам нечего больше сказать рабам, — продолжал Треваньон. — В дальнейшем мы будем разговаривать непосредственно с Повелителями.

— Но... господа Повелители никогда не занимаются делами лично, — возразил Хоужет. — Или они не Повелители. Подобные переговоры — прерогатива рабов-распорядителей.

— И у них это называется Советом, — напомнил Шатрек. — Я не удивлюсь, если его члены осуществляют всю свою деятельность через рабов.

— О нет! — Чмидд был шокирован таким предположением. — Ни один раб не допускается в зал заседаний.

«Интересно, кто же поддерживает там чистоту? — подумал Шатрек. — Роботы, наверное? И что происходит, когда Повелителей в зале нет?»

— Ну хорошо. У ваших людей имеются записывающие устройства. Они действуют?

Хоужет переадресовал вопрос Чмидду, Чмидд — герольду, герольд — одному из лакеев, а тот еще кому-то. Ответ пришел по тем же каналам.

— Да, работают.

— Отлично. Завтра в это же время мы будем говорить с господами Повелителями. Коммодор Шатрек, проследите, чтобы полковник Рэвни собрал их завтра в зале заседаний и подготовил все для обращения, достойного представителей его императорского величества. — Треваньон повернулся к рабам с Адиты: — Это все. Можете идти.

Делегацию с почетом выпроводили. Когда двери закрылись, Шатрек погладил рукой лысую голову и засмеялся:

— У всех бритые головы. Возможно, поэтому они и решили, что я — ваш раб. Бьюсь об заклад, что их ожерелья — тоже знак рабства. — Он дотронулся до имперского ордена «Рыцарская звезда» на своей шее. — Наверное, подумали, что у меня такой же.

— Они просто не могут представить человека, который бы не был ни рабом, ни рабовладельцем, — сказал Эрскилл. — А это

значит, что у них нет ни одного нерабовладельческого класса. Всеобщее рабство! Да, с этим придется что-то делать. Провозгласим отмену рабства, немедленно!

— Мы не можем предпринять что-либо подобное, конституция не позволит. Раздел второй, статья первая: «Каждая планета Империи сохраняет за собой право на самоуправление сообразно собственному выбору, без постороннего вмешательства».

— Но рабство... — возразил Эрскилл. — Раздел второй, статья шестая: «В Империи не будет ни рабского труда, ни рабства. Ни одно разумное существо, независимо от расы, не может быть собственностью другого».

— Правильно, — согласился Треваньон. — Если Совет Повелителей собирается оставаться планетным правительством в составе Империи, они будут вынуждены отменить рабство, но сделать это придется им самим. Мы не можем решать за них.

— Знаете, князь Треваньон, что сделал бы я? — сказал Шатрек. — Убрал бы этот Совет Повелителей и ввел прекрасную жесткую диктатуру. На планете уже установлен военный режим, так давайте оставим все как есть лет на пять, пока не подготовим новое правительство.

Такое предложение, казалось, не понравилось графу Эрскиллу больше, чем сложившаяся ситуация.

Обедали поздно, в столовой коммодора Шатрека. Кроме Треваньона и Эрскилла присутствовали Лэнзи Дежбренд, поверенный в делах графа Эрскилла Шарль Эрнандей, Патрик Морвилл, Пьер Рэвни, а также офицер разведки Андрей Дуврин. Обычно князь осуждал серьезные разговоры во время обеда, но при данных обстоятельствах они были неизбежны. Никто не мог думать или разговаривать о чем-либо еще. Дискуссия, которую он планировал на послебеденное время, началась до подачи первых блюд.

— Население планеты составляет около двадцати миллионов, — сообщил Лэнзи Дежбренд. — Господ немного — примерно десять тысяч. Остальные рабы.

— Невероятно! — восхликал Эрскилл. — Десять тысяч поработили двадцать миллионов! Как те мирятся с этим? Почему не восстают?

— Ну, думаю по трем причинам, — предположил Дуврин. — Трехразовое полноценное питание...

— Никакой ответственности и необходимости принимать решения, — добавил Дежбренд. — Они были рабами семь с половиной веков. Здесь даже не знают, что такое свобода, а если бы узнали, то испугались бы.

— Командная цепочка, — произнес Шатрек. Ему показалось, что Эрскилл не понял, и он пояснил: — Множество чумазых рабов. Над каждой дюжиной стоит надзиратель с большим хлыстом и пистолетом с холостыми патронами. Над каждой парой

надзирателей — охранник с автоматом. Над ними надсмотрщик, которому не нужно оружие, так как он может в любую минуту вызвать войска по мобильному телефону. Последних контролируют главные надсмотрщики. У вышестоящих условия жизни лучше, чем у нижестоящих, поэтому каждый боится потерять работу и оказаться пониженным в должности.

— Совершенно верно, коммодор, — подхватил Дежбренд. — Все общество — это иерархия рабов, где каждый заискивает перед вышестоящими и следит за нижестоящими, чтобы вовремя заметить подвох. У нас самих что-то похожее. Любое организованное общество в некотором смысле похоже на общество рабов. Здесь все обусловлено заведенным порядком. Так шло по инерции по крайней мере пять столетий, и, если бы не мы, могло продолжаться еще столько же, пока со временем не износились бы и не остановилось само собой. Кстати, я слышал об этих ракетных станциях — наглядная иллюстрация к тому, что здесь происходит.

— Это разные вещи, — прервал его Эрскилл. — Господа Повелители — потомки космических викингов, а рабы — коренное население. Викинги были технологически продвинутыми людьми и владели наукой и техникой старой Терранской Федерации, а многое разработали сами на Клинковых мирах.

— Ну и? Двести лет назад, когда мы захватили Клинковые миры, там все еще это сохранялось.

— Но рабство всегда вытесняется техникой — это основной закон социальной экономики. Рабство экономически нерационально; оно не может соперничать с мощной индустрией и препятствует развитию кибернетики и роботизации.

Треваньюн очень хотел объяснить молодому Обрею, что в жизни не существует таких понятий, как основные законы социальной экономики, а есть положения, которые в большей или меньшей степени подходят к определенным обстоятельствам. Но он поборол искушение, ведь граф Эрскилл сегодня уже и так был достаточно шокирован.

— В данном случае, Обрей, все сработало с точностью до наоборот. Коемические викинги поработили адитянцев — это была военно-политическая необходимость, — затем превратили в рабов и наконец решили, что кибернетика и роботизация экономически нерациональны.

— И почти сразу же начали назначать надзирателей, специалисты занялись обучением рабов. Потом появились рабы-надсмотрщики, за ними — рабы-руководители, секретари, бухгалтеры, техники и инженеры.

— А кто же обучает их профессии?

— Те же рабы. Рабы-врачи, учителя и так далее. И господ тоже обучают рабы, получившие образование. В судах тоже рабы. Дела слушаются главными рабами судей, которые подчас даже не знают, где находятся залы суда. У каждого господина есть

команда рабов-юристов. В основном на судебных процессах рассматриваются наследственные дела, некоторые из них длиятся веками.

— А чем занимаются господа Повелители? — спросил Шатрек.

— Дела господские, — откликнулся Дежбренд. — Я спускался вниз после полудня и все выяснил. Их жизнь состоит из празднеств, занятий любовью, вражды за социальное первенство. Рабы-артисты развлекают их представлениями. В общем, живут как богатые старые дамы на Одине.

— Вы узнали это от рабов? Как же вы сумели их разговорить, Лэнзи?

Дежбренд и Рэвни весело переглянулись.

— Ну, я отрядил сержанта и шестерых гражданских для сопровождения уважаемого Дежбренда, — ответил Рэвни. — И они... Как вам это удалось, Лэнзи?

— Я задавал рабу вопрос, и если тот отказывался отвечать, его сбивали с ног прикладом, — объяснил Дежбренд. — Но я не применял этот прием больше одного раза в одной группе, да и вообще воспользовался им только трижды. После чего на мои вопросы отвечали быстро и полно. Удивительно, как стремительно разносятся новости по Цитадели.

— Вы хотите сказать, что избивали бедных рабов?! — возмутился Эрскилл.

— Да нет. Избиение — это когда колотят без передышки, а мы лишь наподдали раз, и этого оказалось достаточно.

— Ладно, а как насчет армии? — сменил опасную тему Шатрек. — Рэвни, эти люди в длинных красно-коричневых мундирах — военнослужащие?

— Да. Разумеется, и все рабы, и офицеры тоже. Как нам с ними поступить, сэр? У меня около трех тысяч пленников, мы держим их на казарменном положении и в заключении в Цитадели. Я реквизировал для них продукты, расплатился по счетам. Несколько взводов оказывали нам сопротивление, но большинство сразу побросали оружие и запросили пощады. Те, которых мы взяли первыми, — изолированы, и теперь, с вящего разрешения, я хотел бы поставить их под командование имперских офицеров и сержантов, чтобы те обучили их нашей тактике. В дальнейшем их можно использовать для обучения остальных.

— Займитесь этим, Пьер. У нас только две тысячи человек, а этого недостаточно. Вы думаете, из них можно сделать солдат?

— Полагаю, да, сэр. Они подготовлены, организованы и вооружены для обеспечения общественного порядка и могут нам понадобиться. За все время своего существования эта армия только и делала, что держала в повиновении безоружных рабов. Уверен, что они никогда не вступали в бой с регулярными вой-

сками. Для них разработан комплекс тренировок и имеются площадки, приспособленные для обучения тому, чем они все время занимались. То, с чем они столкнулись сегодня, в корне отличалось от их привычных занятий, поэтому они себя так и повели.

— Случались ли у вас неприятности с местными офицерами? — спросил Шатрек.

— Никаких. Они сотрудничали весьма охотно. Я просто объявил, что теперь они — личная собственность его императорского величества Родрика III. Смена владельца их вполне устраивает. Я уверен, что, если приказать, они откроют огонь по господам Повелителям.

— Вы сказали рабам, что они... принадлежат императору? — Граф Эрскилл был поражен.

Какое-то время он пристально смотрел на Рэвни, затем схватил свой бокал с бренди — в то время уже подавали напитки, — заплом осушил его и, поперхнувшись, закашлялся. Присутствующие внимательно наблюдали за ним.

— Коммодор Шатрек, — наконец сказал он сурово. — Я надеюсь, вы предпримете строгие дисциплинарные меры. Это возмутительно!

— Ничего подобного я не сделаю, — резко возразил Шатрек. — Полковник заслуживает похвалы, он сделал все, что было в его силах в данной ситуации. Как вы поступите, когда здесь отменят рабство, полковник?

— О, просто объявлю, что за примерную службу они получают свободу, а потом найму их на пять лет.

— Это может сработать, но только один раз.

— Я думаю, полковник, что, перед тем как делать подобное заявление, вам придется разоружить их еще раз. Иначе у вас могут возникнуть неприятности.

Рэвни бросил на Треваньюна быстрый взгляд:

— Захотят ли они быть свободными? Вот о чем я думаю.

— Чепуха! — воскликнул Эрскилл. — Вы когда-нибудь слышали о рабах, не мечтающих о свободе?

Свобода — великое благо. Она нужна всем, везде и всегда. Граф Эрскилл точно знал это, потому что свобода была условием его существования.

Внезапно Треваньюон вспомнил о старом коте своей приятельницы, живущей в Париже-на-Бальдре. Этот кот ловил мышей и дарил всем знакомым дамам. Для него, с его кошачьим умом, было непостижимо, что кому-то не в радость красивая, свежая, только что отловленная мышь.

— Плохо, что нам придется освободить лишь некоторых из них, — сказал Шатрек. — И мы не сможем выдать каждому новое ожерелье с надписью «Личная собственность его императорского величества». Нет, думаю, не сможем.

— Коммодор Шатрек, вы шутите!.. — начал Эрскилл.

— Надеюсь, что да, — мрачно ответил Шатрек.

Верхняя посадочная площадка Цитадели показалась на переднем смотровом экране, постепенно заполняя его. Только теперь, когда все приобрело реальные размеры, Треваньон понял, что крохотные точки — это люди, а пятнышки побольше, размером с зернышко, — летательные аппараты.

Обрей, сидящий рядом, молча смотрел на промышленный центр в форме потумесца, похожий на рабское ожерелье на шее Зеггенсбурга.

— Какая теснота! Между зданиями нет никакого просвета! А дыму-то, дыму сколько! Должно быть, они используют допотопное горючее.

— Наверно, очень трудно проводить деление атомного ядра теми средствами, что они имеют.

— Вы были правы вчера. Они умышленно затормозили прогресс, даже регрессировали, вместо того чтобы покончить с рабством.

Торможение прогресса, не говоря уж об умышленном регрессе, Обрей считал немыслимым преступлением. Так же, как и свобода, прогресс был великим благом — всегда и везде.

Полковник Рэвни встретил их после посадки на верхней площадке, заполненной имперскими войсками.

— Зал заседаний расположен тремя уровнями ниже, — сказал он. — Там сейчас почти две тысячи человек, они прибывали все утро. У нас все подготовлено. — Рэвни усмехнулся: — Они говорят, что рабам запрещено входить туда. Может, оно и так, но у них все забито подслушивающей аппаратурой.

— Чем забито? — удивился Шатрек. Эрскиллу тоже хотелось узнать, что полковник имел в виду. Похоже, Рэвни говорил о тех самых штуках на деревянных частях здания.

— Телевовушки, радиоловушки, микрофоны — что бы вы ни назвали — там все есть. Держу пари, что каждый раб в Цитадели узнает обо всем мгновенно.

— И вы предприняли какие-нибудь меры? — поинтересовался Шатрек.

Рэвни отрицательно покачал головой:

— Если они хотят так управлять своим правительством — имеют право. Командир Дуврин разместил там наше оборудование, а оно помошнее будет.

Внизу, на третьей площадке, солдат было еще больше. Они образовали целую процессию в длинном коридоре. Несколько испуганных рабов выглядывали из дверных проемов. Возле больших дверей, украшенных гербом в виде меча, пересекающего по диагонали восьмиконечную звезду, было особенно многолюдно. В символике планет, завоеванных космическими викингами, всегда присутствовали мечи и звезды. Офицер подал знак, двери

стали раздвигаться, и из экрана-громкоговорителя зазвучали фанфары.

Первым, что увидел Треваньон, были помещение, украшенное мозаикой, и проекционный экран далеко впереди. Трубы стихли, гости вошли и увидели господ Повелителей.

Огромной толпой они стояли у противоположной стены. Пьер Рэвни явно приуменьшил их количество. Все они были в черных одеждах, украшенных золотом. Черный и золотой — цвета Империи, подумал Треваньон, и такое совпадение может оказаться весьма полезным.

Странные их одеяния состояли из туник, плотно облегающих тело сверху. Ниже талии они превращались в струящиеся мантии, украшенные по краям фестонами. Рукава были очень широкие, и в каждом из них могли скрываться нож или пистолет довольно внушительных размеров.

Князь был уверен, что такая же мысль посетила и Шатрека. Впрочем, господа Повелители и так были вооружены — длинными прямыми двуручными палашами. Треваньон впервые в жизни видел настоящие мечи не в музее и не в театре.

Неподалеку стояла скамья из золота и оникса, где обычно располагался президиум из семи человек. Перед ней — стулья-троны для руководителей управлений — в Империи подобные должностные лица составляли совет министров. Гости направились к импровизированному возвышению слева. Проекционный экран отслеживал каждое их движение.

На возвышении под балдахином из черного бархата, украшенным изображением солнца и черной шестеренки, находились три трона, предназначенных для Треваньона, Шатрека и Эрскилла. Рядом стояли несколько стульев поменьше, но тоже впечатляющих, для сопровождающих лиц.

Все заняли свои места. Треваньон засунул микрофон в левое ухо и нажал кнопку на ордене Одина — Большой Звезде. Мемофон стал перечислять имена членов президиума и руководителей управлений. «Сколько же рабов трудилось, чтобы пересчитать их всех?» — изумился князь.

— Господа Повелители и джентльмены, — начал он, поприветствовав присутствующих и представившихся. — Я говорю с вами от имени его императорского величества Родрика III. Его величество не может лично побеседовать с вами, но мы привезли с собой запись его обращения к вам.

Он нажал кнопку на подлокотнике своего кресла. Экран посветел, замерцал и настроился. Зазвучали фанфары, и с экрана прогремело:

— Говорит император!

Отсутствие бороды Родрик III компенсировал маленькими усиками. Он сделал суровое, но доброжелательное лицо, как его учили имиджмейкеры Астгарда — лицо номер три, для публичных

выступлений, — и слегка склонил голову, как и положено персоне, носящей семифунтовую корону.

— Мы поздравляем наших подданных на Адитье с вступлением в Империю. Мы слышали о вас много хорошего, а потому счастливы обратиться к вам. Служите нам верой и правдой и процветайте под знаком солнца и шестерни!

Снова зазвучали фанфары, и изображение исчезло.

Не успели Повелители обрести дар речи, как заговорил Треваньон:

— Итак, господа Повелители и джентльмены, вас радушно приняли в Империю его величества. Мне известно, что вашу планету и ее окрестности вот уже пять веков не посещали космические корабли. Предполагаю, что у вас найдется много вопросов относительно Империи. Члены президиума и руководители управлений могут адресовать вопросы непосредственно мне, остальные — любому члену нашей делегации.

Сразу же поднялся Олвир Никколон, хозяин Чала Хоужета. У него были лягушачьи губы, кривой нос и тусклые бегающие глаза.

— Все, что я хочу знать, — зачем вам понадобилась наша планета? Неужели остальная Галактика для вас недостаточно велика?

— Да, господин Никколон. В борьбе за владычество Галактика недостаточно велика. В ней должна существовать единая власть, полная и безраздельная. Когда-то Терранская Федерация обладала ею. Но Федерация потерпела крах и исчезла — вы знаете, что за этим последовало. Тьма и анархия. И теперь мы прокладываем путь из этой темноты к мирной и единой Галактике.

И князь рассказал о крахе Старой Федерации, о межзвездных войнах, о новых варварах и долгом упадке. Поведал, как на нескольких планетах пять тысяч лет тому назад возникла Империя и как она разрасталась.

— Мы не повторим ошибок Терранской Федерации. И не станем принуждать ни одно планетное правительство к реформированию по общему шаблону или навязывать ему способы управления. Мы будем поощрять мирную торговлю и взаимосвязи. Но мы не допустим разрушительной борьбы за господство, которая неизбежно приведет к войне. Любая попытка возобновить такую борьбу с Империей будет безжалостно подавлена. И ни одна планета, населенная разумными существами, не останется вне влияния Империи.

Господа Повелители и джентльмены, позвольте мне кратко ознакомить вас с нашими достижениями за последние триста лет

Треваньон нажал еще одну кнопку. Экран замерцал, и начался фильм, который длился почти два часа.

По ходу киноленты князь давал комментарии и объяснения. На экране одна планета сменяла другую. Мардук, где зародилась Империя. Бальдр, Вишну, Бельфегор. Морглес, откуда прибыли их предки. Аматерасу, Ирминсул, Фафнир и, наконец, Один —

императорская планета. Были показаны процветающие города с аэромобилями, космодромы, где приземлялись и взлетали гигантские шары межзвездных кораблей. Огромные толпы на всенародных праздниках, фермы и промышленность, военные парады, космические базы и флот. Исторические кадры сражений, которые обеспечили могущество Империи.

— Господа Повелители и джентльмены! Все это означает, что вам представилась возможность сделать такой и свою планету. Если вы согласны, то будете и впредь управлять Адитей в составе Империи. Своим отказом вы затрудните осуществление нашей миссии. Нам придется поменять планетное правительство. Это будет утомительно для нас и, возможно, пагубно для вас.

В течение нескольких минут никто не произнес ни слова.

Наконец с места встал Ровард Джавасан, глава правительства, владелец Грегора Чмидда.

— Господа Повелители и джентльмены, мы не можем сопротивляться. Мы не в состоянии устоять даже против той силы, которая находится в их распоряжении здесь. Вчера была сделана попытка, и вы видели, что получилось. А теперь вопрос к вам, князь Треваньон. В каком объеме Совет Повелителей сохранит свою власть в составе Империи?

— Практически в том же. Вам, разумеется, придется признать императора как верховного правителя, и вы станете управляемым субъектом, согласно имперской конституции. Имеются ли у вас колонии на других планетах этой системы?

— У нас были верфь и база на нашей луне, шахты на четвертой планете этой системы, но там почти нет воздуха. Пришлось ограничиться парой городов под куполами. Но обе колонии были покинуты много лет назад.

— Я уверен, что очень скоро они возвратятся к вам. Ваша власть будет простираться до орбиты самой отдаленной планеты этой системы. У вас появятся современные космические корабли, но Империя станет контролировать все сверхновые суда и ядерное вооружение. Ведь вы единственное правительство на этой планете? Значит, никто не станет с вами соперничать.

— Чего же тогда нас лишают? — спросил кто-то из дальнего ряда.

— Я полагаю, вы согласны признать власть его императорского величества? Отлично! Господин Никколон, вы проголосуете для соблюдения приличий? Его императорское величество будет счастлив, если голосование окажется единогласным.

Кто-то настаивал на обсуждении: это означало, что каждому придется произнести речь, всем двум тысячам. Треваньон сказал, что обсуждать здесь нечего, факт свершился и его следует признать.

Потом Никколон произнес речь, отметив, перед каким величайшим моментом в истории Адити правительство стоит. В заключение он сказал:

— Таким образом, свободное волеизъявление господ Повелителей на специальном заседании Совета заключается в единогласном признании суверенной власти императора Галактики. Мы присягаем ему на верность. Кто против? Значит, принято и увековечено.

Потом ему пришлось произнести еще одну речь, чтобы официально проинформировать представителей нового повелителя планеты о данном факте.

Князь Треваньон от имени императора произнес избитые фразы приветствия. Лэнзи Дежбренд достал из черного вельветового футляра корону и возложил ее на голову императорского проконсула на Адитье — Обрея, графа Эрскилла.

Поверенный в делах Эрскилла Шарль Эрнандей подал ему свиток имперской конституции, и граф принялся читать:

— «Раздел первый. Универсальность Империи. Абсолютные полномочия императора. Право преемственности. Император как король планеты Один.

Раздел второй. Право планетных правительств на внутреннее самоуправление... Только одно суверенное правительство на планете или в пределах системы... Контроль над гиперкосмическими кораблями и ядерным вооружением...

...Ни одно правительство не смеет развязывать войны... создавать какие-либо альянсы... устанавливать налоги... регулировать или ограничивать межзвездную торговлю или связи... Каждый человек должен быть в равной степени защищен... — Он дошел до шестой статьи, откашлялся и, повысив голос, продолжал: — *В Империи не должно быть ни рабов, ни рабства. Ни одно разумное существо любой расы не может считаться собственностью другого.*

На целых полминуты в зале заседаний воцарилась тишина. Казалось, будто где-то тикает бомба с неисправным часовым механизмом и никто не знает, когда она взорвется. Наконец она взорвалась. Послышался ужасающий рев. Краем глаза Треваньон увидел, как в приоткрытые двери влетел воздушный джип, ощетинившийся автоматами, и взмыл к потолку. Нечленораздельный рев перешел в рокот, напоминающий стук тропического дивня по крыше лачуги. Олвир Никколон что-то кричал, это было видно по движению его губ, но никто его не слышал.

Треваньон нажал другую кнопку на подлокотнике. Из громкоговорителя прогрохотало, как выстрел:

— ТИШИНА!

В потрясенном безмолвии Треваньон заговорил, как директор школы, неожиданно обнаруживший непорядок в классе.

— Господин Никколон, что все это значит? Вы же председатель президиума. Это так вы поддерживаете порядок? Здесь что, планетный парламент или пивная?

— Вы обманули нас! — обвиняюще воскликнул Никколон. — Вы не сказали нам об этой статье, когда мы голосовали! Почему?! Ведь все наше общество основано на рабстве!

К нему присоединились и другие: «Вам-то все равно, у вас есть роботы!», «Может, вы не знаете, но на нашей планете двадцать миллионов рабов!», «Вы не можете освободить рабов! Это смешно. Раб — это раб», «А кто станет работать? А кому они будут принадлежать? Им же надо кому-то принадлежать!»

— Я хочу знать, — громче всех закричал Ровард Джавасан, — как вы собираетесь их освобождать?!

Есть такое слово из забытого языка доатомной Терры — сикстифор, означающее основной, фундаментальный вопрос. Ровард Джавасан просто задал сикстифор. Конечно, Обрей, про-консул Адити, не понимал, что Джавасан имел в виду. Просто взять да и освободить. Коммодор Шатрек тоже не видел в этом проблемы: освободить, а потом, если нужно, пристрелить две-три тысячи самых неблагонадежных. Но Юрген, князь Треваньон, не изъявил желания отвечать на этот сикстифор.

— Мой дорогой господин Джавасан, это проблемы Совета Повелителей. Это ваши рабы. У нас нет ни намерения, ни права освобождать их. Но позвольте напомнить, что рабство запрещено имперской конституцией. Если вы не отмените его немедленно, Империя начнет вторжение. В фильме вы видели несколько примеров интервенции.

Они видели. Несколько человек взглянули на потолок, будто ожидали, что бомбы посыплются с минуты на минуту. Затем один из них поднялся.

— Мы не знаем, как это сделать. Но сделаем, раз уж таков закон Империи. А вам придется объяснить — как?

— Хорошо. Сначала будет издано постановление, объявляющее рабство вне закона. Установите определенный срок, к которому все рабы должны быть освобождены. Торопиться не нужно. Затем я бы предложил создать структуру, которая отработает детали. И как только вы примете закон об отмене рабства, а это произойдет сегодня после обеда, создайте комитет для консультаций со мной и графом Эрскиллом. Пусть туда войдут человек двенадцать. Соберемся, допустим, на «Императрице Эвлалии» в шесть часов. К этому времени мы подготовим транспортные средства. И позвольте заметить, надеюсь, что в последний раз: мы обсуждаем проблемы без посредников. Мы больше не хотим иметь дело с рабами... виноват, полноправными гражданами, прибывающими на борт, чтобы говорить за вас, как это случилось вчера.

Обрей, граф Эрскилл, был недоволен, что отмену рабства доверили господам Повелителям. О чём и сказал во время ленча. Князь Треваньон был склонен согласиться. Он сомневался в

способности Повелителей даже мышеловку исправить без посторонней помощи.

Линейный коммодор Вэнн Шатрек тоже волновался. Его интересовали сроки, в которые Пьер Рэвни сумеет переподготовить солдат-рабов, а также контрагравитационная техника для перемещения их из одной горячей точки в другую.

Эрскилл предчувствовал сопротивление Повелителей. Однажды ему уже пришлось санкционировать применение силы. Безусловно, сила — великое зло, но на то и благие помыслы, чтобы все оправдать.

Комитет, избранный Советом, прибыл к обеду. Члены его были настроены достаточно холодно и враждебно, что вполне естественно в сложившихся обстоятельствах. Чтобы растопить лед, во время обеда князь Треваньон пустил в ход все свое обаяние. Когда перешли в зал, где планировалось вести переговоры, экс-Повелители почти отаяли.

— Мы приняли постановление об отмене рабства, — доложил Олвир Никколон, председатель комитета. — Все рабы должны быть освобождены до праздника в честь середины года.

— А когда это будет?

В адитянском году, насколько он знал, триста пятьдесят восемь дней. Даже если праздник недавно прошел, Повелители отвели себе слишком мало времени.

— Через сто пятьдесят дней, — ответил Никколон.

— Боже мой!.. — возмущенно начал Эрскилл.

— Вот что я вам скажу. — Треваньон решил предупредить возможные выпады проконсула по этому поводу. — Вы оставили себе слишком мало времени. Сто пятьдесят дней пройдут быстро, а у вас двадцать миллионов рабов. Если вы начнете прямо сейчас и не прерветесь ни на минуту, то сможете уделить каждому рабу меньше секунды.

Господа Повелители разволновались. Граф Эрскилл был этому рад.

— Полагаю, у вас существует какая-то система регистрации рабов? — продолжал Треваньон.

Бот оно, спасение. На планете имелась бюрократия. И бюрократические учреждения регистрировали практически все.

— Ну конечно, — заверил его Ровард Джавасан. — Ведь это по твоей части, Цезарь?

— Да, у нас есть полные данные обо всех рабах на этой планете, — подтвердил Цезарь Мэртвин, руководитель управления по делам рабов. — Разумеется, мне придется узнать у Жоржа о деталях. — Жорж Кажик был рабом-распорядителем Мэртвина. — Он был моим главным рабом. Но ваши люди забрали его у меня. Не знаю, что мне без него делать. Кстати, так же, как не знаю, чем будет заниматься мой бедный Жорж.

— Вы уже проинформировали своих рабов-распорядителей, что они свободны?

Никколон и Джавасан переглянулись. Цезарь Мэртвин усмехнулся.

— Они в курсе, — ответил Джавасан. — И, надо сказать, очень взволнованы.

— Успокойте их, как только вернетесь в Цитадель. Объясните, что, хоть они и свободны, совершенно необязательно уходить от вас, пока они сами этого не захотят. Что вы будете заботиться о них по-прежнему.

— Значит ли это, что мы можем оставить наших рабов-распорядителей при себе? — воскликнул кто-то.

— Да, конечно. Свободных распорядителей — так вы теперь должны их называть. Вам придется платить им жалованье.

— То есть давать им деньги? — недоверчиво переспросил Ренал Валдри, глава военной полиции. — Платить деньги нашим собственным рабам?

— Ты идиот, — сказал кто-то. — Они нам больше не рабы. Это главная тема переговоров.

— Но... как же платить рабам? — спросил один из комитетчиков. — Я хотел сказать — свободным гражданам.

— Деньгами. У вас есть деньги?

— Конечно, есть. Вы что, нас за дикарей принимаете?

— Какие именно деньги?

Ах вот он что имел в виду. Денежной единицей был стеллар. Когда Треваньон попросил показать их, прибывшие возмутились. Ни один член Совета Повелителей не носил с собой денег. Повелитель никогда даже не прикасается к этой дряни, это занятие для рабов. Князь попытался выяснить, как осуществлялась охрана денежных средств, но его не понимали, а когда попробовал объяснить — непонимание усиливалось. Похоже, Совет Повелителей выделял деньги на финансирование, потом каждый Повелитель переводил их на свои личные счета, которыми распоряжался правительственный банк.

— Это в ведении Федрига Дэфисана, но его здесь нет, — сказал Ровард Джавасан. — А я не могу объяснить.

Скорее всего без своего раба-распорядителя Федриг Дэфисан тоже не сумеет ничего объяснить.

— Хорошо, джентльмены, я понял. У вас есть деньги. Прежде всего вы должны составить полный список рабовладельцев и их рабов. Списки нужно отослать на Один в качестве основания для выплаты компенсации за нарушение права собственности на рабов. Какова примерная стоимость раба?

Никто не знал. Рабов никогда не продавали. Не было и управления по продаже рабов. О таком даже не слышали.

— Ну хорошо. О стоимости договоримся. Как только вы вернетесь в Цитадель, сразу же побеседуйте со своими рабами-распорядителями и их подчиненными. Объясните им ситуацию. А для передачи сообщения рабочим задействуйте свободных администраторов. Вы должны понять очевидное на всех уровнях:

до тех пор пока свободные люди остаются на рабочих местах, их труд оплачивается, но как только они прекращают службу — не получают ничего. Вы сумеете это объяснить?

— Значит, мы должны отдать им все, что имеем, а потом платить им деньги?! — Рэнал Валдри почти рыдал.

— Нет, ну что вы! Будете платить им фиксированную зарплату. Оцените все, что отдали им, и вычтите эту сумму из зарплаты. Это предполагает серьезную бухгалтерию, но, с другой стороны, при таком варианте все останется, как прежде.

Господа начали расслабляться, к концу беседы все улыбались с облегчением.

Граф Эрскилл, наоборот, буквально корчился на своем стуле. Блестящему молодому проконсулу с либеральной ориентацией казалось отвратительным сидеть, закрыв рот, пока циничный старый правительственный секретарь, один из самых самодовольных в имперском истеблишменте, дальний родственник императорского ботинка, продает незадорого священную свободу миллионов людей.

— Но будет ли это законно в рамках имперской конституции? — поинтересовался Олвир Никколон.

— Будь это иначе, я бы не предлагал. Конституция запрещает только физическое право собственности одного разума на другой. В широком смысле — не гарантирует никому незаработанных средств к существованию.

После заседания комитетчики вернулись в Зеггенсбург, чтобы начать подготовку популяции рабов к процедуре обретения свободы. Рабы-распорядители должны были об этом позаботиться. Как видно, у каждого из них имелся список других рабов-распорядителей, и сообщения распространялись по системе «от одного — к другому, от пятого — к десятому». Публичное заявление можно было отсрочить до тех пор, пока новость не достигнет верхушки рабской иерархической лестницы. Встреча с рабами-распорядителями была назначена на вторую половину завтрашнего дня.

Граф Эрскилл держался с вымученной любезностью, пока за отлетающими комитетчиками не закрылся люк. Как только они скрылись, он увлек князя Треваньона в сторону от подчиненных.

— Вы понимаете, что делаете? — зашипел он хриплым голосом. — Вы просто заменили рабство батрачеством!

— Я должен был с чего-то начать. — Собеседники вошли в небольшой лифт и стали подниматься в жилой сектор. — Повелители признали в принципе, что человек не может быть собственностью. Это значительное достижение для одного дня.

— Но рабы останутся рабами, и вы это знаете. Повелители будут опутывать их долгами и обходиться с ними как с животными.

— Злоупотреблений не избежать, это надо иметь в виду. Бывшее управление по делам рабов, а ныне управление по раскреп-

пощению должно следить за этим. Лучше взять за правило говорить со свободным распорядителем Мэртвина, как, бишь, его?.. А, вспомнил, Жорж Кажик, точно. Вот Жорж этим и займется. Пусть использует практику кодирования, бюро расследований, давление. А если не справится — не наша вина. Империя не может обеспечить каждую планету честным, интеллигентным и дееспособным правительством.

— Но...

— Процесс может растянуться на два-три поколения. Сначала бывших рабов будут эксплуатировать, как и раньше. Но со временем они начнут протестовать, устраивать беспорядки, и ситуация начнет меняться к лучшему. Обществу нужна эволюция, Обрей. Позвольте этим людям заработать свою свободу, тогда они будут ее ценить.

— Они могут быть свободными уже сейчас.

— То есть нынешнее поколение? Что, по-вашему, для них свобода? «Мы не станем больше работать». Побросают инструменты — и пропади все пропадом. «Мы можем делать все, что захотим». Давайте перебьем всех надзирателей. «Все, что принадлежало Повелителям, — наше. Мы теперь сами Повелители!». Нет, я думаю, что на данный момент лучше всего представить дела со свободой как игры Повелителей, и оставить все как есть. Это, кроме всего прочего, сохранит его императорскому величеству значительную часть боеприпасов.

Треваньон отправил Эрскилла в его апартаменты, лифт — вниз, а сам пошел к себе.

Его ожидал Лэнзи Дежбренд.

— Рэвни себе места не находит. Он так выразился, — сказал Дежбренд. На языке Рэвни «не находить себе места» означало, что ему охота пострелять. — Новости об освобождении витают повсюду. Несколько подразделений на севере, из тех, что не были разоружены, даже устроили мятеж. А кое-где восстали рабы.

— Они думают, что Повелители от них откажутся и каждый раб будет сам себе хозяин. Мы не рассчитывали, что это начнется так быстро. Заявление лучше сделать побыстрее, как можно раньше. Я думаю, что у нас есть повод для беспокойства. У вас есть информационные подходы к службе графа Эрскилла? Используйте их максимально.

— Вы полагаете, он попытается саботировать выполнение вашей программы, сэр?

— Вряд ли. Он боится, что я сам занялся саботажем. Эрскилл не желает ждать три поколения, он хочет дать им свободу сразу. Но все сразу может быть у шестимесячного, шестилетнего ребенка. А для реформы необходимо время.

Предварительное сообщение было сделано в подень следующего дня. Языком, доступным даже слабоумным, было разъяс-

нено, что рабов отныне называют свободными, они могут иметь деньги, как и господа Повелители, — но только в том случае, если они работали честно и повиновались приказам. Рэвни вертелся среди военных, пресекая единичные вспышки неповиновения то там, то здесь. Выслушав сообщение, многие несколько поуспокоились.

Тем временем специалисты из команды Дуврина обнаружили, что единственным источником радиоактивного сырья на планете является комплекс урановых рудников, состоящий из заводов, очистителей и рудников. Комплекс находился на меньшем из двух континентов Адитъя — Астрагонии. Узнав, что кто-то посторонний лезет в его ресурсы, Рэвни взбесился и высадил в Астрагонии группу захвата, а часть инженеров с «Императрицы Эвлалии» последовала за ними, чтобы произвести проверку.

К полудню граф Эрскилл уже не был столь категоричен в вопросе о заработной плате. Советники объяснили ему, что может случиться, если рабочие вдруг прекратят работу и волна восставших выльется на улицы еще до того, как публичное заявление поставит их в тупик. Еще его занимали поиски подходящего здания для дворца проконсула — дела Империи на Адитъе нельзя долго вештить с борта корабля.

Спустившись в Цитадель, имперцы обнаружили свободных распорядителей уже недействующего управления по делам распорядителей в большой комнате на пятом нижнем уровне. Посреди помещения стояли большие столы с видеозранами и телефонами, вокруг — столики поменьше, за которыми сидели свободные в разноцветных платьях. Расположившиеся за центральными столами были в белом.

Треваньон, Эрскилл, Патрик Морвилл и Лэнзи Дежбренд уселись в центре, остальных — офицеров Рэвни и многочисленный штат советников и специалистов Эрскилла — разместили рядом с коллегами из Совета Повелителей. Адитянская сторона выглядела растерянной — этакие странные гермафродиты, не рабы, не господа.

— Итак, джентльмены, — приступил к делу граф Эрскилл, — я полагаю, что вы проинформированы вашими прежними Повелителями, как в будущем станут складываться ваши отношения.

— О да, господин проконсул! — радостно воскликнул Грегор Чмидд. — Все останется как прежде, только господ Повелителей переименуют в господ Предпринимателей, рабов — в свободных, и как только они захотят умереть от голода, то могут покинуть своих Предпринимателей.

Граф Эрскилл нахмурился. Это было совсем не то, чем, как он надеялся, должно было стать освобождение для этих людей.

— Только вот в том, что касается денег, никто ничего не может понять, — сказал Жорж Кажик, распорядитель Цезаря Мэр-

твина. — Мой господин Повелитель... — он хлопнул себя по губам, — Предприниматель! — И повторил это слово скороговоркой пять раз подряд. — Так вот, мой господин Предприниматель пытался объяснить мне, но я думаю, что он сам толком ничего не понял.

— Никто из них не понимает. — Говорящий был маленьким человечком с тусклыми глазами и ртом, похожим на мышеловку. Якоп Жаннар, свободный распорядитель Рэнала Валдри, шефа военной полиции.

— Это ваша идея, — обратился Эрскилл к князю Треваньюну. — Может, вы и объясните?

— О, это очень просто. Видите ли...

Когда он начал говорить, все выглядело простым. Мол, труд — это товар, который рабочие продают, а Предприниматели покупают. Каждому по труду — это знают все, кроме вас, на Адитье. Здесь раб трудится, потому что он раб, а Повелитель обеспечивает его, потому что он Повелитель. И все, что тут ни делалось, зиждилось на этом. А теперь, как вы знаете, нет ни рабов, ни повелителей. И когда рабы... виноват, свободные, хотя есть, они должны работать, чтобы купить себе пищу, а если Предприниматель пожелает, чтобы та или иная работа была сделана, он должен платить.

— Тогда что за возня вокруг денег? — осведомился пожилой свободный распорядитель Михаил Эчхафар, чей господин Предприниматель Орас Бортал был управляющим общественными работами. — До прихода ваших кораблей рабы служили Повелителям, те заботились о рабах, и все были довольны. Почему нельзя так и продолжать?

— Потому что император Галактики, который является господином Повелителем для наших гостей, приказал, чтобы у нас больше не было рабов, — вмешался Чал Хоужет. — Не спрашивай меня почему, я этого тоже не знаю. Но они здесь, с кораблями, ружьями и солдатами — что мы можем поделать?

— Приблизительно так, — согласился Треваньон. — Но есть одна вещь, которую вам следует обдумать. Раб получает только то, что ему дает Повелитель. А свободный рабочий может тратить деньги на что захочет, а может копить и, если решит, что у кого-то сможет заработать больше, волен уйти от своего Предпринимателя и получить лучшую работу.

— Мы об этом не подумали, — сказал Грегор Чмидд. — Рабу, даже распорядителю, не полагалось иметь денег, и даже если он доставал их, то не мог потратить. А теперь... — Перед ним открывались заманчивые перспективы. Он сможет копить деньги! — Я не думаю, что рабочие смогут объединиться, но верхушка, особенно рабы-распорядители... — Он хлопнул себя по губам: — Свободные, свободные, свободные!

— Да, Грегор, — подал голос Ридгерд Чфертс (Федриг Дэф-фисан, финансовое управление), — я уверен, что мы все могли бы делать хорошие деньги, раз уж мы теперь свободны.

Многие были несколько озабочены, но ситуация понемногу прояснялась. Граф Эрскилл выглядел несчастным. Он подозревал, что напрасно надеялся, будто они и думать о деньгах не станут.

— А что будет с бывшими Повелителями? — поинтересовался кто-то. — Нам-то станут платить наши господа Пове... Предприниматели. Но всех владельцев земельных мантий содержал Совет Повелителей. А кто им будет платить?

— Государство, разумеется, — заявил Ридгерд Чфертс. — Мое управление... то есть управление моего господина Предпринимателя, полагаю, выделит для этого средства.

— Вам понадобятся новые печатные станки. И жуткое количество бумаги, — заметил Лэнзи Дежбренд.

— Планете нужна валюта, пригодная для межзвездной торговли, — заявил Эрскилл.

Все недоуменно посмотрели на него. Эрскилл сменил тему:

— Мистер Чмидд, могли бы вы или мистер Хоужет пояснить мне, какая конституция провозглашена на Адитье?

— Вы имеете в виду нечто вроде той бумаги, которую вы зачитывали на заседании? — спросил Хоужет. — Ой, ничего такого нет. Господа Повелители просто руководят, и все.

Нет, они господствуют. Это древнее рабское *tammaniāl** имеет в терранском языке другой смысл, вряд ли «руководить».

— Ну хорошо, какова структура вашего руководства? — упорствовал Эрскилл. — Как господин Никколон стал председателем президиума, а господин Джавасан — главой правительства?

Это очень просто. Совет, состоящий из старейшин всех семей Повелителей, — в действительности небольшой клан, около двадцати пяти сотен человек. Они избирают семь членов президиума, которые тянут жребий, чтобы выбрать председателя. Это должность пожизненная. Вакансии занимают оставшиеся претенденты. Президиум назначает руководителей управлений, тоже пожизненно.

По крайней мере — стабильно. Для самосохранения.

— Занимается ли Совет законотворчеством? — поинтересовался Эрскилл.

Хоужет растерялся:

— Законотворчеством, сэр? Да нет. У нас уже есть законы.

В Империи имелись планеты, где существовало аналогичное положение дел. А были и парламенты, каждый член которого считал своим долгом внедрить столько законов, сколько сможет.

— Но это ужасно, у вас должна быть конституция, — возмутился Эрскилл. — Мы должны ее составить и принять.

* *Tammaniāl* (англ.) — система подкупов в политической жизни.

— Мы ничего про это не знаем, — признался Грегор Чмидд. — Это что-то новое. Вы должны нам помочь.

— Конечно, я помогу вам, мистер Чмидд. Думаю, в комитет войдете вы, мистер Хоужет и еще три-четыре человека. Выберите кого-нибудь из своих. Мы соберемся и все обговорим. И еще одно. Пора менять название формы государственного правления. Раньше у вас имело место, если можно так выразиться, «повелительство». Но Повелителей больше нет.

— «Предпринимательство»? — бесстрастно предложил Лэнзи Дежбренд.

Эрскилл глянул на него с раздражением:

— Название не может относиться только к Предпринимателям. Оно должно быть общим для всех. Давайте назовем государство всенародным! Что означает нечто общее для всех.

— То, что принадлежит всем, не принадлежит никому, — заметил Михаил Эчхафар.

— О, Михаил, нет! — горячо возразил Грегор Чмидд. — Оно может принадлежать всем. Но кто-то должен будет об этом по-заботиться ради каждого. И это будем я, ты и остальные здесь присутствующие, — добавил он самодовольно.

— Я верю, что свобода — замечательная вещь. Для нас, — улыбнулся Якоп Жаннар.

— Мне это не нравится, — упрямился Михаил Эчхафар. — Слишком много нового, столько переименований! Мы должны называть рабов свободными, Повелителей — Предпринимателями, управление по делам рабов — управлением по раскрепощению. А теперь еще всенародное государство! И все это новшества, для которых не разработаны ни методика проведения, ни директивы! Мне бы очень хотелось, чтобы эти люди никогда не слышали о нашей планете!

— Этого желали бы по меньшей мере двое из нас, — пробормотал себе под нос Патрик Морвилл.

— Конституция планеты немного подождет, — подытожил князь Треваньон. — У нас на очереди слишком много вопросов, которые нужно решить немедленно. Поиски дворца для проконсула и его штата, например.

Неожиданными оказались итоги переговоров экспертов Эрскилла с их коллегами из числа бывших рабов. Эти итоги вырисовались во время предобеденного коктейля на «Императрице Эвлалии», укрепились во время обеда и окончательно оформились после затянувшегося заседания.

При поисках здания, подходящего для дворца проконсульства, возникли трудности. Недвижимость, как и рабов, на Адитье не продавали. Это шло вразрез с интересами Повелителей и считалось незаконным. Все сооружения числились за членами семейных кланов и являлись их собственностью. Единственным возможным вариантом могла стать одна из жилых башен в

Зепгенсбурге, удаленная от центра на такое расстояние, чтобы держать Цитадель под строгим контролем. О размещении проконсульства в самой Цитадели не могло быть и речи. Управление делами правительства тем не менее обещало что-нибудь предпринять. То есть имелось в виду, что «Императрице Эвлалии» суждено зависнуть над Зепгенсбургом, изображая проконсультский дворец, на годик-другой.

Управление по делам рабов, переименованное в управление по раскрепощению, взяло на себя заботу о правах новоосвобожденных. Нужно было составить кодекс Предпринимателей — граф Эрскилл настаивал на этом, — создать следственные органы, карательную службу под руководством Жоржа Кажика.

Из ядерно-промышленного района Астрагонии прибыл один из подчиненных командира Дуврина.

— Дьявол! Ну и mestечко! Люди трудятся там, куда нельзя послать незащищенным даже робота. Больницы переполнены облученными. Оборудование не меняли, должно быть, еще со времен космических викингов. Это самая допотопная машина из всех, что я видел. Все должно быть закрыто и перестроено.

Эрскиллу, решившему выяснить, кому принадлежит комплекс, ответили — государству.

— Это правда, — подтвердил один из его экономистов. — Управлению общественных работ. — Должно быть, Михаилу Эчхафару, который так упорно возражал против новой номенклатуры. — Если кому-то требуется сырье для ядерных реакторов или иные радиоактивные вещества, нужно только попросить.

— Прибыль от работы идет в доход государства?

— Ниффльхейм, нет! Это правительство не нуждается в доходах. Оно обеспечивает себя суррогатом. Когда Совету Повелителей нужны деньги, Ридгерд Чфертс печатает новую порцию.

— Но тогда деньги просто ничего не значат! — Эрскилл был в шоке, что уже становилось его нормальным состоянием.

— Вы беспокоитесь о деньгах, Обрей, — сказал Треваньон. — Разве вы не слышали, что говорилось вчера вечером? Не дело Повелителей тревожиться о таких вещах. Конечно, все должны друг другу, но это дела внутрисемейные.

— Но что-то с этим нужно делать! — повторил Эрскилл уже в десятый раз за нынешний вечер.

На следующий день от Грегора Чмидда неожиданно пришло сообщение, что здание для проконсульства найдено и в него можно вселиться хоть сегодня.

Дворец нашел свободный распорядитель из управления делами правительства, бывший раб шефа управления юстиции. Во дворце Элегри никто не жил, кроме небольшого штата смотрителей на время, пока два клана Повелителей отстаивали свое право на наследство, а рабы-адвокаты до суда занимались бесконечной софистикой. Распорядитель шефа управления юстиции просто вызвал всех, кто вел дело, и приказал уладить ситу-

ацию немедленно. Улаживание выразилось в выплате обеими сторонами полной стоимости здания. Что составило пятьдесят миллионов стелларов с каждого. Стоимость одного стеллара произвольно соотнесли с имперской кроной как сто к одному. За миллион крон можно было купить дворец на Одине. Стоимость дворца Элегри следовало оплатить чеками императорского казначейства.

— Ну, теперь на этой планете имеется своя валюта, — сказал Треваньон графу Эрскиллу во время послеобеденного коктейля. — Надеюсь, ее не коснется инфляция, если она будет введена своевременно.

— Да! И мы сможем тратить эти деньги на необходимое. А когда начнем компенсационные выплаты... О, извините. — Эрскилл энергично прищелкнул пальцами, и коктейль выплеснулся из бокала.

Граф удалился и через некоторое время вернулся с новой порцией напитка, налитой роботом-барменом.

— Это дело серьезное, — сказал Эрскилл. — Мои финансисты сотрудничают с Ридгердом Чертсом. Наследники Элегри будут платить в адитянских стелларах, а имперские кроны попадут в банк Адити. Или лучше положить их в банк в Астгарде, чтобы получить для Адити межпланетные кредиты. Так же мы поступим и с другими средствами и компенсациями за рабов. Это будет замечательно. Адитье так много нужно на пути индустриального развития!

— Но, Обрей, компенсация — личная собственность Повелителей. Ее будут выплачивать в кронах. Вы понимаете не хуже меня, что курс сто к одному — местная выдумка. В межзвездном валютном обмене курс этих стелларов по отношению к кроне составит ноль целых ноль десятых.

— Вы знаете, что может случиться, если бывшие Повелители завладеют кронами? Они их просто промотают, потратят на бесполезную импортную роскошь. А планета нуждается в комплексной модернизации, и это единственная возможность получить деньги для ее осуществления. — Эрскилл возбужденно жестикулировал с почти полным стаканом в руках. Князь Треваньон предусмотрительно отодвинулся. — У меня нет ни малейших симпатий к бывшим Повелителям. Они владеют каждой палкой, каждым камнем, каждой щепоткой пыли на этой планете! Это честно?

— Наверное, нет. Но то, что вы предлагаете, ничего не изменит.

Обрей, граф Эрскилл, этого не замечал. Он защищал величайшее благо для подавляющего большинства, и Ниффльхейм побери тех немногих, кто стоял у него на пути.

Имперский флот вступил во владение дворцом Элегри на утро следующего дня, поднял флаг с солнцем и шестеренкой, и на

«Императрицу Эвлалию» стали транслировать картинки его интерьера. Он был значительно меньше императорского дворца в Асгарде на Одине. Но от комнаты к комнате обстановка становилась все более изысканной и дорогой. К обеду следующего дня контрразведка доложила, что жилые помещения очищены от многочисленных радиоловушек, микрофонов и других аппаратов «длинноносых рабов». С базы на северной части континента был вызван «Канопус», чтобы доставить обстановку для проконсульства, в том числе множество различных бытовых роботов. Штат смотрителей, о котором упоминал Чмидл, составил пятьсот человек.

— И что мы будем с ними делать? — поинтересовался Эрскилл. — Существует определенный лимит на оплату обслуживающего персонала, мы не можем содержать пятьсот лишних слуг. Распорядитель, дюжина помощников, несколько операторов для роботов, когда мы их обучим, но пятьсот человек...

— Пусть Жорж этим займется, — предложил Треваньон. — Управление по раскрепощению для того и создано, чтобы находить занятие для освобожденных рабов? Просто увольте их и отправьте к Кажику.

Кажик быстро внес имена освобожденных в платежную ведомость своего управления. Он был занят сверх меры. В его ведении находились лучшие специалисты-математики, некоторые из них даже умели пользоваться логарифмической линейкой, но, как констатировали эксперты Эрскилла, ни один из них не мог подать дальновидной идеи. Кажик организовал также следственную службу и начал присоединять к ней частные охранные подразделения экс-Повелителей, преобразовывая их в силы полиции.

Работы в Астрагонии были остановлены. Михаилу Эчхафару выдали программу нормирования и очередности консервирования запасов плутония и ядерных изотопов. Он решил, что впредь ядерное сырье надо продавать, а не снабжать им бесплатно. Он просто узнал рыночную цену на Одине, перевел ее в стеллары и принял за основу. Это была базовая стоимость. Дополнительно цена могла включать взятки за очередьность, комиссионные подчиненным и подкуп свободных распорядителей экс-Повелителей, приобретающих материалы. Последние могли не беспокоиться, так как никто из них об этом и не знал.

Заседание Совета было отложено до очередного праздника в честь середины года, продолжающегося восемь суток; оставшиеся триста пятьдесят составляли десять месяцев по тридцать пять дней. Граф Эрскилл был рад отсрочке. Он работал над конституцией Всенародного государства Адитя и очень мало преуспел.

— Это одна из самых продуманных, взвешенных и сбалансированных конституций, — докладывал Лэнзи Дежбренд. — Начнем с того, что за основу взята конституция Атона с заменой монархического права наследования на систему президентских

выборов. Разумеется, в ней много пустых фраз, внесенных радикальными демократами Атона. Ни Чмидду, ни Хоужету, ни другим рабам-распорядителям она не нравится.

— Хлопните себя по губам и пять раз повторите: «свободные граждане»!

— Чудак-человек! — возразил Лэнзи Треваньюн, игнорируя субординацию. — Когда я вижу раба, я знаю, что это раб. Раб остается рабом, есть у него ожерелье или нет. Пусть он не носит его на шее, в душе он раб. Нужно не меньше трех поколений, чтобы стереть эту отметину.

— Я чувствую, что граф Эрскилл... — начал Треваньюн, — чем еще занимается наш проконсул?

— Боюсь, он пытается разработать схему для комплексной национализации сельского хозяйства, фабрик, транспортной системы — в общем, всей системы производства и распределения.

— Пусть он не пытается делать это самостоятельно, вы поняли?! — Треваньюн заметил резкость своих слов и сменил тон. — Он не должен делать этого, пользуясь авторитетом Империи и силой десантников. Во всяком случае, пока я здесь. А когда мы вернемся на Один, я думаю, Вэнн Шатрек нас поддержит.

— Верно, Всенародное государство должны создавать сами адитьянцы. Чмидд, Хоужет, Жаннар — все этого хотят. Эрскилл стремится действовать законно и легально. Значит, ему придется ждать праздника в честь середины года, когда состоится заседание Совета и сможет утвердить конституцию. К тому времени он ее напишет.

Вэнн Шатрек выслал пару истребителей, чтобы исследовать спутники Адити. Их было два. Внешний, Адитя-Ба', представлял собой глыбу горной породы замысловатой формы, миль пятьдесят в диаметре. Он был едва заметен невооруженным взглядом. Внутренний, Адитя-Алиф, имел почти восемьсот миль в диаметре. Когда-то здесь находились база и судоверфь. Спутник был заброшен, когда под гнетом системы рабовладения на Адитье угасла экономика. Основные сооружения сохранились. Выглядели они скверно, но подлежали ремонту. Шатрек отправил всех специалистов «Мицара», кого только смог освободить, ремонтировать судоверфь и раскапывать подземный город, чтобы сателлит можно было опять использовать как базу для кораблей. Он решил, что отправит «Ирму» на Один с докладом об аннексии Адити, предложением использовать Адитю-Алиф в качестве постоянной имперской военной базы и просьбой о дополнительных силах десантников.

Князь Треваньюн передал собственное сообщение. Описывая ситуацию на только что занятой планете, он не делал ничего, чтобы скрасить проблемы, стоящие перед проконсулом.

«Граф Эрскилл, — закончил он, — делает все возможное в обстоятельствах, от которых я намеренно уклоняюсь. Полагаю,

юношеский идеализм весьма ценен в искусстве управления, если только он не приведет к эксцессам.

Мне известно, что коммодор Шатрек, которому тоже приходится разрешать весьма сложные проблемы, просит прислать дополнительные силы десантников. Считаю эту просьбу достаточно обоснованной и рекомендую выслать их поскорей. Я знаком также с его рекомендацией о создании постоянной военной базы на одном из спутников этой планеты и безоговорочно поддерживаю данный проект. Наиболее благотворно это повлияет на местное правительство. В дальнейшем я бы рекомендовал коммодора Шатрека на пост главнокомандующего Адиты с соответствующими полномочиями. Он давно это заслужил».

Эрскилл был удивлен, что Треваньон не вернулся на Один на истребителе, и откровенно волновался. О чём и сказал во время предобеденного коктейля.

— Я знаю, моя работа здесь закончилась в тот момент, когда Совет проголосовал за признание руководящей роли Империи, — ответил Треваньон. — Тем не менее решил остаться до праздника. На заседании Совет проголосует за вашу конституцию, и я буду рад возможности сообщить об этом премьер-министру. Кстати, как она продвигается?

— Пока только грубые наброски. Я не слишком беспокоюсь о ней, главные энтузиасты — граждане Хоужет, Чмидд, Жаннар и другие, ведь, кроме всего прочего, им по ней жить. Сословие Повелителей будет представлено в общем порядке. Свободные граждане будут избирать представителей в региональные избирательные органы, те, в свою очередь, — в центральные. Центральный Совет изберет верховные законодательные органы. В их функции войдет не только законотворчество, но и избрание председателя верховного Совета, который назначит руководителей управлений, а те выберут себе подчиненных.

Мне это не нравится. Недостаточно демократично. Голосование должно быть прямым. Но что делать, — недовольно добавил он, — им нужно время, чтобы научиться демократии. — Граф впервые высказал и признал этот факт. — Это будет конституционный орган с полномочиями на пять лет, потом они составят новую конституцию.

— А как с Советом Повелителей? Не думаете же вы, что они проголосуют за то, чтобы их выбросили за борт?

— В этой конституции мы защищаем Совет Повелителей, но он уже не имеет большой силы. Через пять лет мы избавимся от него окончательно. Вы ведь не собираетесь этому противодействовать? Не посоветуете бывшим Повелителям голосовать против, когда придет время?

— Конечно, нет. Я думаю, что ваша конституция — то есть Чмидда и Хоужета — строго говоря, политическое бедствие. Но она обеспечит некоторую стабильность. А это единственное, что имеет значение с имперской точки зрения. Государственный де-

ятель Империи должен всегда остерегаться проявления симпатий к местным фракциям и интересам. И мне кажется, нет планеты, на которой я был бы более защищен от подобных искушений. Если господа Повелители хотят голосовать за то, чтобы им перезали глотки, — мое им полное на то благословение!

Если бы он желал закончить все это театральным жестом, ему следовало бы послать за водой и умыть руки. Образно говоря, он так и сделал. Впоследствии князь наблюдал за адитянскими событиями как зритель за надоедливым и глупым шоу — раз уж не на что больше смотреть. И мечтал о возможности вернуться на Один.

Премьер-министр между тем имел право на полный и беспристрастный доклад графа Эрскила с этого нового сокровища в короне Империи. А потому он должен оставаться здесь до праздника, когда Совет Повелителей утвердит новую конституцию. Примут конституцию или отклонят — само по себе неважно. В любом случае Адитя будет иметь правительство, признанное таковым в Империи. Кроме того, Адитя не должна беспокоить ни одну из планет. Да и не сможет, достаточно долго, даже если свернуть аннексию. Но ни на одной планете, населенной разумными терранами, нельзя рассчитывать на стремление к миролюбию и единенности.

В каждом терранине тлеет агрессивный огонек амбициозности, сколь бы унижен он ни был. Этот огонек может не угасать веками и тысячелетиями, но однажды вспыхивает от дуновения ветра ярким пламенем. Выражаясь несколько метафорично, Империя не могла позволить себе оставить без наблюдения котлы, готовые выкипеть в любой момент.

Каждый раз, когда Эрскилл заводил разговор о перебранках и соперничестве свободных распорядителей, Треваньон предсторегал его от опасности физических и эмоциональных перегрузок.

Гражданин Кажик и гражданин Эчхафар — все называли теперь друг друга гражданами — делили частично пересекающиеся сферы полномочий. Кажик хотел переименовать свое управление — он не обременял себя более воспоминаниями о Цезаре Мэртвине — в управление труда и индустрии. Михаил Эчхафар горячо возражал. Индустрия — сфера управления общественных работ. И тоже не упоминал Ораса Бортала. И они смертельно враждовали по поводу автоматического и телеуправляемого оборудования, привезенного «Императрицей Эвлалией» в Астрагонию для ядерно-энергетических разработок.

Кажик был в контрах и с Якопом Жаннаром, который величал себя начальником военной полиции. Под видом внедрения нового кодекса предпринимателей Кажик прибрал к рукам всю частную военизированную охрану ферм и заводов Повелителей, сформировав из нее так называемую народную полицию. Жаннار настаивал, что охранники должны пребывать под началом

его управления. Когда Чмидд и Хоужет поддержали Кажика, Жаннар начал требовать возвращения под его контроль регулярной армии. Коммодор Шатрек был более чем рад, когда избавился от адитянской армии, так же, как и Пьер Рэвни, который непосредственно командовал ею. Солдатам-адитянцам было все равно — тот ли, другой ли. И Жаннар был хорош, и Чмидд, и Хоужет. И даже, как ни странно, Кажик.

В те же дни военное положение, провозглашенное в день высадки, было отменено.

Летели дни. Один за другим шли приемы в новом проансульском дворце для Повелителей Зеггенсбурга, приемы для Эрскилла и его людей во дворцах Повелителей. Эти мероприятия чрезвычайно раздражали князя Треваньюна. Тратить время на поедание простеньких пирожных, запивая их приторно-сладким вином и любясь на бесконечные представления бывших рабов — столь же жестокие, сколь и непристойные, — непростительная глупость. Беседы Повелителей были просто бредом.

Князь одолжил у Рэвни аэромобиль и вместе с Дежбрендом и кем-нибудь из молодых офицеров отправлялся в дальние путешествия. Они ловили рыбу в горных речках, охотились за небольшими, похожими на лань животными. Он наслаждался этим, как ничем прежде. Уж во всяком случае, с того момента, когда на мониторах «Императрицы Эвлалии» появилась Адитя.

Однажды они напросились в гости в довольно большое сельское поместье. Их всегда встречали с неискренним радушием и удивлялись, что столь важные персоны путешествуют без свиты слуг.

Везде, где они останавливались, было одно и то же. Ни в одном хозяйстве не получали больше четверти потенциально возможного урожая с акра. Почву нещадно истощали. Десять рабов — князь не мог думать о них как о свободных — весь день делали работу одного, а сотня — то, с чем робот справился бы до полудня. Рабы-распорядители в белых одеждах указывали клеркам и надсмотрщикам в зеленом и оранжевом. Надзоратели все еще оставались при деле и частенько использовали хлысты, кнуты и дубинки.

Раз или два за спиной Повелителей Треваньюн ловил кровожадный блеск, полный ненависти, в глазах бывших рабов. Раз или два, когда Повелителю казалось, что князь его не видит, он ловил такой же блеск во взгляде Повелителя, обращенный к нему или Лэнзи.

Праздник приближался. Каждый раз, возвращаясь в город, Треваньюн находил все больше поводов для беспокойства. Управление общественных работ Михаила Эчхафара получило право на переустройство зала заседаний, гостиных и столовых, в которых Повелители станут отдыхать во время перерывов.

Все большие семей Повелителей стекались сюда из отдаленных поместий с целыми флотилиями контрагравитационных судов и

святой. Их принимали во дворцах города. Начались еще более пышные банкеты, балы и приемы. К началу праздника все мужчины, женщины и дети должны были находиться в городе.

Появилась длинная колонна контрагравитационной техники, солдаты и командиры. Якоп Жаннар был принят во всех подразделениях новообразованной армии, а Жорж Кажик — в народной полиции. Вэнн Шатрек, который командовал объединением боевых сил из проконсульского дворца, начал раздражаться.

— Я чувствую, что не должен был отменять военный режим, — сказал он. — И сомневаюсь, что Пьер был чертовски ловок при переподготовке этих подразделений. Это может стоить нам серьезных неприятностей.

Графу Эрскиллу его подозрения показались смешными.

— Граждане Кажик и Жаннар просто соревнуются. Они, как парочка бывших Повелителей, состязаются в экстравагантности. Жаннар собирается устроить парад своих войск, а Кажик, разумеется, — своей полиции. Это все, на что они способны.

— И все же я бы хотел вызвать дополнительные силы с Одина, — упорствовал Шатрек.

Накануне празднества Эрскилл был занят целыми днями. Он заседал либо в Цитадели с экс-рабами, нынешними руководителями управлений, либо в проконсульском дворце с Хоужетом, Чмиддом, свободными распорядителями влиятельных лидеров Совета Повелителей. Все были полны оптимизма по поводу конституции.

Треваньон не понимал этого оптимизма.

— Если бы я был господином Повелителем, то даже не обсуждал бы эту конституцию. Я знаю, что Повелители глупы, но не настолько же, чтобы идти на верное самоубийство.

— Да, это так, — бодро согласился Эрскилл. — Как только они ее утвердят, то станут не важнее, чем ассамблея пэров на Атоне. Они потеряют право вершить дела государства и станут ничем в новой конституции, которую примут через пять лет. Им придет конец. Все фермы, заводы, рудники, контрагравитационные корабли будут национализированы.

— И у них не останется ничего, кроме корзины непризнанных стелликов, — закончил Треваньон. — Я вот о чем подумал. Почему вы считаете, что они станут голосовать «за»?

— Они не знают, за что голосуют. Они полагают, что их голосование означает контроль за страной. Олвир Никколон, Ровард Джавасан, Рэнал Валдри — все они думают, что до сих пор владеют своими людьми. Они полагают, что Хоужет, Чмидд, Кажик и другие поступят так, как им велят. И верят всему, что те говорят им. А каждый вольный нашептывает своему господину, что принятие конституции — единственный путь, что они смогут контролировать выборы в своих владениях и тщательно

отбирать людей в центральные законодательные органы. Я говорю вам, князь Треваньон, конституция хороша принятой.

За два дня до заседания Конвента «Ирма» отошла на пять световых часов назад и начала трансляцию по шестидесяти каналам.

Доклад Эрскилла и его официальное заявление. Традиционное «одобряем» успешной аннексии. Слова благодарности Шатреку за успешно проведенную операцию. Постановление об освоении Адиты-Алиф и начале строительства постоянной военной базы. Сообщение о выдвижении Шатрека в контр-адмиралы и освобождающейся вакансии коммодора. Им может стать Патрик Морвилл. Уведомление о том, что транспортный крейсер «Алгол» с армейской бригадой специалистов по контрагравитации и два корабля с инженерами через пятнадцать дней прибудут с Одина на Адитю.

Эти сроки испортили новому адмиралу базы все удовольствие от назначения.

— Дьявол! Эти старые калоши, неспособные развить скорость «Ирмы», соберутся здесь через пятнадцать дней! Да они нужны через двадцать часов! Только Вельзевул знает, что тут может произойти!

Через какое-то время вышел из строя большой экран. Имперцы собрались в конференц-зале проконсульского дворца. Среди инкрустированного великолепия дворца нелепо торчали аккумуляторы коммуникационного и передающего оборудования.

Шатрек ругался.

— Андрей, я думал, твои люди засунут устройства туда, где их нельзя будет найти! — выговаривал он командиру Дуврину.

— Здесь нет таких мест, сэр, — невозмутимо ответил коммандир. — Есть места, где их найти сложнее.

— Вы говорили о наших волноперехватчиках Чмидду, Хоужету или кому-нибудь еще из бритоголовых? — спросил Шатрек у Эрскилла.

— Нет. Я даже не знаю, где они. И не понимаю, почему их никто не должен видеть.

Лэнзи Дежбренд повертел ручку настройки, и на экране в конце концов появился зал заседаний Совета. Далеко впереди, между скамьями из золота и оникса, возвышался Олвир Никколон. Из громкоговорителя раздавались медленные размеренные сигналы, перекрывающие гул более чем двух тысяч человек.

— Семь с половиной веков назад, — наконец заговорил Никколон, — наши отцы пришли на эту планету, чтобы водрузить на ней новое знамя...

Это была речь, которую он декламировал из года в год, и все председатели президиума до него тоже.

— Слава прекрасным традициям Повелителей! Непобедимым звездным викингам — гордости Клинковых миров...

Лэнзи, от скуки перебиравший контрольные кнопки, увеличил изображение и сфокусировал его на голове и плечах оратора. Все засмеялись. В ухе у Никколона торчала затычка с забавной проволочкой, скрывающейся под воротником. Дежбренд вернул полное изображение зала заседаний.

Никколон говорил и говорил. Вэнн Шатрек вызвал робота и велел принести холодного пива и сигарету. Эрскилл в нетерпении барабанил пальцами по инкрустированному золотом столику. Дежбренд бросал саркастические замечания. Наконец Пьер Рэвни, который был родом с Лугалуру, обратился к идиомам любимого на его планете вида спорта.

— Давай-давай, выходи на быка! В чем дело, тебя приклеили к воротам?

Если это так и было, то оратор тут же отклеился. Появился и бык — бьющий копытами и фыркающий.

— В этом году другие завоеватели пришли на Адитю, чтобы водрузить свое знамя — солнце и шестеренку Империи. И мне стыдно говорить, но перед ними мы так же беспомощны, как те несчастные варвары и их жалкие слуги, которых наши отцы поработили семьсот шестьдесят два года назад, чьи потомки до этих черных дней имели своих рабов...

Он продолжал — громко, воинственно и проникновенно. Граф Эрскилл беспокойно ерзal на стуле. Это было не по плану Чмидда — Хоукета.

— Таким образом, мы были вынуждены признать верховную власть этой чужеземной Империи. Теперь мы являемся подданными его императорского величества Родрика III. И должны управлять жителями Адиты в соответствии с имперской конституцией. (Крик, топот, свист.) Одним росчерком пера эта конституция перечеркнула устоявшуюся систему наших общественных отношений. Это я знаю. Но та же деструктивно-жесткая конституция нас и защищает. Позвольте обратить ваше внимание на статью первую, раздел второй. «Каждая планета Империи сохраняет за собой право на самоуправление, сообразно собственному выбору, без постороннего вмешательства». Вдумайтесь в эти слова. Они гарантируют власть Повелителей — во имя Повелителей и для Повелителей.

Громкие продолжительные аплодисменты.

— Сейчас эти самонадеянные завоеватели преступили свой собственный основной закон. Написанная ими конституция создана с единственной целью: ликвидировать Повелителей как класс. Угрожая силой, они заставляют нас принять ее. Их позорные попытки сорвать рабов-распорядителей — я не стану оскорблять наших верных слуг омерзительным новым именем «освобожденные» — провалились. В своем стремлении уничтожить нас они рассчитывали на выборы. Но и тут они просчитались. Рабы-распорядители предупредили нас о ловушках, расположенных в конституции проконсулом, графом Эрскиллом.

Мой верный Чал Хоужет показал мне волчьи ямы этого бесчестного документа...

Обрей, граф Эрскилл, в ужасе уставился на экран. Затем начал безбожно материться, впервые в жизни, и так как он все-таки был пантеистом, в его ругательствах поминалась вся Вселенная.

— Крысы! Грязные продажные крысы! Мы пришли сюда, чтобы спасти их — и вы видите?! Они предали нас! — Он сорвался на глухие рыдания. — Почему они это сделали? Они хотят оставаться рабами?

Возможно, и хотели. Но не из-за любви к господам Повелителям, в этом Треваньон был уверен. С самого начала они не считали необходимым скрывать свое презрение к хозяевам.

Олвир Никколон резко замолчал и, выхватив оружие, направил его ниже серо-зеленого дистанционно управляемого контрагравитационного аэромобиля, выплывшего на середину экрана. Это был один из аппаратов, привезенных «Императрицей Эвлалией» для использования на урановых рудниках. Так как он продвигался в центр зала, господа Повелители повсюду скакивали с мест.

Вэнн Шатрек тоже вскочил, выхватил пульт управления экраном и врубил звук. Чем едва успел спасти их, хотя бы на время, ибо оглушить можно скорее оратора, чем мигающий огнями броневик, заполнивший собою все пространство.

Когда ослепляющий свет, пыль и дым рассеялись, имперцы увидели развалины зала заседаний. Куски штукатурки и перекрытий еще падали сверху. Троны из золота и оникса были разбросаны по залу. Оратор и президиум исчезли. Среди стульев валялись черные обуглившиеся тела, некоторые еще шевелились. От одежды шел дымок. Адмирал Шатрек снова усилил звук — с экрана неслись вопли боли и ужаса.

Двери с обоих концов зала заседаний распахнулись, и появились солдаты в красно-коричневых мундирах. Они продвигались вперед, используя по назначению винтовки и автоматы, не обращая внимания на все еще падающую штукатурку. Некоторые отбрасывали ружья и, подбирай с пола палаши, закалывали Повелителей собственным оружием. Стоны, поначалу звучавшие громко, стихли.

Граф Эрскилл, мертвенно-бледный, в холодном оцепенении вглядывался в экран. Некоторые из наблюдателей уже пришли в себя и возбужденно переговаривались. Вэнн Шатрек разговаривал по видеофону с Патриком Морвиллом, находящимся на борту «Императрицы Эвлалии».

— Всех десантников и членов команды вооружить и держать в резерве! Подготовить имеющийся транспорт! Это только начало. Основная резня впереди. Я не сомневаюсь, что она уже началась.

По другому видеофону Пьер Рэвни разговаривал с офицером из охраны дворца:

— Нет, не нужно мне рассказывать, что они собираются делать. Вы должны были подготовиться к этому десять минут назад.

Он потушил сигарету, и почти в тот же момент граф Эрскилл вышел из ступора и поднялся.

— Коммодор Шатрек! То есть, я хотел сказать, адмирал, — поправился он. — Мы должны поменять тактику. Думаю, мне не придется уговаривать вас положить конец всему этому. Взгляните! — Он показал на экран. Куча машин и масса людей в гражданском заполонили зал. Они вытаскивали тела, сваленные среди стульев, и волокли их к выходу. — Ведь это тотальное истребление членов правительства планеты!

— Боюсь, мы ничего не сможем сделать, — ответил Шатрек. — Это просто государственный переворот, в результате которого к власти пришли экстремисты, но это нормальная политическая практика для подобных планет. Империя не имеет права вмешиваться.

Эрскилл возился на него с недоверием:

— Но это массовое убийство!

— Это уже свершившийся факт. Организаторы — гражданин Чмидд, гражданин Хоужет, гражданин Жаннар и прочие милые вашему сердцу граждане-демократы — теперь являются правительством Адиты. До тех пор пока они не предпримут каких-то шагов против нас или не откажутся подчиняться Империи, вам придется признавать их.

— Банду убийц с окровавленными руками, их признавать?!

— У любой власти руки всегда чуть-чуть в крови, там ли, тут ли. Сейчас вы наблюдали это на экране, а могли прочитать в историческом романе, большой разницы нет. Вы сами говорили, что Повелителей надо уничтожить. И повторяли это Чмидду, Хоужету и остальным неоднократно. Конечно, вы имели в виду законные, конституционные и демократические перемены, но для них это слишком утомительно. Когда все в одном помещении, уничтожить их легче легкого, вот и... Лэнзи, не покажете ли, что там, в Цитадели?

Джейн подошел к телевидеофону и настроил его. Экран высветил другой угол зала заседаний. Послышился голос:

— ...Никто не выйдет отсюда живым. Армейские силы и народная полиция по приказу их руководителей Жоржа Кажика и Якопа Жаннара сейчас расправляются с оставшимися в живых Повелителями. Все они находятся в Зеггенсбурге. Люди должны объединяться и убивать их всех — мужчин, женщин, детей. Мы не должны допустить, чтобы эти воинственные эксплуататоры народа дожили до заката солнца.

— И мы будем сидеть здесь, пока эти животные зверски убивают женщин и детей? — Шатрек смотрел сквозь проконсул, обращаясь к правительенному секретарю. — Черт возьми, я не смогу. Хоть под трибунал посыпайте, но...

— Никаких трибуналов, адмирал. Мне кажется, стоит вспомнить коммодора Хастингса, который несколько лет назад получил титул баронета за то, что остановил погром на Анате.

— Надо объявить по радио и телевидению, что представители Повелителей могут найти убежище в проконсультском дворце. Они политические беженцы, существует множество прецедентов, — добавил Эрскилл.

Шатрек вернулся к экрану связи с «Императрицей Эвлалией».

— Патрик, выведите из строя станцию телевещания в Цитадели. Заглушите ее с воздуха. Затем на той же волне сделайте сообщение, что каждый, кто попросит убежища, будет принят и защищен в проконсультском дворце. И спускайте десантников, задействуйте также весь резерв космонавтов.

В это же время заработал видеофон Рэвни:

— План номер четыре, вариант Н-3, операция по освобождению. Повторяю и подчеркиваю — это не вмешательство в дела планетного правительства. Вы защищаете представителей класса Повелителей от опасной агрессивности толпы. Повелителей узнаете по волосам на голове. Держитесь подальше от Цитадели — все, кто там находились, мертвые. Начинайте с четырех ближайших зданий, очистите их. Если возникнут проблемы с бритоголовыми, не спорьте с ними, просто пристрелите...

Эрскилл, в мгновение прозревший, вглядывался в экран с изображением зала заседаний. Там все еще таскали трупы, как черные мешки с зерном. Лэнзи Дежбренд взял у робота пару стаканов виски с содовой и протянул один проконсулу:

— Выпейте, граф Эрскилл, и до дна. Вам сейчас это необходимо, поверьте мне. Отличное средство.

Эрскилл проглотил виски залпом.

— Еще, если позволите, — сказал он, отдавая стакан Лэнзи. — И сигарету. — Получив второй стакан и сигарету, он усмехнулся. — А я так гордился. Я думал, они научились демократии.

— Нам всем нечем гордиться, — ответил Дежбренд. — Они готовили это несколько месяцев, а мы ничего не заметили.

Это было справедливо. Рабы лукавили с Эрскиллом, делая вид, будто верят, что Повелители сами откажутся от власти и изберут представительное правительство. Они обманывали и Повелителей, делая вид, что одобряют существующий статус-кво, и препятствовали стремлению Эрскилла к демократизации и национализации. Должно быть, в словоре были немногие. Чмидд, Хоужет, Жаннар, Кажик, Чфертс и другие из цитадельской клики рабов-распорядителей. Они контролировали все вооруженные силы. А раздоры и соперничество были частью камуфляжа. Эрскилл подозревал, что некоторые армейские командиры тоже были в словоре.

Послышался сигнал видеофона. Кто-то щелкнул переключателем, и на экране появился Грегор Чмидд. Эрскилл коротко

выругался и повернулся к изображению слоноподобного бывшего раба покойного экс-Повелителя Роварда Джавасана.

— Гражданин проконсул! Почему заглушили нашу телестанцию, необходимую людям для получения жизненно важной информации? Почему радиопередатчики на наших волнах призывают преступных Повелителей искать в проконсульском дворце убежища и спасаться от возмездия жертв их многовековой эксплуатации? Это вопиющее нарушение имперской конституции, вашему императору не понравится такое вмешательство во внутренние дела и конфронтация с народной властью планеты Адитя!

Эрскилл заметил, что до сих пор держит в руках стакан с виски и сигарету, и отложил то и другое.

— Если имперские десантники, которых мы послали в город для защиты женщин и детей от ваших бандитов, встретят хоть малейшее сопротивление, вам не придется узнать, что думает по этому поводу его величество, потому что адмирал Шатрек пристрелит вас и ваших сообщников в зале заседаний, где вы перегрели представителей законной власти этой планеты! — рявкнул он.

Так наконец появился настоящий Обрей, граф Эрскилл. Весь этот либерализм, социализм, эгалитаризм, лозунги про «руку помощи» и «знаки демократии» были просто вбиты в него за шесть лет университетского образования. Двадцать четыре года, со дня рождения, его учили родители, нянька, гувернантка, домашние учителя, что значит быть Эрскиллом с Атона и внуком старого Эррола, герцога Джарви. Грегор Чмидл на экране раздражал его до невозможности.

— Вы хоть понимаете, что натворили ваши кровожадные недоумки? — неистовствовал граф. — Вместе с двумя тысячами людей вы погубили пять миллиардов крон — средств, необходимых для осуществления замечательного плана модернизации и индустриализации! Или вы настолько тупы, что полагаете, будто Империя стала бы выбрасывать деньги на ваше освобождение?!

— Но, гражданин проконсул...

— Не смейте называть меня гражданином проконсулом! Я высокопоставленное лицо галактической Империи и на этой свинской планете представляю его императорское величество. Вы обязаны учитывать это и обращаться ко мне соответственно.

Грегор Чмидл больше не носил рабское ожерелье, но след от него, как заметил однажды Лэнзи Дежбренд, навсегда остался у него внутри. Он с усилием выдохнул:

— Да, господин Повелитель проконсул!

Имперцы опять собрались в конференц-зале, который Шатрек использовал как импровизированный военный штаб. Они томились в креслах, курили, пили кофе и напряженногляделись в экраны, гадая, когда и откуда ждать неприятностей.

Стемнело. С вершины проконсульского дворца, четырех зданий, очищенных десантниками, и с летательных аппаратов

ослепительно ярко светили прожекторы. Свет и оживление были заметны в Цитадели и на юго-востоке столицы рабов, остальной Зеггенсбург оставался темным и недвижным.

— Я не думаю, что у нас появятся причины для беспокойства, — сказал Шатрек. — Рабы не настолько обезумели, чтобы атаковать нас здесь, а все Повелители мертвы, кроме тех, что нашли у нас приют.

— Сколько людей мы спасли? — спросил граф Эрскилл.

— Больше восьмисот, — ответил Шатрек. Эрскилл уловил его вздох.

— Так мало?! Утром в городе их было почти двенадцать тысяч!

— Я удивлен, что мы спасли так много, — возразил Дежбренд. Он все еще был в военном комбинезоне, а на стуле висела его портупея. — Большинство из них погибли в первый же час.

А у имперцев практически ничего не изменилось. У них по-прежнему оставалось семьсот человек и сорок летательных аппаратов. Дежбренд сам высаживался вместе с десантниками. Впервые за тридцать лет он надел военную форму, шлем и использовал оружие не для спорта. Это было отвратительное, кровавое дело, о котором хотелось поскорее забыть. Глядя на изуродованные тела женщин и детей Повелителей, он заставлял себя вспоминать, что прибыл сюда для предотвращения резни, а не для участия в ней. А некоторые из людей Рэвни даже не пытались это понять. Жестокость невероятно легко рождает жестокость.

— Что нам с ними делать? — спросил Эрскилл. — Мы не можем вернуть их назад, их поубивают в течение нескольких часов, да и некуда им идти. Всенародное государство, — произнес он им же придуманное название как что-то неприличное, — национализировало всю собственность Повелителей.

Об этом было объявлено сразу после того, как с телестанции в Цитадели убрали перехватчики, и очень скоро началось странное объединение солдат Жаннара и полиции Жоржа Кажика, посланных остановить грабеж и вандальство и занять дворцы Повелителей. В городе рабов началась настоящая охота. Очевидно, экс-рабы были предупреждены, что не должны грабить или громить свои рабочие места.

— Эвакуируем спасенных за пределы планеты, — сказал Шатрек. — Как только «Алгол» прибудет сюда, загрузим часть из них на «Мицар» или «Канопус» и утащим куда-нибудь. Черт знает, как они будут жить, но...

— О, им не придется нищенствовать, — сказал Треваньон. — Вы знаете, что компенсация за рабов составляет пять миллиардов крон, и когда я вернусь на Один, то приложу все усилия, чтобы оставшиеся в живых получили всю сумму. Но я буду настойчиво рекомендовать, чтобы их не переселяли на Один. Они не очень благодарны нам за то, что случилось сегодня, и смогут легко возбудить крайне неблагоприятное отношение к этому на Одине.

— Моя отставка может послужить ответом на критику со стороны общественного мнения... — начал Обрей.

— Вздор, не говорите об отставке, граф. Вы, конечно, надеялись тут ошибок, хотя я не думаю, что вы совершили бы их и на другой планете Галактики. Но независимо от того, поступили бы вы так или иначе, то, что здесь произошло, было неизбежно.

— Вы действительно так думаете? — Граф Эрскилл безумно хотел быть уверенным в этом. — Возможно, я слишком настойчиво проталкивал эту конституцию...

— Дело не в конституции. Мы все совершили непростительную глупость, когда прибыли сюда. До нашего появления рабы не могли себе даже представить общество без господ Повелителей — вы же слышали Чмидда и Хоужета в первый день на борту «Императрицы Эвлалии». У раба должен быть Повелитель, он просто не может никому не принадлежать. До тех пор пока вы не завели разговор о национализации, никто и понятия не имел, что может существовать собственность, не принадлежащая Повелителям. При старых порядках такая резня была бы невозможна. Прежде всего это требовало наличия тщательно законспирированной организации, а до того, как мы раскрепостили их, ни один раб не смел доверять другому, каждый мог предать, заискивая перед своим Повелителем. Мы доказали им, что они могут обходиться без господ Повелителей и их благосклонности. Мынушили им мысль о возможности сохранения прежнего уклада и поспособствовали рождению ряда оригинальных идей, которые должны были принести несчастье. Мы переобучили армию и вручили ее Жаннару. Вдохновили Жоржа Кажика на создание народной дружины, а ведь по существу любое правительство есть не что иное, как военная сила. Короче говоря, Эрскилл, я не вижу за вами иной вины, кроме участия в незначительном ускорении закономерных процессов.

— Вы думаете, дальнейший путь развития Адиты определят в Асгарде?

— Вы имеете в виду премьер-министра и его величество? Адитя пойдет тем путем, который определию я. Существовала и другая причина, по которой я здесь остался. Я предвидел, что вам могут понадобиться заслуживающие доверия свидетели происходящего. Вы останетесь тут по крайней мере на пять лет, до очередного назначения куда бы то ни было. В первый срок про консульства никто не остается дольше. Раскройте глаза, навострите уши, пока вы здесь. Вы узнаете много такого, что и не снилось вам на факультете политологии в университете Нефертити.

— Вы сказали, что я наделал ошибок, — напомнил Обрей, желая приступить к учебе немедленно.

— Да. И на одну из них я недавно указывал: вы слишком близко к сердцу приняли тутошние события и сразу же стали симпатизировать рабам. Не думаю, что кто-то из нас знал о них

больше, чем остальные, но даже я находил их презренными, всех и каждого. Почему вы решили, что они заслуживают сочувствия?

— Ну, потому что... — это крылось так глубоко, что не достать. Мотивации Эрскилла были на уровне бессознательного, и он с трудом мог выразить их словами. — Они были рабами. Их угнетали и эксплуатировали.

— А эксплуататоры, разумеется, — бессердечные злодеи, что делает рабов невинными добродетельными младенцами. На самом деле это огромная ошибка. Вы знаете, Обрей, многострадальный и притесняемый пролетариат вовсе не добродетелен и невинен. Они просто некомпетентны, им не хватает ловкости, необходимой для открытого злодейства. Сегодня вы видели, на что они способны при удобном случае. Это почти правильно — протянуть поверженную руку, но только одну. В другой нужно держать пистолет, иначе он отгрызет вам руку. И заметьте, когда побитая собака приходит в себя, то начинает действовать как волк.

— Как вы думаете, во что превратится Всенародное государство под руководством Чмидда, Хоужета, Катика и остальных? — поддержал ход лекции Лэнзи Дежбрэнд.

— В страну рабов, само собой. Посмотрите, кто будет управлять. О таком виде рабовладельческого государства мы еще не слышали, — добавил он. — Всенародное государство очень скоро определится в том, что человек не может быть собственностью. Но все остальное будет принадлежать государственному Совету. Вспомните слова Чмидда: «Все может принадлежать всем, но кто-то должен об этом позаботиться ради каждого. И это будем я и ты».

Эрскилл нахмурился:

— Я помню. Мне это тогда не понравилось. Это выглядело...

Совсем неподобающим для добродетельного пролетария; уж скорее это были слова Повелителя.

— Государственный Совет будет таким же хорошим предпринимателем, как и собственником, — продолжал Треваньон. — Каждому, кто хочет есть, придется работать на это общество по его, общества, правилам. На условиях Чмидда, Хоужета и Катика. Если это не замена рабского труда батрачеством, то я не знаю, что такое «батрачество».

Но вы не должны ни во что вмешиваться. Вы знаете, что Адитя принадлежит Империи, нужно твердо придерживаться конституции и никому не доставлять хлопот за пределами планеты. Я надеюсь, это не покажется вам слишком сложным. Они будут послушными до тех пор, пока вы не представите им другой возможности. Уверен — они и впредь будут величать вас господин Повелитель проконсул.

Чтение лекций Треваньон находил слишком скучным занятием.

— Эй, раб! — крикнул он роботу-бармену. — Позаботься о своем господине Повелителе!

Потом пришлось с помощью ультрафиолетового дистанционника подозвать робота еще раз и набрать на пульте код бренди с содовой. До тех пор пока это необходимо, волноваться не о чем. Но ведь когда-нибудь кто-то построит роботов, понимающих приказы. И роботов, управляющих роботами, и роботов, присматривающих за другими роботами, и...

Нет, до этого все же не дойдет. Раб остается рабом, но робот — всего лишь робот. Пока люди ограничиваются роботами, они в безопасности.

МИНИСТЕРСТВО БЕСПОРЯДКОВ

Симфония заканчивалась, финальные аккорды торжествующей победной песни поднимались ввысь, уходя за пределы слышимости. Отзвучали последние ноты, но Поль еще несколько секунд сидел неподвижно, как будто какая-то его часть продолжала прислушиваться к окончившейся песне. Затем он встрепенулся, допил кофе и докурил сигарету, глядя в окно на расстилающийся внизу город — верхушки деревьев и башни, крыши, купола и изгибы эстакад, надоедливый рой аэромобилей, сверкающих в лучах утреннего солнца. Немногие теперь слушают музыку Джоао Коэльо, а тем более Восьмую симфонию, считая ее музыкой другого, давно минувшего времени. Тысячу лет спустя после того, как Империя разгромила неоварваров, прилетевших из другого мира, лежащего за пределами Вселенной, и вырвалась из многолетней тьмы, многие люди стали считать эту музыку беспокойной.

Поль слабо улыбнулся пустому креслу, стоящему напротив, и, прежде чем положить посуду от завтрака на поднос робот-слуги, прикурил новую сигарету. Через минуту он обнаружил, что робот все еще стоит рядом, ожидая разрешения уйти. Поль отоспал его, приказав вызвать роботов-уборщиков. Он бы мог и сам их вызвать или позволить охране, которая придет проверять комнату, оказать своему императору такую услугу. Но, возможно, для робота важно почувствовать доверие и свою значимость при передаче заданий другим роботам.

Поль снова улыбнулся, на этот раз смеясь над самим собой. Робот не может чувствовать свою значимость или что-то подобное. Робот — всего лишь сталь, пластик, магнитная лента и фотомикропозитронные схемы, а человек — к примеру, его императорское величество Поль XII — всего лишь набор тканей, клеток, коллоидов и электронейронных систем. Разница, как известно, существует. Но дело в том, что никто — ни физики, ни биологи, ни психологи, ни психиатры, ни философы или теологи — не мог достаточно точно сформулировать, в чем же

эта разница состоит. Поль проследил, как робот развернулся на гусеничной платформе и заскользил прочь, сопровождаемый парам, выходящим из кофейника. Глупо, наверное, обращаться с роботами как с людьми, но это по крайней мере лучше, чем обращаться с людьми, как с роботами, а такое отношение стало почти повсеместным. Хотя многие люди действительно действуют как роботы!

Поль подошел к лифту и постоял у дверей, пока крошечный встроенный энцефалограф определял характерную структуру излучений мозга. В ответ на особой структуры волну, посланную роботом, с шумом распахнулась дверь на другом конце комнаты. Поль шагнул за порог и щелкнул выключателем — в мире осталось еще несколько механизмов, которые управлялись вручную. Дверь закрылась за спиной вошедшего, и на мгновение он ощущил невесомость, когда лифт начал спускаться на сорок этажей вниз.

Внизу Поля ожидал генерал-капитан дворцовой охраны Дорфли в сопровождении капитана и десяти рядовых. Генерал Дорфли был человеком. А капитан и десять солдат — нет. Их головы украшали шлемы с изображением золотого солнца, на которое накладывалась черная шестеренка — символ Империи, а костюмы состояли из красных юбок, высоких ботинок и портупеи. На плечи капитана была наброшена узкая, зашнурованная золотом накидка. Остальные части тел солдат и их начальника покрывала жесткая, как рогожа, щетина, а лица немного походили на морды терьеров. (Хотя, несмотря на всю свою «человечность», генерал-капитан Дорфли очень походил на бульдога.) Солдаты — горцы с южного полушария Тора — были прекрасными наемниками и успешно заменяли людей. Великолепные стрелки, храбрые и хитрые воины, воспитанные в обществе патриархальных кланов и совершенно не интересующиеся политической вне собственной планеты, они фанатично и преданно служили любому, кого признавали своим вождем.

Поль вышел из лифта и приветственно кивнул:

— Доброе утро, джентльмены.

— Доброе утро, ваше императорское величество, — сказал генерал Дорфли, чуть поклонившись в соответствии со своим воинским званием.

Торианский капитан отсалютовал, прикоснувшись сначала колбу, а потом к груди на уровне сердца, находящегося справа, и к рукоятке пистолета. Поль похвалил капитана за прекрасный внешний вид солдат, и тот ответил, что иначе и быть не могло благодаря примеру и влиянию его императорского величества. Похвала и ответные комплименты являлись частью ежеутренней церемонии, незыблемой на протяжении десяти лет царствования Поля. Столь же неизменной, как и последовавший вопрос Дорфли.

— Ваше величество желает проследовать в кабинет?

Полю очень захотелось сказать: «Нет, к чертям все дела, давайте лучше сядем в аэромобиль и полетим куда-нибудь за тысячу миль» — и посмотреть на удивленное выражение лица шокированного генерал-капитана. Но, конечно, не стоит этого делать, у бедного старого Харва Дорфли может случиться сердечный приступ.

— С вашего позволения, генерал, — чинно кивнул Поль.

Дорфли подал знак торианскому капитану, а тот кивнул своим подчиненным. Четверо из них сделали два шага вперед, остальные, взяв оружие «на караул», быстро зашагали по коридору, некоторые по пути останавливались и замирали по стойке «смирно», остальные продолжали идти к главному холлу. Капитан и два солдата медленно двинулись вперед, и, когда они прошли двадцать футов, Поль и генерал Дорфли последовали за ними, а два оставшихся солдата замкнули шествие.

— Ваше величество, — тихо сказал Дорфли, — позвольте мне убедительно просить вас соблюдать крайнюю осторожность. Я только что узнал о существовании предательского заговора против вашей жизни.

Поль кивнул. Дорфли просто не мог не раскрыть очередной заговор, со дня последнего минуло аж десять дней.

— Мне кажется, вы уже что-то говорили об этом. Вроде бы изменники собирались заложить свободный стронций-90 в трон в зале для аудиенций, не так ли?

Перед этим некто пытался тайно пронести во дворец в винном бочонке атомную бомбу, а до того неизвестный злоумышленник запрятал в лифте мину-ловушку, а еще раньше изменники собирались встроить автомат в обзорный экран кабинета, а...

— О нет, ваше величество. Но и на сей раз люди, замешанные в заговоре, заподозрили неладное и бежали с планеты, и я не успел арестовать их. Нет, ваше величество, этот случай — особый. Я узнал, что в одном из роботов-поваров на вашей личной кухне была произведена несанкционированная переделка. И я склонен думать, что изменники решили отравить ваше величество.

Император со свитой повернули в главный коридор и теперь шли между портретами бывших правителей, Полей и Родриков, Родриков и Полей, сменяющих друг друга на стенах. Поль почувствовал, что расплывается в улыбке, и постарался принять серьезное выражение лица.

— Речь идет о роботе, готовящем соусы для мяса, да?

— Но... Да, ваше величество.

— Прошу прощения, генерал, мне следовало предупредить вас. Переделку осуществляли специалисты по роботам из министерства безопасности, которые установили одно хитрое устройство, используемое в лабораториях криминалистов для обеспечения единообразной системы мер. То же самое они сделали для

своего министра, князя Треванна, он и порекомендовал мне переделать робота.

Было очень досадно портить план убийства, обнаруженный бедным Харвом Дорфли. Такой прекрасный маленький заговор — генерал, вероятно, хорошо повеселился, придумывая его. Но всему есть предел. Нельзя допустить, чтобы Дорфли, разыскивая бомбы, переворачивал дворец вверх дном, изводил фрейлин, подозревая в каждом любовнике наемного убийцу, подвергал преследованиям музыкантов, в инструментах которых генералу мерешилось встроенное оружие. Не хватало еще, чтобы он совал нос на императорскую кухню.

Дорфли, которому бы следовало уныло, но облегченно вздохнуть, вдруг остановился, нарушив правила дворцового этикета, и с ужасом посмотрел на Поля:

— Ваше величество! Князь Треванн сделал это открыто и с вашего согласия? Но, ваше величество, я уверен, что князь Треванн как раз и есть создатель каждого из этих дьявольских планов. А в случае с лифтом я подозревал человека по имени Саммл Ганнер, одного из секретных полицейских агентов князя. В деле же с автоматом в экране был замешан техник, чья сестра служит у графини Йирзи, возлюбленной князя Треванна. А в случае с атомной бомбой...

Двое гориан и капитан прошли еще немного вперед, но, обнаружив, что император уже не следует за ними, повернули назад. Поль положил руку на плечо генерала Дорфли и подтолкнул его.

— Вы говорили об этом кому-нибудь?

— Ни слова, ваше величество. Двор напичкан предателями, и я никому не могу доверять. К тому же мы не должны вспугнуть злодеев подозрениями.

— Хорошо. Никому ничего не говорите. — Процессия уже дошла до дверей кабинета. — Думаю, что останусь здесь до полудня. Если что-то изменится, я извещу вас.

Поль вошел в большую овальную комнату, освещаемую сверху огромной звездной картой, вмонтированной в потолок, приблизился к столу, окруженному обзорными экранами, символичными мониторами и коммуникационными дисплеями, и сел. Он принял мысленно ругать Харва Дорфли, а после минуты раздумий — самого себя. Он сам — единственный, кого следовало обвинять, ведь параноидальное состояние Дорфли — давным-давно ни для кого не секрет. Надо что-то с этим делать. Психиатр без труда зафиксирует отклонения в психике старого генерала, что послужит веским основанием для его отставки. Но поступить с Дорфли таким образом — последнее дело. Не так платят за лояльность, пусть даже лояльность безумную. Ладно, что-нибудь придумать можно.

Он прикурил и откинулся на спинку кресла, глядя на сверкающее кружение миллиардов и миллиардов крошечных огоньков на потолке. По крайней мере, считалось, что их там миллиарды миллиардов. Поль никогда не считал, так же, как семнадцать Родриков и шестнадцать Полей, которые сидели в этом кресле до него. Он потянулся к контрольной кнопке на подлокотнике, и в западной части звездной карты появилось красное пятно неправильной формы, напоминающее большую кляксу.

Империя. Все тысяча триста шестьдесят пять обитаемых вселенных, четырнадцать рас — даже пятнадцать, если считать пущистиков с Заратуштры, которые только-только пережили каменный век. Так Империя выглядела, когда Родрик IV впервые увидел карту в законченном виде, и когда Поль II построил дворец, и когда Стефан IV, дедушка Поля I, провозгласил Один императорской планетой, а Асгард — столицей. Тогда еще можно было как-то оправдать тот факт, что населена и исследована лишь небольшая часть Галактики. Империя, недавно победившая врагов, должна сначала объединиться, прежде чем начинать расширяться. Но все это происходило восемь веков назад.

Поль взглянул на ежедневный график дел, украшенный затейливым рисунком и аккуратно засунутый под стекло на столе. Завтрак на южной верхней террасе, с премьер-министром и имперскими советниками. Да, опять придется встречаться с советниками, такие встречи, увы, столь же неминуемы и регулярны, как заговоры об убийстве императора, раскрываемые Харвом Дорфли. А в полдень — пленарное заседание кабинета министров и советников. Неужели придется терпеть всех этих чиновников дважды в день? Досада на лице Поля сменилась усмешкой. Собрание советников — вот он, ответ! Надо назначить Харва Дорфли в Собрание. Этот позолоченный мусорный ящик только и нужен для размещения уволенных по старости сановников. Там старый маразматик не сможет причинить никому никакого вреда, а немного явного помешательства, возможно, оживит Собрание и привнесет хоть что-то новое.

А вечером — банкет, прием и бал в честь его величества Ранульфа XIV, короля планеты Дюрандаль, и в честь первого гражданина Жоржа Ятго, главного общественного управляющего Всенародного государства Адитья. Два руководителя имперских планет намереваются заключить торговую сделку. Интересно, чем все это кончится? Поль закрыл глаза и напряг память.

Дюрандаль — один из Клинковых миров, населенный беженцами — проигравшими во время войны Системных Штатов, которая разразилась в период существования Терранской Федерации. Несколько веков спустя небесные викинги, как стали себя величать дюрандальцы, снова промелькнули в галактической истории. Управляет Дюрандалем, как припомнит Поль, монархическое и довольно колоритное правительство. Общественный строй — нечто вроде полуфеодализма. Но про Адитью он мало

что помнил. Не очень-то приятная планета, название должностей членов правительства и его главы заставляли задуматься.

Поль прикурил очередную сигарету, включил символный монитор, чтобы посмотреть, какой же информацией его завалят нынешним утром, и чертыхнулся, увидев графическую таблицу с колеблющимися красными, голубыми и зелеными линиями. Сегодня к тому же день таблиц. Как обычно — тысяча дел одновременно.

На экране мерцала таблица межзвездной торговой ситуации, переданная министерством экономики. Красная линия означала производство, зеленая — экспорт, голубая — импорт. Таблица делилась вертикально по десяти наместничествам, каждое из которых подразделялось на префектуры. Используя клавиши увеличения и фокуса, Поль мог получить информацию по каждой планете в отдельности. Но он решил не утруждать себя этим занятием, подумав, зачем вообще нужны таблицы, информация в которых устарела как минимум двадцать дней назад, а по некоторым префектурам — еще раньше, отчего и получалось колебание линий графика. Данные для таблиц пересыпались на межзвездных кораблях из планетного проконсульства в префектуры, оттуда в наместничества, после чего — в Один. Корабль с гипердвигателем развивает скорость до нескольких световых лет в час, но радиоволны все еще летят не быстрее 186 000 метров в секунду. Дополнительная сводка, охватывающая последние пять веков, демонстрировала фактическую картину — три совершенно ровные и абсолютно параллельные линии.

То же самое показывали остальные таблицы. Численность населения в настоящий момент немного колебалась, однако в целом оставалась неизменной в течение вот уже пяти веков. Небольшое уменьшение объемов сельского хозяйства, вызванное ростом производства синтетических пищевых продуктов. Незначительная миграция населения на наиболее урбанизированные планеты и в плотно населенные центры. Тенденция к уменьшению количества работающих — безработица возрастила приблизительно на 0,0001 процента в год. Нет, предприятия не стали создавать более совершенных роботов, просто ускорили темпы производства, производя машины и механизмы быстрее, чем те изнашивались. И у всех имелось одно и то же оправдание — стабильная экономика, неизменная численность населения, мирная и лишенная каких бы то ни было беспорядков Империя, восемь веков, или по крайней мере пять из них, абсолютного спокойствия, полностью лишенные истории. Ведь это то, чего все хотели.

Поль просмотрел оставшиеся таблицы и принялся анализировать отчеты министерств. Министерство экономики отвергло просьбу добывающего картеля санкционировать деятельность на нескольких ненаселенных планетах — в связи с перенасыщением местного рынка и чрезмерной активностью производства. Выдано

разрешение на деятельность картеля по производству роботов. Поступил запрос правительства Дюрандаля на увеличение квоты импорта зерновых по конфедерации — конечно, такой запрос не отвергнут, пока в столице гостит король Ранульф.

Повинуясь внезапному порыву, Поль набрал на коммуникационном дисплее необходимую комбинацию и связался с графом Дуклассом, министром экономики.

Обратив к экрану решительное и симпатичное лицо, обрамленное редеющими рыжими волосами, граф Дукласс улыбнулся, ожидая, что император заговорит первым.

— Простите за беспокойство, ваша светлость, — сказал Поль. — Как там обстоят дела с запросом Дюрандаля об экспортных квотах? У нас сейчас гостит их король. Думаете, он приехал, чтобы надавить на членов парламента?

— Ну, сам он скорее всего не собирается ничего предпринимать по этому поводу, — довольно хихикнул граф. — Вы уже встречались с ним, сэр?

— Нет еще, короля Ранульфа представляют ко двору сегодня вечером.

— Что ж, когда вы увидите его — думаю, в данном случае допустимо применить местонимение мужского рода, — то поймете, что я имел в виду, сэр. А вообще всем там заправляет лорд Корефф, обер-церемониймейстер. Он приехал сюда по делам и был вынужден привезти короля с собой, так как опасался, что кто-нибудь захватит Ранульфа за время его отсутствия. Вообще, насколько я понимаю, основная цель политиков на Дюрандале — заполучить короля в свое распоряжение. Я целых полчаса разговаривал с Кореффом по видеотелефону и вот только что избавился от него. На планете хорошо развито сельское хозяйство, и после двух очень урожайных лет подряд зерно у них теперь аж из ушей сыпется. Поэтому дюрандальцы хотят экспортовать зерновые и получать взамен наличные.

— И что?

— Ваше величество, разрешить экспорт зерна никак невозможно. Жители Дюрандаля не терпят никаких лишений, а просто не зарабатывают столько, сколько считают нужным. Если они выбросят излишки урожая в межзвездную торговлю, то тем самым вызовут самые разнообразные проблемы на других сельскохозяйственных планетах. По крайней мере, такие выводы сделали наши компьютеры.

И это, конечно, весьма убедительно. Поль кивнул:

— А почему бы дюрандальцам не перерабатывать излишки зерна в виски? Выдержать его лет пять-шесть, и получится превосходный товар, который без труда можно продать где угодно.

— Я никогда не думал об этом, ваше величество. — Глаза графа Дукласса расширились от удивления. — Минуточку, я сделаю пометку в записях, чтобы передать тому, кто займется производством виски. Прекрасная идея, ваше величество.

Закончив разговор с графом, Поль вернулся к отчетам. Как обычно, министерство безопасности немного выделялось на фоне однообразия бюрократических процедур прочих государственных учреждений. Короля планеты Экскалибур убили его брат и двое племянников, которые теперь сражаются друг с другом. Но поскольку возмутители спокойствия располагают лишь небольшими ружьями и несколькими огнеметами, вмешательство не потребуется. Несколько иная ситуация сложилась на Бегемоте — целый континент попытался отделиться от планетной республики, и имперскую армию попросили прислать оперативный отряд. Урегулировать оба случая несложно. Все разрешится без участия имперского правительства и окончится всего лишь суверенитетом на планете, располагающей ядерным оружием, и верховным суверенитетом системы, где имеются корабли с гипердвигателями.

На Аматерасу народ, возмущенный явной подтасовкой результатов выборов, поднял бунт. Поль прочитал это сообщение с недоверием и удовольствием. Ведь за последние шесть веков выборы на Одине были сплошным мошенничеством. Не голосовал никто, кроме неработающих, голоса которых покупались оптом гангстерскими боссами и продавались группам политического давления. И ни один порядочный человек не подходил в день выборов к месту голосования ближе чем на сто ярдов. Поль вызвал министра безопасности.

Князь Треванн, ровесник Поля и однокурсник по университету, сидел в своем кабинете за столом. Узкое лицо его испещряли морщины, а волосы совершенно поседели, и выглядел он старше своих лет. За спиной князя на стене виднелись солнце и шестеренка Империи, но на груди на черном кителе он носил эмблему своей семьи — серебряное изображение планеты с тремя серебряными лунами. В отличие от графа Дукласса Треванн не стал ждать, пока с ним заговорят.

— Доброе утро, ваше величество.

— Доброе утро, ваше высочество, простите за беспокойство. Я только что заметил кое-что интересное в вашем отчете. Это дело на Аматерасу. Что это за планета в политическом смысле? Что-то не припомню.

— Ну, у них республиканское правительство, сэр, очень сложной структуры. Я бы назвал это правительство грудой хлама. Как только на Аматерасу что-то не ладится, чиновники учреждают какой-либо новый правительственный орган, при этом никогда не упраздняя уже существующие. Там есть президент, премьер-министр, исполнительная власть, трехпалатная система законодательной власти и две самостоятельные и не зависимые друг от друга судебные системы. Премьер всегда является кандидатом в президенты и получает положенное большинство голосов. В настоящий момент президент, контролирующий милицию планеты, предъявил обвинение премьеру, контролирующему полицию, в

подтасовке результатов выборов в средней палате законодательной власти. Каждого поддерживает судебная система, которую он контролирует. Фактически на Аматерасу всякий гражданин является помощником или полиции, или милиции. — Треванн помолчал и бесстрастно добавил: — Я ожидаю новых сообщений с Аматерасу.

— Полагаю, они окажутся достаточно интересными. Прислите мне их целиком и, будьте так любезны, выделите наиболее важные моменты, князь Треванн.

Поль снова вернулся к отчетам. Длинное послание прислало министерство науки и техники. Все бы хорошо, да только изыскания, о которых сообщали ученые мужи, являлись повторением работы, проделанной несколько веков назад. Хотя нет. Доктор Дандрик с физического факультета Имперского университета в Асгарде сообщил, что установлен предел точности измерения скорости ускоренных нуклеиновых частиц, превышающий скорость света в 16,067543333 раза. Что ж, наука теперь действительно оперирует цифрами, далеко заходящими за десятичную запятую. Министерство образования почти ничего не прислало, зато по крайней мере историческая наука все еще оставалась активной. Поль как раз принял читать данные о новом источнике исторических материалов, обнаруженном на Уллере и кающихся шестого века атомной эры, когда зажужжал и заморгал дверной экран.

Поль включил его и увидел своего сына Родрика с маленькой рыжей гончей Снуксом, которая взволнованно извивалась на руках наследного принца. Пес сразу же начал лаять.

— Доброе утро, отец, — сказал мальчик в микрофон, — ты занят?

— Да нет. — Поль нажал открывавшую дверь кнопку. — Заходи.

В ту же секунду маленькая гончая соскочила с рук принца, стремительно бросилась в кабинет, обежала стол и вскочила на колени хозяина. Мальчик зашел не спеша, сел в кресло у стола и вытянул ноги. Поль сначала поздоровался со Снуксом — люди могут подождать, а маленькие собачки не терпят промедления, — порылся в ящике стола, нашел вафли и дал одну погрызть Снусу. Затем он заметил, что сын одет в кожаные шорты и высокие ботинки.

— Ты куда-то собрался? — спросил Поль, немного завидя сыну.

— Да, в горы, на пикник. Вместе с Ольвой.

И, конечно, с домашним учителем, телохранителем, дуэньей Ольвы и дюжиной торианских стрелков. И между всей этой компанией и дворцом будет поддерживаться постоянная видеосвязь.

— Надеюсь, вы славно проведете время. А ты все уроки сделал?

— Физику, математику и галактографию, — ответил Родрик. — После завтрака профессор Гилсан собирается провести для нас с Ольвой урок истории.

Отец с сыном поговорили еще немного об уроках и о пикнике, куда, конечно, отправится и Снукс. Однако Поль видел, что мальчик думает о чем-то другом. Через какое-то время Родрик наконец осмелился переменить тему разговора.

— Знаешь, отец, недавно я немного испугался, — сказал он.

— Расскажи мне об этом, сынок. Это ведь не касается вас с Ольвой, да?

Роду недавно исполнилось четырнадцать лет, а маленькой принцессе Ольве — тринадцать. Пожениться они смогут через шесть лет. И, как видели все окружающие, оба были очень даже рады предстоящей женитьбе, назначенной много лет назад.

— О нет, речь совсем о другом. Сестра Ольвы и несколько маминых фрейлин ходили к пси-медиуму, которая сказала, что грядут перемены. Большие и страшные.

— А она не уточнила, какие именно?

— Нет, единственное, что она сказала, будто перемены предстоят грандиозные и пугающие. И все, что я смог придумать, это... что с тобой что-то случится.

Снукс, съев три вафли, попытался лизнуть Поля в ухо. Тот усадил пса на колени и слегка пощепал.

— Не стоит тревожиться из-за всяких глупостей, которые болтают медиумы. Конечно, пси-медиумы обладают способностями к ясновидению, но не могут регулировать их, включать и выключать, как водопроводный кран. Когда же наши прославленные прорицатели на самом деле ничего не видят, то начинают придумывать всякую ерунду. И вечно выдают утверждения общего характера, не говоря ничего конкретного.

— Да знаю я все это. — Мальчик обиженно насупился, словно отец пытался объяснить, что на самом-то деле мать вовсе не нашла его в капусте. — Но фрейлины обсуждали эти предсказания со своими подругами, и выяснилось, что другие медиумы говорят то же самое. Пала, а ты помнишь, как взорвался генератор в долине Хавал? Все ясновидящие Одина говорили об ужасной катастрофе за много месяцев до того, как она произошла.

— Помню, помню. — Харв Дорфли считал, что злоумышленников ошибочно проинформировали о том, что в этот день император посетит завод. — Думаю, великие и страшные перемены окажутся новым направлением в абстрактной скульптуре. Большинство людей пугают любые перемены.

Отец и сын поговорили еще о медиумах, об аэромобилях, аэрогонках и соревнованиях на Кубок императора, которые состоятся через месяц. Зажужжал и заморгал коммуникационный дисплей. Трижды Поль нажимал кодовую кнопку, чтобы дать звонящему понять, что занят. Наконец Родрик сказал, что ему пора, обошел вокруг стола, взял Снукса и вышел, пообещав

вернуться домой к банкету. Как только мальчик удалился, дисплей снова заморгал.

На связь вышел князь Ганзи, премьер-министр. Выглядел он так, словно постоянно мучился от зубной боли. Впрочем, кислая мина являлась обычным выражением его лица.

— Простите за беспокойство, ваше величество. Я насчет глав государств. Ко мне обратился граф Гадван, постельничий. Чувствую, что мне необходим ваш совет. Вопрос о праве первенства.

— У нас же есть определенное правило на этот счет. Кто из них приехал первым?

— По-моему, адитянцы. Но король Ранульф утверждает, что право первенства принадлежит ему или же лорду обер-церемониймейстеру. А этот лорд заявил, что не собирается уступать первенство простолюдину.

— Пусть тогда убирается домой на Дюрандал! — Поль почувствовал, что начинает злиться и готов выплеснуть на Ганзи все накопившееся за утро раздражение. Он попытался успокоиться и говорить помягче. — Для отправления дворцовых дел необходимо, чтобы кто-нибудь шел первым, а наше правило основывается на порядке прибытия во дворец. Правило это было придумано, чтобы исключить нарушение принципа равенства всех цивилизованных людей и планетных правительств. Мы не собираемся отменять свои законы для короля Дюрандаля или еще кого-нибудь.

— Разумеется, ваше величество, — кивнул князь Ганзи. Выражение его лица немного прояснилось, словно зубная боль утихла, как только принятие решений взял на себя Поль. — Вы считаете, что мы должны пойти на компромисс? То есть изменить право первенства?

— Только в том случае, если согласится первый гражданин Ятто. Если он это сделает, все славно утрясется.

— Я поговорю с ним, сэр. — Лицо Ганзи вновь приняло обычное унылое выражение. — Но к тому же, ваше величество, обоих спорщиков пригласили посетить пленарное заседание сегодня в полдень.

— Ну и что, они могут войти через разные двери и сидеть в гостевых ложах в противоположных концах зала.

— Да, хм, я как-то не задумывался о первенстве. Но предстоящее заседание — выборное: новые люди должны заменить скончавшегося князя Хавали, министра обороны, и министра науки и техники, графа Фраска, избранного в Собрание. Между министрами и советниками существует некоторая разница во мнениях. Очень вероятно, что на заседании разгорится жаркая дискуссия.

— Ужасно, — серьезно сказал Поль, — но я думаю, наши высокие гости смогут убедиться, что Империя в состоянии выдержать не только разницу во взглядах, но и настоящую полемику. Однако если вы считаете, что демонстрация наших внутренних

противоречий может возметь нежелательные последствия, то почему бы нам не отложить выборы?

— Но, сэр, мы и так уже откладывали это заседание три раза.

— И продолжайте откладывать. А еще подайте заявку на изготовление двух роботов-министров — обороны и науки и техники. Если они будут функционировать удовлетворительно, мы сможем принять проект разработки робота-императора.

Лицо Ганзи побледнело и задергалось, словно он услышал страшное богохульство.

— Ваше величество изволит шутить, — неуверенно произнес премьер-министр, словно ища подтверждения своим словам.

— К сожалению, шучу. Если бы мою работу можно было автоматизировать, я бы, наверное, взял жену, сына и нашу маленькую собачку и уехал бы куда-нибудь подальше порыбачить.

Конечно же, Поль не мог сделать этого. Существовало только два варианта: либо империя, либо галактическая анархия. Но Галактика слишком велика, чтобы проводить всеобщие выборы, ею должен руководить верховный правитель, причем хорошо знающий свое дело и уверенный в себе. Оба эти качества, как выяснилось, являлись ключами к успеху.

— Ну, чьи же мнения разделились по какому поводу? — спросил Поль.

— Граф Дукласс и граф Таммсан хотят упразднить министерство науки и техники и перераспределить его функции и персонал. Дукласс хочет, чтобы министерство экономики взяло на себя технические отделы, а Таммсан примет научную часть под крыльышко министерства образования. Это предложение собирается выдвинуть на сессии граф Гилфред, министр здравоохранения, который надеется заполучить для своего министерства отделения биологии и психологии.

— Ну конечно, Дукласс получит шкуру, Таммсан — голову и рога, а все остальные примкнувшие охотники добудут по куску мяса. Вот он — волчий закон, но я не сторонник такой дежки. Князь Ганзи, я хочу, чтобы на предстоящем заседании вы предложили кандидатуру генерал-капитана Дорфли для избрания в Собрание. Я думаю, что пора оказать ему честь и повысить в должности.

— Дорфли? Но зачем?

— Боже правый, разве вам и так не ясно? Да потому что Дорфли — помешанный, который к тому же постоянно бредит. Ему нельзя доверить даже подержать саблю, не то что пять рот вооруженных солдат. Знаете, что он сказал мне сегодня утром?

— Что неизвестный злоумышленник дрессирует ядовитую болотную гусеницу нидхог, чтобы та заползла на башню Окtagона и, по-видимому, укусила вас во время завтрака. Он постоянно делает слонов из мух. А на чем основываются его подозрения на сей раз?

— Да всего лишь одно хитроумное приспособление в кухонном роботе, но мы отклонились от темы. Дорфли в конце концов назвал имя гения, придумывающего все эти ужасы. Угадайте, кто это? Йори Треванн!

Лицо премьер-министра помрачнело сильнее, чем обычно. Что ж, было от чего помрачнеть. Иногда...

— Ваше величество, я более не могу поддерживать высказывания насчет душевного состояния старого генерала. К тому же должен сказать, что, сошел Дорфли с ума или нет, он не одинок в своих подозрениях относительно князя Треванна. Я разделяю эти подозрения. И если по этой причине и меня провозгласят сумасшедшим, я все равно буду стоять на своем.

Брови Поля удивленно поползли вверх.

— Ну вы даете, князь Ганзи.

— С вашего позволения, я все объясню. Только не думайте, что я считаю князя Треванна замешанным в одну из этих детских шалостей с лифтами, экранами или кухонными роботами, — поспешил оправдаться премьер-министр, — но я определенно подозреваю его в изменнических помыслах. Полагаю, вашему величеству известно, что Треванн — первый в истории Империи министр безопасности, который лично контролирует планетарную и местную полицию, вместо того чтобы распределить свои обязанности.

Ваше величество, должно быть, не располагает исчерпывающей информацией о том, как Треванн использует власть, которой наделен в качестве министра безопасности. А знаете ли вы, что он завербовал солдат в войска безопасности по крайней мере в десять раз больше, чем необходимо для урегулирования любой мыслимой проблемы поддержания мира на планете? И что он накопил огромное количество тяжелого боевого оружия — пушки до двухсот миллиметров, тяжелые антигравитанты, даже боевые катера и артиллерийские корабли? А знает ли ваше величество, что вся эта армада сосредоточена в пятнадцати минутах лёта от дворца? Или что войска князя Треванна в два с половиной — три раза превосходят по численности и огневой мощи объединенные силы милиции и имперской армии планеты?

— Я в курсе. Все это делалось с моего одобрения. Приобщая молодых неработающих к военной дисциплине, Треванн пытается направить их на путь истинный. Многие из них, я думаю, покинули планету после демобилизации и занялись обычной торговлей, что, по-моему, гораздо лучше, чем торговля избирательными голосами.

— Да, князь Треванн подготовил прекрасное объяснение, очень даже правдоподобно, — согласился премьер-министр. — А знает ли ваше величество, что в результате неоднократных запросов о вооруженной поддержке, подаваемых министерством безопасности, имперский военный флот рассредоточен по всей Империи и в окрестности тысячи пятисот световых лет вокруг

Одина нет ни одного судна крупнее, чем разведывательный катер?

Премьер сказал абсолютную правду, Поль оставалось только согласно кивнуть.

— Также я затрудняюсь объяснить некоторые весьма странные действия Треванна, которые он предпринял в качестве шефа полиции Асгарда. Например, князь Треванн оказывает поддержку двум могущественным руководителям избирательных блоков неработающих — Большому Муги Блиско и Зикко Носяре — уверяю ваше величество, не я придумал эти имена, так их зовут на самом деле. В последнее время прошли аресты более мелких гангстеров-конкурентов, руководителей не столь важных группировок, часто по сфабрикованным обвинениям. В тюрьме их держали в одиночках без права переписки, а тем временем Муги и Зикко занимали освобожденные территории и переманивали на свою сторону последователей из неработающих. Руководителей обоих избирательных блоков субсидируют соответственно сталелитейный и судостроительный картели и картель по производству реактивных веществ и химикатов. Но фактически и Зикко, и Муги контролирует князь Треванн. Они же, в свою очередь, контролируют около семидесяти процентов неработающих в Асгарде.

— И вы думаете, что из этого можно сделать выводы о заговоре против трона?

— О заговоре с целью захватить трон, ваше величество.

— Да перестаньте, князь Ганзи, вы говорите, как Дорфли!

— Послушайте меня, ваше величество! Его императорскому высочеству всего четырнадцать, и только через одиннадцать лет он официально сможет перенять полномочия императора. Не дай Бог, конечно, но в случае вашей внезапной смерти останется лишь один возможный для Империи вариант — регентство. Конечно, ваши министры и советники — единственные, кто имеет право назначить регента. Но я знаю, за кого они проголосуют, когда стражи безопасности приставят шпаги им к горлу. И регентство, возможно, не предел амбиций князя Треванна.

— Говоря вашими же словами, князь Ганзи, звучит весьма правдоподобно. Но все ваши выводы основываются на очень сомнительном предположении. Что князь Треванн настолько туп, что хочет захватить трон.

Полю пришлось самому прервать разговор и выключить экран. Изображение начало гаснуть, а Виктор Ганзи все еще недоверчиво и потерянно смотрел на императора. Князь не мог даже представить, что кто-то не хочет заполучить трон, тем более человек, который уже этот трон занимает.

Немного обеспокоенный, Поль немного посидел, глядя на темный экран. Разведывательная служба Виктора Ганзи оказалась гораздо лучше, чем предполагалось. Удивительно, сколько

Ганзи выявил различных фактов, которые не замечал сам император.

Только Поль решил засесть за отчет министерства изящных искусств, как коммуникационный дисплей снова зажужжал и заморгал.

Щелкнул выключатель, и с экрана Полю улыбнулась женщина с взъерошенными светлыми волосами, в пеньюаре. Увидев Поля, она улыбнулась еще шире.

— Привет! — поздоровалась женщина.

— И тебе привет! Только встала?

— Могу поспорить, что ты уже давным-давно встал и вершишь свои императорские дела несколько часов. — Она подняла руку, чтобы скрыть зевок. — А Род и Снукс уже приходили?

— Только что ушли, — кивнул Поль. — Род отправился с Ольвой на пикник в горы. — Боже, как давно он сам ездил с Мэррис на пикник — на настоящий пикник, в сопровождении менее пятидесяти охранников и стольких же придворных. — Много дел у тебя сегодня?

— Фестиваль цветов, — скривилась женщина. — Я должна лично выступать в прямом эфире, зачитывая различные любовные послания. Три минуты в эфире, две минуты — перерыв. Мне предстоит сорок выступлений сегодня в полдень.

— Ого. Ну, желаю хорошо провести время, дорогая. А мне предстоит завтрак с советниками, а потом пленарное заседание. — И Поль рассказал жене об опасениях Ганзи о возможной полемике.

— Смешно! Может, наконец-то кто-нибудь расшевелится и хоть немного помашет кулаками. Я тоже приду.

На индикаторе вызова, стоящем перед Полем, загорелся кодовый символ министра безопасности.

— Мы всегда можем надеяться на лучшее, не так ли? А, пожаловал Йорн Треванн.

— Не заставляй его ждать. Может, нам удастся увидеться перед заседанием. — Мэррис послала мужу воздушный поцелуй, и экран погас.

Поль снова щелкнул выключателем и увидел князя Треванна. Министр безопасности не стал тратить время на извинения за беспокойство.

— Ваше величество, только что пришло сообщение о серьезном бунте в университете. Приблизительно пять—десять тысяч студентов атакуют административный центр, бросая в здание зловонные бомбы и угрожая повесить ректора Кейна. Они уже разоружили университетскую полицию. Для урегулирования инцидента я послал две роты жандармов отряда подавления мятежей под руководством офицера, которому могу доверять. Мы собираемся действовать решительно, но вежливо и не хотим применять беспорядочное оглушение или слезоточивые газы, а тем

более... стрельбу. В мятеже могут участвовать сыновья и дочери самых различных людей.

— Да. Я вроде помню студенческие бунты, в которых оказались замешаны сыновья его покойного высочества принца Треванна и его покойного величества Родрика XXI. — Поль немножко подумал и добавил: — Едва ли это похоже на битву между кланами или внезапный набег хулиганов. Что, по-вашему, послужило причиной беспорядков?

— Знаю я немногого. Мне позвонил в довольно истерическом состоянии сам Кейн и рассказал, что студенты устроили против него акцию протеста из-за увольнения работника факультета. У меня есть парочка секретных агентов в университете, и я пытаюсь связаться с ними. Кроме того, я послал туда дополнительных агентов — которые могут сойти за студентов — с целью определить жандармов, затесавшихся в студенческую толпу и узнать имена зчинщиков. — Треванн взглянул на стоящий на столе индикатор, который начал мерцать. — Прошу прощения, сэр, со мной пытается связаться граф Таммсан. Возможно, он знает какие-либо подробности. Я свяжусь с вами снова, как только узнаю что-нибудь новое.

Подобного мятежа в университете не помнили даже самые древние старожилы Одина. Ректор Кейн, насколько знал Поль, был тупым, высокомерным старым пустозвоном с непомерно высоким чувством собственной значимости. Наверняка все беспорядки возникли по вине Кейна, но неизвестно, по какой причине и кто начал всю эту заварушку. Да уж, все великое начинается с малого. Большие и пугающие перемены...

На дисплее снова возникли какие-то блики, и Поль щелкнул выключателем. Это Виктор Ганзи опять вышел на связь. Он выглядел так, будто постоянная зубная боль наконец-то отпустила его на минутку.

— Простите за беспокойство, ваше величество, но все устроилось, — доложил он. — Первый гражданин Яго согласился уступить право первенства королю Ранульфу, и лорд Корефф отозвал все свои возражения. Насколько я понимаю, в настоящий момент все проблемы решены.

— Прекрасно. Полагаю, вы слышали о волнениях в университете?

— Да, ваше величество. Постыдное событие.

— Просто шокирующее. А вы не знаете, из-за чего все это началось? Мне известно только, что студенты протестуют против отставки работника факультета. Или он был чрезвычайно популярен, или не согласился на какую-то более чем нечестную сделку с Кейном.

— Подробности мне неизвестны. Мне лишь удалось выяснить, что мятеж начался в результате какой-то перебранки в

одном из научных отделений, основания для увольнения — не-подчинение и неуважение к властям.

— Я всегда придерживался мнения, что, когда власть начинает вызывать у людей презрение, она перестает быть властью. Так дело касается науки? Да уж, это только затруднит для Дукласса и Таммсана работу по ликвидации волнений в университете.

— Боюсь, что да, ваше величество. — В голосе Ганзи не прокользнуло и нотки разочарования. — Весть о бунте уже стала известна информационному картелю, который всячески смакует все известные подробности. Вскоре о событиях в университете узнает вся Империя.

Последние слова Ганзи произнес так, будто распространение сведений о мятеже имело какое-то значение. Хотя, конечно, множество министров и советников только и заботились о том, что могут подумать люди на таких планетах, как Чермош, Заратуштра, Дейрдре или Кетцалькоатль, не ведая, что интерес к политике Империи меняется обратно пропорционально расстоянию от Одина и уровню коррупции и несостоятельности местного правительства.

— Я знаю, что вы будете присутствовать на официальном завтраке. Как по-вашему, можем мы пригласить и наших гостей? Можно было бы устроить неофициальную встречу до заседания. Да? Прекрасно. Там и увидимся.

Когда экран потух, Поль вернулся к отчетам, быстро просмотрел их и, убедившись, что не пропустил ничего важного, вызвал робота, чтобы тот почистил проектор. Вскоре на связь снова вышел князь Треванн.

— Извините за беспокойство, ваше величество, но сейчас мне уже известны все факты о мятеже. Произошло следующее. Ректор Кайн уволил профессора физического факультета при обстоятельствах, вызвавших возмущение студентов научных факультетов. Часть из них вышла из аудиторий и отправилась на стадион, чтобы провести митинг протesta, который разросся настолько, что в него оказалась вовлечена половина студентов университета. Кайн потерял рассудок и приказал полиции университета очистить стадион. Студенты набросились на полицейских и смыли их. Надеюсь, что ни один из моих людей не допустил бы подобного безобразия. Человеку, которого я послал в университет, полковнику Хандросану, удалось уговорить студентов вернуться на стадион и продолжить митинг под защитой жандармов.

— Вероятно, полковник — неплохой офицер.

— Очень неплохой, ваше величество. Особенно в делах урегулирования всяческих инцидентов. Я полностью уверен в нем. Хандросан также расследует причины возникновения бунта. Я изложу вашему величеству все, что знаю на настоящий момент. Декан физического факультета, профессор Нельс Дандрик, при помощи профессора Кленна Фареса проводил эксперимент

с целью более точного установления скорости субъядерных частиц, бета-микропозитов. Как сообщил Кейн Хандросану, Дандрик утверждал, что достиг предела точности, но аппаратура начала выдавать беспорядочные данные.

Поэтому профессор Дандрик приказал приостановить эксперимент. — Князь Треванн замолчал на мгновение, чтобы прикурить сигарету. — Но профессор Фарес настаивал на продолжении опыта. Как рассказывает Дандрик, когда он приказал разобрать оборудование, Фарес пришел в ярость, начал непристойно ругаться и угрожать. Дандрик пожаловался Кейну, тот приказал Фаресу извиниться, Фарес отказался, и Кейн его уволил. Студенты немедленно подняли бунт. Фарес в целом подтвердил сказанное, добавив одну маленькую деталь, которую Дандрик не посчитал нужным упомянуть. Фарес утверждает, что, когда этим микропозитам придали скорость, более чем в шестнадцать с хвостиком раз превышающую скорость света, они стали достигать цели раньше, чем источник, откуда они вылетали, зарегистрировал эмиссию частиц.

— Да, я... Что вы сказали?

Князь Треванн повторил сказанное — медленно, ясно и невыразительно.

— Так я не ослышался. Что ж, необходимо настоять на полном исследовании ускоренных микропозитов, включая повторение эксперимента. Под руководством профессора Фареса.

— Да, ваше величество. Я собираюсь лично присутствовать в лаборатории. Если кто-то стоит на пороге открытия путешествий во времени, думаю, министерство безопасности заинтересовано в этом прежде всего.

Снова звонил премьер-министр, который подтвердил, что первый гражданин Ягго и король Ранульф прибудут на завтрак. Граф Гадван, постельничий, выходил на связь, чтобы изложить длинную и нудную информацию о распорядке банкета. Наконец в полдень Поль подал сигнал генералу Дорфли, подождал пять минут, а затем вышел из-за стола и покинул комнату. В холле его встретил сумасшедший генерал, сопровождаемый жесткошерстными солдатами.

На южной верхней террасе также присутствовало множество ториан. После шквала приветствий, рапортов, рукопожатий и отдания чести премьер-министр двинулся вперед и сопроводил Поля туда, где позади трех высоких гостей выстроились неровным полумесяцем члены Собрания советников в количестве тридцати человек. Общий возраст почтенных старцев приближался к двум тысячам восьмистам годам. Король Дюрандalia был одет в серебристое трико и розовые колготки, на его поясе из золотых звеньев висел украшенный драгоценными камнями кинжал, чуть толще вязальной спицы. Стройный и гибкий, с большими бархатными глазами, король Ранульф, очевидно,

уделял своей внешности массу внимания, и царский косметолог, вероятно, потрудился над ним сегодня пару часов. Да, видела бы это Мэррис, ужас!

Корефф, лорд обер-церемониймейстер, предпочитал, по-видимому, одежду, стандартную для Дюрандаля: довольно длинную кожаную куртку с короткими рукавами и сапоги. Дополняющий этот костюм кинжал выглядел так, словно предназначался для непосредственного применения. И лорд Корефф — толстый, с мясистым лицом и горой мускулов — держался так, словно на самом деле не прочь и вполне способен пустить кинжал в дело.

Первый гражданин Ягго, главный общественный управляющий Всенародного государства Адитья, был одет в белое, сшитое из одного куска одеяние, похожее на рабочий комбинезон, с эмблемой своего правительства и цифрой 1 на груди. Кинжал он не носил, но в любом случае самым подходящим к внешнему виду Ягго парадным оружием явилась бы логарифмическая линейка. Из-за полностью обривой головы, маленьких бледных глазок и зубастого ротика он чем-то напоминал крысу. Ягго общался с дюрандальцами с явной неприязнью, и те открыто платили той же монетой.

Король Ранульф выглядел так, словно выиграл право первенства в орлянку. Он пожал руку императора двумя руками и, выражая свое глубокое почтение и уважение, смотрел на Поля с явным обожанием. Ягго в приветствии просто прижал руки на уровне эмблемы к груди и быстро поднял их к подбородку.

— К услугам имперского государства, — сказал он и, помедлив и сделав над собой усилие, добавил: — Ваше императорское величество.

Не являясь главой страны, лорд Корефф подошел третьим и пожал Поль руку:

— Честь имею, ваше императорское величество, и благодарю от своего имени и от имени моего правителя за любезный прием, — промолвил он.

После того как попытка оказаться первым окончилась неудачей, лорд хотел вообще забыть о precedente. Сейчас ему было важно решить вопрос о размещении избыток зерна, и от этого зависело, останется он у власти на Дюрандале или нет.

К счастью, все три гостя уже виделись с советниками Собрания. И сразу же после того как представился Полю лорд Корефф, все направились к беседке для завтрака, установленной в двухстах ярдах. Король Дюрандаля взял Поля под левую руку, а первый гражданин Ягго мрачно ковылял слева. Князь Ганзи шел сзади, а лорд Корефф слева от Ранульфа.

— Надолго вы пожаловали в Один? — спросил Поль короля.

— О, я бы с удовольствием провел здесь несколько месяцев! В Асгарде все так прекрасно. По сравнению с ним наша маленькая столица Ронсевокс кажется такой провинциальной! Хочу открыть вашему величеству один секрет. Мне хочется узнать, не

удастся ли переманить на Дюрандаль нескольких ваших восхитительных балерин. Не считете ли вы меня гадким, если я чуточку опустошу театры вашего императорского величества?

— Вы достойный продолжатель традиций вашего народа, — ответил Поль мрачно, — вы, люди с оружием в руках, привыкли опустошать любые страны и планеты, на которые попадаете.

— О, боюсь, эти старые ужасные времена остались в далеком прошлом, ваше императорское величество, — сказал лорд Корефф. — Но, конечно, мы неплохо пострадали по Галактике. Кстати, я припоминаю, как читал где-то, что наши собратья с Морглеса и Фламбержа даже оккупировали Адитью в течение пары веков. Хотя, глядя на Адитью сейчас, трудно об этом догадаться.

Теперь наступила очередь первого гражданина Ятго воспользоваться правом первенства — сесть справа от императорского кресла. Лорд Корефф устроился слева от Ранульфа. Чтобы уравновесить эту компанию, князь Ганзи расположился позади Ятго и, исполненный сознания долга, начал расспрашивать главного общественного управляющего о структуре его правительства. Такие расспросы заставили Ятго начать монолог, обещающий затянуться по крайней мере на ползватрака. После этого Полю пришлось завязать беседу с королем Дюрандаля. Для начала он похвалил серебристое трико.

Король Ранульф засмеялся нежным голоском, отряхнул кончиками пальцев пылинки с одежды и сказал, что это самая простая одежда, изготовленная по образцу костюмов крестьян Дюрандаля.

— На Дюрандале есть крестьяне?

— О, милейший, есть. Такие приятные, очаровательные люди. Конечно, все они бедны, носят такую смешную порванную одежду и ездят в шумных старых аэромобилях — удивительно, как те не разваливаются на части. Но эти крестьяне так восхитительно счастливы. Я часто мечтаю стать крестьянином. Мне так надоело быть королем.

— Речь идет о классе неработающих, ваше императорское величество, — объяснил лорд Корефф.

— На Адитье, — провозгласил первый гражданин Ятго, — нет классов, и на Адитье все работают. По принципу «от каждого по способностям — каждому по потребностям».

— На Адитье, — сказал своему соседу старший советник, сидящий через четыре кресла справа, — классы называют не классами, а социологическими категориями, и таких категорий девятнадцать. К тому же на Адитье нет слова «неработающий», таких людей называют профессиональными резервистами, и там их гораздо больше, чем у нас, в Асгарде.

— Но, конечно, я рожден королем, — произнес Ранульф певчально и с достоинством. — И должен исполнять свой долг перед своим народом.

— Нет, они вообще не голосуют, — говорил лорд Корефф советнику, сидящему слева. — На Дюрандале надо сначала заплатить налоги, а потом уже голосовать.

— На Адитье не существует такого преступления, как налогобложение, — сообщил первый гражданин премьер-министру.

— На Адитье, — сказал своему соседу советник, сидящий через четыре кресла, — даже нечего облагать налогами. Вся собственность принадлежит государству, и если бы позволили имперская конституция и космический флот, государство взяло бы в собственность всех людей. Не говорите мне об Адитье. Первый большой корабль, которым я командовал, старый «инвиктус-374»,остоял на Адитье четыре часа, и я бы с большим удовольствием провел это время на орбите Ниффльхайма.

Поль наконец-то вспомнил, кто это такой. Старый адмирал, а теперь советник князя Геклар. Он прекрасно поладит с советником Дорфли.

— Ничего подобного, — отвечал лорд обер-церемониймейстер на чьи-то возражения. — Мы придерживаемся мнения, что каждое гражданское или политическое право предполагает гражданские или политические обязанности. Гражданин имеет право на защиту королевством, например. А потому у него есть обязанность защищать королевство. А право гражданина быть избранным в правительство королевства подразумевает обязательство поддерживать королевство финансами. Но мы облагаем налогами только собственность, и если неработающий приобретает облагаемую налогами собственность, он должен устроиться на работу, чтобы заработать на налоги. Должен добавить, что наши неработающие чрезвычайно осторожны и стараются избегать приобретения облагаемой налогами собственности.

— Но если у них нет избирательных голосов для продажи, на что они живут? — недоуменно спросил советник.

— Неработающих поддерживают дворянство, землевладельцы, торговые бароны, лорды-промышленники. Чем больше у них приверженцев — тем выше престиж. И тем больше стрелков они наберут на случай ссоры со своими друзьями-аристократами. Кроме того, если дворянство перестанет помогать неработающим, те превратятся в разбойников. Гораздо проще поддерживать неработающих, чем вылавливать их потом в кустах и вешать.

— На Адитье нет бандитизма.

— На Адитье все бандиты входят в состав секретной полиции, только называются не полицейскими, а слугами народа, девятая категория.

Над палаткой промелькнула тень, другая. Поль быстро взглянул вверх и увидел, как два длинных черных транспортно-десантных самолета, с эмблемой министерства безопасности: же-

лезный кулак на фоне солнца и шестеренка — проскользнули мимо башни Окtagона и стали спускаться на северную посадочную площадку. Промелькнул третий самолет. Поль вскочил:

— Пожалуйста, оставайтесь на своих местах и продолжайте завтракать. А я, прошу прощения, удаюсь на минутку, но тут же вернусь. — «Надеюсь», — добавил он мысленно.

На нижней террасе у основания башни Окtagона показался генерал-капитан Дорфли в сопровождении дюжины офицеров — ториан и людей. За ними следовала торианская вооруженная рота в полном составе. Завидев Поля, Дорфли бросился к императору навстречу.

— Началось, ваше величество! — сказал он, как только приблизился на расстояние, где мог быть услышан, не повышая голоса. — Мы все готовы умереть вместе с вашим величеством.

— Ну, надеюсь, это не случится слишком скоро, — ответил Поль. — Но в целях безопасности возьмите с собой эту роту и сопровождающих вас джентльменов, отправляйтесь в горы и присоединитесь к наследному принцу и его компании. Вот, — он взял из ременной сумки блокнот, что-то быстро написал, поставил печать и протянул записку Дорфли, — передайте это его высочеству и переходите в его распоряжение. Я знаю, он всего лишь мальчик, но мальчик толковый. Подчиняйтесь ему во всем и ни при каких обстоятельствах не возвращайтесь во дворец и не позволяйте возвращаться Родрику, пока я вас не вызову.

— Ваше величество отсылает меня? — Старый солдат пришел в ужас.

— Императору, у которого есть сын, можно найти замену, а сыну императора, который еще слишком молод, чтобы жениться, — нет.

При всем своем сумасшествии Харв Дорфли был способен размышлять логически.

— Да, ваше императорское величество, — кивнул он. — Оба мы служим Империи в меру всех наших сил и способностей. Я буду охранять и маленькую принцессу Ольву. — Он пожал Полю руку. — Прощайте, ваше величество! — И бросился прочь, собирая по дороге своих подчиненных и роту ториан. Через мгновение они скрылись из виду.

Император посмотрел вслед Дорфли и увидел большой черный аэромобиль с изображением планеты, окруженной тремя лунами, серебряными на черном фоне — аэромобиль Треванна, приземляющийся на южной посадочной площадке. Рядом садился транспортно-десантный самолет.

Из аэромобиля вышли четверо: Йорн, князь Треванн, и три офицера в черной форме службы безопасности. Князь Ганзи, покинув заседание, шел к Полю с одной стороны, а князь Треванн спешил с другой. Они сошлись около императора.

— Что происходит, князь Треванн? — требовательно спросил Ганзи. — Зачем вы привели сюда солдат?

— Ваше величество, — спокойно ответил Треванн, — очень надеюсь, что вы простите это вторжение. Я уверен, что ничего серьезного не произойдет, но береженого Бог бережет. Студенты университета направились ко дворцу — это мирная процессия, они несут вашему величеству петицию. Но по пути, проходя через район неработающих, студенты подверглись нападению шайки хулиганов, связанных с боссом избирательного блока по имени Натчи Нож. Никому из студентов не причинили вреда, и полковнику Хандросану удалось быстро вывести процессию из района, оставив там нескольких своих людей, к которым затем прислали подкрепление, чтобы разобраться с хулиганами. События продолжают развиваться. Эти мятежи — словно лесные пожары, никогда не знаешь, когда огонь перекинется на еще нетронутый участок и выйдет из-под контроля. Надеюсь, что люди, которых я привел с собой, здесь не понадобятся. Это резервные силы для подавления мятежей, и я не собираюсь вводить их в дело до тех пор, пока уверен, что дворец в безопасности.

Поль кивнул в знак согласия.

— Князь Треванн, когда, по-вашему, студенческая процессия дойдет до дворца? — спросил он.

— Они идут пешком, ваше величество, и будут здесь примерно через час.

— Князь Треванн, пожалуйста, пошлите одного из ваших офицеров посмотреть, готов ли передний экран для обращения к общественности. Я хочу поговорить со студентами, когда они прибудут. А пока я бы хотел увидеть ректора Кейна, профессора Дандрика, профессора Фареса и полковника Хандросана — всех одновременно. И графа Таммсана тоже. Князь Ганзи, прошу вас связаться с Таммсаном и пригласить его сюда.

— Сейчас, ваше величество? — Премьер-министр сначала попытался скрыть недоверчивый взгляд, а затем все понял, но вновь постарался не показать свои эмоции. — Да, ваше величество, сию секунду.

Он слегка нахмурился, увидев, как два офицера службы безопасности отсалютовали, уходя, князю Треванну, а не императору. Затем Треванн повернулся и направился к башне Окtagона.

Офицер, отошедший к аэромобилю, чтобы связаться по радио с университетом, возвратился и доложил, что полковник Хандросан уже везет ректора и обоих профессоров в ротной машине, предусмотрительно предположив, что император захочет переговорить с ними. Поль благодарно кивнул.

— Я вижу, Хандросан — весьма надежный и сообразительный человек, князь, — сказал он, — не теряйте его из виду.

— Да, ваше величество. По правде говоря, именно он организовал демонстрацию. Решил, что лучше пусть студенты идут

ко дворцу с петицией, чем будут толпиться вокруг университета и попадут в очередную переделку.

Вернулся еще один офицер и принес портативный видеоЭкран на антигравитационном подъемнике. К этому времени Собрание советников и три высоких гостя начали беспокоиться и все вместе вышли из беседки, тревожно осматриваясь вокруг. Заметив черную униформу солдат службы безопасности, выходящих из транспортных самолетов, советники столпились вокруг императора. Первый гражданин Ягго, король Ранульф и лорд Корефф выглядели крайне озабоченными и не подходили близко к Полю, словно тот был заражен какой-то страшной болезнью.

Включили демонстрационный экран, на котором показался город, снимаемый с аэромобиля, находящегося на высоте две тысячи футов. Вдалеке виднелся дворец с выступающей золотой колонной башни Окtagона. Машина с видеопередатчиком находилась позади процессии демонстрантов, продвигающейся ко дворцу по одной из широких эстакад в сопровождении жандармов и службы безопасности, прикрывающей колонну спереди, с тыла и флангов. Виднелись несколько флагов Империи, планеты и университета, но ни одного стандартного знамени или транспаранта, по которым всегда можно узнать запланированную демонстрацию.

Князь Ганзи, отсутствовавший некоторое время, вернулся и отозвал Поля в сторону.

— Ваше величество, — тихо прошептал он, — я пытался вызвать войска, но им потребуется несколько часов, чтобы добраться сюда. А чтобы мобилизовать милицию, надо не меньше суток. Численность же регулярных войск сейчас в Одине — пять тысяч человек.

И половина из них — офицеры и сержанты основного полка. Как и флот, армия была разбросана по всей Империи — на Бегемоте, Амиде, Шипетотеке, Астарте и Йотунхейме — в соответствии с запросами службы безопасности.

— Давайте посмотрим на мяtek, князь Треванн, — сказал один из менее дряхлых советников, генерал в отставке. — Хочу полюбоваться, как ваши люди справляются с такой ситуацией.

Офицеры, прибывшие вместе с Треванном, немного посовещались и вывели на экран показания другого видеопередатчика — вероятно, одного из обычных общественных передатчиков, находящегося в каком-то высотном здании. Вид открывался теперь с места, находящегося еще на пару миль дальше, и дворец можно было узнать лишь по едва заметному блеску башни Окtagона на горизонте. В небе мчалось с полдюжины аэромобилей службы безопасности, два из которых преследовали потрепанный гражданин катерок и стреляли по нему. Повсюду — на крышах, террасах и эстакадах — вели перестрелку небольшие группы солдат службы безопасности, перебегая из укрытия в укрытие, и время от времени одиночные стрелки и группы людей в штат-

ском палили по войскам безопасности. Удивительно, но раненых и убитых не было.

— Ваше величество, — прошипел старый генерал истеричным шепотом. — Да это же просто какая-то фальшивка! Посмотрите, они ведь все стреляют мимо! Ружья почти не дают отдачи! И слишком много дыма для обычного пороха!

— Я заметил.

По-видимому, мятеж подготовили давным-давно и очень тщательно. Хотя бунт студентов выглядел совершенно спонтанным. Да, хотелось бы знать, что замышляет Йорн Треванн. Вся эта странная ситуация поставила Поля в тупик.

— Только никому не говорите об этом, — попросил он.

Прибывали все новые и новые аэромобили, большие и роскошные, расписанные гербами некоторых самых знатных семей в Асгарде. Из одного приземлившегося среди первых, с эмблемой Дукласса, высадились министр экономики, министр образования и еще несколько министров. Граф Дукласс сразу подошел к князю Треванну, отвел его в сторону от короля Ранульфа и лорда Кореффа и заговорил — быстро и настойчиво. Быстрым шагом приблизился граф Таммсан.

— Боже храни ваше величество, — поздоровался он, задыхаясь. — Что происходит, сэр? Мы слышали о каком-то мелком скандале в университете, которым очень обеспокоен князь Ганзи, но теперь похоже, что бои идут по всему городу. Я никогда не видел ничего подобного. По дороге во дворец нам пришлось пробираться через огромные территории, где повсюду сражаются. А сейчас огромная толпа движется по авеню Искусств, и... — Он посмотрел на солдат службы безопасности. — Ваше величество, что происходит?

— Большие и пугающие перемены, — заговорил граф Таммсан, который, вероятно, тоже посетил пси-медиума. — Но я думаю, что Империя переживет их. Возможно, все это обернется к лучшему.

К князю Треванну подошел офицер жандармерии в синей униформе, увел его от графа Дукласса и сказал пару слов. Министр безопасности кивнул, а затем снова вернулся к министру экономики. Они еще немного поговорили, а затем пожали друг другу руки, и Треванн отошел от Дукласса, расплывшись в улыбке. К князю приблизился офицер жандармерии.

— Ваше величество, это полковник Хандросан, офицер, который ведет университетское дело.

— Прекрасная работа, полковник. — Поль пожал Хандросану руку. — Не удивляйтесь, если ваши заслуги вспомнят на предстоящем Дне почестей. Вы привезли Кейна и двух профессоров?

— Они внизу, на нижней посадочной площадке, ваше величество. Мы пытаемся задержать студентов, чтобы вашему величеству представилась возможность поговорить с ними.

— Я встречусь с профессорами сейчас же. В моем рабочем кабинете.

Офицер отсалютовал и ушел. Поль повернулся к графу Таммсану:

— Вот почему я попросил князя Ганзи пригласить вас. Весть о мятеже уже известна слишком многим, а потому мы не можем проигнорировать все эти события, придется что-либо предпринять. Я собираюсь поговорить со студентами. Хочу выяснить, что случилось, прежде чем решу, что же делать. Джентльмены, прошу пройти в мой кабинет.

— Но я не понимаю. — Граф Таммсан в недоумении огляделся, но все же последовал за Полем и князем Треванном, сопровождаемым группой солдат службы безопасности. — Не понимаю, что происходит.

Из-под императора почти что выдернули трон, один из министров готов произвести государственный переворот, и все вместе они собираются тратить время на выяснение пустякового академического спора. Единственное, что было совершенно ясно, — министерство образования обрело очень нехорошую славу, которую в настоящее время не могло себе позволить. Князь Треванн рассказывал об атаке хулиганов на демонстрацию студентов, что встревожило Таммсана больше всего. Хулиганы из неработающих обычно действовали по приказам боссов избирательных блоков, которые, в свою очередь, выполняли указания политиков-манипуляторов, возглавляющих картели и группы политического давления. И действие сверху вниз через неработающих обычно сопровождалось влиянием снизу вверх, что в конечном итоге весьма отрицательно оказывалось на министрах.

В холле около кабинета толпилось с десяток солдат службы безопасности в черных мундирах и столько же ториан из дворцовой охраны. Увидев приближающихся министров во главе с императором, солдаты моментально построились в две шеренги, и возглавляющий их торианский офицер отдал честь.

Зайдя в кабинет, Поль подошел к столу. Граф Таммсан зажег сигарету, нервно затянулся и сел так осторожно, словно боясь, что кресло развалится под ним. Князь Треванн расположился в другом кресле и расслабился, закрыв глаза. На полу валялись остатки вафель, не доеденные утром маленькой собачкой. Поль наклонился, подобрал крошки, положил их на стол и, усевшись, уставился на них. Так он сидел до тех пор, пока не замигал и не зажужжал дверной монитор. Тогда Поль нажал открывающую дверь кнопку.

Полковник Хандросан ввел в кабинет троих ученых мужей — Кейна с багровым надменным лицом, на котором сейчас, однако, была написана явная тревога; седовласого, сутулого и крайне раздраженного Дандрика и Фареса — молодого, воинственно настроенного, со щетинистыми рыжими усами. Император попри-

вествовал всех вошедших разом и предложил им сесть, после чего ненадолго возникла небольшая неловкая пауза, во время которой все ожидали, что Поль заговорит первым.

— Джентльмены, — наконец нарушил он молчание, — хотелось бы наконец узнать более упорядоченные факты о студенческом мятеже и его причинах. Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас по возможности кратко и полно рассказал, что вы знаете о последних событиях в городе.

— Вот кто заварил всю эту кашу! — провозгласил Кейн, указывая пальцем на Фареса.

— Профессор Фарес здесь ни при чем, — решительно заявил полковник Хандросан. — Он вместе с женой упаковывал вещи у себя дома, когда все это началось. Кто-то позвонил ему и рассказал о драке на стадионе, и профессор сразу направился туда, чтобы уговорить студентов разойтись. Но к этому времени ситуация на стадионе полностью вышла из-под контроля, и учащихся уже не удалось образумить.

— Я думаю, нам прежде всего следует выяснить, почему профессора Фареса уволили, — сказал князь Тревенн. — Очень трудно убедить меня, что преподаватель, способный приобрести такое уважение студентов, — плохой учитель и заслуживает увольнения.

— Насколько я понимаю, — сказал Поль, — увольнение явилось следствием разногласий между профессором Фаресом и профессором Дандреком относительно эксперимента, который они вместе проводили. По-моему, целью эксперимента являлось более точное установление скорости летящих с ускорением субъядерных частиц. Бета-микропозитов, не так ли, профессор Кейн?

— Ваше величество, — Кейн с удивлением взглянул на императора, — я ничего об этом не знаю. Профессор Дандрек возглавляет физический факультет; около шести месяцев назад он пришел ко мне и сказал, что считает такой эксперимент желательным. Я просто-напросто положился на его мнение и дал санкцию на проведение опыта.

— Ваше величество только что описали цель эксперимента, — сказал Дандрек. — Очень долгое время в математических описаниях субъядерных событий существовали различные неточности. И эксперимент, о котором идет речь, был предпринят в надежде исключить их.

— Да, я понимаю, профессор, — прервал Поль Дандрека, прежде чем тот успел начать длинные математические объяснения. — Но в чем состоял сам эксперимент, в терминах физических действий?

Какое-то мгновение Дандрек беспомощно озирался по сторонам.

— Ваше величество, — вмешался Фарес, подавив смешок, — мы применили большой турборлинейный ускоритель, чтобы выпустить микропозиты по трубе длиной в один километр, за-

полненной разреженным воздухом. Ускорение микропозитов измерялось в световых единицах, скорость которых установлена практически абсолютно точно. Я бы выразился так, что относительно света в принципе не существует наблюдаемых неточностей. И до тех пор пока мы ускоряли микропозиты до 16,067543333 скорости света, они регистрировались так, как и ожидалось. Но после дальнейшего увеличения ускорения мы стали регистрировать столкновения микропозитов с заданной целью раньше, чем выпускали их из ускорителя, хотя все приборы регистрации частиц продолжали функционировать нормально. Я известил об этом профессора Дандрика, и...

— Вы известили его. А что, профессор не присутствовал при опыте?

— Нет, ваше величество.

— Ваше величество, я — глава физического факультета университета. И у меня и без того много административной работы, чтобы еще терять время на технические аспекты подобных экспериментов, — вставил слово Дандрик.

— Как я понимаю, профессор Фарес проводил исследования микропозитов практически в одиночку. Так, вы сказали Дандрику, что случилось. И что?

— Ваше величество, профессор Дандрик просто заявил, что достигнут предел точности, и приказал прекратить эксперимент. Затем он прислал вам отчет — еще до того, как мы наблюдали этот эффект ожидания, — сообщив, что установлен новый предел точности в измерении скорости летящих с ускорением микропозитов, даже словом не упомянув об эффекте ожидания.

— Я читал краткое резюме этого отчета. Почему же вы, профессор Дандрик, не сочли нужным упомянуть о таком довольно необычном эффекте?

— Почему?! Да потому что все это до крайней степени нелепо, вот почему! — пролаял Дандрик. И добавил поспешно: — Ваше императорское величество. — Затем он повернулся и свирепо посмотрел на Фареса, ибо смотреть таким образом на императоров галактик профессорам не полагалось. — Ваше величество, предел точности был достигнут. После чего, как и следовало ожидать, техника начала давать ошибочные показания.

— Можно было предположить, что приборы прекратят регистрировать возросшую скорость относительно стандартной скорости света или начнут выдавать непропорциональные данные, — сказал Фарес. — Но, ваше величество, я утверждаю: никто не ожидал, что микропозиты будут обнаружены у цели раньше выброса из источника. И добавлю: после регистрации такого небольшого, но очевидного прыжка в будущее не наблюдалось пропорционального увеличения ожидания вместе с увеличением ускорения. Я хотел выяснить почему. Но когда профессор Дандрик понял, что происходит, он фактически впал в истерику, приказал

немедленно выключить ускоритель, словно боялся, что прибор взорвется и осколки полетят прямо в него.

— Я думаю, пара осколков до него уже долетела, — спокойно произнес князь Треванн. — Профессор, имеется ли у вас какая-либо теория, или предположение, или хотя бы идея, как возник этот эффект ожидания?

— Да, ваше высочество. Я подозреваю, что кажущееся ожидание — обыкновенная иллюзия наблюдения. Подобная иллюзии перестановки временных отрезков, которую ученые впервые заметили, но не поняли, когда открыли, что позитроны иногда превышают скорость света.

— И я то же самое все время говорил! — вмешался Дандрик. — Все это иллюзия, связанная...

— С достижением предела точности наблюдений, профессор Дандрик. Продолжайте, профессор Фарес.

— Я полагаю, что при превышении скорости света в 16,067543333 раза микропозиты теряют вообще какую-либо скорость, скорость, определяемую как движение в четырехмерном пространстве. Я думаю, частицы двигались сквозь трехмерное измерение, не продвигаясь в то же время в четвертом, временном измерении. Они преодолели это расстояние от источника к ми-шени вне времени. Мгновенно.

Это были первые слова правды. Фарес наконец сказал то, о чем действительно думал. Дандрик с воплем вскочил на ноги:

— Он сумасшедший! Ваше величество, вы не должны... то есть я имел в виду, пожалуйста, ваше величество, не слушайте его. Он сам не знает, что говорит. Он просто бредит!

— Он прекрасно знает, о чем говорит, и это, вероятно, путает его еще больше, чем вас. Но разница в том, что Фарес хочет взглянуть правде в лицо, а вы — нет.

На самом деле разница состояла в том, что Фарес был ученым, а Дандрик — преподавателем. Для Фареса случившееся означало, что в науке открылась новая дверь, впервые за последние восемьсот лет. Для Дандрика же это значило угрозу упразднения всего, чему он учил всю свою жизнь, с самого первого утра, когда открыл дверь аудитории университета. Он более не сможет говорить ученикам: «Вы здесь для того, чтобы я научил вас». Теперь ему придется смириться и сказать: «Мы здесь для того, чтобы получить знания из Вселенной».

Так случалось уже много раз. Удобный и устоявшийся мир существовал в соответствии со всеми известными фактами, а затем появлялись новые факты, уже не соответствующие ничему. Когда-то третья планета Солнечной системы являлась центром Вселенной, затем ею стала Терра, затем Солнце, после чего даже в масштабах Галактики были вынуждены отказаться от какого-либо понятия центра. Атом считали неделимым, пока кто-то не разделил его. Предполагали, что весь космос пронизывают невидимые, непостижимые частицы, необходимые для передачи

света, и так думали до тех пор, пока не обнаружили, что такие частицы совершенно не нужны и не существуют. А скорость света когда-то считалась максимальной и постоянной, вне зависимости от расстояния от светового источника, и ученые утверждали, что ее нельзя превысить, точно так же, как нельзя поделить атом. А космос для объяснения некоторых наблюдаемых явлений считался расширяющимся одновременно во всех направлениях. А сколько всего было обнаружено в психологии, когда открыли пси-Феномен, который стал настолько очевиден, что его уже стало невозможно игнорировать.

— Значит, доктор Дандрик приказал вам прекратить эксперимент как раз в тот момент, когда он стал интересным, и вы отказались?

— Ваше величество, я уже не мог остановиться. Но доктор Дандрик велел разобрать и прочистить аппаратуру, и тогда я, наверное, потерял голову. Сказал, что сейчас врежу по его старой глупой морде.

— Вы слишком много себе позволяете! — закричал ректор Кейн.

— Я думаю, вы проявили недюжинную сдержанность, не выполнив подобную угрозу. Вы объяснили ректору важность эксперимента?

— Я пытался, ваше величество, но он просто не стал слушать.

— Но ваше величество! — запротестовал Кейн. — Профессор Дандрик — глава факультета, один из ведущих физиков Империи, а этот молодой человек — всего лишь один из младших помощников профессора. Он даже в общем-то не профессор, поскольку получил свою ученую степень на одной из далеких планет. В университете Браннертона, на Гимли.

— Профессор Фарес, разве вы не учились у профессора Ванна Эверетта? — резко спросил князь Треванн.

— Да, сэр, я...

— Ха, неудивительно! — закричал Дандрик. — Ваше величество, Эверетт — совершеннейший шарлатан! Десять лет назад его вышвырнули из здешнего университета, и я удивляюсь, как он вообще сумел преуспеть, даже в таком заведении, как Браннертон, и на такой планете, как Гимли.

— Ах ты, старый тупой дурак! — закричал Фарес. — Да твоих знаний физики не хватит даже для того, чтобы хотя бы смазывать маслом роботов в лаборатории Ванна Эверетта!

— Вот, ваше величество, — сказал Кейн. — Теперь вы видите, как этот хулиган уважает власти.

— Да, — сказал Поль, — на Адитье такое поведение немыслимо, там все уважают власти. Независимо от того, достойны последние уважения или нет.

Граф Таммсан хохотнул было, но подавил смешок, поняв, что он — единственный, кто смеется вслух, остальные же не уловили шутки.

— Хорошо, а как насчет студенческого бунта? — спросил Поль. — Кто начал его?

— Полковник Хандросан проводил расследование на месте, — ответил князь Треванн. — Могу ли я предложить выслушать его отчет?

— Да, конечно. Полковник, прошу.

Хандросан поднялся и заложил руки за спину, пристально глядя на стену за спиной Поля.

— Ваше величество, студенты отделения субъядерной физики, возглавляемого профессором Фаресом, аспиранты — в общем, все — узнали об увольнении профессора Фареса от одного из работников факультета, который вел занятия сегодня утром. Все они встали и вышли в холл, а затем собрались на улице, во дворе, чтобы обсудить это дело. На следующей перемене к ним присоединились студенты других научных факультетов, и все вместе они отправились на стадион, где полчаса спустя к ним присоединились остальные учащиеся университета, узнавшие об увольнении. Короче, мятежники собрались мгновенно, хотя никто их не организовывал. Весь стадион напичкан видеопередатчиками, снабженными записывающими устройствами. У нас имеется полная аудиовидеозапись событий, включая нападение на студентов полиции университета.

Приказ об атаке был отдан ректором Кейном около одиннадцати поль-поль. Начальнику университетской полиции было приказано очистить стадион, и на его вопрос, можно ли применить силу, ректор Кейн ответил, что можно использовать все что угодно.

— Я этого не говорил! Я только велел убрать студентов со стадиона, но...

— У начальника университетской полиции имеется персональное записывающее устройство, — монотонно и спокойно произнес Хандросан. — Приказ был отдан голосом ректора Кейна. Я сам слышал.

Полицейские, — продолжил он, — пробовали сначала применить газ, но дул встречный ветер. Тогда они попытались применить слуховые оглушители, но студенты набросились на них и переломали все приборы. Если ваше величество позволит мне выразить собственное мнение, то, хотя я и не одобряю последовавшую атаку студентов на административный центр, должен заметить, что так называемые мятежники абсолютно не вышли за рамки своих прав, защищаясь на стадионе. А ведь достаточно трудно остановить обученные и дисциплинированные войска, когда они переходят в наступление. Разгромив полицию, студенты, взбудораженные своей победой, просто продолжили атаку.

— То есть вы утверждаете, будто точно установлено, что студенты вели себя мирно и не нарушили порядка на стадионе, когда их атаковали? И приказ об атаке отдал лично ректор Кейн?

— Да, я это утверждаю, ваше величество.

— Я думаю, мы все выяснили, джентльмены. — Поль повернулся к графу Таммсану: — Это дело, в общем-то, касается министерств образования и безопасности. Я предлагаю, чтобы вы и князь Треванн провели совместное официальное и публичное расследование. И до тех пор пока не будут выяснены, разобраны и изложены все детали, увольнение профессора Фареса откладывается и он восстанавливается в своей должности на факультете.

— Да, ваше величество, — согласился Таммсан. — И думаю, что до выяснения всех обстоятельств ректору Кейну следует взять отпуск.

— Еще я предлагаю следующее. Раз решающим моментом всего этого дела послужил эксперимент с микропозитами, его необходимо повторить. Под личным руководством профессора Фареса.

— Я согласен, ваше величество, — сказал князь Треванн. — Если это так важно, как я думаю, профессор Дандрик заслужил порицания за то, что приказал прекратить эксперимент и не доложил об эффекте ожидания.

— Мы проведем совещание касательно расследования, включая эксперимент, завтра, ваше высочество, — сказал Таммсан Треванну.

— Хорошо, джентльмены. — Поль поднялся, и вместе с ним встали все остальные. — Вы все свободны. Вскоре появится процсия студентов, и я хочу рассказать им обо всем, что мы собираемся делать. Князь Треванн, граф Таммсан, вы присоединитесь ко мне?

Поднимаясь к центральной террасе, располагающейся рядом с башней Окtagона, Поль обернулся к графу Таммсану.

— Я заметил, что вы засмеялись, когда я сделал замечание насчет Адиты, — сказал он. — Вы встречались с первым гражданином?

— Только связывался с ним по видеосети, сэр. Мы беседовали около часа. По-моему, на Адитье готовится реформа системы образования. Реформы во всех сферах там проводятся каждые десять лет, надо это или нет. Ягго прибыл к нам, чтобы найти кого-либо, кто сможет заняться очередными преобразованиями.

Поль внезапно встал, заставив остановиться идущих позади, и искренне рассмеялся:

— Что ж, первый гражданин Ягго уедет домой довольным: мы преподнесем ему подарок в виде самого знаменитого преподавателя на Одине.

— Кейна? — спросил Таммсан.

— Ну да. Прекрасная идея. Если у вас есть несколько нерешенных проблем, это причиняет массу беспокойства, но, если проблем накопилась целая куча, они начинают разрешать друг друга. Таким образом мы сможем избавиться от Кейна и созда-

дим вакантную должность, которая может быть занята кем-либо достойным. Министерство образования выберется из скверной ситуации, а первый гражданин Ягто получит то, чего хочет.

— И, насколько я знаю Кейна и Всенародное государство Адитья, не пройдет и года, как Ягто застрелит Кейна или засадит его в тюрьму, и тогда у космического флота появится повод посетить Адитью, после чего ситуация там изменится коренным образом и уже никогда не будет прежней, — добавил князь Треванн.

Выслушав обращение Поля, студенты столпились на лужайках перед дворцом и все еще продолжали приветствовать императора криками. Солдаты службы безопасности куда-то испарились, но у входа в холл зала заседаний императора и министров встретил наряд торианских стрелков, одетых в красные юбочки. Подошел князь Ганзи в сопровождении двух офицеров дворцовой охраны: человека и торианина. Граф Таммсан в недоумении смотрел то на Поля, то на Треванна. Удивление было вызвано тем, что все как ни в чем не бывало опять происходило как обычно.

— Джентльмены, — сказал Поль, — я полагаю, что вы хотите посовещаться с коллегами в круглом зале, прежде чем начнется заседание. Вы не обязаны сопровождать меня далее.

— Ваше величество, что происходит? — недовольно спросил князь Ганзи, приблизившись к Полью, как только тот вошел в холл. — Кто в конце концов контролирует ситуацию во дворце, вы или князь Треванн? И где его императорское высочество и генерал Дорфли?

— Я отоспал Дорфли, чтобы он составил компанию Родрику на пикнике. Думаю, не стоит расстраиваться по поводу отсутствия старого генерала. Представьте себе, что бы он тут натворил.

— Я думал, что владею ситуацией. — Князь Ганзи какое-то мгновение смотрел на Поля с любопытством. — Но теперь сомневаюсь. А это дело о студентах... как вы узнали о нем?

Поль рассказал. Они поговорили еще немного, затем премьер-министр посмотрел на часы и предложил начать заседание. Поль кивнул, и они проследовали в холл, а затем в зал.

В большом полукруглом вестибюле находились лишь взвод дворцовой охраны, императрица Мэррис и фрейлины. Быстро, как только позволяло узкое платье, Мэррис приблизилась к Полью и взяла его под руку; фрейлины последовали за ней, а впереди шел князь Ганзи, созывая всех на заседание: «Милорды, ваши светлости, джентльмены — его императорское величество!»

Мэррис крепко взяла мужа под руку, и они двинулись вперед.

— Поль, — прошептала она ему в самое ухо, — что это за дурацкая история с Йорном Треванном, который будто бы пытается захватить трон?

— Глупости! Йорн достаточно приближен ко двору и знает, что это за место — трон. Да он, пожалуй, пойдет на любое пре-

ступление, включая геноцид, чтобы держаться от трона подальше.

— Тогда почему, — Мэррис слегка подпрыгнула, чтобы идти с Полем в ногу, — он наполнил дворец черными мундирями? А с Родом все в порядке?

— Абсолютно. Он где-то в горах, на пикнике, удерживает Харва Дорфли от очередных глупостей.

Поль и Мэррис пересекли зал заседаний и сели на трон, предназначенный для двоих. Вслед за императором с императрицей уселись и все присутствующие, и после некоторых официальных фраз премьер-министр объявил заседание открытым. Почти моментально вскочил на ноги один из князей-советников и попросил у его величества разрешения задать несколько вопросов правительству.

— Я бы хотел спросить его высочество министра безопасности, что означают все эти беспрецедентные беспорядки, как во дворце, так и в городе.

Князь Треванн тут же поднялся:

— Ваше величество, отвечая на вопрос его светлости... — и он принялся описывать студенческий мятеж, демонстрацию с петицией к императору и неразбериху с хулиганами из неработающего класса. — Что касается происшествия в университете, то я не хотел бы касаться проблем, о которых должен побеспокоиться его светлость министр образования. Что же до сражений в городе, могу заверить его светлость, что жандармы и солдаты службы безопасности полностью контролируют ситуацию. На зачинщиков городских беспорядков проводится облава, и если министр юстиции согласится, то расследование произшедшего начнется завтра.

Министр юстиции заверил министра безопасности, что к завтрашнему дню его министерство полностью подготовится к сотрудничеству в расследовании. Встал граф Таммсан и начал рассказывать о мятеже в университете.

— Что случилось, Поль? — прощептала Мэррис.

— Ректор Кейн уволил профессора физики за то, что тот слишком интересуется наукой. Студентам это не понравилось. Думаю, что ситуацию легко исправит преемник Кейна. Как прошел фестиваль цветов?

— Я уложилась в график. — Императрица подняла веер, чтобы скрыть гримасу. — Завтра у меня еще пятьдесят выступлений.

— Ваше императорское величество! — Поднявшийся советник замолк на минутку, чтобы убедиться, что император его слушает, а затем продолжил: — Ввиду того что дело помимо всего прочего касается и научного эксперимента, в котором, вероятно, заинтересовано также министерство науки и техники, и поскольку в настоящий момент министра, возглавляющего это учреждение,

нет, я предлагаю продолжить обсуждение данного вопроса после избрания министра.

На ноги вскочил министр здравоохранения:

— Ваше императорское величество, позвольте мне согласиться с предложением его светлости и дополнить его встречным предложением: упразднить министерство науки и техники, а все функции и персонал распределить между другими министерствами, а именно — образования и экономики.

Не успел оратор сесть на место, как поднялся министр изящных искусств:

— Ваше императорское величество, позвольте мне согласиться с мнением графа Гилфреда и дополнить высказанное им предложение своим: упразднить также никем в настоящий момент не возглавляемое министерство обороны, а его персонал и функции передать министерству безопасности, возглавляемому его светлостью князем Треванном.

Вот оно, началось!

— Ого! — сказала за спиной Поля Мэррис.

Поль уже давно заметил, что его жена способна одним междометием выразить то, о чем советник обычно вещает в течение получаса. Князь Ганзи был ошеломлен, шесть из восьми советников Собрания говорили одновременно, перебивая друг друга. Четверо министров вскочили на ноги, шумно требуя слова. Громче всех кричал граф Дукласс, министр экономики, которому слово и предоставили.

— Ваше императорское величество, поскольку я являюсь заинтересованной стороной, мне не подобает поддерживать предложение графа Гилфреда. Но с предложением барона Гаратта, министра изящных искусств, я готов согласиться практически полностью. Вообще, я считаю это предложение весьма замечательным...

— А я считаю его самым дьявольски опасным предложением, высказанным в этом зале за последние шесть веков! — выкрикнул старый адмирал Геклар. — В результате все вооруженные силы Империи окажутся сосредоточенными в руках одного человека. Кто знает, каким бессовестным образом решит он использовать полученную власть?

— Так вы намекаете, князь-советник, что князь Треванн намеревается применить свою власть в корыстных целях и собирается начать подрывную деятельность? — требовательно спросил граф Таммсан, обращаясь ко всем вместе.

По залу прокатился всеобщий вздох. Около половины заседающих были абсолютно уверены, что так оно и есть. Адмирал Геклар поспешил быстро увильнуть от ответа.

— Князь Треванн — не последний в истории Империи министр безопасности, — сказал он.

— Ваше величество, — вступил в дискуссию граф Дукласс, — хочу лишь напомнить, что министерство безопасности и так фак-

тически обладает монополией на вооруженные силы на этой планете. Как мне сообщили, когда в городе возникли беспорядки, которые сейчас почти контролируют люди Треванна, был отдан приказ привезти в Асгард регулярные войска и планетарную милицию. Но, прежде чем войска или милиция доберутся сюда, пройдет несколько часов, и потребуется по крайней мере день для их мобилизации. А тогда им уже нечего будет тут делать. Не так ли, князь Ганзи?

Премьер-министр злобно зыркнул на графа, уязвленный тем, что не у него одного имеется прекрасная личная разведывательная служба, затем проглотил свою злость и согласно кивнул.

— Более того, — продолжил граф Дукласс, — министерство обороны само по себе — анахронизм, доказательством чего является то положение, в котором оно сейчас находится. У Империи в настоящий момент вообще нет внешних врагов. Все наши проблемы обороны — проблемы внутренней безопасности. Так давайте передадим все силы министерству, отвечающему за эти вопросы.

Дебаты все продолжались. Поль уделял происходящему все меньше и меньше внимания: уже и так стало очевидно, что силы оппозиции иссякают. Начали раздаваться крики сторонников предложения: «Голосовать! Голосовать!» Князь Ганзи поднялся со своего места и подошел к трону.

— Ваше императорское величество, — тихо проговорил он, — я не поддерживаю идею передачи министерства обороны в распоряжение Треванна, но уверен, что предложение будет принято большинством голосов, даже если ваше величество наложит вето. Желает ли ваше величество моей отставки до того, как начнется голосование?

Поль поднялся, встал рядом с премьер-министром и положил руку ему на плечо.

— Нет, ни в коем случае, дружище, — достаточно громко сказал он. — Вы мне еще очень пригодитесь. А что касается предложения, я не против. Думаю, это прекрасная идея, одобряю ее. Как только окончится голосование, — Поль понизил голос, — объявите имя генерала Дорфли для назначения в Собрание.

Премьер-министр грустно посмотрел на императора, кивнул, вернулся к своему месту, затем призвал собравшихся к порядку и объявил начало голосования.

— Да, когда не можешь победить врагов, лучше к ним присоединиться, — произнесла Мэррис, когда Поль сел рядом. — А если они набросятся на тебя, кричи «Да вот же он: все за мной!»

Предложение приняли почти единогласно, затем князь Ганзи выдвинул генерал-капитана Дорфли на повышение и избрание в Собрание советников, и император утвердил Харва Дорфли в новой должности. Как только был объявлен перерыв и появилась возможность улизнуть, Поль так и сделал — он незаметно вышел через маленькую дверцу за троном и направился к лифту.

В комнате на вершине башни Окtagона Поль снял и отложил ремень и поясной кинжал, расстегнул мундир, сел в глубокое кресло и вызвал робота-слугу. Им оказался тот же робот, который приносил завтрак, и Поль поприветствовал его, словно хорошего друга. Тот зажег императору сигарету и налил бренди. Поль долго сидел, курил и потягивал бренди, глядя сквозь широкое окно на запад, где оранжевое солнце опалило облака за горами. Наконец он почувствовал, что ужасно устал. Что ж, не удивительно, за прошедший день в Империи свершилось больше исторических событий, чем за все годы правления Поля.

Что-то щелкнуло за его спиной. Поль повернул голову и увидел, как из потайного лифта выходит Иорн Треванн. Император ухмыльнулся и приветственно поднял бокал.

— Я думал, что ты немного опоздаешь, — сказал он. — Что, все оставшиеся хотят примкнуть к победителям?

Иорн подошел, расстегнул ремень, положил его рядом с ремнем Поля и злоухнулся в кресло напротив, а робот наполнил его бокал.

— Coup d'etat*. Но в данном случае переворот ли это на самом деле? Почему ты не сказал мне, что заварил всю эту кашу?

— Это не я, само собой все получилось. Я вообще ничего не знал, пока Макс Дукласс не остановил меня на посадочной площадке и не принял долго и нудно рассказывать о последних событиях. Я намеревался сражаться за предложение о разделении министерства науки и техники, но вспыхнул этот бунт и напугал Дукласса, Таммсана, Гилфреда и остальных. Они были не слишком уверены в своем большинстве — вот почему откладывали выборы несколько раз. Но зато вся эта компания быстро сообразила, что мятеж отрицательно настроит некоторых нерешительных советников. Поэтому Дукласс, Таммсан и Гилфред предложили мне содействие в обмен на поддержку их предложения с моей стороны. Это была слишком хорошая сделка, чтобы отказаться от нее.

— Даже ценой раз渲ала министерства науки и техники?

— Да оно и так уже развалилось, давным-давно прекратило работать и покрылось ржавчиной. Основной функцией техники стало подавление всего, что может угрожать состоянию нашей экономики *in rigor mortis***, которое Дукласс называет стабильностью. Функции же науки свелись к тому, что такие пустобрехи, как Кейн и Дандрик, стали заправлять преподаванием. Что ж, у министерства обороны есть собственные отделы науки и техники, и, когда мы приблизимся к разделу этой лакомой птички, Дукласс и Таммсан собираются положить много хороших кусков на мою тарелку.

* Государственный переворот (*фр.*).

** Трутное окоченение (*лат.*).

А когда поделят всю птичку, то обнаружат, что для настоящих исследований нет средств. И тогда у моего величества появится предлог для учреждения императорской службы научных исследований, независимой ни от какого министерства, и догадайся, кто его возглавит?

— Фарес. И, кстати, нам следует надавить на Кейна. Первый гражданин Ягго будет настолько же рад заполучить его, насколько мы хотим от него избавиться. А почему бы нам не пригласить Банна Эверетта и не предоставить ему работу?

— Пожалуй. Если он приступит к работе в начале следующего академического года, через десять лет в нашем распоряжении окажется тысяча молодых людей, а может, в десять раз больше, которые не испугаются новых открытий и новых идей. Но главное то, что теперь у тебя есть министерство обороны и наш план действительно может начать работать.

— Да. — Йорн Треванн достал сигареты и прикурил одну. Поль взглянул на робота в надежде, что тот не обиделся. — Все эти местные восстания я превратил в междуусобные кулачные потасовки. А чего стоят гражданские войны, которые затевали мои люди! И таких войн вскоре станет еще больше, а я начну ратовать за соответствующее расширение космического флота, и как только мы этого добьемся, все местные проблемы исчезнут. Что мы станем делать тогда? Пустим на слом все корабли?

Они оба знали, что так и придется поступить с некоторыми из космических судов. И сделать это придется украдкой, без свидетелей. Но некоторые из кораблей полетят далеко за пределы Империи, и тогда что-то начнет происходить. Новые миры, новые проблемы. Большие и пугающие перемены.

— Поль, мы уже давно договорились обо всем, когда еще были мальчишками и учились в университете. Империя перестала расти, а когда что-то перестает расти, оно умирает, застывает и постепенно превращается в камень. А мертвый камень начинает трескаться и крошиться, и ничто не может остановить этот процесс. Но если мы сможем доставить людей на новые планеты, Империя не умрет и снова начнет расширяться.

— Ведь это не ты начал заварушку в университете сегодня утром, а?

— Да, я тут ни при чем. Но атака хулиганов — моих рук дело. Я заслал туда своих людей. Как только Хандросану удалось увести студентов, в драку вступили настоящие хулиганы. Мы захватили всех до одного, включая главаря Натчи Ножа. Стоило нам увезти его, в потасовку попытались вмешаться Большой Муги и Зикко Носяра. Вскоре мы изловим и их. К завтрашнему утру в Асгарде не останется ни одного избирательного блока неработающих, а к концу недели они перестанут существовать на всем Одине. Я раскрыл заговор, в котором участвуют все эти избирательные банды.

— Подожди-ка! — Поль вдруг вскочил. — Я же совсем забыл! Харв Дорфли прячет Рода и Ольву в горах. Я хотел, чтобы они находились подальше от столь волнующих событий. Нужно связаться с ним и сказать, что все в порядке и можно возвращаться.

— Ну, тогда застегни мундир и не забудь кинжал, а то выглядишь так, словно тебя арестовали, разоружили и обыскали.

— Да-да. — Поль поспешно привел себя в порядок, подошел к экрану на другом конце комнаты и набрал кодовую комбинацию, вызывая отряд, сопровождающий Родрика на пикнике.

Показался молодой лейтенант из отряда дворцовой охраны, которого Поль тут же заверил, что Империя вне опасности. В следующую секунду он увидел генерала Дорфли.

— Ваше величество! С вами все в порядке?

— Абсолютно, генерал, здесь вполне безопасно и можно везти назад его императорское высочество. Заговор против трона раскрыт.

— Слава Богу! Надеюсь, князь Треванин в тюрьме?

— Совсем наоборот, генерал. Князь Треванин — наш верный и преданный слуга, который как раз и раскрыл заговор.

— Но... но, ваше величество!

— Вы совершенно не виноваты, что подозревали его, генерал. Агенты Треванна соблюдали строгую конспирацию. Каждый из тех, кого вы подозревали, — конечно же, по очень веским причинам — на самом деле работал над раскрытием заговора. Вспомните, генерал: автомат в коммуникационном экране, бомба в лифте, изменники среди оркестра со встроенными в инструменты винтовками. Все это вы заметили из-за кажущейся неосторожности заговорщиков, не так ли?

— Но... но... да, ваше величество! — К завтрашнему утру Дорфли наверняка припомнит каждый из этих заговоров в деталях. — Вы имеете в виду, что такая неосторожность была преднамеренной?

— Ваша бдительность и верность Империи заставили заговорщиков прибегнуть к столь фантастическим уловкам. Но сегодня мы с князем Треванном нанесли ответный удар. Скажу вам по секрету, что все заговорщики уже мертвые. Убиты сегодня днем во время мятежа, который специально устроил князь Треванин для этих целей.

— Значит... теперь уже не будет заговоров против жизни вашего величества? — В голосе старого генерала проскользнули нотки жалости.

— Нет, ваша светлость.

— Как... как ваше величество назвали меня? — недоверчиво переспросил Дорфли.

— Имею честь быть первым, кто обратился к вам, величая вас в соответствии с новым титулом, князь-советник Дорфли.

Поль оставил старика переживать услышанное; тот громко рыдал от счастья на плече наследного принца, который подмиг-

нул отцу с экрана. Князь Треванн взял у робота два бокала с новой порцией бренди и подал один Поль, когда тот вернулся в свое кресло.

— Думаю, в течение недели Дорфли обнаружит, что Собрание советников так и кишит заговорщиками, — произнес Треванн. — И все же это ты хорошо придумал. Это еще один случай, когда возникающие проблемы разрешают друг друга.

— Ты говорил что-то о заговоре, который раскрыл.

— О да, сей экземплярчик с успехом увенчал бы старания Дорфли. Все главари избирательных блоков на Одине вступили в заговор, намереваясь начать гражданскую войну, чтобы получить возможность разграбить планету. Конечно, правды тут — ни на йоту, но это позволит арестовать главарей и продержать их в заключении несколько дней. К этому времени некоторые из моих тайных агентов возьмут под контроль избирательный голос каждого неработающего на планете. Картели ведь положили конец конкуренции во всех сферах бизнеса, почему бы не образовать картель избирателей? И тогда во время любых выборов нам останется всего лишь подать заявку.

— Что будет означать абсолютный контроль...

— Над голосами неработающих — да. И я лично гарантирую, что через пять лет политики Одина станут настолько невыносимо продажны и коррумпированы, что творческие работники, техники, бизнесмены, даже аристократия добровольно сбегутся в избирательные участки, чтобы проголосовать. И если придет хотя бы половина из них, они сметут неработающих. А это в итоге будет означать конец торговле голосами избирателей. И тогда неработающим придется найти себе работу. Мы поможем им.

— Большие и пугающие перемены.

Йорн Треванн засмеялся, услышав эту фразу. Наверное, он сам ее и придумал. Поль поднял стакан:

— За министра беспорядков!

— За ваше величество! — Они выпили, и Йорн Треванн снова заговорил: — Еще в детстве у нас с тобой было множество невероятных идей, некоторые из них, похоже, начинают реализовываться. Знаешь, в те времена, когда мы учились в университете, студенты ни за что бы не сделали того, что натворили сегодня. Они не пошевелились даже десять лет назад, когда уволили Ванна Эверетта.

— Но ученики Ванна Эверетта вернулись на Один и стронули с места всю нашу Империю. — Поль задумался на секунду. — Интересно, что там получится у Фареса с его эффектом ожидания?

— Думаю, могу приблизительно предположить, что из этого выйдет. Если Фаресу удастся передать через различные среды волны, ведущие себя подобно микропозитам, мы перестанем зависеть от космических кораблей в области связи. Возможно, когда-нибудь мы сможем связаться по видеосети с Балльдром,

Вишну, Атоном или Тором так же просто и быстро, как только что связывались с Дорфли в горах. — Йорн Треванн немножко помолчал. — Не знаю, хорошо это или плохо. Но это нечто новое, вот что важно. И это единственное, что действительно важно.

— Фестиваль цветов, — произнес Поль и, когда Йорн Треванн поинтересовался, о чем идет речь, — пояснил: — Когда принцесса Ольва станет императрицей, она проклянет имя Кленна Фареса. Потому что ей придется проводить фестивали цветов по всей Галактике без конца.

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкистики и другие, роман, перевод А. Хромовой	5
Космический викинг, роман, перевод В. Серебрякова	149
Империя, рассказы	293
Раб остается рабом, перевод Н. Котиковой	295
Министерство беспорядков, перевод А. Думеш	342

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА
ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиришфелде*
Оператор компьютерной верстки *М. Воробьев*
Оформление шмидтитулов: *Д. Затравкин*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 20.10.97. Формат 84×108¹/32.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1538.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170340, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ

Новая опасность угрожает очаровательным пушистикам, обитателям планеты Заратуштра. Защищая своих сообщников, злодей Хьюго Ингерманн пытается лишить пушистиков права на защиту в суде. Но чтобы сломить Ингерманна, нужно научить пушистиков лгать — а говорить неправду они неспособны...

КОСМИЧЕСКИЙ ВИКИНГ

У Лукаса Траска были титул, поместье и любимая женщина. Но когда безумец Дуннан лишил его возлюбленной, Лукас отказался от титула и владений. В его жизни осталась лишь одна цель — месть. И он поклялся добиться ее, даже если для этого ему придется пересечь всю Галактику!

ИМПЕРИЯ

Галактическая Империя охватывает сотни заселенных людьми миров. Но даже вся ее мощь не может разрешить некоторых проблем — будь то избавление от въевшегося в душу рабства или дворцовых интриг...

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОДЪЯЧЕ

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА • ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ